СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО ДонНУ

ISSN 2522-4824

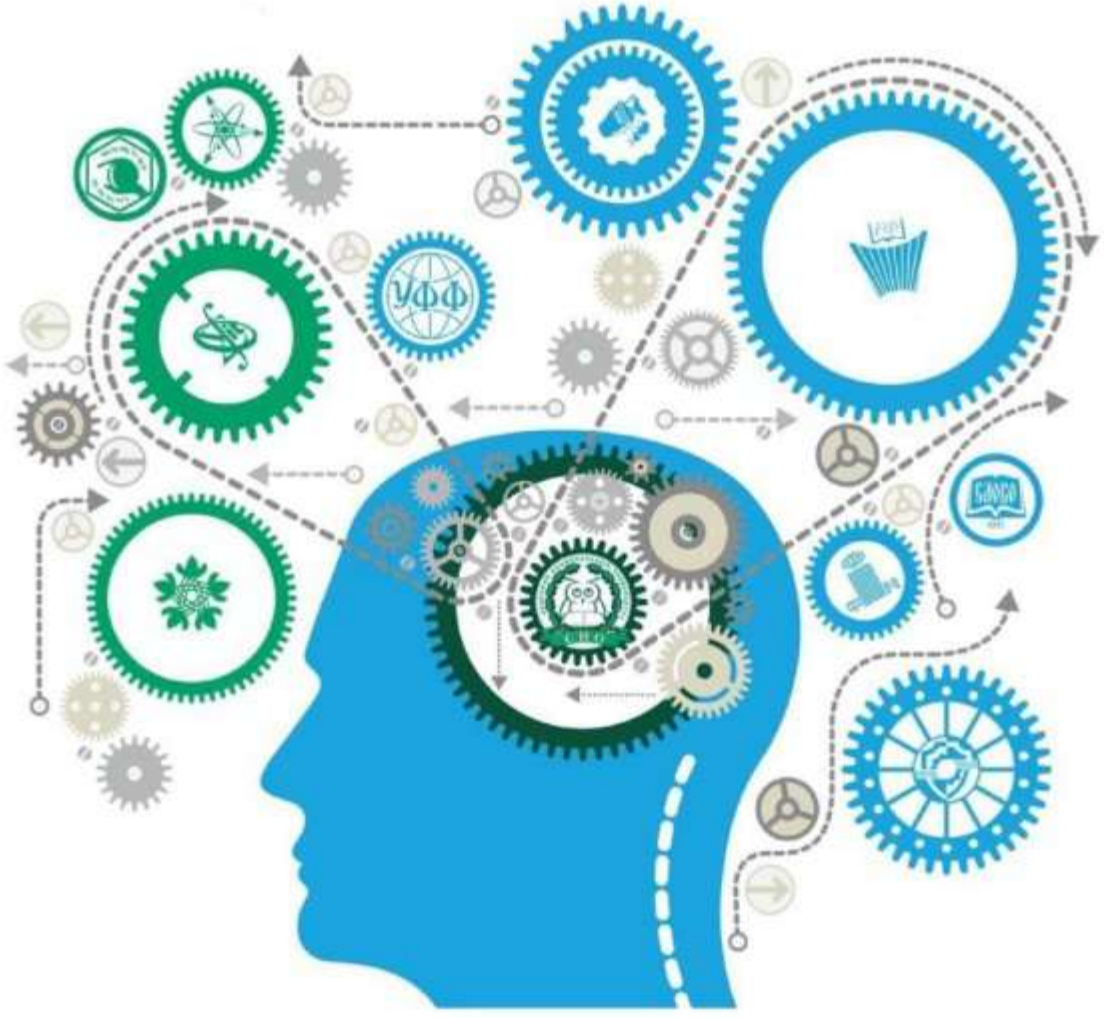
ВЕСТНИК СНО

ВЫПУСК 14

Том 4

Юриспруденция

Часть 2

Донецк 2022

ISSN 2522-4824

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО**

ВЕСТНИК

СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСК 14

ТОМ 4

Юриспруденция

Часть 2

Донецк – 2022

ББК У.я52
УДК 378:33(05)

Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «ДОННУ». **–** Донецк: ДОННУ, 2022. – Вып. 14, том 4: *Юриспруденция, часть 2. – 247 с.*

Редакционная коллегия
Вестника студенческого научного общества
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Главный редактор – *Сторожев В.И.*, д-р техн. наук, профессор, проректор
Зам. главного редактора – *Дегтярев С.В.,* председатель Совета СНО
Ответственный секретарь – ***Самарёва Т.Н.***
Технический редактор – ***Ярошенко А.К.***

Члены редакционной коллегии:
Третьяков И.А., канд. тех. наук, доцент
Ветрова Е.С., докт. филол. наук, профессор
Бурляй А.С., ассистент
Разумный В.Н., к. ист. наук, доцент
Сафонов А.И., канд. биол. наук, доцент
Олейникова А.В., старший преподаватель
Воробьева Ю.С., старший преподаватель
Химченко А.Н., канд. экон. наук, доцент
Щепин Н.Н., канд. физ.-мат. наук, доцент
Щепина Н.Д., канд. хим. наук, доцент

В четырнадцатом выпуске ежегодного сборника (в 4 томах) опубликованы результаты научных исследований студентов ГОУ ВПО «ДОННУ» в области естественных (том 1), социально-гуманитарных (том 2 в 3-х частях), экономических (том 3) и юридических наук (том 4 в 2-х частях). Работы печатаются в авторской редакции, максимально снижено вмешательство в структуру отобранных материалов. *Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей*. Редакционная коллегия не несет ответственность за достоверность информации, представленной в рукописях, и оставляет за собой право не разделять взгляды некоторых авторов на те, или иные вопросы.

Вестник СНО включен в Аналитическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), номер договара № 452-11/2018.

Адрес редакции:
283001, г. Донецк, пр-т Гурова, 14, гл. корпус ГОУ ВПО «ДОННУ», к. 215;
Тел.: (062) 302-92-26;
E-mail: t.samareva@donnu.ru
URL: http://donnu.ru/science/sno

Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «ДОННУ»,
протокол № 3 от 31.03.2022 г.

© ГОУ ВПО «ДОННУ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Малышко Н.А. ЭВТАНАЗИЯ КАК ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СМЕРТЬ 6
Мамедова Э.Ф. КЛАССИФИКАЦИЯ НАКАЗАНИЙ ПО МУСУЛЬМАНСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ 11
Матиенко А.С. ПОНЯТИЕ И СИТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ 16
Махортов С.П. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ 20
Московский В.В. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОТПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ 24
Мошенский Н.А. ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ РАЗУМНЫХ СРОКОВ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 29
Навальнева Н.С. СПЕЦИАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН 33
Навка И.П. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 38
Нестерук В.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ КОРЕННЫХ НАРОДОВ 42
Нещадимова С.А. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВРЕМЕННОЙ ОПЕКИ (ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА) КАК ФОРМЫ ВОСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ 47
Новикова А.А. БИЗНЕС-ОМБУДСМЕНЫ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПО ЗАЩИТЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 52
Одинцов А.Р. ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА 56
Павлова Т.С. ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА 60
Панков А.А. НАРОДНАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА 64
Пивень М.Е. ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 70
Побединская А.О. МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 76
Поздеева В.С. ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКОГО ПРАВА 80
Просандеева Д.И. ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ 84
Пруглов М.В. ПОНЯТИЕ НАСИЛИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 89
Пышьева А.А. ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРАТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ 94
Резник А.А. ВОЗМОЖНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ИНСТИТУТА НЕДОСТОЙНЫХ НАСЛЕДНИКОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИК БОЛГАРИИ И ПОЛЬШИ В ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 99
Родославов В.М. ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК УТРАТЫ СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 103
Руденко В.И. К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВЫМОРОЧНОЕ ИМУЩЕСТВО» И «БЕСХОЗЯЙНАЯ ВЕЩЬ» 108
Рукавишникова Е.К. ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 113

Русанова А.В. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ О СУЩНОСТИ ПРАВА В ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 117
Русинов М.С. СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ 121
Савенков Е.В. ОХРАНА АВТОРСКИХ ПРАВ НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 125
Савкова С.С. ОСНОВАНИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ 129
Самошкин К.С. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕКОМЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 135
Сапегин А.А. СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 138
Селянко Я.Е. ОПРОВЕРЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ГРАЖДАН 143
Сидоренко А.А. РАСПОРЯЖЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 146
Сокур А.С. АНАЛИЗ ДЕЯНИЙ, КВАЛИФИЦИРУЕМЫХ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЭКОЦИД, БИОЦИД, ГЕНОЦИД 151
Солоненко К.М. К ВОПРОСУ О РАССМОТРЕНИИ КАТЕГОРИИ «НЕДВИЖИМАЯ ВЕЩЬ» В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 156
Солоненко К.М. ВИНА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН 162
Сомов Д.А. ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИНЦИПОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 166
Сомов Д.А. ЗАРУБЕЖНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОДАЖУ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ 169
Талпеко А.Д. ЗАЩИТА ПРАВА НА ЖИЗНЬ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА 173
Тимошенко Е.А. КОМПЬЮТЕРНАЯ ФОРЕНЗИКА И ЕЁ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ 178
Тищенко В.С. ИНСТИТУТ СТАЖА В ПРАВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ 182
Филин М.В. ИСКУССТВЕННОЕ ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ: ПРАВО ИЛИ ПРАВОНАРУШЕНИЕ 188
Филиппова А.Е. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСТАВЛЕНИЯ В ОПАСНОСТИ 192
Филипченкова И.А. ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПРЕЮДИЦИАЛЬНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 197
Халматова И.Д. ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА 201
Холоша А.Д. ЭВТАНАЗИЯ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 205
Чаус К.А. ЛИЧНОЕ СТРАХОВАНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 211
Чернилевский Б.С. ПОНЯТИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 217
Шарофост Н.А. ПРОБЛЕМЫ БАНКРОТСТВА ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 220

Шастова Д.М. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 224
Шкребтиенко В.А. К ВОПРОСУ О РАЗУМНЫХ ПРЕДЕЛАХ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 228
Шпакова К.С. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ 233
Юшин А.Р. ПРОБЛЕМЫ НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СЛЕДОВАТЕЛЕМ НА ЭТАПЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ОБ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ 238
Якубенко Б.А. ПОЗИТИВИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА ДЖОНА ОСТИНА 241

УДК 342.72/.73

ЭВТАНАЗИЯ КАК ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СМЕРТЬ

Малышко Н.А.
Научный руководитель: Матвиенко Е.А. к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается эвтаназия как право человека на смерть. Были применены такие методы исследования как логический метод, метод сравнительного правоведения, анализ статистических данных, контент-анализ. Проведён теоретический обзор проблемы эвтаназии в современном мире. Было предложено закрепить на законодательном уровне эвтаназию как право человека на смерть, а также была предложена модель проведения процедуры эвтаназии с точки зрения права.
Ключевые слова: эвтаназия, право на жизнь, убийство.

В настоящее время эвтаназия стала актуальной проблемой, так как медицина достигла больших успехов в области реаниматологии и трансплантологии, освоила новые методики жизнеобеспечения, дающие возможность продолжительное время бороться за жизнь пациента, однако иногда медицина бывает бессильна, и пациент ждёт своего конца, испытывая при этом мучительную физическую боль. Может ли в таком случае неизлечимо больной человек просить о применении к нему процедуры эвтаназии, чтобы избавить себя от нестерпимых мук и страданий? Также вопрос об эвтаназии затрагивает такие проблемы как вред для родных и близких умирающего человека, распределение ресурсов медицинских учреждений, злоупотребление эвтаназией в корыстных целях. Поэтому цель данной статьи провести теоретический обзор проблемы эвтаназии в современных реалиях.

Под эвтаназией понимается намеренное прерывание или сокращение медицинским работником жизни неизлечимо больного пациента по его настоятельной, явно выраженной просьбе, а также по просьбе его близких родственников, если сам пациент не в состоянии явно выразить свою волю [1]. Исходя из данного определения, можно выделить следующие признаки эвтаназии: 1) больной человек должен испытывать непрекращающиеся, невыносимые страдания, которые вызваны неизлечимой (по медицинским показателям) болезнью; 2) прервать жизнь или ускорить смерть может только медицинский работник; 3) пациент должен явно и настойчиво выразить свое желание уйти из жизни, если же больной не в состоянии явно выразить свою волю, то просьба должна исходить от его ближайших родственников.

При изучении проблемы эвтаназии важную роль играет её классификация. Рассматривая эвтаназию с точки зрения волеизъявления неизлечимо больного человека, то она может быть добровольной и принудительной. Добровольная эвтаназия основана на свободном желании дееспособного и вменяемого пациента, то есть неизлечимо больной человек сам хочет, чтобы медицинский работник прервал его жизнь и тем самым прекратил его муки и страдания. Следовательно, обязательным признаком добровольной эвтаназии является осознание лицом последствий осуществляемого на основании его просьбы деяния. Принудительная эвтаназия имеет место в нескольких случаях: 1) в случае воздействия на волю пациента со стороны медицинского работника, родных и близких неизлечимо больного человека или третьих лиц (например, путем уговоров, угрозы, шантажа, воздействия на родственные чувства и тому подобное); 2) о принудительной эвтаназии можно также говорить, когда медицинский работник руководствуется только просьбой близких или доверенных лиц пациента (например, в тех случаях, когда пациент находится без сознания ввиду крайне тяжелого состояния либо не способен выразить свою волю устно, письменно, с помощью знаков).

Если рассматривать эвтаназию в зависимости от поведения медицинского работника, то она может быть активной и пассивной. Активная эвтаназия предполагает собой умышленное причинение неизлечимо больному человеку по его просьбе быстрой и легкой смерти с целью избавления его от мучительных физических страданий, осуществленное по мотиву сострадания (например, врач вводит неизлечимо больному человеку сверхдозу обезболивающего препарата, в результате чего наступает желанная смерть). Выделим основные черты активной эвтаназии: 1) действие совершается умышленно; 2) пациент должен быть неизлечимо больным человеком; 3) перед процедурой эвтаназии должны быть испробованы все возможные методы и средства лечения; 4) больной должен постоянно испытывать мучительную физическую боль и при этом должны отсутствовать какие-либо эффективные меры, способные облегчить страдания пациента; 5) наличие добровольной и явно выраженной просьбы неизлечимо больного человека. Под пассивной эвтаназией понимается отказ от начатого жизнеподдерживающего лечения по просьбе неизлечимо больного пациента для умышленного и скорого причинения смерти путём воздержания от выполнения действий, которые направлены на поддержание жизни, с целью избавления его от мучительных физических страданий, осуществленное по мотиву сострадания (например, отключение жизнеобеспечивающей аппаратуры, прекращение питания, влекущее голодную смерть пациента). Можно выделить следующие черты пассивной эвтаназии: 1) осуществляется путём бездействия; 2) пациент должен быть неизлечимо больным человеком; 3) перед процедурой эвтаназии должны быть испробованы все возможные методы и средства лечения; 4) без специальной медицинской аппаратуры пациент не может нормально жить; 5) больной должен постоянно испытывать мучительную физическую боль и при этом должны отсутствовать какие-либо эффективные меры, способные облегчить страдания пациента; 6) наличие добровольной и явно выраженной просьбы неизлечимо больного человека, если же больной не в состоянии явно выразить свою волю, то просьба должна исходить от его ближайших родственников.

Необходимо отметить, что с позиции уголовного права РФ и ДНР нет существенных различий между активной и пассивной эвтаназией. Само понятие общественно опасного деяния включает как действие, так и бездействие, поэтому не существует с точки зрения общественной опасности разницы между убийством, которое совершено путём действия, и убийством, совершенным путём бездействия, а также нет разницы между тем, кто осуществил эвтаназию путём активных действий или путём воздержания от их выполнения. Умышленное действие, как и умышленное бездействие направлены на прерывание или сокращение жизни неизлечимо больного человека по его просьбе, осуществляются по мотиву сострадания к нему, характеризуются одинаковой степенью общественной опасности при достижении своего результата.

Мнение населения Российской Федерации к проблеме эвтаназии в последнее время изменилось. Если в апреле 2002 года только 38,7% россиян говорили, что эвтаназию можно оправдать (исходя из данных центра РОМИР), то в феврале 2019 года социологический опрос ВЦИОМ показал, что 49% россиян вообще не знали значения слова «эвтаназия», но тем не менее за разрешение эвтаназии неизлечимо больным пациентам, которые испытывают сильные страдания, выступило более половины опрошенных. Выше уже указывалось, что одним из обязательных признаков эвтаназии является то, что это деяние совершается медицинским работником, поэтому необходимо обратиться к исследованию компании «Медицинские информационные решения», которое было проведено в марте 2020 года с целью узнать, как российские врачи относятся к эвтаназии. С помощью сервиса поддержки принятия врачебных решений «Справочник врача» было опрошено 4772 специалиста с высшим

медицинским образованием со всей России. 42% участников выбрали следующее определение эвтаназии: «Эвтаназия как право человека на смерть без мучений». Результаты показали, что большинство врачей (58%) являются сторонниками эвтаназии. Дальше проводился опрос среди медицинских работников, являющиеся сторонниками эвтаназии. 53% опрошенных приводили в качестве основного аргумента введения эвтаназии то, что поддержание жизни на стадии умирания или в вегетативном состоянии обходится очень дорого, эти средства можно использовать более рационально. 67% сторонников эвтаназии среди медицинских работников считали приемлемыми как активную, так и пассивную эвтаназию в зависимости от клинической ситуации [2].

Следует обратить внимание на то, что деяние нельзя признать эвтаназией в том случае, если врачи стараются уменьшить боль и облегчить страдания пациента, находящегося на последней стадии тяжелой неизлечимой болезни, назначая ему препараты, которые лишь косвенным образом могут ускорить физиологический процесс умирания. В такой ситуации у медицинских работников нет никакого умысла на причинение смерти пациенту, так как они пытаются уменьшить его боль и страдания с помощью медикаментов, которые в качестве побочного эффекта способны ускорить приближение смерти. Также эвтаназией не будет считаться прекращение реанимации, когда состояние церебральной смерти является необратимым (то есть всякое лечение не дает уже никакого результата, не уменьшает мучительную физическую боль, не дает никакого шанса на выздоровление, а только продолжает приносить невыносимые страдания родным и близким пациента, а также несоразмерные расходы государству), когда аппарат поддерживает лишь внешнюю видимость жизни, которая выражается дыханием и сердцебиением, в то время как в действительности человек мёртв, не чувствует боли, потому что его мозг уже умер. Однако если имеется хоть какой-либо реальный шанс у пациента выйти из такого коматозного состояния, то необходимо использовать все возможные методы и средства для того, чтобы поддержать жизнь больного, потому что спасение человеческой жизни является врачебным долгом.

Проблема эвтаназии тесно связана с правом на жизнь, которое является одним из самых значимых и неотъемлемых прав человека. Жизнь является наиболее важным из всех социальных и правовых благ личности, потому что все остальные права, свободы и обязанности теряют смысл в случае смерти человека. Право на жизнь провозглашается почти во всех конституциях стран мира, в том числе в Конституции РФ и Конституции ДНР, а также находит своё выражение во многих международных документах. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. в ст.3 закрепляет положение о том, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность». В ст.6 Международного пакта о гражданских и политических правах сказано: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни». Связь права на жизнь и запрета произвольного её лишения подчеркивается также в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Однако существует точка зрения, что, имея право на жизнь, человек имеет право и на смерть, поэтому он может самостоятельно выбирать как ему уйти из жизни. В Донецкой Народной Республике и Российской Федерации эвтаназия запрещена на законодательном уровне. В соответствии со ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в России «медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента» [3]. При этом ч.1 ст. 71 данного Федерального закона фиксирует положения клятвы Гиппократа, указывает на необходимость проявления высочайшего почтения к

человеческой жизни и обязывает ни при каких условиях не использовать эвтаназию. В ст. 14 Этического кодекса российского врача указывается: «Эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента по его просьбе или по просьбе его близких недопустима, в том числе и в форме пассивной эвтаназии. Под пассивной эвтаназией понимается прекращение лечебных действий у постели умирающего больного. Врач обязан облегчить страдания умирающего всеми доступными и легальными способами» [4]. Согласно ч.1 ст.36 Закона ДНР «О здравоохранении» медицинскому персоналу запрещается осуществление эвтаназии, то есть удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизнедеятельности организма. Следует обратить особое внимание на ч.2 ст.36 Закона ДНР «О здравоохранении», которая гласит: «Лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет ответственность в соответствии с уголовным законодательством Донецкой Народной Республики» [5]. Следовательно, в РФ и ДНР осуществление эвтаназии в любой форме признаётся убийством и квалифицируется по ч.1 ст. 105 УК РФ (ч.1 ст. 106 УК ДНР).

Если рассматривать международный опыт, то отношение к эвтаназии неоднозначно. В 2002 году Европейским судом по правам человека было рассмотрено дело «Претти против Соединенного королевства». Заявительница страдала боковым амиотрофическим склерозом (заболеванием двигательных нейронов, связанное с крайним ослаблением рук и ног, а также мышц дыхательной системы, что в конце концов приводит к смерти) и не хотела умирать естественной мучительной смертью от заболевания, поэтому просила дать обязательство не подвергать ее мужа судебному преследованию в случае, если он поможет ей уйти из жизни. В ЕСПЧ заявительница утверждала, что испытываемые ею страдания в связи с прогрессированием болезни и ухудшением её самочувствия, являются с точки зрения ст. 3 Конвенции унижающими достоинство. ЕСПЧ указал не невозможность проведения эвтаназии и самоубийства руками иного лица [6]. В другом деле, «Ламберт и другие против Франции» ЕСПЧ принял противоположное решение. По отношению к Винсенту Ламберту, который в результате аварии был парализован, находился в вегетативном состоянии и питался искусственно с помощью зонда, была применена эвтаназия, так как шансов на выздоровление уже не было. Согласие на применение эвтаназии дала жена Ламберта, восемь братьев и сестёр, однако его родители были против. В данном случае международный судебный орган указал, что разрешение эвтаназии Ламберта не является нарушением ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека, в которой идет речь о праве на жизнь [7]. Следует сказать, что международные организации и высшие судебные инстанции, формируя свою позицию относительно законности или незаконности применения процедуры эвтаназии, должны учитывать не только положения существующих международных актов, которые защищают право на жизнь, но и особенности государств (историю и менталитет) в каждом конкретном случае.

На сегодняшний день эвтаназия легализована в Нидерландах, Бельгии, Швейцарии, Люксембурге, Колумбии, Канаде, Испании, Новой Зеландии и в некоторых штатах США. Есть страны, нейтрально относящиеся к эвтаназии, которые прямо не разрешают и не запрещают её проведение. К ним относятся ФРГ, Франция, Швеция, Финляндия, Албания и Израиль – в этих странах разрешена пассивная эвтаназия путём прекращения бесполезного поддержания жизни. В Российской Федерации и Донецкой Народной Республике эвтаназия запрещена, а её применение приравнивается к убийству. Однако, в действительности случаи эвтаназии в России есть, но официально в этом никто не признается, потому что это уголовно наказуемое деяние. Поэтому, на наш взгляд, необходимо уделить особое внимание проблеме эвтаназии и сформулировать основные предложения по разрешению данного вопроса. Одним из

таких предложений может быть законодательное закрепление права человека на смерть. При этом процесс легализации в каждом государстве должен зависеть именно от специфики его законодательства, правовой грамотности населения с учетом фактического поведения индивидов, а также от уровня оказания медицинских услуг и профессионализма врачей.

Возможно, одной из причин запрета эвтаназии в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике является опасение злоупотребления правом на эвтаназию, которое затрагивает в основном случаи недобровольного использования права на смерть, когда больной человек не может чётко и ясно выразить свою волю и в качестве его представителей выступают родственники, которые хотят побыстрее получить наследство или больной родственник является для них обузой и у них нет желания заботиться о нём. Также есть вероятность того, что эвтаназией будет оправдываться халатность врачей. Однако, если тщательно продумать и разработать правовую процедуру осуществления эвтаназии, то можно значительно снизить возможность злоупотребления эвтаназией. Например, суд мог бы рассматривать все заявления от неизлечимо больных людей о применении к ним процедуры эвтаназии. На основании согласия лица о добровольном уходе из жизни, а также заключения консилиума врачей о том, что человек действительно страдает от неизлечимого заболевания, у него нет ни единого шанса на выздоровление и нет иных способов и средств улучшить состояние больного, суд выносил бы решение об удовлетворении или отклонении просьбы больного человека. Также на законодательном уровне можно предусмотреть уголовную ответственность за проведение процедуры эвтаназии в случаях принудительной эвтаназии, когда человека уговаривают пойти на осознанное самоубийство, чтобы получить из этого какие-либо выгоды (например, избавление от бремени заботы, отсутствие желания или возможностей оплачивать уход и лечение, получение наследства и тому подобное).

Таким образом, мы считаем, что у человека должно быть право на отказ от жизни в случае неизлечимого заболевания, которое приносит невыносимые страдания для больного и при этом нет никаких методик, которые могли бы улучшить состояние пациента или хотя бы уменьшить испытываемые им боль и мучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. 500 с.
2. Исследование: почти 60% российских врачей поддерживают право пациента на эвтаназию // [Электронный ресурс]. URL: https://takiedela.ru/news/2020/03/24/yevtanaziya-v-rossii/ (дата обращения: 31.01.2022).
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.
4. Этический кодекс российского врача (утв. 4-ой Конференцией Ассоциации врачей России, ноябрь 1994) // [Электронный ресурс]. URL: http://crimeapolikl3.ru/images/doc/Этич._кодекс_российского_врача.pdf (дата обращения: 01.02.2022).
5. О здравоохранении: Закон ДНР № 42-IНС от 24.04.2015 (ред. по сост. на 17.08.2021) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. URL: https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zdravohranenii/ (дата обращения: 01.02.2022).
6. Дело «Претти против Соединенного Королевства» [Pretty – United Kingdom] [Электронный ресурс]: (жалоба № 2346/02): Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 апреля 2002 г. (IV Секция). URL: Система ГАРАНТ: http://base.garant.ru/ (дата обращения: 01.02.2022).
7. Дело «Ламберт и другие против Франции» [Lambert and others v. France] [Электронный ресурс]: (жалоба № 46043/14): Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 июня 2015 г. (Большая палата). URL: http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-155352 (дата обращения: 01.02.2022).

EUTHANASIA AS A HUMAN RIGHT TO DEATH

Annotation. In this work euthanasia as the human right to death is considered. Such methods of research as logic method, method of comparative law, analysis of statistical data, content-analysis were applied. A

theoretical review of the problem of euthanasia in the modern world was carried out. It was proposed to legislate euthanasia as a human right to death, and the model of euthanasia procedure in terms of law was proposed.
Keywords: euthanasia, right to life, murder.

Malyshko N.
Scientific adviser: Matvienko E.A. PhD in law, associate professor
Donetsk National University
E-mail: natahamal2003@gmail.com

УДК 343.2

КЛАССИФИКАЦИЯ НАКАЗАНИЙ ПО МУСУЛЬМАНСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Мамедова Э.Ф.
Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные для мусульманского права преступления категории «кисас», «тазир», «худуд». Проанализированы специфические черты норм мусульманского права относительно категории наказания, поскольку нормы, регулирующие данный вопрос, существенно отличаются от положений европейских правовых семей. При назначении наказаний категории «худуд», «кисас» или «дийа» личность преступника полностью игнорируется, а при назначении наказания «тазир» личность преступника находится в центре внимания. Этим объясняется его своеобразность и уникальность в системе наказаний, поскольку к числу важнейших критериев назначения наказания относится учет судом данных о личности виновного.
Ключевые слова: «кисас», «тазир», «худуд»,дия, «иджтихад», «каффара».

Традиционно в мусульманском уголовном праве было принято деление преступлений на три основные группы: «худуд», «кисас» и «тазир» за совершение которых предписывались различные по степени наказания. Данная классификация была разработана еще в средние века мусульманскими правоведами на основе Корана, Сунны и сохранила свою актуальность до наших дней. Так, современное уголовное право мусульманских государств сохраняет приверженность к традиционным классическим принципам и нормам шариата. В этих условиях рассмотрение теоретических основ мусульманского уголовного права, содержанием которого являются институты преступления и наказания, а также его влияние на современное правовое и политическое развитие указанных стран становится особенно актуальным. Цель данного исследования заключается в раскрытии особенностей и специфики относительно каждой категории наказаний мусульманского права.

«Кисас» – арабский термин, означающий «законное возмездие», и принцип «око за око». Именно здесь виновный в преступлении наказывается тем же ущербом, который он причинил жертве. Если преступник убил жертву, то он убит. К данной категории относятся такие преступления, как убийство и телесное повреждение неизлечимого характера. «Кисас» в исламе является наказанием за преступления, которые направлены против частного лица и имеет частный характер. Этот вид преступления считается тяжелым грехом и решительно осуждается Кораном, в котором прописано: «О вы, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный – за свободного, раб – за раба, женщина – за женщину» [1, с.19]. Иными словами, основным видом наказания за умышленное убийство предусмотрена смертная казнь. Однако, мусульманское право допускало возможность и иную меру наказания за данное преступление. Сунна гласит, что наследник или законный представитель

убитого лица должен выбрать один из трех вариантов: искать киса, помиловать убийцу в обмен на дию или помиловать его и отказаться от этого, что считается лучшим решением. Данный выбор представляется наследникам убитого, и виновный может быть наказан только по их ясно выраженному желанию. В случае прощения виновного смертный приговор не может быть вынесен и заменяется выкупом за кровь – дия. Выкуп за кровь при убийстве свободного мусульманина устанавливается в виде кровного выкупа в размере 100 верблюдов или их денежного эквивалента. За женщину полагается выплатить вдвое меньшую сумму. Однако, дия предусмотрена и при определении наказания за неумышленные убийство. Из Корана следует: «А если кто-либо убьёт верующего по ошибке, то ему принадлежит…вручить наследникам убитого выкуп за кровь» [1, с. 20]. Вместе с тем, виновный помимо уплаты кровного выкупа должен нести и религиозное искупление «каффара», то есть совершить «доброе дело», которое позволит ему искупить вину перед Аллахом.

По теории мусульманского права телесные повреждения должны наказываться по талиону в соответствии со следующим предписанием Корана: «И предписали Мы им в ней, что душа – за душу, и око за око, и нос – за нос и ухо – за ухо, и зуб – за зуб и раны – отомщение». В случае нанесения телесных повреждений пострадавший также имеет право заменить наказания для преступника по принципу талиона уплатой соответствующего выкупа за кровь или прощением, как прописано в Коране: «Воздаяние за зло – равноценное зло. Но тот, кто простит и уладит дело миром, будет вознагражден Аллахом» [1, с.78]. Из этого стиха видно, наказание «кисас» относится не только к убийству, но и к нанесению увечий. Согласно Корану, все эти преступления отвратительны, но что касается убийства, то в Коране содержится предписание, что убийство человека похоже на убийство всего человечества. Человеку, совершившему такое тяжкое преступление, особенно против мусульманина, грозит вечное наказание в Аду: «И тот, кто намеренно убил верующего, его награда-Ад» [1, с.80]. Он пребудет там вечно, и гнев и проклятие Божье падут на него.

Данный вид наказания была предусмотрена Уголовным кодексом Республики Йемен, определяющий «кисас» как причинение виновному в совершении умышленного преступления того же вреда, что он причинил потерпевшему. Согласно ст. 50 УК РЙ право на «кисас» принадлежит потерпевшему, а в случае смерти потерпевшего – его родственникам. «Кисас» применяется при причинении потерпевшему одного из следующих телесных повреждений: утрата глаз, отсечение носа, отсечение уха, частичное или полное отсечение губ, удаление зуба, отсечение языка, отсечение руки от любого сустава, отсечение ноги от любого сустава, отсечение любого пальца. В случае совершения убийства или причинения телесных повреждений одному потерпевшему в соучастии, «кисас» применяется в отношении каждого соучастника [2, с.15].

Таким образом, следует отметить, что особенностью данной категории наказания является его прямая зависимость от усмотрения потерпевшей стороны – самого потерпевшего или наследников погибшего. Таким образом, ни суд, ни государственная власть не вправе смягчить, ужесточить или отсрочить наказание. Центральная роль принадлежит потерпевшему или его родственникам, поскольку только они имеют возможность решить судьбу виновного лица. Фактически принцип «кисас» в некоторых случаях позволяет сохранить преступнику даже жизнь. Следовательно, несмотря на кажущуюся жестокость санкции, предусмотренной за преступления категории «кисас», важную роль играет мнение потерпевшего.

Большинство других правонарушений в исламском праве называются преступлениями «тазир», и их наказание остается на усмотрение судьи, чьи возможности часто ограничены традиционными формами, диктуемые местными обычаями и нравами. Наложение штрафов является традиционным наказанием, которое стало более распространенным в некоторых областях. Так, «тазир» применяется в качестве меры

ответственности за несколько разновидностей нарушений. Прежде всего он является наказанием за отход от норм фикха, не относящихся к преступлениям категорий «худуд» и «кисас». В качестве примера мусульманские юристы называют шпионаж, призыв к противоречащим шариату новшествам, неподчинение жены законным требованиям мужа, обмеривание и обвешивание, мошенничество, неуплату налога закята, азартные игры, фальшивомонетничество, игру на музыкальных инструментах, оскорбление, лжесвидетельство, посягательство на жизнь животных, нарушение неприкосновенности жилища, взяточничество, укрывательство преступников, нарушение правил торговли, подделку документов [3, с.94]. По словам сэра Рахима: «Целями «тазира» являются исправление преступника и предотвращение повторения преступления. Оно налагается в отношении тех преступлений, которые против человеческой жизни и тела, собственности, общественного спокойствия и спокойствия, порядочности, морали, религии, лжесвидетельства, подделки документов азартных игр и неуважения к суду в настоящее время основаны на принципе Тазира» [1, с.45].

Следует также отметить, что наказание данного вида может применяться в качестве дополнительной санкции за преступления категории «кисас», например, в случае согласия родственников убитого заменить смертную казнь на предоставление выкупа за кровь. Характер санкций «тазир» относятся к «иджтихадам», то есть решениям вопросов, не урегулированных Кораном или сунной. Мусульманские правоведы подчеркивают, что принципиальная важность такого наказания основывается на отдельных положениях Корана, многих преданиях и потверждается единогласным мнением муджтахидов. Доктрина же определяла самые разнообразные варианты ответственности «тазир» : телесное наказание, лишение или ограничение свободы, высылку, штраф, конфискацию имущества, его временное изъятие или уничтожение (например, сжигание лавок виноторговцев), предупреждение и увещевание, позорящие наказания в виде чернения лица, бритья головы или публичного оповещения о совершенном проступке, бойкот и даже смертную казнь, в частности, за шпионаж или злостное уклонение от уплаты закята. [4, с.540].

Исходя из вышеизложенного можно прийти к выводу, что наказания категории «тазир» отличаются от наказаний двух категорий следующим:

а) за совершение преступлений данной категории могут назначаться разные виды наказаний;

б) при назначении наказаний категории «худдуд», «кисас» или «дийа» личность преступника полностью игнорируется, а при назначении наказания тазир личность преступника находится в центре внимания;

в) осужденного к наказанию категории «худдуд» и «кисас» государство помиловать не может, но оно может помиловать осужденного к наказанию категории «тазир».

Далее в группу «худуд», согласно традиционным представлениям исламских юристов, включались преступления, которые восходили в соответствии с исламской доктриной к предписаниям пророка. Современные исследователи понимают под «хадд» ответственность за деяния, которые, во-первых, посягают на «права Аллаха» или на интересы всей общины и, во-вторых, влекут наказания, либо однозначно определенные Кораном или Сунной, либо нормативно точно установленные правоприменительной практикой «праведных» халифов.

Современное мусульманское уголовное право по преступлениям категории «худуд», а также «кисас» в большей части опирается на шариат, хотя и имеются и отхождения от традиционного применения норм шариата. В ряде стран законодатель не относит вероотступничество и бунт к преступлениям категории «худуд». Вопреки позиции традиционного исламского правоведения, ливийское законодательство, например, допускает замену наказания или даже освобождение от ответственности по решению главы государства за совершение преступлений «худуд». Кроме того, оно

предусматривает отсечение руки за кражу публичного имущества. В современности членовредительские виды наказаний исполняются в виде хирургической ампутации, а не в виде отсечения мечом. [5, с. 170-171].

Вид, размер, порядок исполнения наказания «худуд» определяется в соответствии с исламским религиозным законом. Так, в частности, применение смертной казни за прелюбодеяние и мужеложство, распятия на кресте, отсечения правой руки и левой ноги, отсечения половины левой ноги за вторую кражу, а бичевания – за употребление алкоголя. Они назначаются за ограниченное шариатом число преступлений против прав Аллаха, оскорбление пророка, коррупцию, кражу, прелюбодеяние, гомосексуальные и лесбиянские половые сношения, ложное обвинение в сексуальном насилии, употребление алкоголя, бунты и вероотступничество. [6, с.9].

Далее разбирательство должно быть перенесено в сферу наказания «тазир» – дискреционных правовых норм. Согласно «тазиру», другие доказательственные правовые стандарты и наказания могут быть согласованы и применены сообществом путем «шур», то есть взаимных консультаций для достижения коллективного соглашения. В современных обществах, где подавляющее большинство преступлений по самой своей природе не может быть рассмотрено исключительно на основе свидетельств очевидцев, поэтому нет твердой основы для «худуда». Во всех смыслах и целях практически невозможно соответствовать базовым стандартам безупречного надежного свидетеля, установленным в Коране. В то время как такие страны, как Саудовская Аравия и Иран, например, регулярно применяют свои собственные варианты наказаний «худуда», несмотря на то, что они не соответствуют даже строгим стандартам доказывания свидетелей, установленным Кораном, поскольку это незаконно с ортодоксальной исламской правовой точки зрения. [7, с. 28–30].

Необходимо принимать во внимание, что мусульманско-правовая теория разработала строгие нормативные требования к объективной и субъективной сторонам кражи, которая только при определенных обстоятельствах может считаться преступлением категории «худуд». Так, сторонники большинства толкований полагают, что подобную суровую ответственность может нести только свободное лицо, достигшее совершеннолетия и находящееся в полном рассудке.

Важно отметить, что кражей категории «худуд» считается умышленное и тайное изъятие и присвоение чужого имущества. Кроме того, по мнению большинства правоведов, не должно быть «шубха», то есть сомнений относительно места нахождения похищенного имущества и права собственности на него в момент кражи. Это, прежде всего, означает, что для определения такой меры наказания, как отсечение руки вору, имущество должно быть тайно похищено с места его постоянного хранения, куда преступник не имеет свободного доступа. Аналогично решается вопрос об ответственности за похищение имущества из помещения, в которое вор мог беспрепятственно входить. Согласно одной из точек зрения, кража, совершенная в общественном месте, например, в торговой лавке или транспорте, а также похищение домашних животных с открытого пастбища или плодов из неохраняемого сада, не считается преступлением категории «худуд». [8, с. 102].

Из этого следует, что для наказания кражи отсечением руки вещь должна находиться в частной собственности другого лица и быть изъята у самого собственника, или у законного владельца без права долевой и общей собственности на него. Следовательно, не считается преступлением категории «худуд» присвоение общей добычи или собственности, одолженной суммы денег или взятой взаймы вещи. Следует отметить, что данное положение особо распространяется и на похищение государственного имущества, либо присвоение средств государственной казны, поскольку считается, что государственная собственность принадлежит всей общине, а значит, в какой-то степени самому преступнику.

Таким образом, исходя из анализа данного вида категории преступления, следует, что «худуд» определен Кораном и сунной, и применяется за совершение преступлений, посягающих на права и волю Аллаха и, тем самым, представляющие наибольшую общественную опасность и суровое наказание, санкции которого закрепляется непосредственно в одном из аятов Корана: «Действительно, воздаяние тех, которые воюют с Аллахом и Его посланником стараются на земле вызвать нечестие, в том, что они будут убиты, или распяты, или будут отсечены у них руки и ноги накрест, или будут они изгнаны из земли. Это для них – позор в ближайшей жизни, а в последней для них – великое наказание».

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что мусульманское уголовное право, являясь одной из четырех основных уголовно-правовых систем современности, уникально в силу своего религиозного характера. Как следует из проведенного анализа, в уголовном праве преобладает шариатский подход к классификации наказаний с присущей ему религиозной «окраской» при установлении степени определенности наказания и характера нарушенных общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коран (в переводе И.Ю. Крачковского) / [электронный ресурс]: http://www.falaq.ru/quran/krac/
2. Салех Мехти А.С. Институ наказания в уголовном праве Йеменской Республики / С.А. Салех Мехти // Право.- 2012.- С.14-18.
3. Тер-Акопов А. Мировые религии о преступлении и наказании / А. Тер- Акопов // Мировые религии о преступлении и наказании.-2019.- 94 с.
4. Сюкийвянен Л.Р. Мусульманское уголовное право теоретические основы и современная практика / Л. Р. Сюкийвянен Л.Р. // Современное уголовное право и криминология. – 2007.- С.80-103.
5. Лафитский, В.И. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы / Лафитский В. И.// Правовые системы Азии. – Т. 3. – М.: ИЗиСП; КОНТРАКТ, 2013. – 303 с.
6. Раджабова Э.Ш. Классификация наказаний по мусульманскому уголовному праву / Э.Ш. Раджабова // Право.- 2015.- С 93-96.
7. Петровский А.В. Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств / А.В. Петровский // монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т,- 2013.- 91 с.
8. Манна Аммар А.К. Понятие преступления и классификация уголовно-наказуемых деяний по мусульманскому уголовному праву / А.К. Манна Аммар // Право.- 2004.- С.107-115.

CLASSIFICATION OF PUNISHMENTS IN MUSLIM CRIMINAL LAW

Annotation. The article deals with the traditional Islamic law crimes of the categories «qisas», «tazir», «huddud». The specific features of the norms of Muslim law regarding the category of punishment are analyzed, since the norms governing this issue differ significantly from the provisions of European legal families. When imposing punishments of the category huddud, qisas or diya, the personality of the offender is completely ignored, and when imposing the punishment of tazir, the personality of the offender is in the center of attention. This explains its originality and uniqueness in the system of punishments, since one of the most important criteria for sentencing is the consideration by the court of data on the identity of the perpetrator.
Keywords: qisas, tazir, huddud, diya, ijtihad, kaffara

Mamedova E.
Scientific adviser: Karpenko L.K., candidate of juridical sciences, associate professor
Donetsk National Universitety
E-mail: karpenko@donnu.ru

УДК 343.3/.7

ПОНЯТИЕ И СИТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Матиенко А.С.
Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. На сегодняшний день компьютерные технологии отличаются высокой динамичностью в развитии и внедрении новых механизмов привлечения потенциальных потребителей. В статье рассмотрено понятие преступлений в сфере компьютерной информации, проведен анализ и установлено соотношение понятия со схожими ему терминами: «компьютерные преступления», «киберпреступления», «интернет-преступления». На основании законодательства Донецкой Народной Республики, Российской Федерации и других зарубежных стран проведено сравнение норм, регламентирующих преступления в сфере компьютерной информации, сделан вывод о значимости изучения данного вида преступлений и предложены конкретные нормы для расширения уголовного законодательства.
Ключевые слова: преступление, компьютерное преступление, ЭВМ, киберпреступление, интернет-преступление.

Для полного и всестороннего изучения темы преступлений в сфере компьютерной информации необходимо проанализировать и дать объективную оценку накопившемуся теоретическому материалу касательно понятия, сущности и системы «компьютерных преступлений». Следовательно, результативность практической части будет напрямую зависеть от разработанности теории уголовного права. Отметим, что традиционно в юридической науке при рассмотрении группы преступлений используются уголовно-правовая, криминалистическая, криминологическая и иные характеристики, концентрирующие внимание исследователя на определенных сторонах одного и того же явления.

Актуальность данного исследования обусловлено стремительным развитием информационной сферы. К сожалению, современное правовое регулирование в этой области отстает от реальных потребностей государства, граждан и организаций, оставляя в правовом вакууме целый ряд вопросов. Законодатель не успевает своевременно вносить изменения, в то время как преступность эволюционирует и не стоит на месте. Отметим, что данной проблемой интересуются и дают свои комментарии комитеты и управления ООН. В связи с распространением COVID-19 людям пришлось прибегнуть к онлайн услугам, следовательно, компьютерная связь в разы увеличила количество пользователей и тех, кто норовит воспользоваться сложным и безвыходным положением. Так, компьютерная сеть превратилась в новый эффективный инструмент бизнеса и новый мощный канал распространения преступных деяний.

На протяжении последнего десятилетия преступления в сфере компьютерной информации стали предметов научных дискуссий и исследований. Непосредственно термин «компьютерная» («электронная») впервые прозвучал в зарубежных СМИ связи с выявлением первых правонарушений, совершенных с использованием возможностей ЭВМ. Однако в то время данный термин не имел никакого обоснования, тем более криминологического. Начался период так называемого «компьютерно-телефонного фанатизма», который выражался в недобросовестном использовании компьютеров и телефонов для заказа различных товаров и услуг через информационные сети различных торговых фирм без оплаты [1, с. 79].

Информационно-коммуникационные технологии выступают в качестве одного из факторов, способствующих появлению глобализации, ее составляющей и результата. Кроме того, глобальность присуща многим информационным системам, среди которых

и сеть «Интернет». Широчайшее распространение информационных технологий последние десятилетия, по сути, положило начало новой эры – эры информации.

Как следствие распространения компьютерной техники, стало изучаться и активно применяться понятие «компьютерные преступления» в масштабах национального и международного законодательства. В связи с тем, что компьютерные преступления в силу своей специфики все больше приобретают транснациональный характер.

В настоящее время в уголовно-правовой литературе встречаются такие понятия, как «преступления в сфере компьютерной информации», «компьютерные преступления», «киберпреступления», «интернет-преступления» и другие. Таким образом, необходимо разграничить данные понятия и определить их содержание.

1. Преступления в сфере компьютерной информации – это преступления, предусмотренные главой 28 УК ДНР; противоправный, виновный доступ к компьютерной информации подлежащий уголовно-правовой охране.

2. Компьютерные преступления – преступления, совершенные с использованием компьютерной техники или направленное против безопасности компьютерной информации [2, с. 467]. Наиболее обобщающее понятие в данной сфере преступлений, многозначно, вследствие не имеет точного определения. Совмещает в себе 3 вида преступлений, включая преступления в сфере компьютерной информации, информационные преступления (совершаются в информационно-телекоммуникационной сфере), киберпреступления (совершаются в компьютерной системе или сети Интернет), и интернет-преступления.

Следует выделить противоположное мнение Ю. Батурина об отсутствии компьютерных преступлений как особой группы преступлений в юридическом смысле. Отмечает, что выделяющиеся традиционные виды преступлений всего лишь излишне модифицированы из-за вовлечения в них вычислительной техники [3, с. 129].

3. Киберпреступления – все преступления, в которых компьютер, информационно-телекоммуникационные технологии или сети выступают предметом, средством или орудием преступления. Исследователи В. Гранатуров, В. Трапезников отмечают, что термин «киберпреступления» был истолкован в рамках работы X конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 2000) специалистами ООН, которые рассмотрели понятие в широком и узком смысле. Так, в широком смысле толкуется как любое противоправное деяние, совершенное непосредственно или с помощью компьютера, компьютерной системы или сети, включая незаконное владение, предложение или распространение информации посредством компьютерных систем или сетей. В узком смысле, киберпреступление – это противоправное деяние, совершенное посредством электронных операций, целью которого является посягательство на безопасность компьютерных систем и обрабатываемых ими данных [4, с. 36].

4. Интернет-преступления – вид преступлений, в которых сеть Интернет выступает способом и средством совершения преступлений [5, с. 112].

В научных кругах ведутся разговоры о попытке выделения нового вида из совокупности компьютерных преступлений – преступления с использованием компьютерных сетей (сетевые компьютерные преступления) [6, с. 61]. Такой вид преступлений будет характеризоваться как общественно опасные деяния, совершенные на основе удаленного средства достижения цели. Например, в Германии уже законодательно закреплены «киберпреступления», под которыми понимают «все противозаконные действия, при которых электронная информация выступала средством или объектом».

Подводя итог проведенного исследования, можно вывести следующее соотношение между рассмотренными терминами. Как уже было сказано, термин

«компьютерное преступление» является более ассоциативным, и имеет большое криминалистическое значение, поскольку связан со способом совершения преступления (в том числе и общеуголовного). Л.К. Карпенко, Е. Л. Затейщикова справедливо отмечают близость «киберпреступлений» и «компьютерных преступлений», но не тождественность, поскольку понятие «киберпреступления» является понятием более широким, нежели «компьютерные преступления», так как понятие «киберпреступления» более точно отражает природу такого явления, то есть определяется как преступность в информационном пространстве [7, с. 152].

Однако существует противоположное мнение. Гаджиев М. С. соотносит «компьютерные преступления» с «преступлениями в сфере компьютерной информации» и «киберпреступлениями» как синонимы, так как данные составы не отличаются какой-либо спецификой [8, с. 168]. По нашему мнению, это в корне не целесообразно, о чем аргументировали выше.

Нельзя не обратить внимания на то, что глава 28 УК ДНР охватывает лишь некоторые деяния, совершаемые в информационно-телекоммуникационной сфере, оставляя безнаказанными общественно опасные деяния в сфере компьютерной информации. Уголовное законодательство Донецкой Народной Республики в данной сфере не в полной мере отвечает потребностям современности. Достаточно указать на то, что глава 28 УК ДНР содержит только три статьи, предусматривающие ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Кроме того, одним из наиболее опасных и распространенных преступлений, совершаемых с использованием Интернета, является мошенничество. Состав преступления мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 171) внесен в гл. 21 УК ДНР.

Рассматривая законодательство постсоветского пространства, можно найти тенденцию к единому мнению, но всё же существуют значительное различие, на которое хотелось бы обратить мнение и рассмотреть в качестве возможной перспективы для развития Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики.

Ситуация в Уголовном кодексе Российской Федерации аналогична с нашим кодексом, следовательно, поводов для обсуждения не возникает. Стоит обратить внимание на Уголовные кодексы Армении, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Украины. Количество статей об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации значительно больше в сравнении с отечественным законодательством. Хотелось бы сделать акцент на более разработанном Уголовном кодексе Казахстана, который включает 9 статей в сфере информатизации и связи, заметим, что название главы также видоизменено, но направленность преступлений схожа с отечественной группой преступлений в сфере компьютерной информации.

По нашему мнению, целесообразно было бы добавить в действующий Уголовный кодекс следующие статьи, которые уже закреплены в Казахстане и являются актуальным решением современных посягательств в сфере компьютерной информации:

– неправомерный доступ к информации, в информационную систему или сеть телекоммуникаций;

– принуждение к передаче информации;

– неправомерное распространение электронных информационных ресурсов ограниченного доступа.

В настоящее время подобные общественно опасные деяния ненаказуемы, но в то же время представляют серьезную опасность для общества и государства. В связи с этим, рассмотрим общественные отношения, которым компьютерная преступность наносит ущерб:

– в сфере экономики (компьютерные хищения и мошенничество, повреждение компьютерных данных);

– в сфере безопасности (национальной безопасности – компьютерный шпионаж; общественной безопасности – повреждение компьютерной информации; информационной безопасности – компьютерный подлог);

– в конституционной сфере (нарушение авторских и смежных прав путем несанкционированного распространение информации);

– в сфере нравственности (распространение порнографической продукции через Интернет), в сфере общечеловеческих ценностей (размещение в сети Интернет материалов оскорбительного содержания) и другие.

Обращаясь к доктринальным положениям уголовного права, рассматриваемая нами компьютерная преступность, фиксируется в научных трудах как феномен, оказывающий сильное влияние на современную преступность. Однако авторы отмечают, что подобные исследования больше характерны для законодательства и правоприменительной практики развитых государств, в частности европейских государств, в которых преступления не ограничиваются сферой компьютерной информации, а расширены до сферы высоких технологий, что сказывается на уровне защищенности населения от преступных посягательств.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что анализ и оценка научных подходов относительно определения понятия компьютерной преступности имеют неоднозначное значение для становления концептуальных представлений отечественных ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Этические проблемы компьютеризации (реферативный сборник). – М. ИНИОН. 1990. – С. 79.
2. Mars D. Goodman. Why the Police Dont Care About Computer Crime, 10 Harvard Journal of Law and Technology, 2007. – P. 467.
3. Батурин Ю.М. Проблемы компьютерного права. – М.: Юридическая литература, 2001. – С. 129.
4. Гранатуров В., Трапезников В. Киберпреступность как один из источников возникновения предпринимательских рисков // Економічний часопис Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки, 2015. – № 3. – С. 36.
5. Виктория Александровна Гаужаева, Елена Васильевна Прокофьева, Ольга Юрьевна Прокофьева Преступность в сети Интернет: криминологические характеристики // Вестник экономической безопасности, 2019. №4. – С. 112.
6. Осипенко А. Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: Международный опыт: Монография. – М.: Норма, 2004. – С. 61.
7. Карпенко Л. К., Затейщикова Е. Л. Киберпреступность как новая угроза информационному обществу // Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России» (к 370-летию со времени принятия Соборного Уложения (1649 года): сборник трудов XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (12-13 декабря 2019 г., г. Кострома) / сост. Н. В. Ганжа, А. С. Евстегнеев, Д. Н. Лукоянов, И. Н. Мельников, О. В. Плюснина, А. Г. Сироткин, И.В. Орловская ; отв. ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – С. 152.
8. Гаджиев, М. С. Криминологический анализ преступности в сфере компьютерной информации (по материалам Республики Дагестан) : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гаджиев Марат Салахетдинович. – Махачкала, 2009. – 168 с.

THE CONCEPT AND SYSTEM OF CRIME IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

Annotation. Today, computer technologies are highly dynamic in the development and implementation of new mechanisms to attract potential consumers. The article considers the concept of crimes in the field of computer information, analyzes and establishes the relationship of the concept with similar terms: «computer crimes», «cybercrimes», «Internet crimes». On the basis of the legislation of the Donetsk People's Republic, the Russian Federation and other foreign countries, a comparison was made of the norms governing crimes in the field of computer information, a conclusion was made about the importance of studying this type of crime, and specific norms were proposed to expand criminal legislation.
Keywords: crime, computer crime, computer, cybercrime, Internet crime.

Matienko A.
Scientific supervisor: : Karpenko L.K., Docent
Donetsk National University
E-mail: angel_klaur@mail.ru

УДК 343.34

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Махортов С.П.
Научный руководитель: Манивлец Э.Е., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная научная статья посвящена исследованию проблем квалификации преступлений в сфере компьютерной информации. Определена специфика и особенности преступлений в сфере компьютерной информации, рассмотрены проблемы, возникающие при квалификации указанных преступлений, а также выработаны определенные пути решения указанных проблем.
Ключевые слова: законодательство; уголовная ответственность; компьютерная информация; копирование; блокирование; киберпреступность; критическая информационная инфраструктура; противодействие.

В последние годы произошел резкий скачок в количестве преступлений, которые связанны с использованием компьютерных технологий. Обусловлено это, с одной стороны, технологическим прогрессом XXI века, который определил курс развития различного рода прогрессивных технологий, которые используются как для правомерных целей, так и для преступных, и тем самым упрощают совершение того или иного преступного акта. С другой стороны это обусловлено относительной простотой и скоростью совершения, и получаемой выгодой от преступлений в сфере компьютерной информации.

Важно отметить, что преступления, перечисленные в главе 28 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) имеют свои отличительные черты – сложность выявления, возможность совершать преступления в любой точке мира, проблемность в сборе доказательственной базы, а также высокая степень латентности. В связи с возможностью совершения в любой точке мира, рассматриваемые преступлениям имеют в качестве факультативного признака трансграничный характер.

Также, довольно часто преступления в сфере компьютерной информации имеют организованный характер, и совершаются заранее созданной группой. Универсальные возможности сети Интернет позволяют нарушителям из разных стран координировать свои преступные действия [1, с. 40].

Кроме того, компьютерная сфера является достаточно специфичной, что обусловлено потребностью в специальных познаниях в указанной отрасли, а также общей криминогенной обстановкой в государстве.

В указанной сфере активно разрабатывали проблематику преступлений с применением компьютерных технологий такие авторы как Вехов В.Б., Волевод А.Г., Номоконов В.А., Мазуров В.А. и другие.

В связи с вышеназванным, актуальным на сегодняшний день остается вопрос противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации, для чего целесообразно определить проблемы квалификации указанных преступных актов.

Цель научной работы – на основе научного и нормативного материала рассмотреть составы преступлений Главы 28 УК ДНР, проанализировать проблемы,

складывающиеся при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации, и разработать определенные пути решения поставленных проблем.

Основным объектом преступлений, перечисленных в главе 28 УК ДНР являются общественные отношения, которые обеспечивают безопасность и приватность компьютерной информации. Факультативным объектом являются общественная и государственная безопасность, неприкосновенность частной сферы, персональные данные, личные права и свободы граждан, как обладателей компьютерных программ и баз данных [2, с. 145].

Предметом указанных преступлений выступает хранящаяся и обрабатываемая в компьютерных системах информация. Эта информация может быть как объектом преступлений, так и может указывать на иную преступную деятельность, а также быть средством совершения преступления по отношению к информации на других компьютерах [3, с. 70].

Компьютерной информацией, в соответствии с примечанием к статьей 317 Уголовного кодекса ДНР, являются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [4, с. 2].

Состав преступления указанного в статье 317 УК ДНР, является материальным. На данный момент уголовный закон не содержит определения неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, а только указывает последствия присущие этому составу. В связи с чем, ввиду отсутствия законодательного определения неправомерного доступа, существуют трудности при квалификации деяния по статье 317 УК ДНР [5, с. 33].

Осуществляется неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации путём попадания в компьютерную систему либо носители информации с помощью технических или программных средств особого назначения, а также незаконного использования паролей, и иных данных.

Также, неправомерным считается доступ к информационным ресурсам сети Интернет без согласия собственника или иного законного владельца охраняемой законом информации, если это привело к уничтожению, блокированию, модификации или копированию информации, при обязательном условии отсутствия у лица права доступа к ней [5, с. 41].

Следует отметить, что законом не установлена ответственность за просмотр компьютерной информации, которая хранится на машинном носителе, а следовательно такое действие не образует состава преступления [6, с. 70].

Довольно важным в контексте рассматриваемой статьи является такой признак объективной стороны как общественно опасные последствия. На данный момент в законодательстве Донецкой Народной Республики не существует закрепленного понятия конкрентных видов последствий, которые указанны в диспозиции статьи. Что, согласно данным опроса сотрудников органов правопорядка, можно рассматривать как факт, который затрудняет процесс квалификации рассматриваемого преступления [7, с. 34].

Рассматривая статью 317 УК ДНР, следует отметить что, теория уголовного права на сегодняшний день содержит такие определения основных действий диспозиции статьи:

А) уничтожением информации является утрата информации при невозможности ее восстановления;

Б) под блокированием информации понимается невозможность её использования при сохранности такой информации;

В) модификацией информации является изменение её содержания по сравнению с той информацией, которая первоначально была в распоряжении собственника или иного законного пользователя;

Г) копированием информации представляет собой её переписывание, а также иное тиражирование при сохранении оригинала [8, с. 196].

Важно отметить, что ч. 4 указанного состава содержит особо квалифицирующий признак состава преступления как наступление тяжких последствий или создание угрозы их наступления в результате неправомерного доступа к компьютерной информации. Данный признак является достаточно важным и необходимым, из-за того, что технологический процесс обусловил появление и большего количества возможностей для совершения противоправных действий в этой области, которые могут появиться вследствие неправомерного доступа к компьютерной информации субъектом преступления.

Статьей 318 УК ДНР установлена ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ.

Вредоносная программа это определенное программа, целью которой есть выполнение противозаконных, не одобренных собственником компьютера, либо компьютерной системы. Признак «вредоносности» представляет собой способность данной программы к уничтожению, повреждению, блокированию, модификации и копированию информации с носителя. Главной квалифицирующей особенностью этих программ является то, что они выполняют указанные функции без информирования законного владельца информации [9, с. 221].

Состав рассматриваемого преступления является формальным, следовательно, оконченным преступление является без реального наступления вредных последствий. Достаточным является установление факта совершения деяния, в том случае, если оно создало угрозу наступления последствий, указанный в диспозиции [10, с. 25].

В статье 319 УК ДНР предусмотрена ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

Диспозиция отсылает к инструкциям и положениям, устанавливающим правила эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей на предприятии, в учреждении и организации. Данные правила должны быть установлены уполномоченным лицом и в надлежащем порядке [11, с. 784].

Достаточно спорными на сегодняшний день в сфере компьютерной информации являются нормы, которые содержатся в статье 319 УК ДНР. Связано это с тем, что сегодня нет единых правил, определяющих порядок защиты информации. В том случае если бы такие правила существовали, то они бы служили правовым началом для правильной квалификации деяния.

Большинство исследователей сошлись на том, что важно принять нормативно-правовой акт, который мог бы содержать правила, определяющие порядок защиты информации, чтобы избежать в будущем проблем квалификации преступлений в сфере компьютерной информации.

Кроме того, в будущем следует ввести такой квалифицирующий признак как «совершение преступления с использованием компьютерных технологий» в некоторые другие составы преступлений. Например, в составы кражи, нарушения авторских и смежных прав, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и некоторых других. Этот законодательный шаг важен для того, чтобы избежать проблем квалификации компьютерных преступлений с одной стороны, и для избегания слияния некоторых составов преступлений.

Резюмируя всё вышеизложенное, следует выделить следующие важные моменты:

1. Преступления, перечисленные в главе 28 УК ДНР имеют свои отличительные черты – сложность выявления, возможность совершать преступления в любой точке мира, проблемность в сборе доказательственной базы, а также высокая степень

латентности. В связи с возможностью совершения в любой точке мира, рассматриваемые преступлениям имеют в качестве факультативного признака трансграничный характер. Также, довольно часто преступления в сфере компьютерной информации имеют организованный характер, и совершаются заранее созданной группой.

2. На данный момент уголовный закон не содержит определения неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, а только указывает последствия присущие этому составу. В связи с чем, ввиду отсутствия законодательного определения неправомерного доступа, существуют трудности при квалификации деяния по статье 317 УК ДНР.

Следовательно, следует ввести в УК ДНР следующее определение: «Неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации является получение возможности ознакомиться и воспользоваться компьютерной информацией, путем проникновения в компьютерную систему с использованием специальных программных либо технических средств». Вышеуказанное определение целесообразно добавить в примечания к статье 317 УК ДНР.

3. На данный момент в законодательстве не существует закрепленного понятия конкретных видов последствий, которые указанны в диспозиции статьи. Согласно данным опроса сотрудников органов правопорядка, можно утверждать, что данный факт затрудняет процесс квалификации рассматриваемого преступления;

4. Достаточно спорными на сегодняшний день в сфере компьютерной информации являются нормы, которые содержатся в статье 319 УК ДНР. Связано это с тем, что сегодня нет единых правил, определяющих порядок защиты информации. В том случае если бы такие правила существовали, то они бы служили правовым началом для правильной квалификации деяния.

Большинство исследователей сошлись на том, что важно принять нормативно-правовой акт, который мог бы содержать правила, определяющие порядок защиты информации, чтобы избежать в будущем проблем квалификации преступлений в сфере компьютерной информации.

5. Следует в будущем ввести в УК ДНР такой квалифицирующий признак как «совершение преступления с использованием компьютерных технологий» в некоторые другие составы преступлений. Например, в составы кражи, нарушения авторских и смежных прав, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и в некоторые другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Копырюлин А. Н. Квалификация преступлений в сфере компьютерной информации / А. Н. Копырюлин // Законность. – 2007. – N 6. – С. 40.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (отв. ред. А. А. Чекалин; под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова). – 3-е изд., перераб. и доп. – Юрайт-Издат. 2006. – С. 145.
3. Гаврилов М., Иванов А. Извлечение и исследование компьютерной информации // Криминалистика. 2004. № 4. С. 70.
4. Уголовный Кодекс Донецкой Народной республики (с изменениями, внесенными Законом от 23.09.2014 №35-1/1) // Сборник законодательных актов ДНР №1 – Д.: ООО «Компания «Мегаинвест», 2017. – С. 2.
5. Сизов А. В. Неправомерный доступ к компьютерной информации: практика правоприменения / А. В. Сизов // Информационное право. – 2009. – N 1. – С. 33.
6. Шурухнов Н.Г. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации / Н. Г. Шурухнов // М.: Щит-М. – 1999. – С. 70-71.
7. Ястребов Д. А. Общественно опасные последствия неправомерного доступа к компьютерной информации: нарушения работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети / Д.А. Ястребов // Правовые вопросы связи. – 2009. – N 1. С. 34.
8. Наумов А.В. Постатейный Комментарий к Уголовному кодексу РФ 1996 г. / А.В. Наумов // "Правовая культура". – 1996. – С. 322.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (отв. ред. А. А. Чекалин; под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова). – 3-е изд., перераб. и доп. – Юрайт-Издат, 2006. – С. 221.
10. Ястребов Д. А. Вопросы отграничения неправомерного доступа к компьютерной информации от смежных составов преступлений / Д.А. Ястребов // Российский следователь. – 2008. – N 17. – С. 25.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Авт. кол.: А. Е. Беляев, Г. Н. Борзенков, В. П. Верин и др.; Отв. ред. В. И. Радченко; Науч. ред. А. С. Михлин; Верховный Суд Российской Федерации. – СПб.: Питер. – 2008. – С. 784.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Annotation. This scientific article is devoted to the study of the problems of qualification of crimes in the field of computer information. The specifics and features of the use of water sources in the territory of the Donetsk People's Republic are determined, the question of the ratio of water use and land use in the context of the study of the use of water sources is resolved.
Keywords: legislation; criminal liability; computer information; copying; blocking; cybercrime; critical information infrastructure; counteraction.

Makhortov S.
Scientific supervisor: Manivlets E.E., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: manel76@mail.ru

УДК 341.4

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОТПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Московский В.В.
Научный руководитель: Поляков В.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Статья посвящена анализу дефиниции «преступления против отправления международного уголовного правосудия» с точки зрения теоретических основ международного уголовного права, установлению особенностей преступления в контексте международного права, а также характеристике их субъектного состава.
Ключевые слова: преступление, отправление правосудия, государство, ответственность, Римский Статут.

Актуальность темы исследования обусловлена возросшим количеством угроз фундаментальным основам миропорядка, таких, как безопасность человечества, а также обеспечение глобального мира. Ведущая роль в сфере международной уголовной юстиции отведена Международному уголовному суду, однако его деятельность нередко подвергается неправомерному влиянию со стороны различных субъектов международных отношений. В этой связи представляется актуальным определить правовую природу преступлений против отправления международного уголовного правосудия, выявить характерные особенности указанных преступных деяний в международном праве.

Анализ исторических этапов развития института ответственности за совершение посягательств на отправление международного уголовного правосудия позволяет прийти к выводу о том, что указанное деяние на этапе своего зарождения как правового явления не считалось преступлением. Указанный подход был пересмотрен международным сообществом лишь на рубеже XX и XXI веков, когда посягательство на отправление международного правосудия стало квалифицироваться как преступление. Таким образом, комплексный анализ понятия «преступления против

отправления международного правосудия» требует характеристики термина «преступление» в рамках международного уголовного права.

Вопросам правовой природы преступлений в международном уголовном праве уделяли внимание многие ученые, среди которых Н. Коркунов, А. Н. Трайнин, Ю.А.Решетов и другие. Однако, на сегодняшний день как на доктринальном уровне, так и на уровне международных правовых актов отсутствует унифицированное понимание преступления в международном праве, что прежде всего связано с отсутствием единого кодифицированного акта в области международного уголовного права. В этой связи, представляется целесообразным сконцентрироваться не на анализе множества существующих подходов к термину «преступление» в международном праве, а на его характерных признаках, сформулировав на их основе объективное определение преступления в целом, так и понятие преступления против отправления международного правосудия в частности [1, с. 72].

Цель статьи заключается в выявлении признаков преступлений против отправления международного уголовного правосудия и формулировке на их основе понятия указанных преступлений.

Анализ научной и учебной литературы позволяет выделить следующие признаки преступления по международному уголовному праву. Прежде всего, преступление в международном праве подразумевает под собой совершение субъектом деяния, которое создает угрозу или причиняет вред важнейшим сферам общественных отношений на международном уровне. К таким общественным отношением принято относить общемировую безопасность, гарантии реализации прав человека, основы существования международного сообщества, условия функционирования системы международной юстиции и так далее. При этом следует учитывать, что в рассматриваемом случае преступные последствия, как правило, наступают более чем для одного государства.

Во-вторых, одним из ключевых признаков преступления в международном праве выступает такой принцип международного уголовного права как: «нет преступления без указания на то в законе». Анализ международных соглашений в области международного уголовного права демонстрирует наличие двух подходов к установлению преступности того или иного деяния, а именно прямой и опосредованный. Так, Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством (Женева, 7 сентября 1956 г.) определяет перевозку или попытку перевозки рабов из одной страны в другую какими бы то ни было транспортными средствами или соучастие в таковых, как преступление [2, с. 32]. С другой стороны, Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государства не содержит в себе конкретного перечня деяний, которые признаются угрозой международной безопасности, вместо этого документ лишь содержит ссылку, что является примером опосредованного установления преступности деяния [3].

В рамках данного признака следует также выделить требование, согласно которому применение международных уголовных законов по аналогии запрещено. В связи с чем, международный суд обязан толковать любые сомнения, возникающие в процессе толкования международных соглашений трактовать в пользу обвиняемого субъекта. Однако, данное правило имело исключение в виде Международного военного трибунала, на заседании которого военные преступники были признаны виновными в совершении ряда международных преступлений, которые не признавались международным сообществом таковыми на момент оглашения приговора [4, с. 56].

В-третьих, исходя из вышеизложенного признака следует, что источник международного права, в котором то или иное деяние определяется, как преступление должен быть оформлен в письменном виде, что в современных условиях

корреспондирует к ряду иных требований, изложенных в Венской конвенции о праве международных договоров.

В-четвертых, преступление в международном праве должно обладать транснациональным характером, то есть местом его совершения должно быть одно государство, а местом планирования, руководства должно выступать другое государство. Либо же вышеизложенные действия осуществляются на территории одно государства, но последствия преступления выходят за его рамки и наносят ущерб группе государств или всему международному сообществу [5].

Стоит отметить, что формы определения транснациональности преступления содержатся во множестве международных соглашений, однако унифицированного определения данного признака для установления того или иного преступления как международного на сегодняшний день не существует.

Одним из ключевых признаков преступления в международно-правовом дискурсе является привлечение к ответственности за его совершение. Так, международный орган, который призван осуществлять преследование лиц за совершение ими преступлений обязан руководствоваться принципом: «Нет наказания без указания на него в законе». Следует подчеркнуть, что данное требование не описывает факт конкуренции положений о наказуемости того или иного деяния с внутригосударственным уголовным правом. В этой связи все чаще звучат предположения об отсутствии влияния согласованности международного и национального права в вопросах квалификации наказания за совершение преступления на процесс идентификации преступления как международного [6, с. 112]

Подтверждением данной позиции служат положения международных договоров, установивших факт применения уголовного наказания за совершение отдельных деяний, признав их угрозой международному миру и безопасности, однако не указавших конкретных видов уголовных наказаний допустимых к применению. Так, в тексте 77 статьи Римского статута Международного уголовного суда обозначены самые общие виды наказания, которые могут быть применены при осуществлении правосудия Международным уголовным судом.

Таким образом, для установления точной меры наказания за совершение международного преступления международные органы вынуждены обращаться к внутригосударственному законодательству. При этом, следует учитывать требование правила, установленного в рамках МВТ, а именно принцип II «Принципов Международного права, признанных Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедших выражение в решении этого Трибунала» [7]. Данный принцип гласит, что при отсутствии во внутреннем праве государства наказания за совершение деяний, признаваемых международными нормами как преступление, лицо, их совершившее, не освобождается от ответственности в рамках международного уголовного права.

Кроме того, следует выделить и преступления, за совершение которых в международных актах устанавливается наказание в виде лишения свободы и/или штрафа с указанием максимально возможного срока тюремного заключения. В качестве примера выступают преступления против отправления международного уголовного правосудия согласно статье 70 Римского Статута Международного уголовного суда.

Последним признаком для квалификации преступления как международного является определение умышленной формы вины. На основании положений статьи 30 Римского Статута можно сделать вывод, что маркерами преступления в международном праве служат такие категории как совершение его «намеренно» и «сознательно» [8].

Подводя итог анализу признаков, квалифицирующих преступление как международное, можно определить преступление по международному уголовному

праву как совершенное умышленно деяние, ставящее перед собой целю причинение ущерба наиболее важным для всего мирового сообщества, или его части, общественным отношениям, факт преступности которых оформлен в рамках письменных источников международного права, а критерии его наказуемости установлены положениями международных актов и национальным уголовным законодательством.

Однако, для характеристики преступлений против отправления международного уголовного правосудия указанное определение необходимо уточнить. В данном случае государство в рамках своего участия в международных правоотношениях с другими субъектами международного права, наравне с физическими лицами совершает преступление, наносящее значительный ущерб фундаментальным общественным отношениям. С точки зрения международной практики к преступлениям государств относят нарушения с их стороны обязательств категории erga omnes. При этом, круг преступлений, совершаемых государством, не ограничивается обязательствами, имеющих универсальный характер. Преступным деянием со стороны государства является нарушением им международных соглашений в части невыполнения им требований о добросовестном исполнении положений международных договоров. К данной категории относятся преступления против отправления международного уголовного правосудия [9, с. 201].

Установив факт способности государства совершать преступление в рамках реализации им международных правоотношений остается определить возможность применимости к нему такой характеристики как умышленная форма вины, которая согласно вышеизложенному анализу признаков преступления в рамках международного права является обязательной для физических лиц.

В контексте вины государства как обязательного признака преступления в рамках международного права существуют две концепции ее понимания, а именно концепция невиновной и виновной ответственности. Следует сразу же подчеркнуть, что невиновная ответственность не является тождественной объективной ответственности, которая представляет собой ответственность, возникающую в следствии совершений действий, не запрещенных международными договорами, но нарушающими их положения.

Так, концепция невиновной ответственности представляет собой правило, согласно которому для возникновения ответственности государства не требуется проявление злого умысла или небрежности со стороны его представителя – конкретного физического лица или группы физических лиц. Она может вытекать из несовершенства, недостатков отдельных элементов системы государственного управления при которых то или иное государство утратило способность к должному старанию – для предотвращения преступных посягательств своих представителей, которые при проявлении преступных деяний действуют в рамках национального законодательства [10, с. 406].

Напротив, концепция виновной ответственности гласит, что «вина присутствует в любом международном правонарушении, что, однако, не означает, что вина является обязательным составным элементом правонарушения, без доказанности наличия которого невозможна международно-правовая ответственность». Аналогичной точки зрения придерживается проф. В.А. Василенко, который утверждает, что «вина государства представляет собой не фикцию и условность, а является реальностью и условием для квалификации его поведения как международного правонарушения».

Исходя из вышеизложенного очевидно, что обе концепции не противоречат, а скорее взаимно дополняют друг друга, что позволяет утверждать о необходимости вынесения виновности государства за скобки в качестве обязательного признака преступления в рамках международного права.

Установив степень относимости государства к числу субъектов, способных совершать преступление в рамках международного права, а также проанализировав возможность применения к нему обязательного для физических лиц признака умышленной формы вины можно сделать вывод, сформировав комплексное определение преступлению в международном праве, которое послужит основанием для выделения определения преступления против отправления международного уголовного правосудия.

Преступление в международном праве – это совершенное физическими или юридическими лицами, государствами, их объединениями и международными организациями деяние, причиняющее ущерб наиболее важным для всего мирового сообщества, или его части, общественным отношениям, факт преступности которого оформлен в рамках письменных источников международного права, а критерии его наказуемости установлен положениями международных актов и/или национальным уголовным законодательством [1, с. 75].

На основе вышеизложенного следует, что преступления против отправления международного уголовного правосудия представляют собой совершенные физическими или юридическими лицами, государствами и их объединениями, а также международными организациями деяния, создающие угрозу и причиняющие ущерб фундаментальным общественным отношениям в сфере международной безопасности и мира в части международных отношений, которые:

1) возникают между государствами в процессе формирования и обеспечения деятельности международных судебных органов, призванных осуществлять судебное преследование и отправление правосудия за совершение особо тяжких международных преступлений;

2) проявляются в процессе выполнения судом обязанностей по проведению расследования международных преступлений, назначения меры ответственности за их совершение и приведения ее в исполнение, за которые устанавливается международная уголовная ответственность согласно ч. 3 ст. 70 Римского Статута Международного уголовного суда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кадырова, Н.Н Проблема определения понятия "преступление" и состава преступления в международном уголовном праве /Кадырова Н.Н. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 11 (302). С. 72-77.
2. Шаоршадзе, Г.З.Международно-правовые акты о противодействии торговле людьми и использованию рабского труда/ Шаоршадзе Г.З.// Закон и власть. 2018. № 1. С. 30-32.
3. Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государства: Резолюция 36/103 XXXVI Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 г. [Электронный ресурс] // Гарант : информ.-правовой портал : сайт. URL: http://ivo.garant.ru/session/pilot/main.htm (дата обращения: 05.12.2021 г.)
4. Наумов, А. В. Нюрнбергский процесс: история и современность // Рос. юстиция. 2006.№ 10. С. 53–57.
5. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-правовой портал: сайт. URL: http://ivo.garant.ru/session/pilot/main.htm (дата обращения: 05.12.2021 г.)
6. Грицаев, С.А., Моргун, Д.О. «Международные остаточные механизмы» органов международного уголовного правосудия: краткая характеристика / С.А. Грицаев, Д.О. Моргун // Вестник Московского университета МВД России. – М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2016. – № 7. – С. 111-114.Устав Международного военного трибунала 1945. [Электронный ресурс] // URL: http://docs.cntd.ru/document/901737883 (дата обращения: 05.12.2021 г.)
7. Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf (дата обращения: 15.11.2021 г.
8. Белый И.Ю. Проблемы назначения наказаний и исполнения приговоров Международного уголовного суда // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Триков. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – 389 с
9. Хименес де Аречага Э. Современное международное право / Эдуардо Хименес де Аречага; Пер. с исп. Ю. И. Папченко. – М. : Прогресс, 1983. – 480 с

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF CRIMES AGAINST THE ADMINISTRATION OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Annotation: The article is devoted to the theoretical understanding of the definition of «crimes against the administration of international criminal justice» from the point of view of the theoretical foundations of international criminal law, the establishment of the features of the crime in the context of international law, as well as the features of their subject composition.
Keywords: crime, administration of justice, State, responsibility, Rome Statute

Moskovsky V.
Scientific supervisor: Polyakov V.Yu., PhD, associate professor
Donetsk National University
E-mail: vladislav.mosckovsky@yandex.ru

УДК 347.932

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ РАЗУМНЫХ СРОКОВ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Мошенский Н.А.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В научной статье проводится правовой анализ категории разумных сроков в статье 7 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики. Исследуется научная литература и мнения ученых-правоведов анализирующих категорию «разумные сроки». Формируется вывод о том, что эффективность судопроизводства зависит от такой правовой категории, как «разумный срок», потому автор формулирует свое видение понятия разумного срока. Делается вывод о необходимости разграничения понятий «разумный срок судопроизводства» и «разумный срок исполнения судебного решения».
Ключевые слова: разумный срок, гражданское судопроизводство, эффективность, исполнение решения, законодательство, доктрина.

Правовое регулирование гражданского процесса осуществляется процессуальными средствами и оценочными категориями. Своевременное рассмотрение гражданского дела – это первостепенная задача гражданского судопроизводства, потому законом или судом устанавливаются процессуальные сроки для совершения процессуальных действий. Процессуальные сроки – период времени, в течение которого должно или может быть совершено конкретное процессуальное действие [1, с. 169]. Сама цель института сроков в гражданском процессе – это упорядочение процесса судебного рассмотрения дела, в частности действий всех участников процессуальных правоотношений.

Институт разумного срока в гражданском судопроизводстве является сравнительно новым в процессуальном законодательстве. Рассмотрение и разрешение дела в разумные сроки гарантируют участником процесса объективное разрешение возникшего спора. По мнению И.Н. Бранта своевременность рассмотрения дела – это один из критериев эффективности гражданского судопроизводства, свидетельствующее о строгом и неукоснительном соблюдении процессуальных сроков рассмотрения спора [2, с. 3].

Нормативное закрепление определения «разумный срок» в законодательстве Донецкой Народной Республики и отечественных странах отсутствует. Наличие дискуссий по вопросу необходимости его законодательного закрепления обосновывает

актуальность рассматриваемого вопроса. Особенно актуальным это видится для судебной системы Донецкой Народной Республики, поскольку активное использование оценочных категорий дополняет формально определенные нормы права и позволяет правоприменителю учитывать особенности каждого конкретного спора.

Хотелось бы так же отметить наличие значительного количества судебных дел, рассмотренных Европейским судом по правам человека в XX в., которые связаны именно с нарушением права на судопроизводство в разумный срок.

Целью научного исследования является анализ теоретических положений института разумных сроков, научные разработки по определению понятия «разумный срок», а также исследование норм регулирующих действующего процессуальное законодательство Донецкой Народной Республики.

Согласно статьей 7 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики судопроизводство в судах и исполнение судебного решения осуществляется в разумные сроки. Разбирательство дел в судах осуществляется в сроки, установленные настоящим Кодексом. Продление таких сроков допустимо в случаях и порядке, которые установлены настоящим Кодексом, но судопроизводство должно осуществляться в разумный срок.

Необходимо понимать, что есть разумный срок, а есть законный. Разумный срок отличается от законного тем, что может быть как более продолжительным, так и более коротким. Главное, чтобы он способствовал всестороннему и полному рассмотрению дела. За нарушение сроков, указанных в законе, лицо не вправе получить компенсацию, а за нарушение разумного срока это возможно. По мнению Свирина Ю.А. срок, установленный законом, не может считаться разумным и поэтому его необходимо исключить из употребления. По его мнению, целесообразным будет выделить срок, установленный законом и назначаемый судом. А срок, установленный законом, соответственно и должен быть разумным. [3] Исследователь настоящей научной работы не совсем согласен с позицией Ю.А. Свирина и полагает, что данное понятие все-таки должно существовать, поскольку оно служит балансом между всеми участниками процесса, при осуществлении ими процессуальных действий и содействует тому, чтобы заинтересованные лица получили возможность реализовать свои права.

Разумный срок судебного разбирательства включает в себя период со дня поступления искового заявления или заявления в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного решения по делу. При определении срока учитываются следующие обстоятельства:

1. правовая и фактическая сложность дела;
2. поведение участников гражданского процесса;
3. достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела;
4. общая продолжительность судопроизводства по делу.

Гражданский процессуальный кодекс ДНР предусматривает, что обстоятельства, связанные с организацией работы суда, в том числе с заменой судьи, а также рассмотрение дела различными инстанциями не может приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумного срока судопроизводства по делу.

Аналогичные правила определения разумного срока судопроизводства по делу, применяются также и при определении разумного срока исполнения судебных решений.

Если после принятия к производству искового заявления дело длительное время не рассматривается и, соответственно, судебный процесс затягивается, заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела. Заявление об ускорении рассмотрения дела

рассматривается председателем суда в пятидневный срок со дня поступления заявления в суд. По результатам рассмотрения заявления председатель суда выносит мотивированное определение, в котором может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть указаны действия, которые следует осуществить для ускорения судебного разбирательства. [4]

Ученые процессуалисты на сегодняшний день не сходятся в единстве подходов к содержанию понятия «разумные сроки». В доктрине до сих пор ведутся дискуссии по поводу содержания рассматриваемой правовой категории. Одни ученые-процессуалисты считают, что под разумным сроком принято понимать срок судебного процесса или исполнения судебного решения, который гарантирует реальную защиту прав и законных интересов истца [5, с. 274]. Другие же ученые-процессуалисты склонны полагать, что разумный срок – это период времени, необходимый судье для совершения процессуальных действий и определения необходимых обстоятельств по делу [6, с. 185].

Существуют и иные мнения по поводу определения разумного срока. По мнению Л.В. Волосатовой разумный срок – это реальный срок, данный на выполнение определенных действий, в зависимости от той или иной ситуации его продолжительность может быть различной [7, с. 24]. В.В. Ярков считает, что разумный срок – это срок судебного разбирательства или исполнения судебного акта, который гарантирует реальную защиту прав и законных интересов заинтересованного лица [8, с. 69]

В свою очередь В.И. Емельянова считает, что при определении разумных сроков следует исходить из индивидуальных особенностей каждого рассматриваемого спора [9, с. 103]. А.В. Белякова дает определение разумного срока, как периода времени, который должен быть установлен должностным лицом для осуществления прав и обязанностей [10, с. 78].

Г.Л. Осокина, руководствуясь установленными нормами права, под разумным сроком считает период времени с момента поступления искового заявления в суд первой инстанции до того момента, когда по делу будет принято последнее судебное постановление. [11, с. 364]

А.Г. Мусаева говорит нам о том, что разумный срок – это тот срок, который отвечает интересам участников судебного разбирательства, но при этом он не может быть больше сроков, которые формально закреплены в законе [12, с. 64].

Гражданское процессуальное законодательство направлено на защиту прав, свобод и законных интересов участников судопроизводства. Установление и регламентация сроков выполнения процессуальных действий и принятия решений гарантирует и способствует такой защите. Рассматриваемый нами вопрос о разумных сроках имеет огромное значение, подтверждением этому свидетельствует позиция Европейского суда по правам человека, поскольку разумность сроков судебного разбирательства является одним из ключевых принципов, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, к тому же определенная доля судебных разбирательств Европейского суда затрагивает вопрос нарушения разумных сроков.

Таким образом, анализ процессуальных норм Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики свидетельствует о том, что, несмотря на то, что разумные сроки служат средством для справедливого судебного процесса, однозначной дефиниции «разумный срок» процессуальное законодательство Донецкой Народной Республики не содержит. Отсутствие дефиниции «разумный срок» в законодательстве обосновано тем, что это позволяет суду, учитывая особенности каждого спора, подходить к его рассмотрению и разрешению индивидуальным образом. Если законодательством будут установлены конкретные сроки, это ограничит суд и повлияет на объективность принятого решения. Однако для исключения

злоупотреблением свободой определения сроков, при рассмотрении спора следует определить конкретные критерии которыми суду необходимо руководствоваться при принятии того или иного решения.

Автор работы склонен полагать, что «разумный срок» в судопроизводстве является самостоятельной правовой категорией и имеет важнейшее практическое значение для эффективности рассмотрения гражданских споров. Учитывая формулировку ст. 7 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики, мы считаем, что такие определения, как «разумный срок судопроизводства» и «разумный срок исполнения судебного решения» должно иметь отдельные друг от друга содержание.

Под разумным сроком судебного разбирательства мы понимаем период времени, в течение которого суд и другие участники судебного процесса обязаны выполнить объективно выраженные конкретным судебным спором процессуальные действия с целью защиты прав и законных интересов участников судопроизводства.

Подводя итоги всему вышеизложенному, констатируем, что вопрос правовой категории разумных сроков судопроизводства остается актуальным и требует дальнейшего научного исследования, а также разработки предложений по оптимизации правовых норм. Для предотвращения нарушения права лица на судопроизводство в разумный срок необходим комплексный подход в совокупности с рядом организационных мер, которые направлены на совершенствование судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриненко А.В. Процессуальное право: Энциклопедический словарь. – М.: Норма, 2003. – 608 с.
2. Брант И.Н. Факторы, влияющие на своевременность рассмотрения гражданских дел // Арбитражный и гражданский процесс. – М.: Юрист, 2004. – № 8. – С. 2-4.
3. Свирин Ю.А., Шагиева Р.В. Совершенствование гражданского процесса в контексте реформы процессуального законодательства России // Труд и социальные отношения. – 2016. – № 1. – С. 108-109.
4.Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 278-IIНС, принят Постановлением Народного Совета 30.04.2021 года, действующая редакция по состоянию на 01.07.2021 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 01.02.2022)
5. Треушников М.К. Гражданский процесс: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ОАО «Издательский Дом «Городец»», 2007. – 784 с.
6. Шакарян М.С. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российскй Федерации / Московская гос. юридическая акаде. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2007. – 815 с.
7.Волосатова Л.В. Приницп разумности в реализации субъективности гражданский прав. Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2005. – 195 с.
8. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 608 с.
9. Емельянов В.И. Понятие "разумность" в гражданском праве России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – М.: ЮРИТ-Вестник, 2002. – № 10. – С. 102-105.
10.Белякова А.В. Соотношение понятий «своевременность» и «разумный срок судопроизводства» в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2014. – № 4. С. 74-79.
11. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. – М.: Норма. – 2013. – 704 с.
12. Мусаева А.Г. Судопроизводство в разумный срок как гарантия конституционного права граждан на судебную защиту: Дис. … канд. юрид. наук. – М. – 2014. – 159 с.

LEGAL ANALYSIS OF THE CATEGORY OF REASONABLE TIME LIMITS IN THE PROCEDURAL DOCTRINE AND ON THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. The scientific article provides a legal analysis of the category of reasonable terms in Article 7 of the Civil Procedure Code of the Donetsk People's Republic. The scientific literature and opinions of legal scholars analyzing the category «reasonable time» are studied. The conclusion is formed that the effectiveness of legal proceedings depends on such a legal category as «reasonable time», therefore the author formulates his vision of

the concept of reasonable time. It is concluded that it is necessary to distinguish between the concepts of «reasonable period of legal proceedings» and «reasonable period of execution of a court decision».
Keywords: reasonable time, civil proceedings, efficiency, execution of the decision, legislation, doctrine.

Moshovsky N.
Scientific adviser: Efremova A.V., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: Kolya_m@icloud.com

УДК 342.95

СПЕЦИАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН

Навальнева Н.С.
Научный руководитель: Пашков С.Н., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье проведён анализ правовой категории «административно-правовой режим особых экономических зон». Раскрыты понятие, содержание, критерии создания особых экономических зон; проанализирован зарубежный опыт их создания и функционирования; отмечены проблемные моменты, сформулированы выводы относительно возможного усовершенствования законодательства Донецкой Народной Республики в данной сфере.
Ключевые слова: особая экономическая зона, резиденты, свободное экономическое пространство.

Стимулирование динамичного развития отдельных регионов является важным направлением государственной политики. Существует объективная необходимость в создании условий, способствующих экономической активности субъектов хозяйствования и повышению конкурентоспособности отечественной продукции. Для достижения конкурентных преимуществ необходимо добиться конкурентоспособности конкретных отраслей, что, в свою очередь, требует инвестиционной деятельности. Однако, по данным Министерства экономического развития Донецкой Народной Республики, вложение капитальных инвестиций сокращается. Так, в 2016 году доля освоения капитальных инвестиций администрациями районов составляла 5,7 % от общего количества по Республике, а по итогам 2018 года – 2,8 % [1].

Компетентное мнение Минэкономразвития Республики выделяет как важнейшие задачи государственного управления совершенствование инструментария управления социально-экономическим развитием территорий и разработку научно обоснованных рекомендаций по корректировке социально-экономической политики. Государственная политика должна быть направлена, в том числе, на формирование среды, стимулирующей инновации и развитие.

Мировая практика предлагает в качестве инструмента перехода к инновационной модели экономики использование территорий с особым экономическим статусом. Однако, несмотря на распространенность и доказанную эффективность данного административно-правового режима, законодательством Донецкой Народной Республики создание особых экономических зон не предусмотрено. Представляется актуальным использование особых экономических зон как средства поддержки отстающих регионов путем применения рыночных стимулов, а не дотаций из бюджета.

Рассматриваемое экономическое явление имеет различные варианты наименования: зоны внешней торговли (в Соединённых Штатах Америки), свободные промышленные зоны (в Ирландии), свободные таможенные зоны (в Югославии), зоны свободного предпринимательства (в Молдове), свободные экономические зоны (в

Кыргызстане), специальные (свободные) экономические зоны (в Украине), особые экономические зоны (в России) и др. [2, с. 164]. В программе социально-экономического развития Луганской Народной Республики используется формулировка «свободные экономические зоны», как и в законодательстве Российской Федерации.

Толкование понятия «особая экономическая зона» дается как в законодательстве отдельных государств, так и в международных соглашениях, документах специализированных организаций. Как правило, под особой экономической зоной понимается территория, в пределах которой действуют особые визовые, налоговые, таможенные, инвестиционные и другие условия хозяйственной деятельности для иностранных и отечественных фирм и предпринимателей. Такая зона по своей сущности представляет собой часть территории государства, на которой действует льготный (преференциальный) режим осуществления предпринимательской деятельности (льготное налогообложение, режим свободной таможенной зоны, гарантия от неблагоприятного изменения законодательства, предоставление мер государственной и муниципальной поддержки и т.д.) [2, с. 166]. Аналогичное содержание имеет термин «зона регулируемого развития», в отличие от «исключительной экономической зоны», категории международного права определяющей морской район с особым правовым режимом.

В мире распространено четыре основных типа особых экономических зон – промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные, портовые. Для зон развития промышленности Республики наибольший интерес представляют промышленно-производственные экономические зоны.

Решение о присвоении статуса особой экономической зоны принимается с использованием конкурсного механизма, при этом декларируется невмешательство государства в непосредственную реализацию инвестиционных проектов на указанной территории, что обеспечивает относительную прозрачность и доверие предпринимателей. Такое решение, как правило, принимается Правительством и утверждается главой государства. В зарубежных странах ОЭЗ может быть создана по инициативе резидентов, а не только решением «сверху», таким образом, учитываются интересы инвесторов в ведении хозяйственной деятельности на конкретных территориях [3, с. 13].

Среди основных критериев, соблюдение которых необходимо для создания особой экономической зоны можно выделить:

– наличие естественных экономико-географических конкурентных преимуществ для реализации инвестиционных проектов, соответствующих специализации предполагаемой к созданию особой экономической зоны;

– прогнозная положительная динамика роста объемов дополнительных доходов, поступающих в бюджет;

– наличие инвестиционного проекта и потенциального инвестора;

– обоснованность плановых показателей развития инженерной, транспортной, инновационной, социальной и иной инфраструктуры, предполагаемой к созданию особой экономической зоны и оценки стоимости затрат на ее развитие;

– наличие не менее одного хозяйственного общества, намеревающегося осуществлять функции управляющей компании;

– возможность обеспечения планируемых к размещению в особой экономической зоне резидентов необходимыми ресурсами, в том числе кадровыми;

– наличие на территории, где предполагается создание особой экономической зоны, а также на прилегающей территории объектов внутренней и внешней инженерной, транспортной, инновационной, социальной и иной инфраструктуры, которые возможно использовать для целей функционирования и развития особой экономической зоны;

– наличие проекта планировки территории особой экономической зоны и перспективного плана развития особой экономической зоны;

– наличие анализа экологических рисков проекта.

Также могут использоваться и другие критерии, к примеру, Шиганов А.В. предлагает классификацию институциональных условий создания и функционирования особой экономической зоны в зависимости от её типа. Он указывает, что для создания промышленно-производственной зоны необходим соответствующий участок, располагающийся на территории одного муниципального образования и не превышающий площади 20 км^2 [4, с. 46]. Кроме того, в целях повышения эффективности ОЭЗ, перечень критериев предлагается дополнить следующим: соотношение между госинвестициями в инфраструктуру ОЭЗ и частными вложениями должно составлять 1 к 5; в том случае, если объём инвестиций составляет от 8 млрд. до 20 млрд. рублей, в ОЭЗ должно быть не менее пяти компаний, а при объёме вложений от 20 млрд. рублей допускается размещение одного резидента. Однако учитывая тенденции развития экономики Донецкой Народной Республики, такое ужесточение требований может быть преждевременным.

В соответствии с законодательством Российской Федерации, особая экономическая зона создается на сорок девять лет, а срок её существования не подлежит продлению, однако возможно досрочное прекращение существования особой экономической зоны [5, ст. 6]. Длительный срок существования, не подлежащий корректированию, обусловлен необходимостью обеспечения окупаемости вложений инвесторов, развития территории, обеспечением установления полного производственного цикла, занятости физических лиц, развития и формирования устойчивых промышленных и иных связей резидентов ОЭЗ. В литературе встречается мнение о необходимости законодательного закрепления возможности создавать ОЭЗ и на меньший срок, например на 30 лет – в зависимости от сферы деятельности резидентов ОЭЗ, целей ее создания и политики региона, на территории которого она создается [3, с. 20].

В целях обеспечения целесообразности существования особой экономической зоны Правительство уполномочивает органы исполнительной власти осуществлять регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в качестве резидентов особой экономической зоны; вести реестр резидентов особой экономической зоны; а также оценивать эффективность функционирования особой экономической зоны. При этом создание объектов инфраструктуры ОЭЗ, привлечение резидентов и инвесторов, а также разработка проекта планировки возложена на управляющую компанию.

Резидентом промышленно-производственной особой экономической зоны признается коммерческая организация, зарегистрированная в соответствии с законодательством на территории муниципального образования, в границах которого расположена особая экономическая зона, и заключившая с органами управления особыми экономическими зонами соглашение об осуществлении промышленно-производственной деятельности. В отдельных случаях резидентом может являться также индивидуальный предприниматель. Допускается лишение лица статуса резидента в судебном порядке.

Особая экономическая зона предусматривает особый порядок предоставления и пользования земельными участками. Земельные участки предоставляются во временное владение исключительно на основе договора аренды, однако в случае создания на арендованном участке объекта недвижимости, арендатор имеет право покупки участка расположенного под таким объектом.

Создание особой экономической зоны предусматривает снижение совокупной налоговой нагрузки и предоставление льготного таможенного режима, однако

существует проблема использования ОЭЗ как инструмента минимизации налогообложения [6, с. 154]. Данную проблему призваны решить нормы о запрете создания филиалов и представительств за пределами ОЭЗ для резидентов, а также о возможности досрочного прекращения действия рассматриваемого административно-правового режима, в случае если резиденты не осуществляют промышленно-производственную деятельность согласно заключенного соглашения в течение трёх лет.

В свою очередь, резидентам предоставляются и определенные гарантии со стороны государства, призванные стимулировать инвестиционную деятельность. Так, нормативные акты, ухудшающие положение налогоплательщиков, не применяются к резидентам особых экономических зон до окончания срока действия соглашения о ведении промышленно-производственной деятельности. Предлагается также предоставить резиденту гарантии и от неблагоприятного изменения таможенного законодательства, закрепить положение об обязательствах государства не предоставлять «новым» резидентам, заключившим соглашения позднее, более благоприятных условий для осуществления деятельности. Возможно также предусмотреть возможность освобождения от уплаты тарифов на услуги, установленные государственными монополиями, преимущественные права на реализацию государственных контрактов.

Мировой опыт показывает, что особые экономические зоны создаются как в развитых странах, так и в развивающихся. Практика развития различных видов ОЭЗ широко используется такими странами, как США, Китай, Мексика. По данным ООН, в настоящее время в мире функционирует несколько тысяч ОЭЗ с набором различных льгот и преференций для привлечения инвестиций [7, с. 39].

Необходимо отметить, что по данным АО «Особые экономические зоны» в Российской Федерации в 2020 году утверждено создание трёх новых ОАЭ с инвестициями резидентов более 35 млрд. рублей. Кроме того, была создана свободная экономическая зона на территории Республики Крым, что поспособствовало установлению благоприятных условий для ведения бизнеса и привлечения средств инвесторов. На конец 2016 года участники СЭЗ реализовывали на территории Республики Крым и г. Севастополя 995 инвестиционных проектов, количество зарегистрированных участников составило 970 хозяйствующих субъектов [8, с. 146].

Кроме того, программа социально-экономического развития Луганской Народной Республики предусматривает совершенствование нормативной правовой базы в сфере инвестиций путём разработки нормативных правовых актов об особых экономических зонах в ЛНР, а также о сопровождении инвестиционных проектов, проектов резидентов особых экономических зон [9]. Не следует забывать о том, что Донецкая и Луганская Республики создали единое экономическое пространство. В договоре о создании единой таможенной территории и развитии экономической интеграции отмечается, что стороны договорились реализовывать синхронизированные программы социально-экономического развития на 2022-2024 годы [10].

Итак, наблюдается всеобщая тенденция по использованию ОЭЗ в качестве формы государственно-частного партнерства. Накопленный в мире практический опыт по созданию такой эффективной формы инвестиционной деятельности, как ОЭЗ, позволит использовать её в нашей стране, улучшить инвестиционный климат, повысить занятость и темпы экономического роста, что весьма актуально в связи со сложившейся в последние годы непростой экономической ситуацией в мировой экономике. Важно учитывать, что резиденты особых экономических зон зачастую не заинтересованы в развитии социальной инфраструктуры, но это необходимо для комплексного устойчивого развития региона и создания не только благоприятного инвестиционного климата, но и удовлетворительных условий проживания

работников создаваемых предприятий. Это связано с тем, что инвесторы в большей мере заинтересованы в получении прибыли, а социальные объекты, как правило, не могут гарантировать выгодного вложения капитала. Следовательно, в данном направлении должно проводиться очень тесное сотрудничество инвесторов и органов государственной власти, в частности, в поиске возможных путей финансирования таких проектов.

Развитие высокотехнологичных производств в отдельном регионе, на территории отдельной ОЭЗ, создает мощный производственный потенциал, который в дальнейшем может быть использован в других регионах. Опыт эффективного управления зарубежных партнеров позволяет изучить и применить на практике передовые мировые стандарты менеджмента в различных сферах хозяйственной деятельности.

Таким образом, законодателю следует уделить внимание вопросу регламентации административно-правового режима особых экономических зон. Было бы целесообразно закрепить основные положения, касающиеся терминологии, порядка создания и деятельности таких зон отдельным законом, по аналогии с Федеральным Законом «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», но с учётом местных особенностей и в соответствии с законодательством Республики.

Такое нормативное закрепление создаст возможность в дальнейшем создавать особые экономические зоны на территории Донецкой Народной Республики, что требует большой подготовительной работы и ответственных решений Правительства и местных властей, но может служить целям повышения промышленного потенциала отдельных регионов и развития инновационной государственной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пространственные особенности развития городов и районов Республики: Компетентное мнение Минэкономразвития Донецкой Народной Республики / Официальный сайт Министерства экономического развития Донецкой Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6962:prostranstvennye-osobennosti-razvitiya-gorodov-i-rajonov-respubliki&catid=40&Itemid=665 (дата обращения: 05.02.2022).
2. Буткевич, О.В. О соотношении понятий "особая экономическая зона" и "свободная экономическая зона" // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – №3. – С. 164-171.
3. Свинцова, К.С. Административно-правовой режим особых экономических зон: автореф. дис. … канд. юрид. наук: спец. 12.00.14 / Свинцова Кира Сергеевна; [Воронежский Государственный Университет]. – Воронеж, 2010. – 23 с.
4. Шиганов, А.В. Условия создания и функционирования особых экономических зон в регионах России // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – №7. – С. 44-51.
5. Федеральный закон "Об особых экономических зонах в Российской Федерации" от 22.07.2005 N 116-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/ (дата обращения: 05.02.2022).
6. Донцова, О.И. Инновационная экономика: стратегия и инструменты формирования: учеб. пособие / О.И. Донцова, С.А. Логвинов. – Москва: Альфа-М: ИНФРА-М, 2019. – 208 с.
7. Хакимов, А.Х. Особые экономические зоны: международные аспекты функционирования // Экономика и управление. – 2016 – № 11. – С. 38-42.
8. Сиваш, О.С. Особые экономические зоны и их влияние на устойчивое развитие инвестиционного процесса // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2018. – №4 (45). – С. 142-152.
9. Программа социально-экономического развития Луганской Народной Республики на 2019 год / Официальный сайт Главы ЛНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://glava-lnr.info/sites/default/files/documents/pdf/zakon-o-programme-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-luganskoy-narodnoy-respubliki-na-2019-god.pdf (дата обращения: 05.02.2022).
10. О ратификации договора в форме обмена письмами о создании единой таможенной территории и развитии экономической интеграции: Закон Донецкой Народной Республики № 323-IIНС от 22.09.2021 / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-ratifikatsii-dogovora-v-forme-obmena-pismami-o-sozdanii-edinoj-tamozhennoj-territorii-i-razvitii-ekonomicheskoj-integratsii/ (дата обращения: 05.02.2022).

SPECIAL ADMINISTRATIVE LEGAL REGIME OF SPECIAL ECONOMIC ZONES

Annotation. The article analyzes such a legal category as the administrative-legal regime of special economic zones. The concept, content, criteria for creating special economic zones are disclosed. Based on the studied materials regarding the regulation of the regime under consideration in foreign countries, problematic points are noted, conclusions are formulated regarding the possible improvement of the legislation of the Donetsk People's Republic in accordance with the purpose of the study.
Keywords: special economic zone, residents, free economic space.

Navalneva N.
Scientific adviser: Pashkov S.N. PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: natalyteren@mail.ru

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Навка И.П.
Научный руководитель: Пашков С.Н., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье анализируется ситуация в сфере профессионального спорта в Донецкой Народной Республике. Выявлены актуальные проблемы, возникающие в процессе государственного управления в сфере профессионального спорта, проанализированы причины их возникновения, а также предложены пути их решения.
Ключевые слова: государство, государственное управление, профессиональный спорт

Положение дел в сфере физической культуры и спорта в целом, и профессионального спорта, в частности, во многом зависит от государственного регулирования, чей интерес обусловлен важностью достижения результата, выражаемого в повышении общего уровня здоровья населения. Это влияние проявляется не только в правовом регулировании, но и в части финансирования, обеспечения необходимой инфраструктурой, уместной спортивной пропаганде.

Проблемы, возникающие в процессе государственного управления в сфере профессионального спорта, с каждым днем оказывают всё большее негативное влияние на область физической культуры и спорта в целом, в связи с чем, поиски возможных вариантов их решения лишь набирают актуальность.

Целью данной публикации является определение основных проблем государственного управления в сфере профессионального спорта в Донецкой Народной Республике, а также разработка предложений по их решению.

Согласно европейской модели управления спортом, которой придерживается большинство стран этого континента, в том числе и Донецкая Народная Республика, главной целью деятельности в сфере профессионального спорта является достижение результатов, при этом, центром управления всеми процессами, возникающими на пути к достижению поставленной цели, является государство.

Ряд исследователей, среди которых Понкин И.В., Редькина А.И., Соловьев А.А., Шевченко О.А. пришли в своих работах к общему мнению относительно определения понятия профессионального спорта. Так, в своих исследованиях, они дали следующее определение: «профессиональный спорт – это совокупность форм занятия спортом и сопряженных с ними видов деятельности и общественных отношений по поводу

профессионального спортивного процесса и профессиональных спортивных интересов». [1 с. 25].

Закон Донецкой Народной Республики «О физической культуре и спорте», в свою очередь, дает определение, согласно которому «профессиональный спорт – часть спорта, направленная на организацию и проведение спортивных соревнований, за участие в которых и подготовку к которым в качестве своей основной деятельности спортсмены получают вознаграждение от организаторов таких соревнований и (или) заработную плату от работодателя» (п. 17 ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 66) [2].

Проводя аналогию с другими сферами повседневной жизни людей, можно прийти к выводу, что государственное управление в сфере профессионального спорта – это деятельность органов государственной власти, направленная на регулирование отношений, возникающих в данной сфере, а также непосредственное влияние на происходящие в ней процессы.

Переходя к определению основных проблем, нельзя не отметить сложившуюся тяжелую ситуацию в государстве, затрудняющую процесс развития национального спорта в целом. В отличие от других государств, в том числе и Российской Федерации, Донецкая Народная Республика не может считаться полноценным участником международной спортивной жизни. Только на единичных международных соревнованиях, к участию допускаются наши спортсмены, и лишь с учетом ограничения их прав на выступление под своей символикой. Очевидно, что данная ситуация крайне негативно влияет на все процессы развития спортивных движений в Донецкой Народной Республике, в первую очередь, это сказывается на кадровой ситуации. Люди просто не находят достаточной мотивации для достижения определенных успехов на внутренней арене, так как возможность их карьерного роста существенно ограничена.

Несмотря на то, что повлиять на общую ситуацию почти невозможно, варианты решения конкретных проблем в спортивной сфере существуют. Способов влияния государства на процесс наращивания кадрового потенциала и укрепления профессиональной приверженности существует несколько. Однако, так как в рассматриваемом случае, вариант с перспективой спортивных достижений на международной арене не является доступным, то эффективным видится возможность материального влияния государства, выражаемая в первую очередь в увеличении финансирования профессионального спорта.

В наше время, проблемы с недостатком финансирования встречаются почти во всех сферах. Однако, в случае со спортом, вариант с выделением денежных средств непосредственно из государственной казны, не является единственным. На примере других государств, можно с уверенностью сказать, что развитие коммерческой составляющей является важным условием существования профессиональных клубов. Государство стимулирует владельцев вывести свои команды на самоокупаемость и выстраивать экономические процессы по принципам бизнеса. Основной целью, в данном случае является индивидуальное развитие спортсменов, что в будущем приводит к росту их собственной капитализации. [3].

Возможность самим зарабатывать на своей деятельности, может появиться у профессиональных спортивных клубов, только при должном выполнении государством одной из своих главных задач в сфере спорта – продвижении его в массы. Имея почти неограниченный в данной области объем управленческих полномочий, государство способно повлиять на процесс развития спорта, сделав его привлекательным для широкой публики. В первую очередь, следует использовать возможность регулярного привлечения средств массовой информации на проводимые профессиональные чемпионаты.

Процессы обработки, хранения и предоставления информации о развитии спорта и физической культуры занимают важное место в деятельности органов

государственной власти и местного самоуправления. Обеспечение доступа к информационным ресурсам органов власти посредством сети Интернет позволяет обеспечить большую степень стабильности и эффективности государственного управления в сфере физической культуры и спорта и снизить уровень коррупции во властных структурах, обеспечивающих развитие спорта и физической культуры [4 с. 109].

Однако, нельзя не заметить, что повышение интереса среди населения невозможно без такого же интереса со стороны управляющих структур. Очевидно, что интерес государства в наше время сфокусирован на других, более значимых сферах повседневной жизни людей, однако, разработка соответствующего комплекса мер по пропаганде спорта является важнейшим шагом на пути к достижению цели. Для подготовки и реализации плана, должны быть привлечены кадры, имеющие соответствующий опыт в рассматриваемой сфере и способные решить поставленные перед ними задачи, среди которых:

1) определение приоритетных направлений пропаганды физической культуры, спорта и здорового образа жизни;

2) поддержка реализации проектов по развитию физической культуры и спорта в средствах массовой информации;

3) расширение аудитории и повышение качества работы ведущих телевизионных каналов по пропаганде физической культуры и спорта, здорового образа жизни;

4) формирование государственного заказа на создание и распространение кинематографической, печатной и наглядной продукции, телерадиопрограмм и интернет-ресурсов в области здорового образа жизни, физической культуры и спорта;

5) пропаганда нравственных ценностей физической культуры и спорта, идей олимпизма [5 с. 79].

Государство может повлиять на профессиональный спорт, создав возможность спортсменам развиваться, не задумываясь о финансовой части своей жизни, сфокусировавшись исключительно на процессе. Такие улучшения способны сделать спорт профессиональным не только в теории, но и на практике. Увеличение финансирования в перспективе окажет положительный эффект на всю сферу, дав возможность улучшения инфраструктуры, закупки необходимой экипировки, своевременной выплаты заработной платы самим спортсменам, тренерам, иному персоналу. В совокупности, все эти факторы, позволят формировать новый профессиональный кадровый состав, развивать детские спортивные школы и академии.

Трудности, связанные с недостатком кадров, вызывают иные проблемы, негативно сказывающиеся на текущем положении профессионального спорта. Среди основных, следует выделить неправильное распределение профессионального труда. В первую очередь, это заключается в недостатке профессиональных менеджеров, способных грамотно управлять и организовывать процессы в профессиональных клубах. Вместо этого, на себя берут полномочия люди, не имеющие соответствующей квалификации, что часто приводит к принятию негативных для работодателя решений. Данная проблема касается и других специальностей в профессиональном спорте, что не только тормозит процесс развития сферы, но и значительно ухудшает ситуацию.

Как отмечает в своих исследованиях Гуртова Е.С., влияние профессиональной подготовки трудящихся на экономическую эффективность организации происходит от того, что трудящиеся, владеющие необходимым уровнем познаний, умений и способностей, обеспечивают высшую производительность и качество труда при оптимальном применении имеющихся ресурсов [6 с. 17].

Очевидно, что решить данную проблему государству, в краткие сроки невозможно, однако, если заняться ей сейчас, то в перспективе это даст свои

результаты. В первую очередь, следует обратить внимание на обучение новых кадров и создание благоприятных условий для повышения квалификации уже имеющихся работников.

Одним из вариантов решения, также видится законодательное закрепление нормы, запрещающей допуск лиц, не имеющих соответствующей квалификации, к работе на основополагающих для рассматриваемой сферы должностях, к которым относятся: тренер; работники юридического и медицинского отдела; персонал, осуществляющий организационные и управленческие полномочия, а также другие работники, чья деятельность непосредственно влияет на процесс развития профессионального клуба в частности, и спорта в целом.

Вместе с тем, для реализации рассмотренных ранее идей, видится необходимым ужесточение контроля со стороны государства за деятельностью лиц, причастных к ключевым процессам в профессиональном спорте. Государственный контроль, являясь неотъемлемым элементом прогресса для любой сферы жизни современного общества, способен повлиять на продуктивность и эффективность реализации принимаемых государством решений.

По мнению А.Л. Миронова, государственная власть в целях повышения эффективности своей деятельности по реализации функций государства осуществляет контрольную деятельность (контрольную функцию), принуждение, другие механизмы регулирования. Контроль является обратной связью в системе управления, обеспечивая субъект управления информацией о состоянии объекта управления и способствуя выработке надлежащих управленческих решений. [7 с. 47]. Исходя из этого, государственный контроль представляется самым действенным способом обеспечения реализации идей, направленных на решение проблем, имеющихся в сфере профессионального спорта.

На основании всего вышесказанного, можно сделать вывод, что текущая ситуация с профессиональным спортом в Донецкой Народной Республике далека от идеала. В ходе исследования было выявлено сразу несколько ключевых проблем, являющихся причиной регресса профессионального спорта и создающих все больше трудностей в перспективах их решения.

Однако, даже несмотря на наличие существенных недостатков, профессиональный спорт, как и большинство сфер жизни современного общества, способен развиваться при условии соответствующего внимания со стороны государства, необходимого для решения вопросов законодательной, экономической или социальной части своей деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственное управление в сфере спорта: учебник для магистров / Понкин И.В., Редькина А.И., Соловьев А.А., Шевченко О.А. / Науч. ред.: д.ю.н., проф. И.В. Понкин / Кафеда спортивного права Института современного прикладного права МГЮУ им. О.Е. Кутафина. – М.: Буки Веди, 2017. – 485 с.
2. О физической культуре и спорте: Закон Донецкой Народной Республики №33-IHC от 24.04.2015 (ред. по сост. на 30.12.2020 / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/o-fizicheskoj-kulture-i-sporte/ (дата обращения: 05.01.2022). – Загл. с экрана.
3. Полтавская Е. Удар по мячу: как бизнес поддерживает российский футбол // «МИЦ «Известия». – 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/1004331/elena-poltavskaia/udar-po-miachu-kak-biznes-podderzhivaet-rossiiskii-futbol (дата обращения: 05.01.2022). – Загл. с экрана.
4. Валиев Р.Н. Эффективность государственно-правового регулирования в сфере физической культуры и спорта в современной России / Р.Н. Валиев // Журнал «Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация». Т. 2. № 4. – 2017. – С. 105–112.
5. Истягина-Елисеева Е.А. Комплекс мер по пропаганде физической культуры и спорта в Российской Федерации / Е.А. Истягина-Елисеева // Символ науки. №3. – 2016. – С. 78–80.
6. Гуртова, Е. С. Социально-экономическая эффективность подготовки кадров. Сборник научных трудов / Е. С. Гуртова. – Свердловск: Экономика, 2014. – 140 с.

7. Миронов А.Л. Сущность государственного контроля / А.Л. Миронов // Вестник Московского университета МВД России. №9. – 2012. – С. 46–49.

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE SPHERE OF PROFESSIONAL SPORT IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. This paper examines the current state of professional sports in the Donetsk People's Republic, taking into, account the influence of public administration. Revealed topical problems arising in the process of public administration in the field of professional sports in the Donetsk People's Republic, as well as proposed ways to solve them.
Keywords: state, public administration, professional sports.

Navka I.
Scientific adviser: Pashkov S. N., Ph. D., associate professor
Donetsk National University
E-mail: usyanapa@gmail.com

УДК 342

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Нестерук В.А.
Научный руководитель: Поляков В. Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации права на благоприятную окружающую среду коренных народов. В качестве одной из особенностей анализируемого права можно выделить субъектный состав на момент непосредственной реализации. Так, право на благоприятную окружающую среду представляется одним из коллективных прав коренных народов. Акцентировано внимание на проблеме эффективности реализации рассматриваемых прав, а также фактической невозможности осуществления такого права в индивидуальном порядке. В отношении вопросов о выделении субъектного состава важно отметить, что в зависимости от субъекта может отличаться и содержание права, т.е. в зависимости от носителя данного прав будет и изменяться его объём. В современном мире вопросы сохранения и подержания благоприятной окружающей среды являются одними из наиболее актуальных.
Ключевые слова: конституционное право на благоприятную окружающую среду, коренные народы, правосубъектность народа, экологическая безопасность.

В современном мире всё большее внимание уделяется правам человека, в том числе пристальное внимание обращено как на права гражданина, так и непосредственно на права человека. Также вопросы экологической безопасности приобретают первостепенное значение как составляющей национальной безопасности, так и в качестве одного из элементов международной безопасности.

Конституция Российской Федерации [1] в ст. 42 закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. В данном случае термин «каждого» включает в себя обширный перечень субъектов, среди которых: непосредственно граждане Российской Федерации, иностранцы, апатриды, бипатриды, полипатриды и другие. В рассматриваемой норме акцентировано внимание именно на правах человека, а не на правах гражданина. Так, усматривается иной подход в рамках концепции прав человека к субъектному составу правового статуса личности, который выражается в конституционном закреплении «прав человека» как юридической категории.

Права человека в своём общем смысле подразумевают как права отдельных личностей, так и права целых общностей, включая права детей, женщин, социальных групп, коренных народов, национальных меньшинств и иных. Так, важно отметить, что права человека очерчивают более широкий перечень прав, нежели права гражданина. Безусловно, в контексте такого сравнения категория «права человека» представляется более объёмной, чем категория «права гражданина». При этом сопоставление субъектного состава рассматриваемых категорий можно сделать аналогичный вывод: субъектный состав прав человека включает более широкий перечень, в отличие от субъектного состава прав гражданина.

Исходя из проанализированного, можно констатировать и некоторые отличия в объекте и субъекте права каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. В отношении вопросов о выделении субъектного состава рассматриваемого права важно отметить, что в зависимости от субъекта может отличаться и содержание права, т.е. в зависимости от носителя данного прав будет и изменяться его объём. Безусловно, субъектный состав права на благоприятную окружающую среду нельзя считать второстепенным в условиях стремительно развивающейся экологической политики на международном уровне. Указанное, а также высокая социальная значимость затронутой проблематики обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Проблемам реализации права коренных народов на благоприятную окружающую среду уделено внимание в работах таких исследователей как С.В. Брусницына, Д. С. Велиева, А.И. Казанник, Б.А. Молчанов, Г.А. Писарев. В то же время, вопросы правовой регламентации субъектного состава реализации указанного права требуют дополнительной научной разработки и конкретизации.

Цель статьи заключается в исследовании особенностей реализации коренными народами права на благоприятную окружающую среду.

В юридической литературе права человека и гражданина классифицируются на индивидуальные и коллективные, критерием такой классификации в данном случае выступает субъект осуществления прав. Так, права коренных народов относятся к правам коллективным. В таком случае можно согласиться с мнением некоторых ученых, которые предполагают, что права человека одновременно включают в себя следующие права коренных народов: на мир, на благоприятную окружающую среду, на прогрессивное, социальное и экономическое развитие конкретного общества и другие.

Процесс формирования перечисленных прав берёт своё начало после событий Второй мировой войны, а зарождаемые новые права имеют не просто коллективный характер в целом, но и несут в себе принадлежность к правам всего человечество в частности, включая ориентированность на права коренных народов. В данном случае речь идёт о правах человека третьего поколения, процесс формирования которых до сих пор остаётся дискуссионным.

В качестве одной из особенностей анализируемых прав можно выделить субъектный состав на момент непосредственной реализации. Право на благоприятную окружающую среду является коллективным правом, а в нашем случае – коллективным правом коренных народов. Однако рассматриваемое право может быть реализовано как коллективно, так и индивидуально. Так, интересы индивидуальные и интересы коллективные имеют взаимосвязь, а процесс реализации конкретного коллективного права должен удовлетворять интересам как общества или его группы, так и интересам индивида.

Важно отметить, что процесс реализации коллективных прав происходит через множество субъектов, например, народа, нации, общности, ассоциации и иных. При этом некоторые авторы выделяют в качестве одной из проблем эффективность

реализации таких прав, а также фактическую невозможность осуществления такого права в индивидуальном порядке. Так, некоторые коллективные права, а в нашем случае – право коренных народов на благоприятную окружающую среду, не могут быть реализованы индивидуально. В случае индивидуальной реализации такого права личный статус субъекта не будет учитываться, в свою очередь, процесс реализации такого права совместными усилиями с другими представителями народа будет более эффективным и, что немало важно, коллективным. Например, закрепленное конституционное право каждого на благоприятную окружающую среду, безусловно, представляет собой индивидуальную направленность, и включает в себя право на получение достоверной информации о состоянии окружающей природной среды, загрязнении воздуха и воды, уровня токсичных веществ в почве и атомосфере, право на сохранение природных ресурсов и т.д. Однако невозможно реализовывать данное право исключительно в индивидуальном порядке, потому что сама окружающая среда не может «окружать» только одного индивида. А в тех случаях, когда речь идёт о неблагоприятном состоянии окружающей среды, всегда идёт также речь о неких территориальных границах, на которых проживают люди, а среда обитания которых претерпевает негативные изменения. Так, реализация права коренных народов на благоприятную окружающую среду является коллективным правом и реализация его осуществляется также коллективно.

Согласно Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам [2], к коллективным субъектам можно отнести следующих: этнические, языковые и религиозные меньшинства. Согласно положениям Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [3] и Международного пакта о гражданских и политических правах [4] к коллективным субъектам можно отнести народы, включая нации, коренные и малочисленные народы, народы, ведущие племенной образ жизни. При этом следует акцентировать внимание, что меньшинства и народы считаются одновременно коллективным и индивидуальным субъектом, что зависит от содержания признаваемых прав человека. Если речь идет о правах, которые гарантированы им как сообществу в целом, например, праве на сохранение родного языка, праве на сохранение своих обычаев, традиций, культуры, институтов и других, то можно говорить о коллективных правах. При этом если же речь идет о наделении представителей народов правами, равными с представителями других сообществ и населения в целом, то представители народов или иных групп выступают индивидуальными субъектами прав человека.

В науке конституционного права по вопросам о правосубъектности народа доминирует традиционная и вполне устоявшаяся позиция. В соответствии с позицией большинства учёных, народ представляет собой особого субъекта права. Также в науке существуют и менее распространённые позиции. В соответствии с одной из таких позиций, народ, иные социальные группы не являются субъектами права, а выступают субъектами политики, при этом являясь носителем и источником власти политической. В свою очередь, некоторые авторы придерживаются позиции, что народ является субъектом преюдициальных правоотношений. Так, преюдициальные правоотношения носят доюридический характер, преимущественно в сфере социальных прав. Данная позиция в своём обосновании предполагает, что социальные общности людей, включающие народ и нацию, по большей части представляют собой институты политической жизни. Однако в этом случае как таковых признаков или свойств институциональности в себе не несут. Важно отметить, что такие субъекты выступают в сфере правовых отношений не непосредственно, а опосредствованно – через персонифицированные социальные образования (т.е. через государство и его основные институты) и разнообразные организации, в том числе партии, профессиональные союзы, кооперативы. Указанный подход представляется обоснованным и оправданным.

Проблема *защиты экологических прав коренных народов требует всестороннего научного анализа и нормативного рассмотрения на национальном и международном уровнях. Важно отметить, что* проблемные аспекты защиты экологических прав коренных малочисленных народов не является новой, а анализ научных публикаций и литературы, в совокупности с национальным и зарубежным законодательством свидетельствует об актуальности обозначенной выше проблемы. Доказательством актуальности данного вопроса выступают многочисленные труды различных ученных, к примеру, те же научные исследования В. А. Кряжкова, которые посвящены совершенствованию законодательства в сфере защиты прав коренных малочисленных народов. Кроме этого, необходимо отметить, немаловажные труды Р. Р. Амирова и Э. Ф. Нигматуллина, которые в свою очередь обосновывают, в своих работах, необходимость изменения некоторых вопросов природопользования с учетом актуальных этнических и культурных особенностей нашей многонациональной страны [5, с. 62].

Так, например, территории Сибири, Дальнего Востока и Севера рассматриваются с позиции ресурсной базы для экономического роста Российской Федерации, что привело к процессам интенсивного освоения природных ресурсов. Такие действия, безусловно, отражаются на состоянии окружающей среды и повлекли за собой проблемы экологии. Среди таких проблем можно перечислить: загрязнение и деградация земель; ухудшение состояния атмосферного воздуха, водных объектов и лесных массивов; уничтожение биологических ресурсов и среды обитания человека и животных и т.д. С учётом перечисленных проблем закономерным и важным представляется вопрос о необходимости возрождения и дальнейшего сохранения традиционного природопользования коренных малочисленных народов России, при этом немаловажно учитывать и форму хозяйствования, которая в наименьшей степени способна порождать экологические проблемы в ходе осуществления территорий богатых на природные ресурсы [6, с. 115].

В данном случае следует отметить, что процессы жизнедеятельности коренных малочисленных народов имеют неразрывную связь с природной окружающей средой, потому что имнно среда обитания человека в данном случае выступает основой и неотъемлемой частью большинства таких процессов. В свою очередь, защита экологических прав имеет большое значение в современном мире не только в условиях жизни человека в бетонных джунглях, но и в условиях жизни коренных малочисленных народов на территории, на которой имеются природные ресурсы. С этой точки зрения представляется важным обеспечивать реализацию мер, направленных на сохранение видового разнообразия флоры и фауны регионов обитания коренных народов, удаление и транспортировку опасных веществ, стимулировать ответственное и экологичное природопользование.

Степень эффективности и применяемости нормативных актов, регулирующих в той или иной мере защиту прав коренных малочисленных народов и защиту природной окружающей среды, безусловно, представляется дискуссионной, однако сам факт их существования дает определенные надежды на заинтересованность государства в регулировании данного вопроса. Следует подчеркнуть, что полнота и эффективность реализации базовых прав человека напрямую зависит от качества окружающей среды. Так, деградация природных ресурсов и загрязнение атмосферы, воды и почвы делают невозможным осуществление права на жизнь, здоровье, питание, воду, жилье и безопасные условия труда, а также некоторые другие права. В частности, уничтожение рыбных ресурсов напрямую воздействует на качество питания коренных народов, а затопление островных государств вследствие изменения климата ставит под угрозу реализацию права на самоопределение. Также следует отметить, что в соответствии с выводами Африканской комиссии по правам человека и народов, Европейского суда по

правам человека и Межамериканской комиссии и Суда по правам человека, к правам, ставящимся под угрозу вследствие экологического ущерба, относятся, в частности, право на жизнь, здоровье, имущество и неприкосновенность частной жизни.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, осознающие себя самостоятельными этническими общностями, представляют особый исследовательский научный интерес в фере защиты экологических прав, а также сохранения и поддержания благаприятной окружающей среды. В таком случае важно отметить, что защита экологических прав коренных малочисленных народов, на данный момент включает некоторые пробелы в нормативно-правовом регулировании в данной сфере общественных отношений. Наиболее важным представляется приведение национального законодательства в соответствие с общепризнанными международными принципами и нормами в сфере экологических прав коренных малочисленных народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/2b65ae24cc8141d4720fb749fb0c5583f8395048/ (дата обращения: 30.01.2022 г.)
2. Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 30.01.2022 г.)
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 30.01.2022 г.)
4. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 30.01.2022 г.)
5. Амирова Р. Р., Нигматуллина Э. Ф. Конституционно-правовая политика в сфере защиты экологических прав коренных малочисленных народов // Юридический мир. – 2014. – С. 61 – 65.
6. Зарамышева Д. А., Буркин Д. О. Правовые аспекты защиты экологических прав коренных малочисленных народов // Аллея науки. – 2017. – С. 113-117.

SOME ASPECTS OF REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO A FAVORABLE ENVIRONMENT INDIGENOUS PEOPLES

Annotation. The article deals with the implementation of the right to a favorable environment for indigenous peoples. As one of the features of the analyzed law, it is possible to single out the subject composition at the time of direct implementation. Thus, the right to a healthy environment appears to be one of the collective rights of indigenous peoples. Attention is focused on the problem of the effectiveness of the implementation of the rights in question, as well as the actual impossibility of exercising such a right on an individual basis. With regard to the issues of separating the subject composition, it is important to note that, depending on the subject, the content of the right may also differ, i.e. depending on the holder of this right, its scope will also change. In the modern world, the issues of preserving and maintaining a favorable environment are among the most relevant.
Keywords: constitutional right to a favorable environment, indigenous peoples, legal personality of the people, environmental safety.

Nesteruk V.
Scientific adviser: Polyakov V. U., candidate of law, associate professor
Donetsk National University
E-mail: vika_nesteruk@mail.ru

УДК 347.64

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВРЕМЕННОЙ ОПЕКИ (ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА) КАК ФОРМЫ ВОСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Нещадимова С.А.
Научный руководитель: Олейникова А.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Настоящая научная статья посвящена исследованию отдельных вопросов правового регулирования временной опеки (попечительства). Были проанализированы вопросы о сроках, причинах и основаниях для назначения временной опеки (попечительстве), процедуре назначения временного опекуна (попечителя), сделаны предложения относительно совершенствования законодательства, регламентирующего данную сферу правоотношений.
Ключевые слова: временная опека (попечительство), опекун, попечитель, защита прав и интересов, восполнение гражданской дееспособности.

Защита прав и интересов несовершеннолетних является одной из наиболее значимых задач семейного законодательства, которая направлена на повышение нравственного воспитания общества и значимости семейных ценностей. В подтверждение этому, справедливо привести в пример позицию Е.А. Татаринцевой, которая указывала, что: «в области семейных отношений, касающихся защиты прав несовершеннолетних детей, нормы семейного права являются нормами исключительно нравственного свойства» [1, с. 51]. На современном этапе, следует отметить, динамику развития семейного законодательства Донецкой Народной Республики, которое во многом реципировало опыт правового регулирования семейных правоотношений Российской Федерации. Тем не менее, до настоящего времени, существуют вопросы, которые в полной мере не урегулированы семейным законодательством, а в правовой доктрине ведутся множественные дискуссии, наличие которых указывает на сложность вопроса установления единого правового механизма. Так, одним из дискуссионных институтов семейного права считается институт временной опеки или попечительства, сущность которого заключается в предоставлении временному опекуну (попечителю) права представлять интересы ребенка, с отдельными ограничениями, на период, когда исполнение родительских обязанностей родителями несовершеннолетнего представляется невозможным. Данный семейно-правовой институт остается мало апробированным в правовой действительности, что указывает на существование недостатков его правового регулирования, а также недостаточно исследован в правовой доктрине. Тем не менее, данный институт представляет собой одну из форм восполнения гражданской дееспособности несовершеннолетнего лица, поскольку на период невозможного исполнения родительских обязанностей, права и интересы указанного лица могу быть существенно нарушены, находиться под угрозой. Изложенное свидетельствует об актуальности темы исследования, а также необходимости исследования отдельных вопросов правового регулирования временной опеки или попечительства.

Как было указано ранее, теоретические основы временной опеки или попечительства являются, в настоящее время, недостаточно исследованными, тем не менее, в рамках данного исследования представляется необходимым выделить таких ученых как О.Ю. Ильину, О.В. Фетисову, Е.А. Татаринцевой и др.

Целью данного исследования целесообразно считать теоретическое осмысление проблем правового регулирования института временной опеки или попечительства, внесение предложений в действующее законодательство, относительно совершенствования института временной опеки или попечительства.

Анализ практики использования института временной опеки или попечительства указывает на не востребованность данного института в правовой действительности. В качестве причин сложившейся ситуации, считаем, следует рассматривать, искаженное представление о сущности и содержании данного института. Так, опека или попечительства традиционно в обществе рассматривается как форма устройства детей, которые были лишены родительского попечения по причине смерти, признания безвестно отсутствующими, лишения родительских прав и др. Однако правовые последствия установления временной опеки или попечительства существенно отличаются, поскольку реализация указанного института осуществляется по совместному заявлению родителей, которые признают невозможность исполнения родительских обязанностей на определенный промежуток времени. Следовательно, временная опека или попечительство над несовершеннолетним или малолетним лицом не может рассматриваться в качестве основания для ограничения или лишения родительских прав. Помимо этого, временная опека или попечительство выступают формой восполнения недостающей гражданской дееспособности несовершеннолетнего на период, когда права и интересы несовершеннолетнего или малолетнего лица, не могут быть реализованы родителями. Стоит дополнить, что лицо, которое не имеет официального статуса опекуна не может быть представителем интересов ребенка, в связи с чем, при наступлении непредвиденных ситуаций, права и законные интересы ребенка могут находиться под угрозой. Именно в этом и заключается значимость института временной опеки или попечительства.

Одной из существенных проблем правового регулирования института временной опеки и попечительства является отсутствие нормы в Законе Донецкой Народной Республики «Об опеке и попечительстве», которая закрепила бы права и обязанности временного опекуна (попечителя) [2]. Анализ немногочисленной практики РФ по данному вопросу свидетельствует о том, что временный опекун или попечитель обладает аналогичными опекуну (попечителю) правами и обязанностями, за исключением права распоряжения имуществом от имени подопечного. Подобная практика правоприменения представляется обоснованной, поскольку временный характер опекунства (попечительства) может создать возможность для злоупотребления полномочиями в сфере права собственности несовершеннолетнего. Таким образом, изложенное свидетельствует о необходимости законодательного закрепления объёма прав и обязанностей временного опекуна (попечителя), с целью установления единой практики правоприменения по данному вопросу. Однако, необходимо осуществить всестороннее исследование института временной опеки или попечительства, с целью дальнейшего законодательного закрепления прав и обязанностей опекуна (попечителя).

Согласно ч. 1 ст. 14 Закона Донецкой Народной Республики «Об опеке и попечительстве», родители могут подать в орган опеки и попечительства совместное заявление о назначении их ребенку опекуна или попечителя на период, когда по уважительным причинам они не смогут исполнять свои родительские обязанности, с указанием конкретного лица. В акте органа опеки и попечительства о назначении опекуна или попечителя по заявлению родителей должен быть указан срок действия полномочий опекуна или попечителя. Таким образом, возникает вопрос относительно обоснованности требования нормы о совместном заявлении, поскольку родители ребенка могут проживать раздельно, при том что один из родителей будет против назначения временной опеки или попечительства, однако при этом отказываясь исполнять в полной мере родительские обязанности (предоставить жилье, материально обеспечивать одеждой, продуктами питания и т.п.). В ч. 2 указанной нормы указано, что подача одним из родителей заявления об установлении временной опеки или попечительства возможна только в случае смерти другого родителя, признания его

безвестно отсутствующим, недееспособным и т.п. При этом, сущность временной опеки (попечительства) заключается во временном предоставлении третьему лицу права представлять интересы ребенка, однако в случае наличия возможности исполнять родительские обязанности и отсутствии согласия на установлении временной опеки (попечительства), а также отказе в полной мере выполнять родительские обязанности за обоих родителей, является коллизией, которую возможно решить только в судебном порядке. Иными словами, только на основании судебного решения представится возможным разрешение данной проблемы, поскольку в полномочия органа опеки и попечительства в лице городской, районной, районной в городе администрации, данное право не входит.

В доктрине также высказываются предложения относительно необходимости закрепления перечня обстоятельств, позволяющих установить временную опеку (попечительство). Так, О.Ю. Ильина отмечала: «На наш взгляд, представляется целесообразным закрепить в содержании статьи открытый, примерный перечень наиболее распространенных оснований, так, например: случаях временного проживания родителей в другом городе или субъекте, связанного с поиском работы; нахождении родителей (единственного родителя) в длительной командировки или работы вахтовым методом; длительной поездки родителей (единственного родителя) ребенка за рубеж; получение образования родителями в другом городе или регионе; наличием у единственного родителя тяжелой болезни и др.» [3, с. 122].

Считаем, что позиция автора недостаточно обоснована, поскольку невозможно перечислить все уважительные причины необходимости установления временной опеки (попечительства). Следует предоставить возможность специалистам органа опеки и попечительства определить уважительность причин. В случае же, если родители (родитель) считают отказ в установлении временной опеки (попечительства) необоснованным, необходимо обратиться в суд с исковым заявлением о признании действия органа опеки и попечительства необоснованным, отмене данного решения. При исследовании аналогичного вопроса В.С. Козлова и Е.Р. Брюхина пришли к выводу, что уважительными причинами установления временной опеки (попечительства) невозможно считать аморальный образ жизни, злоупотребление алкогольными напитками, наркотическими средствами и т.п., поскольку в данном случае лицо, ведущее подобный образ жизни, не исполняет родительские обязанности, не в связи с обстоятельствами, которые его вынуждают принять решение о назначении временного опекуна (попечителя), а по собственной безответственности перед ребенком [4, с. 60].

Целесообразно отметить, что подачи совместного заявления родителями об установлении временной опеки, наличие уважительной причины и разумного срока недостаточно. В соответствии с ч. 4 ст. 14 Закона Донецкой Народной Республики «Об опеке и попечительстве», при назначении опекуна или попечителя в случаях, предусмотренных частями 1–3 настоящей статьи, должны быть соблюдены требования, предъявляемые к личности опекуна или попечителя частью 1 статьи 11 настоящего Закона. Следовательно, к временному опекуну (попечителю) предъявляются аналогичные опекунам (попечителям) требования, что является обоснованным решением законодателя.

Значимым вопросом практики правоприменения в правовой действительности института временной опеки (попечительства) является процедура назначения опекуном (попечителем). Характер причин и оснований, вызвавших необходимость установления временной опеки требует быстрого оформления полномочий опекуна (попечителя), а закрепленная законодательством в ч. 1-3 ст. 14 вышеуказанного Закона процедура может заняться длительное время, что может не соответствовать обстоятельствам и интересам родителей. Это свидетельствует о необходимости упрощения процедуры

назначения временного опекуна (попечителя) в случаях краткосрочной невозможности исполнения родительских обязанностей. По аналогии с передачей прав и обязанностей опекуну (попечителю) в предварительной опеке и попечительстве, регламентированной ст. 12 Закона Донецкой Народной Республики «Об опеке и попечительстве», целесообразно закрепить упрощенную процедуру назначения временного опекуна (попечителя), в случае, если временная опека (попечительство) назначается на срок не более 6 месяцев. Так, целесообразно закрепить, что временным опекуном (попечителем) может быть дееспособное лицо, достигшее возраста 18 лет. Закрепление процедуры назначения временного опекуна (попечителя) по аналогии с процедурой назначения временного опекуна или попечителя является менее бюрократизированной, более привлекательной для родителей, которые не могут выполнять родительские обязанности на краткосрочный период (менее 6 месяцев). Помимо этого, справедливо указать, что проживание ребенка у третьих лиц без оформления опекунства (попечительства) является угрозой для прав и законных интересов ребенка, поскольку при непредвиденных обстоятельствах, лицо, которое осуществляет уход за ребенком на период отсутствия родителей без оформления опекунства (попечительства) не может должным образом реагировать на проявления нарушения прав и интересов ребенка.

Еще одной проблемой временной опеки или попечительства является отсутствие указания в Законе Донецкой Народной Республики «Об опеке и попечительстве» указания на сроки возможного установления временной опеки (попечительства). Подобное решение законодателя, считаем, является необоснованным, поскольку создает условия для злоупотребления правом установления временной опеки (попечительства). Считаем, что природа и сущность временной опеки (попечительства) не позволяют связывать дату прекращения временной опеки (попечительства) с определенным событием, поскольку подобное «растягивание» временных пределов является злоупотреблением правом. В данном случае, целесообразно согласиться с Фетисовой О.В., которая утверждает, что период установления временной опеки (попечительства) не может превышать 5 лет, в силу специфики исследуемого института. На основании анализа практики правоприменения данного института в правовой действительности Российской Федерации, автор пришла к мнению, что данный срок в наибольшей степени возможно назвать универсальным для восполнения недостающей дееспособности ребенка в рамках временной опеки (попечительства) [5, с. 135]. Таким образом, данное положение также следует отразить в действующем Законе Донецкой Народной Республики «Об опеке и попечительстве». В случае, если родителями были устранены препятствия, которые выступили причиной для установления временной опеки (попечительства), родители могут подать совместное заявление о снятии временной опеки (попечительства), полномочий временного опекуна (попечителя).

Таким образом, целесообразно внести изменения в действующий Закон Донецкой Народной Республики «Об опеке и попечительстве», с целью совершенствования института временной опеки (попечительства), разрешения выявленных проблем, которые негативно отражаются на эффективности указанного института. Стоит дополнить, что введение подобных изменений положительно отразится на использовании временной опеки (попечительства) в правовой действительности.

Резюмируя изложенное, необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 14 Закона Донецкой Народной Республики «Об опеке и попечительстве» и изложить норму в следующем содержании:

«1. Родители могут подать в орган опеки и попечительства совместное заявление о назначении их ребенку опекуна или попечителя на период, когда по уважительным причинам они не смогут исполнять свои родительские обязанности, с указанием конкретного лица. В акте органа опеки и попечительства о назначении опекуна или

попечителя по заявлению родителей должен быть указан срок действия полномочий опекуна или попечителя, не превышающий 5 лет со дня подачи данного заявления.».

Также представляется целесообразным дополнить ч. 4^1 ст. 14 Закона Донецкой Народной Республики и изложить норму следующего содержания:

«4^1. Назначенный по совместному заявлению родителей опекун или попечитель обладает всеми правами и обязанностями опекуна или попечителя, за исключением права распоряжаться имуществом подопечного от его имени (давать согласие на совершение подопечным сделок по распоряжению своим имуществом).».

При рассмотрении вопроса о краткосрочных периодах невозможности исполнения родительских обязанностей в полной мере, а, следовательно, назначения временной опеки (попечительства), была установлена необходимости введения в действующее законодательство процедуры упрощенного назначения временного опекуна (попечителя). Исходя из этого, обосновано дополнить ч. 1^1 ст. 14 Закона Донецкой Народной Республики и изложить норму в следующем содержании:

«1^1. В случаях подачи родителями совместного заявления о назначении опекуна или попечителя на период менее 6 месяцев, орган опеки и попечительства вправе принять акт о назначении опекуна или попечителя (акт о временной опеке или попечительстве), при соблюдении требований к опекуну или попечителю, предусмотренных ч. 4^1 данной статьи.».

Считаем, что данные изменения будут способствовать развитию института временной опеки (попечительства), обеспечат соблюдение прав и интересов детей, с целью восполнения их гражданской дееспособности на период невозможного исполнения родительских обязанностей родителями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Татаринцева, Е.А. Современные типы усыновления по семейному законодательству Российской Федерации/ Е.А. Татаринцева// «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2011. – № 2. – С.50-54.
2. Об опеке и попечительстве: Закон Донецкой Народной Республики № 173-IIНС от 17.07.2020 (С изменениями, внесенными Законом от 01.09.2020) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: сеть «Интернет»: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-opeke-i-popechitelstve/ (дата обращения: 05. 11. 2021). – Загл. с экрана.
3. Ильина, О.Ю. Интересы ребенка в современном праве Российской Федерации: учебник/ О. Ю. Ильина. – М.: Городец, 2006. – 215 с.
4. Брюхина, Е.Р. Некоторые проблемы правового регулирования временной опеки (попечительства) над несовершеннолетними в РФ/ Е.Р. Брюхина, В.С. Козлова// Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2014. – 2. – С. 58-62
5. Фетисова, О.В. Виды и формы опеки (попечительства)/ О.В. Фетисова // Право и политика. – 2019. – № 2 (54). – С. 134-140

CERTAIN ISSUES OF LEGAL REGULATION OF TEMPORARY GUARDIANSHIP (GUARDIANSHIP) AS A FORM OF REPLENISHMENT OF THE CIVIL CAPACITY OF MINOR CHILDREN

Annotation. This scientific article is devoted to the study of certain issues of legal regulation of temporary guardianship (guardianship). Questions about the terms, reasons and grounds for the appointment of temporary guardianship (guardianship), the procedure for the appointment of a temporary guardian (trustee) were analyzed, proposals were made regarding the improvement of legislation regulating this area of legal relations.
Keywords: temporary guardianship (guardianship), guardian, trustee, protection of rights and interests, replenishment of civil capacity.

Neschadimova S.
Scientific supervisor: Oleynikova A.V., Senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: Sonetn@bk.ru

УДК 340

БИЗНЕС-ОМБУДСМЕНЫ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПО ЗАЩИТЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Новикова А.А.
Научный руководитель: Савельева В.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Научная статья посвящена проблеме реализации и внедрения на территории Донецкой Народной Республики института уполномоченного по защите прав предпринимателей. Кроме того, проводится сравнительный анализ деятельности и полномочий бизнес-омбудсменов зарубежных стран с их аналогами в Донецкой Народной Республике. Исследуется зарубежный опыт регулирования института уполномоченного по защите прав предпринимателей.
Ключевые слова: бизнес-омбудсмен, предприниматель, уполномоченный по защите прав предпринимателей, омбудсмен, предпринимательская деятельность.

После распада социалистической системы и отмены командно-административной экономики, государства на территории бывшего Советского Союза вынуждены были перестроить свою экономическую систему в соответствии капиталистическими устоями. Так, например, молодая экономика Российской Федерации не имела в своём арсенале эффективных способов и методов защиты прав предпринимателей [3, с. 10-11]. Такая же ситуация имела место быть и в Украине. С возникновением Донецкой Народной Республики, предприниматели стали наиболее остро нуждаться в эффективной защите их прав и интересов. Такое положение связано с тем, что непростая экономическая ситуация в регионе напрямую влияет как на положение обычных граждан, так и на положение субъектов предпринимательства, заставляя последних приспосабливаться к новым условиям ведения бизнеса.

Тем самым, не возникает сомнения в значимости эффективной защиты прав и свобод предпринимателей, которые являются естественным «двигателем» любых развитых экономик и капиталистических стран в целом.

По этой причине и ввиду отсутствия необходимых инструментов по защите прав и интересов предпринимателей, законодатель счел нужным решить вопрос о введении соответствующего института, задача которого состояла бы в непосредственной защите субъектов предпринимательства. При этом, понимая развитость защиты предпринимательства в зарубежных странах, следует более подробно изучить иностранный опыт в рассматриваемой области.

Самым ярким и значимым институтом западных государств в области охраны предпринимательской деятельности является институт омбудсмена по защите прав и свобод предпринимателей. Данная структура позволяет эффективно, но, что самое главное, независимо, защищать интересы бизнеса от незаконных воздействий, как внутри рынка от коммерческих структур и недобросовестных партнеров, так и от негативного воздействия государственных органов и иных должностных лиц [5, с. 129-130].

В Донецкой Народной Республике уполномоченный по защите прав предпринимателей законодательно был урегулирован лишь в августе 2020 года. В частности, 18 августа 2020 года вступил в силу Указ Главы Донецкой Народной Республики №279 «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей при Главе Донецкой Народной Республики», который утвердил Положение об Уполномоченном по защите прав предпринимателей при Главе Донецкой Народной Республики (далее по тексту – Уполномоченный). Данное Положение определяет полномочия и сферу деятельности омбудсменов в области предпринимательства.

В соответствии с Положением, Уполномоченный является государственным органом, контролирующийся Главой государства, и ежегодно отчитывающийся ему о проделанной работе. Местом постоянного нахождения Уполномоченного является город Донецк.

Что же касается задач, присущих Уполномоченному, они изложены в п. 2 Положения об Уполномоченном по защите прав предпринимателей при Главе Донецкой Народной Республики. Можно выделить наиболее основные из них:

– защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности;

– осуществление контроля соблюдения прав и законных интересов предпринимателей органами государственной власти, местного самоуправления и должностными лицами;

– взаимодействие с предпринимательским сообществом, правовое просвещение предпринимателей по вопросам их прав и законных интересов, форм и методов их зашиты;

– участие в формировании и реализации государственной политики Донецкой Народной Республики в сфере развития предпринимательской деятельности [1].

Вместе с тем, в Донецкой Народной Республике Уполномоченный по защите прав предпринимателей имеет следующие полномочия: запрашивать у госорганов и органов местного значения необходимую информацию; без лишних бюрократических разрешений вести диалог с обвиняемыми и осужденными по экономическим статьям; проводить проверки контрольных органов; обжаловать незаконные действия органов контроля; направлять президенту и правительству мотивированные предложения об отмене или изменении тех нормативно-правовых актов, которые нарушают законные права предпринимателей, либо всячески мешающих им реализовывать предпринимательскую деятельность.

Тем самым, кратко определив место Уполномоченного в отечественном законодательстве, необходимо обратиться к примерам регулирования института защиты предпринимателей в некоторых зарубежных государствах.

На «Западе» бизнес-омбудсмены подконтрольны определенным органам исполнительной власти, которые и регулируют деятельность своих подчиненных в рамках определенных законом полномочий.

Конкретным примером такой системы можно выделить Соединенные Штаты Америки, где институт бизнес-омбудсменов был утвержден в 1996 году с принятием Закона «О справедливом правоприменении в малом бизнесе» (SBREFA).

Так, в Соединённых Штатах бизнес-омбудсмены помогают защищать права и свободы предпринимателей в случаях незаконных и произвольных действий надзорных либо контрольных органов, а также контролируют их деятельность. Более того, омбудсмены активно принимают участие в развитии местного законодательства в сфере защиты предпринимательства. Не стоит также забывать о том, что в Соединенных Штатах Америки у каждого Штата своё собственное законодательство, которое может разниться друг от друга [2, с. 112].

Кроме того, в Соединенных Штатах Америки бизнес-омбудсмены, как правило, при получении жалобы от предпринимателя на ведущуюся в его отношении незаконную деятельность, проводят оценку деятельности контрольного органа, и в случае обнаружения нарушений, обращаются в соответствующие ведомства с просьбой прекратить незаконную проверку.

Интересным будет также отметить следующее: кроме омбудсменов, занимающихся защитой прав предпринимателей, в зарубежных государствах существуют омбудсмены, которые посвящены исключительно узким направлениям. Так, например, в Соединенных Штатах Америки предусмотрена должность налогового омбудсмена, задача которого состоит в защите американских налогоплательщиков.

Что касается Европы, то там институт бизнес-омбудсменов зависит от Европарламента. В частности, омбудсмены по защите прав предпринимателей назначаются Европарламентом сразу же после выборов и действуют вплоть до прекращения срока полномочий Европарламента.

Бизнес-омбудсмены в Евросоюзе рассматривают жалобы, исходящие от предприятий, либо от частных лиц. Кроме того, клиентами также могут выступать ассоциации и организации, которые зарегистрированы в Евросоюзе. К примеру, условная фирма из Франции, подвергнутая, по её мнению, несправедливой проверке французского органа исполнительной власти, может обратиться к омбудсменам при Европарламенте и рассчитывать на их помощь.

Бизнес-омбудсмены стран Евросоюза занимают нейтральную позицию, указывая обеим сторонам конфликта наиболее благоприятные действия для решения наступившего конфликта.

При всем сказанном, в некоторых странах Европы существует уникальная практика, не присущая другим государствам.

К примеру, в Великобритании существует финансовый омбудсмен, регулирующий разрешение экономических вопросов внесудебном порядке, с которыми сталкиваются предприниматели.

В Германии же есть частные омбудсмены, занимающиеся решением возникших вопросов в неформальном порядке. Такие омбудсмены лишь в крайнем случае помогают ущемленной стороне с подготовкой судебных претензий [4, с. 90].

Интересная практика сложилась в Австралии, где бизнес-омбудсмены контролируются не органами государственной власти напрямую, а делегированными им министерствами – комиссарами, которые уже, в свою очередь, отвечают перед министерством экономики за проделанную работу.

Как правило, в Австралии бизнес-омбудсмены рассматривают жалобы от представителей малого бизнеса, чьи права были нарушены в результате проведения проверок (либо незаконных, либо проведенных с грубыми ошибками). Вместе с тем, бизнес-омбудсмены помогают правительству советом в областях развития малого бизнеса.

Бизнес-омбудсмены в Австралии обладают возможностью заключения договоров с зарубежными органами, в случаях, если данное сотрудничество пойдёт на пользу и поспособствует защите интересов австралийских предпринимателей. Также они принимают участие в разработке национального законодательства в соответствующей области.

В вышеуказанных примерах можно было заметить схожесть функционала и задач бизнес-омбудсменства в зарубежных странах с аналогичным отечественным институтом. Однако, касаемо полномочий бизнес-омбудсменов – они достаточно сильно разнятся.

Если мы обратимся к законодательству Донецкой Народной Республики в области защиты прав предпринимателей, то заметим, что оно находится в стадии развития, имея лишь первоначальные и основные нормы, регулирующие институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей. Более того, пока в иностранных государствах долгое время развивался институт уполномоченного по защите прав предпринимателей, в отечественном же законодательстве он появился относительно недавно.

Логично осознав, что один лишь бизнес-омбудсмен будет не в силах заниматься защитой прав и свобод предпринимателей, зарубежный законодатель стал создавать из данной должности подкатегории, наделяя их конкретными задачами в определенной области предпринимательских отношений. Такое решение не только облегчило работу бизнес-омбудсмена, но и позволило в большей мере регулировать конкретные области

предпринимательства, что позволило добиться эффективных результатов в защите предпринимательства.

Из этого можно сделать вывод, что отечественному законодателю следует обратить внимание на зарубежную практику относительно распределения задач по защите предпринимательства между целевыми бизнес-омбудсменами (уполномоченный по финансовым делам, по юридическим и т. д.). Также, стоит обратить внимание на эффективность частных бизнес-омбудсменов, которые, в большей мере, будут решать возникшие у предпринимателей вопросы в неформальном порядке. Создание частных Уполномоченных по защите прав предпринимателей облегчит работу официальных органов в рассматриваемой области, так как значительная часть возникающих вопросов будет разрешаться без привлечения государства. Это необходимо так же по той причине, что развитие бизнеса в государстве возможно лишь в тех случаях, когда права и свободы «рядовых» предпринимателей будут защищены от произвола более крупных корпораций и недобросовестных представителей власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей при Главе Донецкой Народной Республики / Указ Главы Донецкой Народной Республики от 18.08.2020 №279 / ГИС НПА ДНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0001-279-20200818/ (дата обращения: 25.01.2022).
2. Волков Д. Н. Сравнительный опыт моделей омбудсмена в мире // Историческая и социально-образовательная модель. 2015. Т. 7. №2. С. 111-114.
3. Лиликова О. С., Кройтор Е.Н. Проблемные аспекты защиты прав предпринимателей // Проблемы научной мысли. 2019. Т. 6. № 2. С. 7-12.
4. Палагин А. Н. Особенности института уполномоченного по защите прав предпринимателей в России и за рубежом // Креативная экономика. 2013. №7 (79). С. 88-93.
5. Туранин В. Ю, Юридический дискурс как феномен современной культуры // В сборнике: Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики Сборник докладов Международной научно-практической конференции. В 6 томах. Ответственные редакторы С. Н. Борисов, И. Е. Белогорцева, С. И. Маматова. 2017. С. 128-131.

BUSINESS OMBUDSMEN: FOREIGN EXPERIENCE IN PROTECTION OF BUSINESS ACTIVITIES

Annotation. The scientific article is devoted to the problem of implementation and implementation on the territory of the Donetsk People's Republic of the institution of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs. In addition, a comparative analysis of the activities and powers of business ombudsmen of foreign countries with their counterparts in the Donetsk People's Republic is carried out. The foreign experience of regulating the institution of the commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs is studied.
Keywords: business ombudsman, entrepreneur, commissioner for the protection of rights, ombudsman, entrepreneurial activity.

Novikova A.
Scientific adviser: Savelyeva V. V., senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: ann.ps@mail.ru

УДК 347.62

ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА

Одинцов А.Р.
Научный руководитель: Харжевская Т.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Многоаспектность и межотраслевой характер правоотношений, возникающих при расторжении брака, предполагают необходимость осмысления их правовой природы, порядка реализации прав супругов при расторжении брака, осуществления супружеских прав и обязанностей, юридических последствий прекращения правоотношения супружества. В статье рассмотрены проблемы расторжения брака в контексте обеспечения и защиты прав всех членов семьи.
Ключевые слова: семья, брак, прекращение брака, бракоразводный процесс, развод.

Правоотношения, складывающиеся в связи с существенным изменением отношений между супругами в семье, являются непосредственным объектом исследования как законодателей, так и психологов. Рассматривая тему прекращения брачных отношений, следует отметить, что прекращение таких правоотношений влечет изменение правового статуса супругов, их имущества и судьбы детей. Следовательно, влечет наступление совокупности личных неимущественных и имущественных последствий и нуждается в детальной правовой регламентации и научном исследовании.

Так, укрепление семьи можно назвать бесспорной и важнейшей задачей социально-экономического развития современного общества. На сегодняшний день существует и активно практикуется широкий комплекс мероприятий, направленных на решение поставленной задачи, что в дальнейшем предусматривает повышение благосостояния семей, улучшение воспитания детей, подготовки молодежи к браку и семейной жизни.

В науке семейного права уже долгое время не теряют актуальности споры касательно теоретических принципов и практических методов организации укрепления семьи, которые обусловлены негативной динамикой брачно-семейных отношений, включая большое количество разводов.

Перед анализом исследуемой темы необходимо ознакомиться с этимологией основополагающего термина «брак». Обращаясь к толковому словарю под редакцией Ушакова, дается следующее определение: семейный союз мужчины и женщины (супружество), порождающий их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям [1, с. 179].

В контексте отечественного законодательства обратим внимание, что в Семейном Кодексе Донецкой Народной Республики отсутствует определение брака как конкретного юридического факта и одного из институтов семейного права. Отсутствие законодательно установленного определения, доктор юридических наук, профессор Л. М. Пчелинцева объясняет тем, что «брак является сложным комплексным социальным явлением, находящимся под воздействием не только правовых, но и этических, моральных норм, а также экономических законов, что ставило бы под сомнение полноту определения брака только с правовых позиций» [2, с. 193].

На наш взгляд, целесообразно дать определение основным понятиям, которые будут использоваться далее по тексту, так как они будут составлять так называемое ядро темы. Так, остановимся на следующих терминах и установим соотношение между ними: «прекращение брака», «расторжение брака» и «развод».

Рассматривая «прекращение брака» в советской энциклопедии Валентея Д., можно определить термин, как прекращение личных и имущественных правоотношений супругов [3, с.189].

В юридической литературе зарубежных стран существуют различные подходы к определению «развода». Одни определяют развод как правовое прекращения брака [4, с. 512], другие подчеркивают, что развод – акт, который прекращает правовой статус брака, существовавшего между сторонами, или, более подробно, заключительный акт, который необходим для того, чтобы юридически прекратить настоящий брак. Понятие «развод» (divorce), «расторжение брака» (dissolution of marriage), или просто «расторжение» (dissolution) используется, как правило, как синонимы. Вместе с тем понятие «развод» (divorce) иногда используют в отношении браков юридических, а понятие «расторжение брака» (dissolution of marriage) – относительно фактических союзов мужчины и женщины [5, с. 125].

На основании вышеизложенного, можно считать, что разные подходы к определению всё же характеризуют один и тот же юридический факт. Следовательно, рассмотренные термины можно использовать как синонимы, без различия между ними.

В подтверждении данного тезиса, Семейный Кодекс Донецкой Народной Республики равнозначно употребляет термины «расторжение брака» и «развод».

Классик российской цивилистики А.И. Загоровский писал: ««Вопрос о расторжении брака справедливо считается одним из труднейших законодательных вопросов. В самом деле, при разрешении его законодателю приходится считаться, во-первых, с тем, что брак по существу своему есть союз пожизненный, следовательно, расторжение его является своего рода аномалией; во-вторых, с тем, что разводы особенно пагубно влияют на судьбу детей... в-третьих, с тем, что при разводе в особенности трудно бывает определить, при ком же из разведенных родителей должны быть дети...» [6, с. 73].

В науке семейного права распространен принцип недопустимости законодательного установления перечня причин для расторжения брака, поскольку при наличии такого перечня исключался бы даже обоснованный развод, если бы его основание не совпадало с одним из тех, которые указаны в законе. На наш взгляд, данный принцип можно считать основополагающим в рассматриваемой нами теме, допущение такого законодательно закрепленного перечня значительно ущемил бы права супругов, начавших бракоразводный процесс.

Как верно отмечают научные деятели, нередко сами стороны не могут указать истинные причины распада семьи. Законодательное закрепление перечня оснований для развода требовало бы от суда и лиц, участвующих в деле, активного участия в деятельности по установлению доказательных фактов и их связи с юридическим фактом, который закреплен в законе.

Далее хотим заострить внимание, что в научном обществе существует объективная потребность в разработке и обосновании новых направлений совершенствования системы семейного законодательства исходя из целей государственной семейной политики и имеющегося социально–правового потенциала [7, с. 55].

В правовой науке существуют различные подходы к определению правовой природы расторжения брака. Рассмотрим в двух аспектах:

1) в качестве правопрекращающего юридического факта-действия, направленного на прекращение статуса супружеских отношений и защиту прав супругов (в результате расторжения брака (развода) супружеские отношения прекращаются на будущее время [8, с. 215]);

2) как правоизменяющий юридический факт, в результате которого супружеские правоотношения трансформируются в правоотношения бывших супругов с целью их защиты, основанные на прекратившихся семейно-правовых супружеских отношениях.

В правовой доктрине также существуют иные подходы к правовой природе прекращения брака. Так, по мнению О. Г. Тверитиновой, данный институт

рассматривается в качестве инструмента, с помощью которого происходит прекращение брачного союза между мужчиной и женщиной. Считает, что данная процедура должна быть урегулирована в рамках государственной политики сохранения семьи и ужесточена процедура расторжения брака, определяя судебную форму как единственно правильную.

Данная точка зрения является достаточно спорной, по нашему мнению, излишнее вмешательство государства в частные интересы лиц будет противоречить принципам свободы в семейном праве.

Расторжение брака можно рассматривать как особый способ защиты семейных прав граждан, включая личные неимущественные права и интересы мужчины и женщины, определяющие их брачно-семейный статус. Вместе с тем, расторжение брака по своей юридической направленности и правовой природе выступает особым способом защиты прав и интересов супругов, поскольку сохранение и продолжение брака может не только не отвечать интересам супругов, но и противоречить их правам.

В контексте выявленной проблематики предлагаем рассмотреть следующую спорную ситуацию. Правом на расторжение брака Семейный Кодекс Донецкой Народной Республики наделяет каждого из супругов, за исключением случая, предусмотренного в статье 17, согласно которой муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка.

Следовательно, указанная норма является исключением из конституционного принципа права каждого гражданина на судебную защиту, предусмотренного статьей 39 Конституции Донецкой Народной Республики [9], и принципа равенства прав супругов в решении вопросов жизни семьи и брака. Данная норма направлена на защиту женщины в период беременности и в течение года после рождения ребенка от переживаний, связанных с разводом, а значит, и на охрану здоровья матери и ребенка.

Среди юристов разделились мнения о необходимости сохранения или же исключения данной нормы, как существенно ущемляющей права мужчины.

Рассмотрим позицию Т.В. Шершеня: «Ограничение права мужа на расторжение брака серьезно ограничивает права мужа, однако не защищает женщину от конфликта и не способствует налаживанию отношений между супругами, если в семье произошел разлад» [10, с. 31].

На наш субъективный взгляд, данная позиция относится к постулатам так называемого движения маскулистов («сторонников мужских прав»). Объектом активистов данного движения становятся те стороны жизни, в которых нарушается гендерное равенство, ущемляются права и интересы мужчин.

Если рассматривать конкретно данную норму, то законодатель целесообразно уделил повышенное внимание для беременной женщины и первому году жизни ребенка, так как именно в это время указанные субъекты являются наиболее уязвимыми. Женщина в силу своего тяжелого состояния не сможет самостоятельно работать, чтобы обеспечить себя и ребенка. Нельзя упускать тот факт, что у ребенка два родителя, то есть разногласия с матерью ребенка не должны стать причиной отказа от него.

Зарубежный опыт семейного права предусматривает перечень оснований для расторжения брака, что безусловно усложняет процедуру. Однако в тоже время данные обстоятельства способствуют более грамотному и рассудительному отношению к институту брака, что снижает процент бракоразводных процессов.

Например, Германское гражданское уложение [11] предоставляет суду право на отказ в иске о расторжении брака исходя из интересов несовершеннолетних детей. В Великобритании расторжение брака может быть запрещено судом, если, по мнению суда, расторжение брака может привести к существенным трудностям супруга – истца или несовершеннолетних детей в этой семье.

Обращаясь к международному праву выделим Всеобщую декларацию прав человека, регламентирующую приоритет личных прав и свобод человека: «...отношения, возникающие в браке, по сути своей таковы, что так же, как никто не может заставить вступить в них, точно так же никому, кроме самих супругов, на дано право решать, продолжить их или прекратить» [12].

Таким образом, делая вывод о значимости рассмотренного материала, можно выделить, что различные подходы к понятию и правовой природе прекращения брака порождает споры между научными деятелями. Так как в контексте данной научной статьи прекращение брака рассматривалось как способ защиты прав и интересов супругов. Следовательно, расторжение брака выступает способом защиты личных неимущественных прав и интересов супругов (одного из них), реализация которого направлена на изменение семейно–правового статуса мужчины и женщины, а также непосредственное прекращение супружеских правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1995. – С. 179.
2. Пчелинцева, Л. М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Л. М. Пчелинцева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма – Инфра-М. – 848 с..
3. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. / Под редакцией М. Ю. Тихомирова. – М.: 1997 – 526 с.
4. Валентей, Д. Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 608 с.
5. Семейное право Российской Федерации и иностранных государств: Основ. ин-ты / под ред. Залесского В.В. – М.: Юринформцентр (Тихомиров), 2004.– 309с.
6. Курс семейного права / Загоровский А.И.; Под ред., с предисл.: Томсинов В.А. – М.: Зерцало, 2003. – 464 с.
7. Левушкин, А.Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации / А. Н. Левушкин// Семейное и жилищное право. – 2018. – 1. – С. 55-57.
8. Байгушева, Ю.В. Основные вопросы прекращения брака / Ю.В. Байгушева // Известия вузов. Серия: Правоведение. – 2010. – №1. – С. 215–225.
9. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/ (дата обращения: 17.01.2022).
10. Шершень Т.В. Принцип равенства прав супругов: генезис и некоторые проблемы его реализации в современном семейном праве России // Российская юстиция. – М.: Юрист, 2010, № 7. – С. 28-31
11. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz; пер. с нем. / [В. Бергманн, введ., сост.]; науч. ред. Т.Ф. Яковлева. – 4–е изд., перераб. (Серия «Германские и европейские законы»; Книга 1), 2015 г. – 888 с.
12. Всеобщая декларация прав человека. Принята 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН // Российская газета, 5 апреля 2005. – С. 10.

THE CONCEPT, LEGAL NATURE AND SOCIAL PREREQUISITES OF DIVORCE

Annotation. The multidimensional and intersectoral nature of legal relations arising from the dissolution of marriage presuppose the need to understand their legal nature, the procedure for exercising the rights of spouses during the dissolution of marriage, the exercise of marital rights and obligations, the legal consequences of termination of the legal relationship of matrimony. The article discusses the problems of divorce in the context of ensuring and protecting the rights of all family members.
Keywords: family, marriage, termination of marriage, divorce proceedings, divorce.

Odintsov A.
Scientific supervisor: Kharzhevskaya T.S.
Donetsk National University
E-mail: harzhevskaya@gmail.com

УДК 341.213.4

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Павлова Т.С.
Научный руководитель: Красноносов Е.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье автор рассмотрел существующие в научных кругах подходы к классификации форм государственного устройства, установил подход к классификации форм государственного устройства, который отражает все многообразие форм государственного устройства, определил бесспорные формы государственного устройства.
Ключевые слова: унитарное государство, федерация, конфедерация, сообщества, содружества.

Сегодня существует целое множество практических форм реализации территориального взаимодействия внутри отдельных государств и способов соотношения их между собой. Государство представляет собой динамически развивающееся явление, внутреннее устройство которого изменяется на протяжении всего исторического периода развития. Кроме этого, каждое государство с неизбежностью оказывается включенным в те или иные межгосударственные отношения, которые могут иметь длящийся и устойчивый характер. В результате чего появляются новые формы организации государственного устройства, обладающие сходством с типичными, однако по юридической природе и статусным характеристикам способные претендовать на самостоятельность.

Форма государственного устройства – это элемент формы государства, определяющий территориальную организацию государства, способ разделения территории государства на составные части и порядок их взаимоотношений между собой и с государством в целом.

В научных кругах интерес к изучению вопроса классификации форм государственного устройства достаточно высок. При этом до сих пор не было уделено должного внимания отдельным аспектам данного вопроса. Более того, проблема классификации форм государственного устройства никогда не являлась предметом самостоятельного, комплексного теоретико-правового исследования. Таким образом, исследуемая проблематика является актуальной.

Среди ученых, исследовавших данную проблему, можно выделить труды Р. Г. Абдулатипова, С.А. Авакьяна, А.С. Автономова, Г.В. Атаманчука, С.Н. Бабурина, И.Н. Барцица, Г.А. Гаджиева, М.В. Глигич-Золотаревой, Л.М. Карапетяна, И. А. Конюховой, Б.С. Крылова, О.Е. Кутафина, З.У. Махмудовой, С.П. Пожарской, Р.В. Попова, М.С. Саликова. Однако, совокупность теоретических знаний, идей и опыта относительно классификации форм государственного устройства характеризуется наличием множества дискуссионных вопросов.

Так, В.О. Миронов считает, что государства современности по форме государственного устройства являются либо унитарными, либо федеративными [1, с. 16]. Аналогичной позиции придерживается и М.Н. Марченко, полагающий, что существует две основные разновидности форм государственного устройства, среди которых унитарное государство – наиболее простая из них и федерация – более сложная форма государственного устройства [2, с. 195].

Унитарное государство – это форма государственного устройства, при которой административно-территориальные единицы не имеют признаков суверенитета и не могут быть субъектами политических международных отношений.

Основные признаки унитарного государства:

1) единая конституция (конституции приняты в большинстве стран мира);

2) единая система высших органов государственной власти – глава государства, правительство, парламент, юрисдикция которых распространяется на территорию всей страны;

3) единое гражданство и единая государственная символика;

4) единая система законодательства и единая судебная система;

5) административно-территориальные единицы не могут обладать какой-либо политической самостоятельностью;

6) в международных отношениях выступает единолично. Части унитарного государства имеют разные названия.

Классическим примером унитарного государства является Франция.

Федерация – это союзное государство, в состав которого входят на добровольной основе несколько государственных образований (субъектов федерации), которые имеют определенную юридически закрепленную политическую самостоятельность. Б.А. Осипян утверждает: «Федеративное, или договорное, устройство государства имеет смысл тогда, когда необходимо обеспечить безопасность маленьких государств в условиях враждебного окружения и соперничества соседних государств» [3, с. 34]. Ярким примером федерации является Россия.

Опираясь на неоднородность различных федераций, наиболее общими признаками для государств с федеративной формой государственного устройства являются: 1) территория страны включает в себя различные образования: штаты, республики, земли, прочее; 2) высшая законодательная, исполнительная и судебная власть принадлежит федеративному центру, а остальные вопросы в данных сферах разграничиваются Конституцией страны; 3) признается право субъектов располагать своими законодательными и судебными органами, а также издавать собственную Конституцию; 4) общегосударственные вопросы и деятельность, которая связана с их решением, принадлежит федеральным органам, представляющим от лица всего государства федерацию в международных отношениях.

Приведенные формы государственного устройства, являясь типичными, выделяются многими исследователями. Однако существуют и иные формы государственного устройства.

В последние годы исследователи выделяют такие разновидности устройства государства, как административно-территориальное деление, территориальная автономия [4, с. 306], регионалистское государство [5, с. 172]. В качестве собирательной категории, противопоставляемой унитарному государству, предложено «составное государство» [6, с. 77] (применимое к регионалистским государствам) [7, с. 607].

Существует и такая форма объединения государства, как конфедерация, сочетающая признаки международно-правовой и внутригосударственной организации. Конфедерация – временный союз суверенных государств, добровольно объединившихся на основании договора для достижения определенных целей в политической, экономической и военной сферах с сохранением своего суверенитета. Л. И. Спиридонов [8, с. 49], В.Н. Хропанюк [9, с. 62] и другие исследователи выделяют конфедерацию, как одну из основных форм государственного устройства.

Современная наука выдвигает ряд других форм государственного устройства, которые сформулированы как из анализа исторических процессов, так и реалий современной действительности [10, с. 124].

В последнее время выделяются такие формы государственного устройства, как сообщества [11, с. 187] и содружества [12, с. 72]. Так, А.Б. Венгеров отмечает, что содружество представляет собой достаточно редкое, при этом организационное объединение государств, характеризуемых наличием общих признаков, определенной

степенью однородности (экономика, право, язык) [13, с. 124]. Ю.А. Тихомиров отмечает, что содружество – это наиболее мягкая форма межгосударственного объединения [14, с. 17]. Исследование содружества стало актуальным с момента образования СНГ. Сообщества государств похожи по своим признакам на содружества, но обладают менее прочными интегративными связями. Объектом деятельности таких объединений могут быть вопросы в рамках регионального сотрудничества: экономическая, социальная, культурная и другие сферы, совместная безопасность.

Рассматривая формы государственного устройства, теория государства сталкивается с их многообразием, которое позволяет по-разному оценивать эти формы, и, следовательно, проводить их классификацию. В процессе проведения классификации все зависит от того, что лежит в ее основе.

В ряду таких классификаций государств на формы по территориальному устройству в научной и специальной литературе встречается деление всех форм государственного устройства на основные и неосновные.

В основе данной классификации лежит степень распространенности государственных форм. К основным формам государственного устройства относятся: федерации, унитарные государства. Все остальные формы государственного устройства составляют блок неосновных форм. Однако указанный подход к классификации форм государственного устройства видится по существу неверным, по причине того, что в основу классификации государственных форм корректнее будет положить принцип внутреннего строения, обеспечивающий возможность более точно дать характеристику государственного устройства любого исследуемого государства.

В современной теории государственное устройство все чаще разделяют на простое и сложное. Такая классификация представляется основательной. Благодаря такой классификации можно построить стройную систему форм государств по их устройству. Простое государственное устройство – это унитарное устройство государства. Формулировка «простое» здесь выглядит аргументированно. Сложное государственное устройство предполагает существование государства, включающего в себя другие государственные образования, в результате чего выделились такие классы сложных государств, как протекторат и уния.

Протекторат над той или иной территорией предполагает изначально договорные отношения между сильным и слабым государствами, устанавливающие особые взаимные права и обязанности. Протекторат относится к числу разновидностей государственного устройства лишь по традиции, так как после заключения международного договора о покровительстве нового государства не возникает.

Уния представляет собой союз государств. Среди уний различаются конфедерации, федерации, объединение монархических государств в форме реальной и личной унии, фузии, инкорпорации, империи. К униям также относятся и такие формы государственного устройства как содружество, сообщество и кондоминиум.

Объединение монархических государств существуют в форме личной или реальной унии. Общим у обеих форм является то, что они возникают вследствие совпадения монархов двух или нескольких государств в одном лице.

Личная уния представляет собой форму межгосударственного объединения, возникающую тогда, когда монарх приобретает права на корону другого государства в порядке престолонаследия, в результате случайного совпадения либо вследствие того, что одно государство передает права на корону монарху другого государства. Личные унии в современное время встречаются крайне редко, например, Княжество Андорра.

Реальная уния возникает в результате соглашения государств, во исполнение которого у них появляется общий монарх.

Империи существовали во все исторические эпохи, однако единого мнения относительно природы империи не существует. Империя – это сложное государство,

которое насильственным путем объединило территории суверенных многонациональных государств или их частей с главным государством (метрополией). Империя как форма государственного устройства – наиболее узкая трактовка – находит достаточно широкое распространение, особенно в специальной литературе. Основной недостаток указанного подхода, по мнению А.Н. Черткова, связан с отсутствием учета главной особенности империи, ее «территориальное устройство весьма неодинаково, поэтому невозможно отнести к какой-либо одной модели территориальное устройство всех империй» [15, с. 45]. Территориальные единицы, составляющие империю, являются неоднородными по форме государственного устройства, «… основополагающей чертой территориальной организации империи, отличающей ее от всех других видов государственности, является своеобразное сочетание унитаризма, федерализма, конфедерализма, самоуправления и децентрализации» [16, с. 23]. Представляется, поскольку империя обладает всеми основными признаками государства, рассматривать ее как межгосударственное объединение не совсем правильно.

Кондоминиум представляет собой совместное владение, управление одной и той же территорией двумя или несколькими государствами. На современном этапе, как один из способов разрешения острых межэтнических конфликтов, возможна форма кондоминиума.

Огромный интерес в кругах ученых вызывают инкорпорация – внешне оформляемое как слияние, присоединение одного государственного образования к другому и фузия, представляющая собой слияние государств.

Указанный методологический подход к применению бинарной схемы классификации форм государственного устройства на простые и сложные в последующем может потребовать незначительного уточнения, в связи с возможным появлением целого ряда новых специфических форм государственного устройства. Однако на сегодняшний день предложенная классификация максимально полно отражает разнообразие форм государственного устройства.

Дальнейшее развитие теоретико-правовых исследований в этой области предполагает не только аналитическую разработку отдельных составляющих формы государственного устройства, но и поиск новых моделей их классификации и систематизации.

Резюмируя все вышеизложенное, следует вывод о том, что в вопросе классификации форм государственного устройства не существует единого мнения. При этом к бесспорным формам государственного устройства относятся унитарная, федеративная и конфедеративная форма, все остальные же формы государственного устройства являются предметом научных дискуссий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриев, Ю. А. Классификация форм государственного устройства: методологический аспект / Ю. А. Дмитриев, В. О. Миронов // Государство и право. – 2011. – № 6. – С. 13-21.
2. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 784 с.
3. Осипян, Б. А. Причины разнообразия форм государственного правления и устройства / Б. А. Осипян // Современное право. – 2009. – № 1. – С. 25-34.
4. Марченко, М. Н. Общая теория государства и права. В 3-х т. Т.1. Государство: Академический курс / М. Н. Марченко, С. Н. Бабурин и др.; отв. ред. М. Н. Марченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма:НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 576 с.
5. Чиркин, В. Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник / В. Е. Чиркин. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 608 с.
6. Марин, К. А. Отношения между государством и автономными сообществами / К. А. Марин // Казанский федералист. – 2003. – № 3. – С. 77-87.
7. Большой юридический словарь / [А. В. Малько и др.]; под. ред. А. В. Малько. – М.: Проспект, 2010. – 702 с.

8. Спиридонов, Л. И. Теория государства и права: учебник / Л. И. Спиридонов. – М.: Проспект, 1996. – 301 с.
9. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права: учебник для вузов / В. Н. Хропанюк. – 3-е изд., доп. и испр. – М.: Омега-Л, 2008. – 384 с.
10. Гукепшоков, М. Х. Проблемы классификации форм государства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Гукепшоков Мурат Хасанбиевич. – Саратов, 2000. – 182 с.
11. Теория международного права / Г. И. Тункин; под общ. ред. Л. Н. Шестакова. – М.: Зерцало, 2011. – 416 с.
12. Международное право: учебник / Отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. – М.: Международные отношения, 2011. – 624 с.
13. Венгеров, А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / А. Б. Венгеров. – 11-е изд., стер. – М.: Омега-Л, 2017. – 607 с.
14. Тихомиров, Ю. А. Государственность: крах или воскрешение? / Ю. А. Тихомиров // Государство и право. – 1992. – № 9. – С. 11-19.
15. Чертков, А. Н. Российская империя и ее «регионы»: историко-правовой взгляд / А. Н. Чертков // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 4. – С. 45-48.
16. Грачев, Н. И. Империя как форма государства: понятие и признаки / Н. И. Грачев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 18-28.

THE PROBLEM OF THE CLASSIFICATION OF THE FORMS OF GOVERNMENT'S STRUCTURE

Annotation. In the article, the author examined the approaches to the classification of forms of state structure existing in scientific circles, established an approach to the classification of forms of state structure, which reflects all the variety of forms of state structure, and determined the indisputable forms of state structure.
Keywords: unitary state, federation, confederation, communities, commonwealth, protectorate, union, empire, condominium, incorporation.

Pavlova T.
Scientific adviser: Krasnonosov E.Yu., Candidate of Law Sciences, associate professor
Donetsk National University
E-mail: amilus9502@gmail.com

УДК 342.572

НАРОДНАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА

Панков А.А.
Научный руководитель: Поляков В.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методологическому анализу особенностей конституционно-правового регулирования института народной законодательной инициативы. Сформулировано определение понятия «народная законодательная инициатива». Изучены субъекты, объект и содержание права народной законодательной инициативы. Рассмотрены австрийская и американская модели народной законодательной инициативы и выявлены их ключевые различия. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства Донецкой Народной Республики в контексте внедрения института народной законодательной инициативы.
Ключевые слова: народная законодательная инициатива, народ, демократия, Конституция.

Проблема системного рассмотрения понятия и сущности народной законодательной инициативы вызывает потребность в ее научном обеспечении и необходимости осмысления особенностей зарубежного, прежде всего европейского, опыта правового регулирования народной законодательной инициативы. В контексте совершенствования отечественной конституционной модели актуализируется проблема

конституционно-правового закрепления института народной законодательной инициативы в правовой системе Донецкой Народной Республики.

Вопросам правовой природы и особенностей реализации народной законодательной инициативы уделяли внимание такие ученые как В. И. Дунаев, А. Л. Крутько, М. А. Липчанская, М. М. Смук, Е. А. Хохлова и др.

Целью статьи является проведение анализа правовой природы и конституционно-правового регулирования института народной законодательной инициативы.

Реализация народом своей суверенной власти невозможна без народной инициативы, которая определяется не только как форма выражения общественного мнения, а и как способ принятия принципиально важных нормативно-правовых и политических решений. В этом определении основной упор делается на правовые инициативы, связанные, главным образом, с законодательной деятельностью, и реализуемые через нормативные акты. Так, Г. А. Липчанская отмечает, что инициативы граждан в сфере законотворчества могут быть реализованы в различных формах: референдум по народной инициативе, народная инициатива на государственном уровне, правотворческая инициатива на местном уровне, инициативное участие в публичных слушаниях, коллективное обращение в органы государственной власти, местного самоуправления [1, с. 187].

Соглашаясь с указанной позицией, следует отметить, что народ как единственный источник власти в демократическом государстве должен быть обязательно вовлечен в законодательный процесс. В этом контексте законодательство может закреплять различные формы участия народа в законотворчестве.

В науке конституционного права под народной инициативой понимают механизм осуществления права законодательной инициативы непосредственно народом, для чего требуется собрать в поддержку законопроекта определенное число подписей [2, с. 344]. С другой позиции, народная инициатива – это процесс прямого законотворчества, когда сами граждане имеют возможность принимать законы [3, с. 611]. В. В. Маклаков, предлагает следующую ее дефиницию: «Народная инициатива – это право, которое предоставляется законом установленного числа избирателей предложить парламенту или избирательному корпусу принять, изменить или отменить Конституцию, закон или иной акт» [4, с. 561]

Иногда подчеркивается, что народная инициатива может быть индивидуальной (единоличной), когда каждый гражданин владеет ею. Как справедливо отмечает В. И. Дунаев, единоличная инициатива – редкое явление; значительно больше распространена коллективная народная инициатива, при которой необходимо, чтобы любое предложение было поддержано определенным количеством избирателей [5, с. 113-114].

Нужно учесть то обстоятельство, что в инициативе выражается не частный интерес заявителя, а, в первую очередь, публичный интерес группы лиц, предмет которого составляют наиболее важные вопросы, имеющие значение для всего или части народа.

Вместе с тем, между индивидуальными и коллективными правами существует взаимосвязь, в основе которой заложен главный принцип: осуществление коллективных прав должно максимально удовлетворять индивидуальные интересы отдельного гражданина.

Следует отметить, что применение понятия «народная законодательная инициатива» уместно в том случае, если народный законопроект получает коллективную поддержку в масштабе всей страны, а не жителей определенного муниципального образования. В свою очередь, на региональном и местном уровнях целесообразно применять термины «народная правотворческая инициатива», «гражданская инициатива», которых направлена на принятие, изменение или отмена

муниципального правового акта определенного муниципального образования, местной администрации или должностных лиц местного самоуправления.

Как правило, субъектами права законодательной инициативы в парламенте могут быть: правительство (или глава государства), парламент, народ или иной специальный субъект. Основными идентифицирующими признаками народа как субъекта права законодательной инициативы, по мнению Н.Н. Смука, являются: 1) он выступает единственным и неизменяемым носителем права законодательной инициативы; 2) субъектом реализации соответствующего права является каждый гражданин государства, имеющий право голоса; 3) для возникновения права законодательной инициативы в каждом конкретном случае необходимо собрания установленного количества подписей граждан государства, чем подтверждается народная воля подать в парламент соответствующий законопроект или выступить с инициативой относительно внесения изменений или дополнений в действующий закон или его отмены [6, с. 65].

Содержательная характеристика народной законодательной инициативы в парламенте образует единство таких субъективных правомочий: право внести в законодательный орган законопроект; требовать от парламента включения законопроекта в повестку дня или получения мотивированного отказа; повторно внести на рассмотрение парламента возвращенный проект закона при условии устранения недостатков; участвовать в обсуждении законопроекта, в том числе право докладывать содержание проекта на заседаниях комитетов законодательного органа; отозвать законопроект на любой стадии рассмотрения; внести изменения в текст законодательного акта во время его рассмотрения в парламенте; обратиться за судебной защитой в случае нарушения или невыполнения обязанностей законодательным органом государственной власти.

К обязанностям субъекта права народной законодательной инициативы относятся: соблюдение требований оформления законопроекта и представление законодательному органу всех необходимых сопроводительных документов в установленные законом сроки.

Законодательный орган в случае реализации народной законодательной инициативы должен: зарегистрировать народную законодательную инициативу, предварительно рассмотреть проект закона и принять заключение о целесообразности его включения в повестку дня парламента; предоставить возможность субъекту права законодательной инициативы на заседании органа выступить с докладом по внесенному законопроекту; в ряде случаев вносить поправки во время рассмотрения и обсуждения законопроекта; вернуть проект инициатору, который отзывает его; предоставить мотивированное решение по народному законопроекту и официально довести его до сведения инициативной группы граждан. Исходя из первичности воли народа, необходимо отметить, что участие граждан в законотворчестве может происходить как прямо, так и косвенно.

Среди организационных форм непосредственного народовластия приоритетными и основными являются выборы и референдумы. Стоит отметить, что народная законодательная инициатива как форма прямого волеизъявления народа часто представляется и рассматривается как элемент прямой демократии [7, с. 32].

Одним из определяющих признаков непосредственной демократии является участие граждан в принятии решений императивного характера [8, с. 207]. Однако внимательное рассмотрение результата народного волеизъявления, осуществленного во время народной законодательной инициативы, свидетельствует об отсутствии у него обязательственного характера. На основании указанного, народная законодательная инициатива не может быть представлена как форма прямой демократии, поскольку итогом народной законодательной инициативы является принятие конечного решения по проекту закона в рамках представительного органа государственной власти.

В этом контексте, стоит отметить, что в некоторых научных работах встречаются мнения о том, что народная законодательная инициатива является разновидностью коллективного обращения граждан [9, с. 58]. Такие выводы представляются недостаточно обоснованными, поскольку в современных условиях ключевым отличием между указанными понятиями является то, что обращение не обязывает государственный орган рассмотреть ее в обязательном порядке и принять по ней соответствующее решение.

Народная законодательная инициатива предусматривает создание зарегистрированной инициативной группы граждан, которая готовит проект акта, и сбор подписей за то, чтобы именно этот законопроект был рассмотрен законодательным органом государственной власти. Следствием народной законодательной инициативы является обязанность парламента рассмотреть ее содержание, следовательно, такое волеизъявление имеет властный характер. В этом заключается важнейшее отличие от коллективного обращения по общественно значимым вопросам.

Что касается вынесения народной законодательной инициативы на референдум, то стоит отметить, что закрепленные в конституциях нормативные положения о народной законодательной инициативе не следует отождествлять с указанным правотворчеством, поскольку они представляют две самостоятельные формы непосредственной демократии, хотя и тесно связаны между собой.

Референдум и народная законодательная инициатива, как подчеркивает М. А. Липчанская, являются параллельными каналами осуществления народовластия. Если референдум предоставляет такую возможность гражданам непосредственно, то народная законодательная инициатива, как правило, опосредованно через органы государственной власти [1, с. 184].

Таким образом, народные законодательные инициативы могут реализовываться и приниматься в результате проведения референдума, так и через их внесение в законодательный орган государственной власти, то есть, в этом плане принятие официальных решений парламентом или избирательным корпусом по вопросам, установленным Конституцией или законодательством, являются способами реализации народной законодательной инициативы.

Различные исторические условия зарубежных стран способствовали формированию типовых моделей организации народной законодательной инициативы. Целесообразно выделить две основные модели народной законодательной инициативы: австрийская и американская.

Австрийская модель народной законодательной инициативы возникла и развивалась под влиянием западноевропейских демократических ценностей Австрии в начале XX века, которые предусматривали народную инициативу и участие граждан в государственном управлении.

Ведущей чертой этой модели является функционирование представительных институтов, наделенных полномочиями по самостоятельному принятию на своем пленарном заседании закона, проект которого предложен в порядке народной законодательной инициативы, то есть народная законодательная инициатива лишь дополняет представительство в части реализации народовластия [10, с. 32].

По австрийской модели порядок рассмотрения народного законопроекта регулируется общими законами, регламентирующими стадии законодательного процесса представительного органа государственной власти.

Представительный орган государственной власти по австрийской модели должен не просто ответить заявителю, но и принять народный законопроект на обязательное рассмотрение. Главная идея австрийской модели народной законодательной инициативы заключается в том, что парламентское рассмотрение народного

законопроекта – это этап переговоров, консультаций, цель которого – согласованное, компромиссное решение вопроса.

Австрийскую модель характеризуют следующие специфические признаки: оформление интересов различных социальных групп в процессе формирования государственной политики посредством внесения постатейного законопроекта или законодательного предложения в законодательный орган государственной власти, принимающей политические решения; участие граждан в работе парламентских комитетов; рассмотрение парламентом народной законодательной инициативы и принятия положительного или отрицательного решения путем голосования в сессионном зале парламента.

Известными недостатками этой модели являются такие моменты. Во-первых, рассмотрение парламентом «не обязательно» как процессуальная процедура; во-вторых, происходит сосредоточение широкого спектра прерогатив в одном государственном органе; в-третьих, граждане лишаются полномочий по принятию законопроекта, поскольку они обязаны следовать решениям, которые принимаются официальным органом законодательной власти.

Отдельно стоит выделять американскую модель народной законодательной инициативы. Американская модель народной законодательной инициативы в чистом виде реализуется 14 штатами США, которая включает в себя совокупность правовых норм, регулирующих единый законодательный процесс [11, с. 153].

Американская модель народной законодательной инициативы состоит из следующих стадий: выдвижение народной законодательной инициативы; публичное обсуждение народной законодательной инициативы (рассмотрение законопроекта гражданами, организациями, органами государственной власти); сбор подписей в поддержку народной законодательной инициативы; осуществление выборочной или полной проверки достоверности подписей; проведение народного голосования относительно предмета народной законодательной инициативы; вступление закона в силу.

Итак, для того, чтобы народный законопроект стал законом, нужно набрать определенное количество подписей, которое колеблется 2-15% от численности населения определенного штата, после чего инициатива выносится на голосование.

Американская и австрийская модели народной законодательной инициативы отличаются друг от друга следующими признаками:

1) в австрийской модели реализация права народной законодательной инициативы должна завершаться рассмотрением парламентом инициативы и принятием решения по ней путем голосования в сессионном зале законодательного органа, тогда как народная законодательная инициатива американской модели завершается получением положительного или отрицательного одобрения на всенародном голосовании;

2) в американской модели, в отличие от австрийской, парламент может рассмотреть народный законопроект, публично выразить свое мнение по предмету инициативы, но не имеет права вносить в законопроект какие-либо изменения.

Исходя из вышеизложенного, можно рассматривать народную законодательную инициативу как самостоятельную форму непосредственного народовластия и непосредственный способ инициирования гражданами, имеющими право голоса, обязательного рассмотрения проекта нормативного акта в представительном органе государственной власти с целью обеспечения формирования национальной законодательной базы и реализации общественных интересов.

Структурно народная законодательная инициатива состоит из следующих стадий: 1) разработка и подготовка текста законопроекта; 2) сбор подписей в поддержку внесения народной законодательной инициативы в парламент; 3) официальное

представление народного законопроекта в законодательный орган. Реализация права народной законодательной инициативы порождает юридические отношения, содержанием которых, с одной стороны, является право субъекта разрабатывать и вносить законопроекты в законодательный орган, а с другой – обязанность законодательного органа принять законопроект и включить его в повестку очередного заседания, рассмотреть и принять по нему решение.

Народная законодательная инициатива, которой присущи элементы прямой и представительной демократии, является самостоятельной формой непосредственной демократии, что дает возможность выступить определенной группе граждан с проектом закона, который имеет обязательную силу для представительного органа государственной власти.

Можно утверждать, что за последнее столетие институт народной законодательной инициативы приобрел универсальный характер. В то же время современная народная законодательная инициатива характеризуется таким многообразием форм, что ее следует сводить к двум основным моделям – австрийской и американской. Значительно заметнее просматривается тенденция к образованию различных смешанных форм, в которых сочетаются некоторые черты, присущие каждой из указанных моделей. В этой связи стоит говорить об относительной условности понятий «американская модель» и «австрийская модель», которые традиционно противопоставляются друг другу. Учитывая это, правильнее было бы говорить о том, что на современном этапе австрийская модель народной законодательной инициативы в ее различных вариантах является преобладающей, что обусловлено рядом факторов исторического, политического и правового порядка.

Важно разработать современную модель народной законодательной инициативы в ДНР, которая должна быть воплощением концепции партисипативной демократии, при которой право народной законодательной инициативы не ограничивается только одним проявлением политического участия – официальным внесением народного законопроекта в парламент, но и предусматривает проведение всенародного голосования по законопроекту в случае неодобрения его Народным Советом ДНР.

Кроме конституционного закрепления права народной законодательной инициативы в ДНР, представляется целесообразным принятие закона «О народной законодательной инициативе», ориентированного на формирование гражданского общества и построение правового государства, укрепление механизма взаимодействия граждан с властью и утверждение приоритетов прав и свобод человека с учетом современных социальных, экономических, политических, геополитических, исторических, национальных и институциональных условий в ДНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липчанская, М. А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: дис. … доктора юрид. наук: 12.00.02 / М.А. Липчанская. – Саратов, 2012. – 474 с.
2. Большой юридический энциклопедический словарь: словарь / авт. и сост. А. Б. Барихин. – М.: Книжный мир, 2003. – 720 с.
3. Основы демократии: учеб. пособие для вузов : / под ред. А. Колодий; авт. кол.: Н. Бессонова и др. – 2-е изд., стерев. – К., 2004. – 669 с.
4. Маклаков, В. В. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть: учебник / В. В. Маклаков. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 896 с.
5. Дунаев, В. И. Референдум и народная инициатива / В. И. Дунаев, А. А. Никитский // Выборы и демократия. – 2013. – № 3. – С. 110-121.
6. Смук, М. М. Проблема определения народа как субъекта права законодательной инициативы / М. М. Смук // Научный вестник национального университета. – 2016. – Вып. 36. – Т. 1. – С. 63-66.
7. Крутько, А. Л. Народная законодательная инициатива в системе форма непосредственной демократии / А. Л. Крутько // Сравнительно-аналитическое право. – 2014. – № 1. – С. 32-34.

8. Янчук, А. А. Теоретические основы референдумного процесса: монография / А. А. Янчук. – К., 2010. – 207 с.
9. Хохлова, Е. А. Народная правотворческая (законодательная) инициатива в России и Италии / Е. А. Хохлова // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 3. – С. 56–60.
10. Васюткин, Н.Е. Проблемы и перспективы реализации института законодательной инициативы граждан в субъектах Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2021. – №3. – С. 31-42.
11. Евсеенко, Е.Д. Некоторые особенности реализации права законодательной инициативы в Российской Федерации и государствах азиатско-тихооканского региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2014. – №3-4. – С. 150-157.

PEOPLE'S LEGISLATIVE INITIATIVE

Annotation. The article is devoted to the theoretical and methodological analysis of the features of the constitutional and legal regulation of the institute of people's legislative initiative. The author's definition of the definition «people's legislative initiative» has been formed. The subjects, object and content of the right of people's legislative initiative are studied. The Austrian and American models of people's legislative initiative are considered and their key differences are revealed. Proposals have been formed to improve the legislation of the Donetsk People's Republic in the context of the introduction of the institute of people's legislative initiative.
Keywords: people's legislative initiative, people, democracy.

Pankov A.
Scientific adviser: Polyakov V.Yu., Ph.D., associate Professor
Donetsk National University
E-mail: pankov.arthur@mail.ru

УДК 347.132.6

ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Пивень М.Е.
Научный руководитель: Дербишев Р.О., ст. преподаватель
ГОУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского»

Аннотация. В статье анализируется проблемы, связанные с использованием юридических фикций и презумпций в гражданском праве и Гражданском кодексе Донецкой Народной Республики. Определена роль и важность данных правовых категорий в цивилистике. Выделяются наиболее часто встречающиеся в гражданском праве и гражданском кодексе презумпции: презумпция вины, презумпция добросовестности, презумпция равенства долей участников в общей долевой собственности, презумпция возмездности и презумпция достоверности информации. А также наиболее часто встречающиеся фикции, такие как: признание гражданина безвестно отсутствующим, недокументированная безопасность и признании движимых вещей по своей природе недвижимыми.
Ключевые слова: гражданское право, юридическая фикция, презумпция, правовая категория.

Применение правовых презумпций и фикций в гражданском праве является малоизученным и коллизионным в связи с отсутствием четкой нормативной регламентацией данного процесса. Использование данных категорий, как в гражданском праве, так и в гражданском процессе, несмотря на некоторую неурегулированность, занимает значительное место в правоприменительной деятельности, что требует более досконального его изучения и усовершенствования. Исследованию данного вопроса посвятили свои труды такие ученые как Мейер Д. И., Иеринг Р., Булаевский Б.А., Давыдова М.Л., Черниловский З.М. и другие, но, несмотря на это остается весьма актуальной проблема четкого нормативного закрепления презумпций и фикций в гражданском законодательстве Донецкой Народной

Республики (далее – ДНР). Целью статьи является анализ существующих презумпций и фикций в гражданском праве ДНР и особенностей их легального закрепления.

Основная часть. Правовые презумпции и фикции можно отнести к нестандартным методам регулирования споров, то есть гражданских правоотношений, так как они являются некими правовыми «феноменами». Их нельзя назвать юридическими фактами, но они также ведут к наступлению определенных юридических последствий.

Проблематичность этих понятий состоит в том, что какие-либо упоминания о них в научной литературе встречаются довольно таки редко. На сегодняшний день не существует определенной теории, которая бы давала четкое понимание сущности презумпций и фикций в гражданском праве. Мы имеем только различные мнения ученых, но из-за того, что каждый ученый придерживается разных взглядов, невозможно сделать четкий вывод, чем же является презумпции и фикции на самом деле и как их правильно, и в какой ситуации применять. Сложность данного вопроса также обусловлена и нечеткостью понятий, так как на данный момент не существует одного точного определения, нет четко понятных и четко сформулированных презумпций и фикций, не решен вопрос об их правовой природе.

Как отмечал Г.Ф. Дормидонтов, фикции и презумпции являются правовыми конструкциями, позволяющими признать юридическим фактом либо совсем не существующие, либо только возможно существующие факты [1, с. 84].

На данный момент в гражданском праве существует большое количество терминов гражданской презумпции. Так, например, М.Н. Бронникова определяет гражданскую презумпцию, как правило, которое содержит в себе предположение об опровергнутом признаке, который в свою очередь характеризует субъект, объект гражданских правоотношений или юридический факт [2, с. 8]. Но надо заметить то, что в данном определении не принимается во внимание тот факт, что не обязательно будет являться опровержимым признак, на который ссылается презумпция, другими словами этот признак может быть не опровергнут сторонами, а наоборот признан безоговорочно.

Другое определение правовой презумпции дает О. А. Кузнецова, которая говорила о том, что гражданско-правовой презумпцией является такое индуктивное вероятное предположение, которое закрепляется прямо или косвенно в гражданском законодательстве и, которое основывается на статической связи действительного и презюмируемого, касающееся юридически значимых обстоятельств и влекущее правовые последствия в виде необходимости его применения, если обратное не будет доказано. Автор отдельно оговаривает, что презумпция может быть как нормой права, так и средством юридической техники [3, с. 5]. В данном определении возникают также некие сомнения, по поводу того, что связь презюмируемого и действительного является статичной. Наоборот эта связь динамическая, потому что наша действительность склонна к постоянным переменам, и они происходят намного чаще, чем изменения в правовых нормах. Также многие исследователи утверждают, что в некоторых случаях нецелесообразно говорить о статике или динамике в данном вопросе, так как эта связь является формальной.

Сфера гражданского права характеризируется своей диспозитивностью, что является её особенностью. Благодаря этому большинство гражданско-правовых презумпций также являются диспозитивными, сам законодатель учитывает свободу воли субъектов гражданско-правовых отношений. Это достаточно важно, поскольку этим обеспечивается относительная автономия договорных отношений и гарантия невмешательства государства в регулируемые договорным правом отношения.

Согласно ч. 1 ст. 48 Гражданского кодекса ДНР (далее – ГК ДНР), гражданин может быть объявлен умершим, если в течение пяти лет нет информации, о его месте жительства. В то же время, если гражданин пропал без вести при обстоятельствах,

которые угрожали смертью или давали основания предполагать его смерть от определенного несчастного случая (сход лавины, авиакатастрофа и т.д.), признание гражданина умершим может последовать через шесть месяцев после его исчезновения. Дополнительно устанавливаются специальные правила непосредственно для военнослужащих и других граждан, пропавших без вести в связи с военными действиями. Такие лица могут быть объявлены судом умершими в соответствии с ч. 2 ст. 48 ГК ДНР не ранее чем через два года после окончания военных действий [4]. То есть получается, что объявление гражданина умершим означает «законную (предполагаемую) смерть», которая устанавливается судом в порядке особого производства.

В наше время в гражданском праве выделяется две основные презумпции, которые попадают под общее понятие презумпции вины:

- презумпция вины при причинении вреда владельцем источника повышенной опасности. Примером такой презумпции может являться вина владельца источника повышенной опасности. Данная презумпция регламентируется ст. 1208 ГК ДНР [4].

- презумпция вины при неисполнении обязательств установлена, к примеру, в ст. 502 и 1193 ГК ДНР [4].

Добросовестность лица предполагается в том случае, когда законодатель устанавливает, что защита гражданских прав была осуществлена добросовестно. Таким образом, сторона гражданских правоотношений не обязана доказывать честность своих действий, это возлагается на его контрагента. Очень точно предположила О. А. Кузнецова о том, что добросовестность, как и разумность это моральные философские категории, а не правовые. Но, когда они попадают в сферу правовых отношений, когда они обретают способность к влечению правовых последствий, тогда добросовестность и разумность требуют специально-юридического подхода к определению, так как в отличие от моральных, правовым регуляторам присуща высокая степень определенности и конкретности [3, с. 6].

Такая презумпция, как презумпция возмездности договора закрепляется в ч. 3 ст. 525 ГК ДНР. Согласно ей предполагается, что договор будет признаваться возмездным независимо от того, содержатся ли в нем условия возмездности или нет [4]. Некоторые положения ГК ДНР содержат в себе конкретные указания на возмездность договора. Примером может являться ч. 3 ст. 793 ГК ДНР, в которой предусматривается, что по договор поднайма жилого помещения является возмездным. Однако существует и исключение из правила возмездности, которым является договор дарения, поскольку отличительной чертой этого договора является его исключительная безвозмездность.

Если рассматривать такой институт гражданского права, как юридические лица, то в нем существует презумпция достоверности информации. Согласно ч. 2 ст. 55 ГК ДНР лицо, которое добросовестно полагается на данные Единого государственного реестра юридических лиц и физических лиц – предпринимателей, вправе предполагать, что они соответствуют действительным обстоятельствам. Юридические лица не могут в отношении с лицом, которое опирается на данные Единого государственного реестра юридических лиц и физических лиц – предпринимателей ссылаться на данные, которые не включены в указанный реестр, а также на недостоверность содержащихся в нем данных, за исключением тех случаев, когда соответствующие данные включены в указанный реестр в результате незаконных действий третьих лиц или иным образом против воли юридического лица [4]. Оговорка по поводу возможной ссылки юридического лица на недостоверность данных, которые содержаться в реестре, если они вносятся в результате незаконных действий третьих лиц или иным образом против воли юридического лица, дает возможность говорить о применении конструкции презумпции в регулировании соответствующих отношений (данные, содержащиеся в реестре, считаются достоверными, если не доказано иное).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что презумпции в гражданском праве являются некой базой для возникновения и реализации гражданско-правовых принципов.

На данный момент юридическая фикция как правовая категория довольно часто используется в гражданском праве. Если мы обратимся к истокам, то сможем проследить, что данный термин происходит от слова латинского происхождения, которое означает вымысел, выдумку.

В своей монографии российский ученый-правовед Д.И. Мейер писал о том, что он понимает фикцию как фиктивное существование факта, о котором известно то, что в другой форме он вообще не существует, именно поэтому он называл данный термин «фикцией права» [5].

Более точно данную правовую категорию рассматривает М.Л. Давыдова, которая рассматривает фикцию в трех значениях. Прежде всего, фикция является правовой ситуацией, когда закон не соответствует регулируемым общественным отношениям, а правоприменительная практика не соответствует законам. Второе значение охватывает явления правового характера, так как они регулируются законом, но их оценка отрицательна (например, фиктивный брак). И последний смысл является предпочтительнее для теоретиков среди всех трех значений, – это фикция как метод юридической техники, юридических положений, с помощью которых правоприменитель строит несуществующую условную правовую реальность [6, с. 17].

К.К. Панько рассматривает фикцию как такой метод законодательной техники, который заключается в признании несуществующего существующим и наоборот, а также в качестве свойства правового государства, не отвечающего потребностям общества [7, с. 459].

Таким образом, он видит в фикции негативное влияние, а именно отсутствие связи между поведением субъекта и требованием закона, причина которой содержится либо в неправильном отражении проблемной ситуации в самом законе, либо в выборе нормативных средств ее реализации [7, с. 460].

Юридическое лицо является одной из наиболее спорных фикций в гражданском праве. Основоположником теории фиктивности юридического лица является немецкий ученый К.Ф. Савиньи. Он определял юридическое лицо в качестве фиктивного субъекта права, потому что действительным лицом, участвующим в гражданских правоотношениях может быть только такое лицо, которое обладает сознанием и волей [8, с. 610].

Похожих взглядов придерживался и Г.Ф. Шершеневич, который считал, что юридическим лицом является некий «искусственный объект» права, который создается законодателем для определенных целей [9, с. 115-116]. По мнению О.В. Танимова, Савиньи прав в том, что понятие лица как абстракция от человека сначала было применено к нему как к живому существу и позднее распространилось на другие юридические субъекты [10, с. 54].

Как отмечал Н.С. Суворов, при развитии теории фикции Бринц разрабатывал теорию целевой собственности, в силу которой в некоторых случаях юридическое лицо в качестве субъекта права вообще не требуется, потому что его роль играет отдельная собственность. Альтернативной точки зрения Бринца является теория О. Гирке, согласно которой юридическое лицо рассматривается как реальный объект. Схожей позиции придерживались такие известные цивилисты, как О. Сейл, Г. Ф. Бестселлер и др. [11, с. 112] Д. И. Мейер отрицает реальное существование юридического лица. Он указывает на то, что юридическое лицо является бестелесным образованием, то есть оно не может проявлять свою волю [5].

Большое количество различных теорий юридического лица объясняется сложностью и универсальностью этого социального института. Для того чтобы

юридическое лицо соответствовало характеристикам реального человека, необходимо использовать фиктивные элементы (например, мораль, воля).

К фикциям также можно отнести норму ст. 45 ГК ДНР, в которой говорится о том, что гражданин признается судом безвестно отсутствующим по заявлению заинтересованных лиц в том случае, если в течение года отсутствует информация о его месте пребывания. В том случае, когда нет возможности для установления даты получения последней информации об отсутствующем, началом исчисления срока считается первый день месяца, следующий за тем, в котором была получена последняя информация о пропавшем без вести, а при невозможности установить этот месяц – первое января следующего года [4].

В данной правовой норме фикцией является момент расчета для признания гражданина безвестно отсутствующим – это первое число месяца, если установить месяц невозможно – первое января следующего месяца. Законодатель закрепил это положение для того, чтобы упростить процесс установления обстоятельств, которые важны для правильного и своевременного разрешения дела. Довольно часто бывает так, что невозможно установить конкретную дату и процедура может занять много времени, что отрицательно сказывается на интересах заинтересованных лиц, а также усложняет работу суда. Невозможно не согласиться с точкой зрения С. П. Портянкиной, которая говорит, что фикцией является такая мера, которая обеспечивает процессуальную экономию правовых средств и сил судей, а вместе с тем и лиц, которые участвуют в отправлении правосудия по гражданским делам [12, с. 21].

Также фикция применяется, когда движимые вещи признаются по своей природе недвижимыми. Примером этого могут являться: воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. Согласно ст. 166 ГК ДНР, указанные вещи классифицируются как недвижимые. Данные объекты являются движимыми, непосредственно, по своему целевому назначению, однако, исходя из закона, они признаются недвижимым имуществом. Это объясняется, тем, что, во-первых, они обладают высокой экономической ценностью и значимостью для государства. Во-вторых, благодаря их специфике, так как имеется необходимость в усиленном контроле над владением, использованием и распоряжением ими.

В гражданском праве и гражданском процессе имеется большое количество презумпций. Их использование в праве не может подвергаться замене на другие правовые средства. Презумпция распределяет бремя доказывания, тем самым, указывает, какие лица и каким образом могут опровергать предполагаемые факты. В свою очередь это позволяет разрешить споры и ускорить разбирательство по ним, а также принимать законные и обоснованные решения.

Благодаря юридическим фикциям изначально ложная позиция условно признается истинной и документируется. Как правило, возможность ее опровержения не имеет юридического значения. Юридические фикции в гражданском праве применяются как способ преодоления ситуации неопределенности, а также как способ распространения правового режима одного объекта на другой объект.

Таким образом, презумпции и фикции в гражданском праве и процессе играют значительную роль, но их эффективность в современном обществе требует нормативной доработки. Несмотря на интерес многих ученых-теоретиков к этим двум юридическим явлениям, до настоящего времени не разработано их единого обоснованного толкования. Из-за этого возникает нечеткость представлений об их свойствах, также наличие большого количества терминологических различий. Поэтому существует необходимость для их дальнейшего исследования, в том числе путем разработки единой теории для определения и закрепления понятий презумпции и фикции как в нормах книги 1 ГК ДНР, так и Гражданского процессуального и Арбитражного процессуального кодексов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Юридические фикции и презумпции. Ч. 1 / Дормидонтов Г.Ф Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1895. – 185 с.
2. Бронникова М.Н. Гражданская презумпция в российском законодательстве: содержание, правовые формы и применение: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук: спец. 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право, международное частное право / Бронникова Марина Николаевна. – Казань, 2006. – 26 с.
3. Кузнецова О.А. Презумпция в российском гражданском праве: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук: спец. 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право, международное частное право / Кузнецова Ольга Анатольевна. – Екатеренбург, 2001. – 25 с.
4. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: принят Постановлением Народного Совета от 13.12.2019 г. № 81-IIНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 17.02.2022).
5. Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях / Д. И. Мейер. – Казань: [б. и.], 1854. – 127 с. – Перепечатано из IV-й книжки Ученых Записок за 1835 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://naukaprava.ru/catalog/297/615/13725
6. Давыдова М.Л. Проблемы понятия и классификации правовых фикций // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2009. – № 11. – С. 17-23.
7. Панько К.К. Юридические фикции в современном российском праве // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. – С. 459-460.
8. Муромцев С. Гражданское право Древнего Рима. СПб.: Тип. А.И. Мамонтова, 1883. – 711 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Казань: Изд. кн. магазина бр. Башмаковых, 1902. – 793 с.
10. Танимов О.В., Крапиваина О.Н, Малкина М.И. Теория фикций К.Ф, Савиньи // Вестник Мордовского университета. – 2002. – № 1-2. – С. 54-58.
11. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. – М.: Статут, 2000. – 299 с.
12. Портянкина С.П. Объект судебной защиты в судебном разбирательстве по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении гражданина умершим // Мировой судья. – 2008. – № 10. – С. 20-25.

PRESUMPTIONS AND FICTIONS IN THE CIVIL LAW OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. The article analyzes the problems associated with the use of legal fictions and presumptions in civil law and the Civil Code of the Donetsk People's Republic. The role and importance of these legal categories in civil law is determined. The most common presumptions in civil law and the Civil Code are distinguished: the presumption of guilt, the presumption of good faith, the presumption of equality of shares of participants in common shared ownership, the presumption of retribution and the presumption of reliability of information. As well as the most common fictions, such as: recognition of a citizen as missing, undocumented security and recognition of movable things by their nature immovable.
Keywords: civil law, legal fiction, presumption, legal category.

Piven M.
Scientific adviser: Derbishev R.O., Senior Lecturer
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the DPR named after F.E. Dzerzhinsky
E-mail: rus_don@mail.ru

УДК 341.01

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Побединская А.О.
Научный руководитель: Кулакова Е.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные вопросы международного механизма защиты прав человека ввиду особой роли индивида в современном мире. Перечислены основные международные акты в данной сфере, наиболее значимыми из которых являются: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах и его два факультативных протокола, Всеобщая декларация прав человека, которые в совокупности составляют Международный билль о правах человека; Конвенция о защите прав человека и основных свобод и иные международные акты. Раскрыты некоторые аспекты деятельности международных органов, призванных восстанавливать справедливость на международном уровне в контексте защиты и реализации прав человека и гражданина.
Ключевые слова: индивид, права человека, защита прав и интересов, международные механизмы.

В современной действительности человек имеет особую ценность, а его права и их соблюдение, соответственно, приобретают особое значение. В том числе, особую актуальность приобретают вопросы реализации прав и интересов индивида на национальном и международном уровнях. Конституция закрепляет, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц» [1]. Важно отметить, что аналогичные нормы содержатся во многих основных законах государств, включая и Конституцию Российской Федерации.

Права человека закреплены во многих международных актах, основными из которых представляются следующие: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [2], Международный пакт о гражданских и политических правах [3] и его два факультативных протокола, Всеобщая декларация прав человека [4], которые в совокупности составляют Международный билль о правах человека [5]. Также можно привести в пример Конвенцию о защите прав человека и основных свобод [6] и иные международные акты.

Несмотря на то, что на уровне государства закреплено обязательство защиты прав и свобод человека и гражданина, однако не во всех случаях данное обязательство реализуется в полном объёме, также не всегда взаимодействие гражданина с органами государственной власти представляется результативным и соответствует установленным правовым требованиям. Одной из причин такого не всегда эффективного взаимодействия можно обозначить обобщенную формулировку прав человека в национальных правовых актах и в международных документах. Закрепление общей формулировки, в свою очередь, может привести к некоторым проблемам в процессе реализации конкретного права.

Защита прав человека на международном уровне представляет собой совокупность норм, которые, в свою очередь, призваны урегулировать деятельность государства по восстановлению нарушенных прав и свобод человека. Кроме того, международная защита прав человека включает в себя определение прав, свобод и обязанностей гражданина перед государством, в результате чего у государства возникает обязанность по соблюдению и защите законных прав и интересов человека и гражданина.

Международная защита прав и свобод человека и гражданина представляет собой один из наиболее прогрессивных средств восстановления социальной справедливости.

Однако важно отметить, что предусмотренный международным правом механизм защиты прав человека не предполагает исполнения абсолютно всех притязаний без исключения, в данном случае предполагается реализация тех прав человека и гражданина, которые не были должным образом соблюдены на национальном уровне. Так, в юридической литературе отмечается, что защита субъективных прав человека на международном уровне ориентирована на установление справедливости в её общепризнанном понимании, а не в индивидуальном [7, с. 50].

Внутригосударственное законодательство и международные акты в области прав человека в своём взаимодействии представляют некую систему обеспечения и защиты прав и основных свобод человека и гражданина. На международном уровне в различные периоды были созданы органы, основная сфера деятельности которых направлена на защиту прав человека в различных сферах, также подобные межгосударственные органы обладают контрольными функциями и полномочиями в отношении деятельности государств в процессе реализации прав человека на национальном уровне.

Так, в качестве одного из органов, действующих на международном уровне, можно упомянуть факт учреждения Генеральной Ассамблеей ООН должности Верховного комиссара по правам человека в 1993 году. В Резолюции был приведён перечень обязанностей Комиссара, среди которых можно выделить [8, с. 133]: эффективное осуществление прав человека (включая гражданские, политические, экономические, социальные, культурные и иные права); оказание различных видов помощи государствам в сфере прав человека; упрощение механизмов деятельности ООН по вопросам прав человека и иные.

Комитет по правам человека Организации Объединённых Наций осуществляет надзор за соблюдением Международного пакта о гражданских и политических правах странами-участниками, а также координирует государства по вопросам защиты прав человека и гражданина. В своей деятельности Комитет рассматривает жалобы, а также вправе выносить рекомендации государству по восстановлению нарушенных прав и свобод. Рекомендации в данном случае носят необязательный характер, что приводит к их невыполнению на уровне конкретного государства. Однако важно отметить, что рекомендации всё же способствуют восстановлению и защите нарушенных прав и интересов индивида или их группы [9, с. 131].

В таком случае возникают проблемы эффективности соблюдения и реализации как национальных норм, так и положений, закрепленных в международных актах, в сфере прав человека. С помощью специальных средств и методов, общепринятых стандартов, призванных регулировать сферу защиты прав человека, которые в своей совокупности составляют международным механизмом защиты прав человека, возможно достичь достойный уровень эффективного соблюдения прав человека во многих государствах.

Выработанный контрольный механизм в области прав человека, в свою очередь, способствует выработке положительного и доверительного отношения населения к государству и его основным органам власти, потому что именно высокий уровень соблюдения и защиты прав и интересов человека и гражданина выступает индикатором высокоразвитого государства, особенно выделяется и роль человека. Одним из важных условий функционирования механизма на международном уровне является ратификация государством международных актов в данной сфере, способность и открытость государства к признанию новых или уже действующих актов в очередной раз доказывает ценность человека и его прав.

Права и свободы человека представляют собой всеобщее достояние, что в очередной раз обуславливает необходимость уважения, защиты и совершенствования прав и свобод человека как на международном, так и на внутригосударственном уровне

[10, с. 253]. Так, в рамках Организации Объединённых Наций существуют различные конвенции, регулирующие своими положениями сферу прав человека, такая ситуация наблюдается также и в региональных системах Америки, Европы, Африки, что способствовало возникновению различных контрольных механизмов по данному вопросу. В таком случае необходимым представляется рассмотрение процедур, которые сформировались в процессе реализации международных норм по соблюдению прав и интересов человека. Среди таких механизмов и процедур следует перечислить следующие [11, с. 172]:

А) Механизмы, являющиеся результатом международного акта, или иными словами договорные механизмы, которые носят надзорный характер, а также являются обязательными с юридической точки зрения. В качестве договорного органа можно привести в пример Комитет ООН по правам человека.

Б) Механизмы, которые по различным причинам не охвачены международными актами, иными словами такие механизмы не являются юридически обязательными и не представляются договорными. Внедоговорные механизмы основаны в большей степени на решениях, которые приняты в рамках межправительственного форума по правам человека. В качестве примера можно привести Европейскую комиссию по борьбе с расизмом и нетерпимостью, действующей при Совете Европы.

В) Иные механизмы и процедуры в рамках рассматриваемой сферы, включающие следующее: отчетность, подача жалоб, рассмотрение жалоб в индивидуальном порядке, запросы и другие.

Можно отметить, что большая часть международных актов, регулирующих сферу прав человек, включают в себя также и регламентацию отчетности. В связи со сложившейся системой государства-участники периодически подготавливают доклад об осуществлении на национальном уровне международных договоров по правам человека, который предоставляется контролирующему органу. Последний, в свою очередь, осуществляет анализ предоставленного доклада, на основании которого формулирует рекомендации, направленные на улучшение деятельности национальных органов и их должностных лиц в сфере соблюдения и реализации прав и интересов человека. Исходя из этимологии понятия «рекомендация», в данном случае речи об обязательности выполнения данных предписаний не идёт. Также контролирующий орган вправе обратиться к соответствующему государству в том случае, если возникнет необходимость предоставления дополнительной информации по тем или иным вопросам в данной сфере.

Подводя итог важно отметить, что в большинстве случаев процедуры отчетности в рамках международных механизмов защиты прав человека способствуют установлению всестороннего и конструктивного диалога контролирующего органа и государства. При этом не всегда предоставляемые государствами доклады отличаются качеством и достоверностью по своему содержанию. Доклады государств о соблюдении прав человека по своей сути являются официальным отражением состояния прав человека в конкретном государстве. Важно обратить внимание на то, что контролирующий орган может получать информацию и сообщения о ситуации в области прав человека в конкретной стране из других источников. Такие источники включают: неправительственные организации, агентства, другие межправительственные организации, академические учреждения, прессу и другие.

Некоторые международные договоры по правам человека позволяют государствам-участникам инициировать процедуру против другого государства-участника, которое, как считается, не выполняет свои обязательства по этому договору. В большинстве случаев такая жалоба может быть подана только в том случае, если как заявитель, так и государство ответчика признали компетенцию надзорного органа получать жалобу такого типа.

Закреплённые на международном уровне права человека реализуются посредством национальных механизмов и с помощью государства и его органов власти, соответственно, и на международном уровне должен быть выстроена эффективная и действенная система соблюдения и реализации прав человека и гражданина. В целях всестороннего совершенствования механизма защиты прав человека необходимым представляется выстраивание единой согласованной деятельности государств на международном уровне, потому что только совместными усилиями можно достичь эффективного сотрудничества государств и международных организаций, учреждений в вопросах реализации прав человека. Так, в данном случае необходимы единая выстроенная политика и создание унифицированных правовых обязательных норм, призванных регулировать сферу прав человека. Однако не все государства стремятся ратифицировать те или иные международные акты, ввиду чего работа по данному направлению неустанно продолжается на международном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс] URL: https://dnrsovet.su/konstitutsiya/?ysclid=kz5tom7vz7 (дата обращения: 03.01.2022 г.)
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml [Электронный ресурс] URL: (дата обращения: 03.01.2022 г.)
3. Международный пакт о гражданских и политических правах https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml [Электронный ресурс] URL: (дата обращения: 03.01.2022 г.)
4. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 03.01.2022 г.)
5. Международный билль о правах человека https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr_bill.shtml [Электронный ресурс] URL: (дата обращения: 03.01.2022 г.)
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1000003045 (дата обращения: 03.01.2022 г.)
7. Правкина И. Н., Семенова М. Н. Международные механизмы защиты прав человека // Вестник науки и образования. – 2019. – С. 46-50.
8. Фельдшеров Д. А. Международный механизм защиты прав и свобод человека // Обеспечение и защита прав человека в России и мире: проблемы и перспективы. – 2015. – С. 132-137.
9. Чиверь П. С. Международные механизмы защиты прав человека // Вестник науки. – 2020. – С. 130-133.
10. Юнусова Р. Ф. Проблемы эффективности международного механизма защиты прав человека // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества. – 2016. – С. 252-255.
11. Алмаз Уулу Атай Международные надзорные механизмы в области защиты прав человека // Alatoo Academic Studies. – 2018. – С. 172-177.

INTERNATIONAL MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Annotation. The article deals with the main issues of the international mechanism for the protection of human rights in view of the special role of the individual in the modern world. The main international acts in this area are listed, the most significant of which are: the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights and its two optional protocols, the Universal Declaration of Human Rights, which together constitute the International Bill of Rights person; Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and other international acts. Some aspects of the activities of international bodies designed to restore justice at the international level in the context of the protection and implementation of human and civil rights are highlighted.
Keywords: individual, human rights, protection of rights and interests, international mechanisms.

Pobedinskaya A.
Scientific adviser: Kulakova E. V., candidate of law, associate professor
Donetsk National University
E-mail: an.pobedinskaya@gmail.com

УДК 347.78

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКОГО ПРАВА

Поздеева В.С.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается хореографическое произведение как один из объектов авторского права. Исследуются положения законодательства Донецкой Народной Республики и Российской Федерации, а также законодательства зарубежных стран, в области защиты авторских прав на танец.
Ключевые слова: хореографическое произведение, авторское право, танец, автор, хореограф.

Танец признается охраняемым объектом авторского права практически во всех странах мира. Ст. 1351 Гражданского Кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) дает не полное определение понятия «хореографического произведения», что не позволяет в полной мере урегулировать отношения в данной отрасли [1].

Хореографическое произведение является результатом профессиональной творческой деятельности в области танца. Как объект авторско-правовой охраны хореографическое произведение может быть представлено в виде отдельных хореографических номеров в виде танцев в аудиовизуальных произведениях, танцевальных композиций фигуристов, мастеров художественной гимнастики, в составе номеров эстрадных исполнителей, танцевальных сцен в театрально-зрелищных постановках, которые включают в себя оперу, оперетту, балет и другие [2, с. 103].

Как и любые объекты авторских прав, хореографические произведения не подлежат обязательной регистрации. Также не имеются специальные процедуры регистрации прав на постановку танца. Вследствие этого возникает правовая неопределенность относительно того, что является объектом авторско-правовой охраны в рамках категории «хореографическое произведение».

Не смотря на то, что согласно ч. 1 ст. 1351 ГК ДНР хореографическое произведение является объектом авторского права, в юридической литературе понятие данного термина не сформулировано. Данный пробел характеризуется тем, что в науке отсутствует единое понятие «произведение», так как их достаточное количество в различных отраслях юридического мира.

Канторович Я. А. определял произведение как «духовное творчество» [3, с. 62], Гордон М. В. – как комплекс идеи и образов, которые получили свое объективное выражение в готовом труде [4, с. 78]. Но наиболее точное определение предоставил Серебровский В. И.: «произведение – совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения» [5, с. 107].

Таким образом, чтобы понять, что представляет из себя хореографическое произведение, следует понимать его определение и уметь отличить его от другого продукта авторского права.

С момента создания хореографического произведения сразу же наступает режим охраны. При этом сам танец рассматривается как охраняемый объект, а не сами отдельные элементы. Чтобы произведение стало объектом авторско-правовой охраны, оно должно иметь творческий характер и объективную форму выражения.

К объективной форме относят:

1. Выражение материала в письменной форме. Каждый хореограф знает, что у каждого движения имеется свое наименование. Поэтому каждое движение может быть

записано. Но в таком случае движение стоит детально описывать, так как они могут по-разному исполняться.

2. Выражение материала в визуальной форме. Для подготовки хореографического произведения стоит выполнять зарисовки танцевальных сцен, эскизы костюмов, фото постановок, фото рабочего процесса, видео с репетиции, видео с полной генеральной репетиции.

3. Выражение материала в устной форме. Это делается для обнародования произведения через радио, телевидение или социальные сети.

Помимо данных условий на всех материалах обязательно должна быть проставлена дата и время.

Танец действительно будет считаться произведением, если он будет содержать цельную совокупность танцевальных движений, которые создают единую продуманную композицию, с выраженной идеей, образами, героями, стилем и посылом.

Бывают такие моменты, когда само хореографическое произведение не было зарегистрировано, но имело публичное опубликование, впоследствии которого оно было «скопировано» без разрешения автора.

В 2016 году хореограф Алексей Simba вместе с другими хореографами России создал для команды «Blow Your Mind» уникальную постановку «8 чудо света». Номер был настолько поразительным, что автор данной песни Мот, позвал ребят завершить его сольный концерт данной постановкой. Данная новинка привлекала не только внимание зрителей и артистов, но и танцоров известного коллектива TODES. Они также решили повторить хореографическое произведение на своем концерте в Crocus City Hall. Но разрешение на использование хореографии они не получили, а если быть точнее, то вовсе не спрашивали. Данная ситуация дошла до «Blow Your Mind». После размещения ситуации в социальных сетях поднялся шум, и коллективу TODES пришлось извиниться. Конфликт сошел на нет, но осадок остался [6].

Так же в одной из ситуации была замешана группа TODES. На сегодняшний день по всей России и за рубежом насчитывается около 119 студий-школ. Создательница и руководитель этого мира – Алла Духова. Но авторитет школы пошатнулся. Хореографы коллектива I like that обвинили школу TODES в плагиате их постановки для проекта «Новые танцы» на ТНТ. Номер «Русская женщина» был поставлен хореографами Евгенией Секериной и Ириной Катаевой для участия питерского коллектива. Выпуск с исполнением танца под трек певицы Manizha Russian Woman вышел еще в августе. Но спустя 4 месяца после выступления хореографа Евгению Секерину завалили сообщениями со ссылками на публикации с их же номером, но в исполнении студии танцев TODES. Вся постановка танца была полностью скопирована. Самое интересное, что к хореографу оригинальной постановки заранее обратились от лица школы и спросили разрешение на использование номера, но получили строгое «нет». Хореограф возмущался тем, что после отказа студия все равно решила «вдохновиться» их задумкой. За балетом и школой TODES зрители не раз замечали плагиат на их концертах. К самим танцорам претензий не имеется, но вот возникают вопросы к самим преподавателям [7].

В связи с частыми случаями незаконного использования в коммерческих целях частей популярных произведений, их названий и персонажей закон распространил авторско-правовую охрану и на данные компоненты [8, с. 238]. Согласно ч. 7 ст. 1351 ГК ДНР указанные объекты должны: 1) являться результатом творческого труда и 2) быть выражены в какой-либо объективной форме.

Большой процент нарушения приходится на незаконное заимствование из произведений хореографии фрагментов или идей постановки. К данным правонарушениям относят понятия «пиратство» [9, с. 57]. Примером может стать

скандал вокруг творчества Бейонсе. Фанаты певицы обнаружили, что знаменитый танец звезды из клипа на песню Single Ladies практически идентичен танцу 1969 года, который поставил бродвейский хореограф Боб Фосс. Блогеры решили смонтировать коллаж из двух видео: ролика Бейонсе и клипа исполнительницы Gwen Verdon на песню Mexican Breakfast. Движения практически полностью повторяются из видео 1969 года. Кто то из поклонников разочаровался в певице, кто то наоборот возгордился ею и в защиту высказал, что танец ставила не сама Бейонсе, а ее хореограф, который вдохновился старым клипом [10].

Одним из примеров может послужить ситуация с композицией «Адажиетто» Г. Малера, поставленной в соавторстве вместе с Х. Донном. После смерти Х. Донна М. Бежар запретил использовать данный монолог кому либо, сделав исключение лишь для первого танцовщика своей труппы Ж. Романа [11]. Однако российский танцовщик посчитал возможным включить данный номер в свой репертуар на гастролях, исполнив его 72 раза. Встретив там сопротивление со стороны правозащитников, не испытав угрызения совести, продолжили свою деятельность, сменив при этом страну пребывания на США [12, с. 55]. В этом случае автор дал прямое указание на запрет использования данного танца.

Балеты Бориса Эйфмана и Василия Вайнонена без какого либо сомнения являются охраноспособными. С Вайноненом связан один из немногих судебных споров по поводу незаконного использования хореографии. В данном деле хореограф добился признания авторского права на произведение, поскольку суды не установили, когда было создано произведение, в котором использовались элементы хореографии [13].

Также часто встречаются моменты «заимствования» движений для игр и коротких видео. Например, в Америке на разработчика игрового симулятора Fortnite подали в суд. Основанием для иска стали танцевальные движения рэпера 2 Milly в 2014 году в треке MillyRock, которые стали базовыми движениями для персонажей. Рэпер посчитал использование придуманных им танцевальных движений в видеоигре без его разрешения нарушением авторских прав [14]. Похожие иски к разработчикам игр были направлены не единожды. Игра заимствовала движения у сериальных героев, у популярных людей, которые благодаря короткому и запоминающемуся движению стали известны. Но при этом в законодательстве США танцевальные номера, состоящие только из нескольких движений, не признаются охраноспособными.

В мире есть достаточное количество «заразительных танцев, которые полностью или частично сидят в памяти у людей и часто повторяются ими на танцевальных вечерах, различных мероприятиях, где они являются узнаваемыми и всем хорош знакомыми. Например, кадр из мультфильма «Шрек 2» точь-в-точь повторяет движения их видеоклипа на песню Los del Rio – Macarena, а движения PSY из клипа GangnamStyle знакомы всем и каждому и танцуется без особого на то разрешения [15].

В связи с ростом популярности южно-корейских музыкальных групп, фанаты стали записывать и выкладывать в сеть Интернет кавер-версии (исполнение танца другим коллективом) танцев. Они полностью повторяют движения, манеры, мимику и зачастую стиль одежды. Можно ли назвать данные действия плагиатом, учитывая то, что артисты сами записывают разборку движений для большего удобства фанатов? Возможно, таким образом они дают понять, что в случае исполнения авторского танца другими, никаких санкций не последует. Что нельзя сказать о других случаях.

Исходя из всего вышесказанного, можно прийти к тому, что танец – это самостоятельное произведение, которое охраняется авторским правом. Причем охране подлежит как танец в целом, так и отдельные его движения. Но из-за отсутствия обширной судебной практики по вопросу о защите прав на хореографическое произведение приводит к тому, что не каждый осознает, кто придумал танец и можно ли им пользоваться. Для таких случаев следует фиксировать хореографическое

произведение не только для его дальнейшего воспроизведения, но и для охраны его неприкосновенности. Фиксация на материальном носителе является очень важным доказательством для подтверждения авторства лица, создавшего или исполнившего его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС от 13.12.2019 (ред. по сост. на 05.10.2020) Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 21.01.2022).
2. Смирнова В. М. Хореографическое произведение как объект авторского права // Журнал российского права. –2011. – № 12. – С. 102-111.
3. Канторович Я. А. Авторское право на литературные, художественные и фотографические произведения. – 2-е изд. Пг., 1916. – 791 с.
4. Гордон М. В. Советское авторское право. – М., 1955. – 232 с.
5. Гаврилов Э. П. Комментарий к закону об авторском праве и смежных правах. – М., 2005. – 248 с.
6. Плагиат в танцах: как украсть хореографию у Алексея Simba [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dance.ru/news/plagiat-v-tantsakh-kak-ukrast-khoreografiyu-u-alekseya-simba/ (дата обращения: 22.01.2022)
7. «Найди 10 отличий». Студию TODES обвинили в плагиате номера с проекта «Новые танцы» на ТНТ [Электронный ресурс] // URL: https://super.ru/a/todes_scandal (дата обращения: 22.01.2022)
8. Зенин И. А. Право интеллектуальной собственности: учебник для магистров. – М.: Юрайт, 2013. – 567 с.
9. Кузнецова Т. Балетные авторские права. Корсары XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// kommersant.ru/doc/189551/print. (дата обращения: 22.01.2022)
10. Плагиат или вдохновение? Фанаты разоблачили знаменитый танец Бейонсе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://graziamagazine.ru/news/plagiat-ili-vdohnovenie-fanaty-razoblachili-znamenityy-tanec-beyonse/ (дата обращения: 22.01.2022)
11. Кузнецова Т. Балетные авторские права. Корсары XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// kommersant.ru/doc/189551/print. (дата обращения: 22.01.2022)
12. Кирсанова К. А. Хореографическое произведение: вопросы авторско-правовой охраны // Журнал российского права. – 2016. – №3. – С. 55-63.
13. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 сентября 2008 года №78-В08-20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (23.01.2022)
14. Is Fortnite stealing black dance culture? The creator of the ‘Milly Rock’ argues yes in a new lawsuit [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/nation/2018/12/06/is-fortnite-stealing-black-dance-culture-creator-milly-rock-argues-yes-new-lawsuit/?noredirect=on (дата обращения: 24.01.2022)
15. Смирнова Екатерина. Танец как объект авторского права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regforum.ru/posts/4314_tanec_kak_obekt_avtorskogo_prava/ (дата обращения: 24.01.2022)

CHOREOGRAPHIC WORK AS AN OBJECT OF COPYRIGHT

Annotation. In this paper, a choreographic work is considered as one of the objects of copyright. The article examines the provisions of the legislation of the Donetsk People's Republic and the Russian Federation, as well as the legislation of foreign countries in the field of copyright protection for dance.
Keywords: choreographic work, copyright, dance, author, choreographer.

Pozdeeva V.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: pozdeeva68vika@mail.ru

УДК 343.13

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Просандеева Д.И.
Научный руководитель: Манивлец Э.Е., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе проведен теоретико-методологический анализ института прекращения уголовных дел органами дознания и предварительного следствия. Установлены обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу. Раскрыт понятийно-категорийный аппарат института прекращения уголовных дел посредством изучения основополагающих доктринальных источников. Выявлены особенности полномочий органов дознания и предварительного следствия в прекращении уголовных дел. В заключение, установлено значение прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования для всего уголовного судопроизводства.
Ключевые слова: следователь, орган дознания, прекращение производства.

Прекращение уголовного дела является достаточно распространенным правовым явлением в правоприменительной практике, что обусловливает необходимость не только его детального нормативного регулирования в уголовном процессуальном законе, разработки теоретической основы для успешного функционирования и развития, но и исследования истоков его зарождения и эволюционирования.

Ведь, как известно, при исследовании любого правового явления, института представляет научный интерес выяснение его становления и развития, что позволяет проследить эволюцию норм права, общественную и государственную необходимость в их существовании.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР) [1] стал достижением на пути становления уголовно-процессуального права, как одной из основных отраслей правовой системы ДНР, в том числе, по сравнению с прежним уголовно-процессуальным законодательством Украины, институт прекращения уголовных дел претерпел реформирование.

Прекращение уголовного дела было предметом научных исследований на протяжении многих десятилетий; различные ученые придавали ему различные определения.

Так, П. М. Давыдов и Д. Я. Мирский прекращение уголовного дела определяли как уголовно-процессуальное действие органов дознания, следователя, прокурора, суда, выполняемое в порядке, предусмотренном законом, которым завершается деятельность по сбору доказательств и установлению фактов [2, с. 5].

М. В. Жогин и Ф. Н.Фаткуллин пришли к выводу, что прекращение уголовного дела – это процессуальное решение о невозможности осуществлять уголовное судопроизводство при определенных предусмотренных законом обстоятельствах [3, с. 8].

Итак, следует обратиться к ст. 6 УПК ДНР, которая содержит в себе перечень обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу: 1) за отсутствием события преступления; 2) за отсутствием в деянии состава преступления; 3) за истечением сроков давности; 4) вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное деяние, а также ввиду помилования отдельных лиц; 5) в отношении лица, не достигшего к моменту совершения общественно опасного деяния одиннадцатилетнего возраста; 6) за примирением потерпевшего с обвиняемым по делам, которые возбуждаются не иначе как по жалобе потерпевшего; 7) за отсутствием жалобы потерпевшего, если дело может быть возбуждено не иначе как по его жалобе; 8) в отношении умершего, за исключением случаев, если производство по

делу необходимо для реабилитации умершего или возобновления дела в отношении других лиц по вновь открывшимся обстоятельствам; 9) в отношении лица, о котором имеется вступивший в законную силу приговор по тому же обвинению либо определение или постановление суда о прекращении дела по тому же основанию; 10) в отношении лица, о котором имеется неотмененное постановление органа дознания, следователя, прокурора о прекращении дела по тому же обвинению; 11) если об отказе в возбуждении дела по тому же факту имеется неотмененное постановление органа дознания, следователя, прокурора.

Также по мнению М.В. Жогина и Ф.Н. Фаткуллина, прекращение уголовного дела – процессуальный акт, выражающий решение уполномоченного на то должностного органа об отсутствии требуемых для уголовного судопроизводства предпосылок и о прекращении дальнейшего производства [3, с. 8].

Следует согласиться с мнением Н.А. Якубович о том, что независимо от того, направляется дело в суд или прекращается, следователь должен быть уверен в том, что он выполнил все требования уголовно-процессуального закона [4, с. 6]. А потому следует поддержать мнение о том, что отчетность о количестве прекратившихся уголовных дел не должна быть показателем негативной работы органов следствия [5, с. 25; 6, с. 18]. Прекращение уголовного дела, если оно принято в соответствии с нормами закона, является самостоятельным закономерным конечным решением, которое соответствует задачам уголовного производства.

А. Я. Дубинский, исследуя этот вопрос, определял прекращение уголовного дела как юридический факт, представляющий собой заключительный этап расследования, на котором уполномоченный государством орган (следователь, орган дознания, прокурор) подводит итог проведенной по делу работы, анализирует и оценивает совокупность собранных доказательств и на их основе формулирует в постановлении заключение о невозможности дальнейшего производства в связи с наличием предусмотренных законом обстоятельств, а также решает все вопросы, вытекающие из принятого решения по существу дела. Прекращение уголовного дела является юридическим фактом, что устраняет правомочность органа, который закрыл дело по расследованию обстоятельств, по которым принято решение, и порождает право заинтересованных лиц на обжалование [7, с. 25].

С. М. Благодырь отмечает, что прекращение уголовного дела на предварительном расследовании – это заключительный этап расследования, во время которого следователь, прокурор в пределах своих полномочий анализирует и оценивает собранные доказательства и на их основе констатирует окончание производства по уголовному делу по существу в связи с наличием предусмотренных законом оснований [8, с. 23].

Теперь целесообразно перейти к законодательной регламентации прекращения уголовных дел органами дознания и предварительного следствия.

Так, согласно ч. 2 ст. 121 УПК ДНР, при наличии обстоятельств, предусмотренных статьей 6 УПК ДНР, орган дознания прекращает дело мотивированным постановлением, копия которого в течение суток направляется прокурору.

В свою очередь, в соответствии со ст. 230 УПК ДНР, следователь прекращает дело мотивированным постановлением, в котором, кроме данных, предусмотренных в ст. 144 УПК ДНР, указывает: сведения о личности обвиняемого, суть дела, основания для прекращения дела, решение об отмене меры пресечения и мер по обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имущества, а также решение по вопросу о вещественных доказательствах в соответствии со ст. 88 УПК ДНР.

Если расследованием установлены факты, требующие применения мер общественного или дисциплинарного воздействия или административного взыскания в

отношении лица, привлекающегося в качестве обвиняемого, или в отношении иных лиц, следователь, прекращая уголовное дело, доводит эти факты до сведения общественной организации, трудового коллектива или администрации юридических лиц для принятия соответствующих мер воздействия или направляет материалы дела в суд для применения мер административного взыскания.

Также, согласно ч. 1 ст. 7 УПК ДНР, следователь с согласия прокурора вправе прекратить уголовное дело, если будет признано, что ко времени производства предварительного следствия или предварительного рассмотрения дела в суде вследствие изменения обстановки совершенное лицом деяние утратило характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным.

Необходимо указать и полномочия следователя в прекращении уголовного дела об общественно опасных деяниях, совершенных лицом, не достигшим возраста, с которого возможна уголовная ответственность:

1) следователь, установив по уголовному делу, что общественно опасное деяние, совершенное лицом в возрасте от одиннадцати лет и до достижения возраста, с которого возможна уголовная ответственность, выносит мотивированное постановление о прекращении дела и применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера. Дело вместе с постановлением направляется прокурору (ч. 1 ст. 9 УПК ДНР);

2) следователь, установив в уголовном деле, что общественно опасное деяние совершено ребенком, не достигшим одиннадцатилетнего возраста, выносит постановление о прекращении дела, о чем уведомляет прокурора и комиссию по делам несовершеннолетних по месту жительства ребенка (ч. 2 ст. 9 УПК ДНР).

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 155 УПК ДНР, если во время предварительного следствия часть предъявленного обвинения не нашла своего подтверждения, следователь своим постановлением прекращает дело в этой части обвинения, о чем объявляет обвиняемому.

Тем не менее, постановления следователя не является окончательным, ведь, хоть он и обладает процессуальной самостоятельностью, но, согласно ч. 1 ст. 230 УПК ДНР, постановление следователя о прекращении дела может быть обжаловано прокурору в 7-дневный срок со дня получения письменного уведомления или копии постановления о прекращении дела.

Таким образом, прекращение уголовного дела на стадии предварительного расследования означает, что уголовно-правовой конфликт разрешен в пользу стороны защиты, что, в свою очередь, означает установление органами дознания и предварительного следствия таких фактических данных, при которых осуществление уголовного преследования будет невозможным (противозаконным). В таком случае оно прекращается, а уголовное дело прекращается в соответствии с нормами УПК ДНР несмотря на пожелания сторон конфликта (потерпевшего или подозреваемого).

В указанном случае вряд ли будет правильным передавать материалы уголовного производства в суд для того, чтобы признать лицо невиновным.

Это обусловливается тем, что установление оснований прекращения уголовного дела будет означать: уголовно-правовой конфликт возник вследствие предположения о наличии общественно опасного деяния; уголовно-правовой конфликт возник вследствие деяния, которое не является преступлением; в ходе следствия установлены предусмотренные законом обстоятельства, при наличии которых осуществление уголовного производства невозможно и в случае наличия совершенного общественно опасного деяния.

Учитывая то, что суд является органом, который принудительно решает уголовно-правовые конфликты (как в пользу стороны обвинения, так и в пользу стороны защиты), в рассматриваемом нами случае суду нечего принудительно решать,

ведь преступного деяния, предусмотренного УК ДНР [9], не существует, или же есть обстоятельства, при которых невозможно осуществлять уголовное производство. Тем более в случае установления оснований для закрытия уголовного производства осуществление уголовного преследования будет незаконным. Ведь, например, осуществлять уголовное преследование лица, в отношении которого установлены фактические данные, указывающие на его невиновность, будет противозаконным.

В указанном случае непонятно, какую функцию будут выполнять органы предварительного расследования, направляя материалы в суд для решения вопроса о признании его невиновным, ведь другой функции, кроме уголовного преследования, они выполнять не вправе. В соответствии с принципом презумпции невиновности лицо считается невиновным, и эта презумпция может быть опровергнута лишь обвинительным приговором суда, вступившего в законную силу. Ввиду существования такой основы уголовного производства, вряд ли целесообразно органам предварительного расследования направлять материалы в суд, зная, что невиновна, для установления судом такого невиновности.

Конституцией ДНР провозглашено, что каждое лицо является невиновным [10], а потому неустановление причастности лица к совершенному преступлению и означает его невиновность. Если же невиновность лица необходимо устанавливать только приговором суда, то ставится под сомнение необходимость существования основы презумпции невиновности в уголовном производстве ДНР.

Направление в суд материалов уголовного дела, в котором еще на стадии предварительного расследования установлены вышеуказанные обстоятельства, создает дополнительные неудобства для лица, которое уголовного правонарушения не совершала. Получается, что лицу, причастность которого к совершенному преступлению не установлена на стадии предварительного расследования, необходимо еще и в суде доказывать, что она его не совершала.

Стоит, в данном случае, указать на обязанность органа дознания, следователя, прокурора и суда по принятию мер к возмещению ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями, содержащуюся в ч. 1 ст. 59 УПК ДНР. Так, ввиду прекращения уголовного дела за отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия лица в совершении преступления, а также в случае вынесения оправдательного приговора орган дознания, следователь, прокурор и суд обязаны разъяснить лицу порядок восстановления его нарушенных прав и принять необходимые меры к возмещению вреда, причиненного лицу в результате незаконных осуждения, привлечения в качестве обвиняемого, задержания, применения меры пресечения, а также незаконного продления исполнения назначенного наказания в случаях, если уголовный закон, устраняющий наказуемость деяния, вступил в силу.

Уголовное производство является содержательной характеристике процессуальной деятельности, представляя собой совокупность всех процессуальных действий, направленных на достижение конкретного результата. В то же время, уголовное производство может быть охарактеризовано как процессуальная форма деятельности на отдельном этапе уголовной процессуальной деятельности, которая определяется его функциональным назначением и задачами, подлежащими решению. Тем самым уголовное производство выступает структурным элементом уголовной процессуальной формы, при условии, что последняя рассматривается как предусмотренный законом единый порядок осуществления уголовной процессуальной деятельности.

Можем выделить самые главные признаки, которые указывают, что прекращение уголовного дела является уголовным процессуальным решением: 1) оно находит выражение лишь в правовом акте, процессуальная форма которого предусмотрена

законодательством; 2) может быть принято только компетентным должностным лицом государственного органа; 3) дает ответы на правовые вопросы, которые возникли во время осуществления уголовного производства, и обусловлены установленными фактическими данными и нормами закона; 4) содержит властное волеизъявление о действиях, направленных на достижение цели уголовного производства; 5) имеет преюдициальный характер.

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что процессуальное решение о прекращении уголовного дела принимается в случае установления фактических данных, которые законом определены как такие, что делают невозможным дальнейшее уголовное преследование в связи с установлением того, что деяние, в результате которого возник уголовно-правовой конфликт, не существовало, или существовало, но не является преступным, или в законе предусмотрены основания, при установлении которых уголовное преследование не может осуществляться в любом случае.

При этом законом предусмотрена возможность прекращения уголовного дела и в случае добровольного решения уголовно-правового конфликта самими его сторонами.

Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования является окончательным решением для уголовного производства, поскольку его принятием констатируется прекращение всех процессуальных действий сторонами уголовно-правового конфликта по рассмотрению последнего, независимо от причины, вследствие которой это произошло. Это будет означать, что уголовно-правовой конфликт решен в пользу стороны защиты.

Значение принятия решения о прекращении уголовного производства заключается в том, что: во-первых, уполномоченные государственные органы и должностные лица решают уголовно-правовой конфликт в пределах своих полномочий либо в предусмотренных случаях учитывают его решения самими сторонами; во-вторых, принятие этого решения является самым быстрым средством обеспечения возмещения вреда потерпевшему (в случае применения нереабилитационных оснований); в-третьих, прекращение уголовного дела будет способствовать причинению меньших неудобств лицу, в отношении которого закрывается уголовное производство (особенно по реабилитационным основаниям), за снятия необходимости участвовать еще и в дальнейших стадиях процесса; в-четвертых, в случае прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования, уменьшит нагрузку на судей; в-пятых, будет способствовать сокращению расходов государства на осуществление уголовного производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс ДНР: Закон Донецкой Народной Республики № 240-IНС от 24.08.2018г., принят Постановлением Народного Совета 24 августа 2018 года / Народный Совет Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 10.10.2021)

2. Давыдов П. М. Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе / П. М. Давыдов, Д. Я. Мирский. – М. : Госюриздат, 1963. – 100 с.

3. Жогин Н. В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. – М. : Юрид. лит., 1965. – 367 с.

4. Якубович Н. А. Окончание предварительного следствия / Н. А. Якубович. – М. : Гос. изд-во юридической литературы, 1962. – 145 с.

5. Белозеров Ю. Н. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела / Ю. Н. Белозеров, А. А. Чувилев. – М., 1973. – 96 с.

6. Масленникова Л. Н. Процессуальное значение результатов проверочных действий в доказывании по уголовному делу : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / Л. Н. Масленникова ; Акад. МВД СССР. – М., 1990. – 19 с.

7. Дубинский А. Я. Основания к прекращению уголовного дела в стадии предварительного расследования : учеб. пособие / А. Я. Дубинский. – К. : КВШ МВД СССР, 1973. – 124 с.

8. Благодир С. М. Закрытие уголовного дела в предварительном следствии : учеб. пособие / С. М. Благодир. – Тернополь : ТАНГ «Экономическая мысль», 2001. – 112 с.
9. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014 / Народный Совет Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 10.10.2021)
10. Конституция Донецкой Народной Республики: принята 14 мая 2014 Верховным Советом Донецкой Народной Республики (с изменениями, внесенными Законами от 27.02.2015 года № 17-IНС, от 29.06.2015 года № 63-IНС, от 11.09.2015 года № 92-IНС, от 29.12.2017 года № 205-IНС, от 30.11.2018 года № 01-IIНС) / Народный Совет Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/konstitutsiya/ (дата обращения: 10.10.2021)

TERMINATION OF CRIMINAL CASES BY THE BODIES OF INQUIRY AND PRELIMINARY INVESTIGATION

Annotation. The paper presents a theoretical and methodological analysis of the institution of termination of criminal cases by the bodies of inquiry and preliminary investigation. The circumstances excluding the criminal proceedings have been established. To reveal the conceptual and categorical apparatus of the institution of termination of criminal cases through the study of fundamental doctrinal sources. The features of the powers of the bodies of inquiry and preliminary investigation in the termination of criminal cases are revealed. In conclusion, the significance of the termination of a criminal case at the stage of preliminary investigation for the entire criminal proceedings has been established.
Keywords: investigator, body of inquiry, termination of proceedings.

Prosandeeva D.
Scientific adviser: Manivlet E.E., Ph.D., associate Professor
Donetsk National University
E-mail: dasha.prosandeeva@mail.ru

УДК 364.632

ПОНЯТИЕ НАСИЛИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Пруглов М.В.
Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данном исследовании приводится уголовно-правовая характеристика составов преступления против собственности, а также анализируются проблемы, возникающие в связи с данными составами в правоприменительной практике на территории Донецкой Народной Республики. Рассмотрено понятие «насилие» через призму квалификации имущественных преступлений.
Ключевые слова: преступление, собственность, грабеж, разбой, насильственные преступления.

В Донецкой Народной Республике признается и гарантируется право частной собственности. Согласно Основному закону государства каждый гражданин Донецкой Народной Республики имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно. За хищение чужого имущества наступает уголовная ответственность по уголовному законодательству Донецкой Народной Республики.

Если рассматривать преступления против собственности Особенной части УК ДНР, то там содержится целый ряд норм предусматривающих ответственность за преступления, связанные с применением насилия. При использовании законодателем понятия «насилие», действующий УК ДНР не раскрывает содержания термина или его видов. Стоит отметить, что до сих пор к единому пониманию явления «насилие», его

признаков и иных составляющих прийти не удалось как в теории уголовного законодательства, так и в правоприменительной практике [1, с. 65].

Насилие может быть адресовано как жертве, характеризующей основной объект посягательства, так и другим лицам.

В теории уголовного права понятие «насилие» отождествляется с насилием физическим, т.е. с посягательством на телесную неприкосновенность, тем не менее, в отдельных статьях УК ДНР, при этом подчеркивается применение насилия как опасного или не опасного для жизни или здоровья человека.

В правоприменительной деятельности иногда угрожает потерпевшему, но угроза характеризуется неопределенно, например, для потерпевшего звучит фраза «будет плохо». В этих случаях суду необходимо дать оценку этой угрозе, решить, каким все же насилием, опасным или не опасным для жизни или здоровья, угрожал виновный. Необходимо отметить, что, когда оценка степени интенсивности насилия как опасного или не опасного для жизни или здоровья только по последствиям и способу действия невозможна, следует учитывать и другие обстоятельства содеянного, в частности, время, место, обстановку (условия) совершения преступления. Однако, когда характеристика всех обстоятельств содеянного не дает возможности определить степень интенсивности насилия как опасного или не опасного для жизни или здоровья, то окончательное решение данного вопроса следует рассматривать в соответствии с содержанием Конституции ДНР, согласно которой «Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого», как не опасное для прав и свобод личности.

В научной литературе так же отмечается, что, при оценке по способу действия всегда является опасным для жизни или здоровья потерпевшего физическое насилие с применением оружия или предметов, объективно заменяющих оружие, либо ядовитых или отравляющих веществ, а также осуществленное общеопасным способом, к примеру, путем сталкивания с движущегося транспорта или под движущийся транспорт, с лестницы, выталкивания из окна или с балкона дома и т. д. [2, с. 40].

В судебной практике сложился подход в оценке насилия, согласно которому оценка насилия как опасного, так и не опасного, зависит от того, причинили ли вред здоровью или создавало реальную угрозу его причинения действия виновного. Однако встречается и иной подход, согласно которому главное в оценке насилия – реальное причинение вреда здоровью потерпевшего, когда, например, нанесение ударов потерпевшему с целью завладения его имуществом оцениваются как грабеж с насилием, не опасным для жизни или здоровья, поскольку не был причинен даже легкий вред здоровью.

Подводя итог анализу о степени насилия по показателю опасности или не опасности для жизни или здоровья, его оценка только по последствиям и способу действия не будет достаточна, суду необходимо учитывать и другие обстоятельства содеянного, в частности, время, место, обстановку совершения преступления в их взаимосвязи, а так же не стоит забывать про субъективный аспект.

В этой связи совершенно правильно в абз. 7 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» содержится следующее разъяснение: должен решаться с учетом характера и степени опасности этих действий для жизни или здоровья, а также последствий, которые наступили или могли наступить.

Применительно к грабежу достаточно дискуссионным является вопрос о природе «рывка». Согласно наиболее распространенному подходу в тех случаях, когда виновным в процессе хищения имущества предпринимается усилие, сопровождающееся посягательством на здоровье потерпевшего, то грабеж становиться насильственным, если же усилие при «рывке» повлекло вред личности, но он не

охватывался умыслом виновного, то данные действия должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 173 УК ДНР и по соответствующему преступлению против личности.

Однако согласно иному подходу необходимо учитывать, в первую очередь, субъективный критерий. Полагаю, что действительно абсолютизировать объективный характер хищений не стоит, нужно установить направленность умысла виновного, как реализация принципа виновности в уголовном законе, следует при квалификации учитывать взаимодействие субъективных и объективных фактов, кроме этого следует помнить, что показания виновного могут быть средством его защиты.

Таким образом, с учетом системного толкования полагаем, что если насилие при грабеже применяется для того, чтобы разорвать связь имущества с потерпевшим, то данный факт не следует рассматривать как насилие в том аспекте, которое установлено в ч. 2 ст. 173 УК ДНР, однако, с учетом конкретных обстоятельств дела нужно учитывать все критерии термина «рывок» Крупский [5, с. 7]. Самое главное это то, что насилие при грабеже применяется для подавления сопротивления или создании условий для сохранении во владении виновного.

Интерес так же с практической стороны представляет вопрос о применении сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ, когда в процессе совершения хищений, например в обстановке совместной выпивки потерпевшему подсыпают в спиртное клофелин, те погружаются в сон, после которого ничего не помнят; виновные забирают все деньги и ценности и исчезают Кузнецов [8, с. 19]. Пленум Верховного Суда РФ в вышеупомянутом постановлении 2002 г. указал, что в случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой.

Если с той же целью в организм потерпевшего введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием. Тем не менее, в теории уголовного права отмечается, что если попадание вещества в организм обусловлено собственными действиями потерпевшего, в частности, если он взял стакан со спиртным, в котором растворено сильнодействующее вещество, и выпил содержимое, даже если это вещество опасно для здоровья – все равно это можно признать только кражей из-за отсутствия факта нападения.

В качестве примера подтверждающий данный подход можно привести дело, которое схоже с категориями дел на территории Донецкой Народной Республике. В Московской области Алексей Виговский вычислял жертв на перроне, садился с ними в вагон в вечернее или ночное время, когда народу было мало, и предлагал выпить из его фляжки (или незаметно подбрасывал психо-активное вещество в банки с пивом потерпевших). Затем он изымал у жертв вещи и банковские карточки, получал деньги по похищенным карточкам в банкоматах, а жертвы, если оставались живы, часто теряли память. Содеянное было расценено как кража Кузнецов [8, с. 19].

Считаем, что данный подход дезориентирует судебную практику, так как он не до конца учитывает субъективную составляющею преступления сопутствующего последствия, налицо косвенный умысел в отношении опасных веществ, что следует учитывать при квалификации, суд учел только отношение к изъятию имущества – главным последствиям конструкции состава, а нужно раздельно учитывать отношение и к деянию и к последствию.

В правоприменительной практике нередко возникают дискуссии о квалификации преступлений, которые являются по конструкции формальными, но в конкретном деянии причиняются последствия в виде смерти или вреда здоровью, возможна ли здесь совокупность.

Считаем, что квалификация возможно по совокупность только в том случае, если составом, совершенным с применением насилия анализируемые последствия не указаны в качестве квалифицирующих признаков, и наступление выше указанных должно учитываться при квалификации, но в составе разбоя есть последствие в виде тяжкого вреда здоровью, то нет. Тем не менее, интересен вопрос с практической стороны, когда лицо напрямую не высказывается на причинение смерти, хотя используемые орудия преступления опасны для жизни, например, огнестрельное оружие и в результате действий виновного наступает только тяжкий вред здоровью, смерть потерпевшего не наступила.

В отношении второй разновидности вида насилия: «психическое насилие» оно характеризуется действиями, направленными на подавление воли потерпевшего. Так, Р. Д. Шарапов психическое насилие рассматривает как преступное посягательство на психическую безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения психического вреда потерпевшему вопреки его воле [8, с. 1].

Рассматривая статистические данные на территории Донецкой Народной Республике стоит отметить, что в ДНР домашнее насилие – явление широко распространенное. По состоянию на конец октября в «МВД» ДНР «зарегистрировано 1706 фактов насилия в семье, из них 486 (29%) были совершены повторно. Указывается, что в 1292 случаях преступление совершили мужчины, в 80 – женщины, передает местное интернет-издание [8].

В ДНР уже есть случаи, когда был наказан не только физический, но и психологический насильник. Но подобное встречается пока довольно редко. «Основной проблемой психологического насилия является то, что жертвы не спешат обращаться за помощью.

В уголовно-правовой доктрине психическое насилие равноценно понятию «угроза применения насилия» применительно к п.г. ч. 2 ст. 173 и ст. 174 УК ДНР, однако это применимо только с долей условности к рассматриваемым составам преступлений, учитывая, специфику объективной стороны при изъятии вещи у собственника.

При квалификации насильственных хищений необходимо рассмотреть вопрос об истязании родных и близких потерпевшего на его глазах в целях воздействия на его психику и завладения его имуществом, по признакам деяния данное насилие будет психическим. Полагаю, что квалификация содеянного как разбоя

При решении вопроса о разграничении грабежа и разбоя друг от друга по признакам насилия интерес так же представляют суждения о местонахождении анализируемых составах при характеристике насилия в грабеже и разбое. В частности П.В. Волошин считает, что их следует объединить в один состав, с дополнительной квалификацией по соответствующим вредоносным последствиям для жизни или здоровья [9, с. 27]. Полагаю, что данное рассуждение не бесспорно, так как нарушает систему при построении объекта преступления и отдельный учет преступные последствия.

В литературе отмечается, что угроза может быть передана лично или через посредников (третьих лиц), по телефону или иным образом. Угроза может следовать из обстановки [9, с. 13].

Угроза должна быть реальной, виновный угрожает немедленным применением насилия в случае, если требования о передаче имущества не будут исполнены. Степень интенсивности угрозы применения насилия зависит от степени интенсивности физического насилия, применением которого виновный запугивает потерпевшего.

Достаточно интересен вопрос о гипнозе как разновидности психического насилия. В литературе предложено данный факт квалифицировать по ст. 164 УК ДНР, поскольку в результате гипнотического воздействия потерпевший не сознавал противоправности изъятия у него имущества, хотя и видел эти действия виновного, а значит, налицо субъективный критерий тайности изъятия имущества, имеющий приоритет перед

объективным критерием, однако, суд, на примере обвинительного дела Г. Грабовского не воспринят данный подход и такие действия квалифицированы как мошенничество. Проблема в том, что в анализируемом преступлении законодатель предписывает суду, что если есть некоторая характеристика «обмана» при гипнозе, то решающим способом является именно обман, а не сама природа и последствия влияния гипноза на психику человека.

В юридической литературе так же употребляется термин «принуждение», где отдельными исследователями под ним понимается понятие, включающее в себя не только физическое насилие, но и психическое, сущность которых заключается в ограничении волеизъявления другого лица, что предопределено краткостью текста уголовного закона [9, с. 19].

Уголовно-правовая характеристика структуры анализируемого термина применительно к насильственным имущественным преступлениям характеризуется в виде следующих элементов: целенаправленное воздействие на волю потерпевшего, выраженный насильственный характер преступного воздействия, где требования не основаны на законных правах и интересах виновного, активная деятельность лица по выполнению предъявленного требования.

Следует учитывать, что объект посягательства принуждения, как составная часть психического насилия является сложным понятием и может включать в себя различные психические процессы и так же физиологию, таким образом, виды насилия не следует в зависимости от объекта посягательства и объект у них может быть общим – личность в широком случае слова.

Таким образом, при характеристике понятия «насилие» в уголовном законодательстве при квалификации имущественных преступлений следует учитывать, что законодателем используются различные его конструкции, которые могут характеризовать один и тот же его вид, но с разных сторон, то целесообразно учитывать обстановку совершения преступления, последствия деяния для потерпевшего и субъективные аспекты преступления. Рассмотренная проблема и предложенные подходы к её решению могут быть полезны сотрудникам правоохранительным органам, которые занимаются расследованием преступлений, связанных с хищениями чужого имущества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игнатов А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. -2016. – № 4. – С. 59-65
2. Гаухман Л.Д. Проблемы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 39-42.
3. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Нефизическое насилие в уголовном праве: понятие и признаки // Право. Журнал Высшей школы экономики. -2017. – № 3. – С. 89-104.
4. Кузнецов В.С. Уголовно-правовое противодействие корыстной преступности. В.2 ч. Ч.1: учеб. пособие. – Иркутск: изд-во ИГУ, 2015. – 233 с.
5. Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения). Дис.... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 418 с.
6. Волошин П.В. Насильственные хищения чужого имущества (Сравнительный анализ по законодательству Республики Казахстан и Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005. – 163 с.
7. Безвертухов А. Понятие и виды насилия в уголовном праве России: вопроссы правотворчества и правоприменения // Уголовное право. – 2014. -№ 4. – С. 11-18.
8. Министерство внутренних дел Донецкой Народной Республики: [Электронный ресурс]. URL:https://xn--b1aea3ais.xn--p1acf/.
9. Гертель Е. В. Разграничение понятий «насилие» и «принуждение» // Уголовное право. – 2010. – №5. – С.17-19
10. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014[Электронный ресурс] URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj respubliki/(дата обращения: 16.12.2021 г.).

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF VIOLENT CRIMES AGAINST PROPERTY

Annotation. This study provides a criminal-legal description of the elements of a crime against property, and also analyzes the problems arising in connection with these structures in law enforcement practice on the territory of the Donetsk People's Republic. The concept of "violence" is considered through the prism of the qualification of property crimes.
Keywords: crime, property, robbery, robbery, violent crimes.

Pruglov M.
Scientific adviser: Timoshenko N.A., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: mpruglov170797@icloud.com

УДК 340

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРАТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Пышьева А.А.
Научный руководитель: Красноносов Е.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной статье анализируются проблемные аспекты неопределённости правового статуса российской прокуратуры. Анализируются мнения и предложения различных авторов об отнесении органов прокуратуры к той или иной ветви власти. Рассматривается дискуссионный вопрос о сужении полномочий прокуратуры.
Ключевые слова: прокуратура, правовой статус, прокурорский надзор, разделение властей, прокурорская деятельность.

В современных реалиях исследование проблем конституционно-правового статуса прокуратуры и проблем его правового регулирования имеет особое значение для определения правовой природы, места, роли и значения прокуратуры в государственной системе разделения властей. Кроме того, это играет важную роль для определения её значения в обществе, а также анализа правозащитного потенциала, что непосредственно характеризует и определяет эффективность функционирования прокурорской системы. Неопределённость правового статуса прокуратуры порождает ряд споров и проблемных аспектов конституционно-правового характера (и не только), что, несомненно, ещё в большей степени актуализирует данный вопрос.

Положение прокуратуры в системе органов государственной власти, а также её независимость и объём полномочий являются «специфическими индикаторами» сильной и законной власти. Известно, что одной из особенностей статуса прокуратуры является многофункциональный и универсальный характер прокурорской деятельности, который направлен, прежде всего, на обеспечение верховенства закона, укрепление и единство законности, защиту прав, свобод и интересов человека и гражданина.

Примечательно, что в 2019 году на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил тот факт, что «прокуратура – это значимое и влиятельное звено государственной системы. Поле ответственности достаточно широкое, и полномочия очень большие». Кроме того, в 2018 году Президент указал на независимость органов прокуратуры и её основное назначение «…независимость прокуратуры является показателем ее работоспособности, она не должна руководствоваться никогда соображениями

экономической, социальной либо тем более политической целесообразности. Дело Генеральной прокуратуры – контролировать исполнение закона»[1, с. 229].

В современных реалиях отмечается тенденция к изменению конституционно-правового статуса прокуратуры. Сегодня прослеживается плюрализм предложений и идей, которые исходят от учёных и юристов практиков касательно изменения конституционно-правового статуса прокуратуры. Такое положение дел, несомненно, позволяет говорить о том, что органы прокуратуры можно относить к любой из ветвей власти, как закреплённых на конституционном уровне (законодательная, исполнительная, судебная), так и обоснованных научно (президентская, прокурорская, контрольная). Кроме того, существуют отдельные учёные, которые убеждены, что прокуратура не относится к органам государственной власти. В данном контексте, А. Н. Ванькаев подчёркивает следующее: «Прокуратура не входит в состав триады разделения властей… её можно интерпретировать как необходимый механизм системы разделения властей и особый, а также значимый элемент системы сдержек и противовесов» [2, с. 76]. То есть, отчётливо прослеживается, что автор избегает прямого определения места прокуратуры в государстве и называет её «элементом и механизмом».

В свою очередь, М. Б. Смоленский и Ю. Е. Винокуров убеждены, что прокуратура не относится к деятельности ни одной из ветвей власти, однако она наделена признаками каждой из них [3, с. 145]. В этом и заключается специфика прокурорской деятельности и прокурорского надзора. Это способствует усовершенствованию функционирования государственных органов, посредством, выявления в деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной ветви власти нарушений и принятия мер по их устранению. В каждом государстве имеют право на существование государственные органы, которые не входят в триаду ветвей государственной власти, однако эти органы по своему статусу тоже являются государственными, они создаются и функционируют в соответствии с Основным законом государства и федеральными законами. Можно утверждать, что вопрос о месте органов прокуратуры в государственном механизме на протяжении всей современной истории и практики всегда имел ярко дискуссионный характер.

Определённая часть учёных рассматривают прокуратуру в качестве контрольного органа законодательной вести власти, как подсистему законодательной власти, либо как инструментарий её реализации. В данном контексте, Г. Чуглазов подчёркивает следующее: «Законы принимаются законодательной властью, а Генеральный прокурор и подчинённые ему прокуроры заботятся о точном и неуклонном исполнении законов. Из этого можно сделать вывод, что полномочия прокуратуры являются одним из инструментов законодательной власти для реализации своих прав» [4, с. 97]. Сегодня прослеживается тесное взаимодействие прокуратуры с законодательной ветвью власти, которое проявляется в кадровых и контрольных полномочиях Федерального собрания по отношению к прокуратуре, а также в полномочиях прокуратуры в правотворческой сфере. Однако утверждать, что такое взаимодействие является основанием для отнесения прокуратуры к законодательной ветви власти – ошибочно, так как подобное взаимодействие прокуратуры и законодательной власти призвано поддерживать баланс ветвей в государстве, удерживать друг друга от произвола и узурпации власти.

Если прокуратура не относится к законодательной ветви власти, возможно, она является частью исполнительной власти? Известно, что в научных кругах существует мнение о том, что прокуратура – это особый вид исполнительной власти. В данном контексте необходимо обратить внимание на мнения и идеи учёных. Так, С. А. Осипян утверждает, что «прокуратура – это самостоятельная подсистема исполнительной власти, которая в определённой мере логически связана с исполнительной ветвью власти единой целью: обеспечение законности и правопорядка, а также борьба с

преступностью» [5, с. 159]. Несомненно, для реализации общих задач, которые стоят перед этими органами необходимо совместное согласование действий. Кроме того, в данной связи необходимо подчеркнуть тот факт, что органы исполнительной власти поднадзорны органам прокуратуры. В сферу прокурорской деятельности не входит управленческая деятельность, а правоприменительная деятельность органов прокуратуры не является формой государственного управления. Исходя из сказанного, прокуратуру не стоит относить к исполнительной ветви власти.

Прокуратура и судебная власть органически дополняют друг друга, так как данные органы не вовлечены в административное и хозяйственное управление. Соответственно, данные государственные органы имеют способность объективного и непредвзятого реагирования на юридически значимые события в данных сферах. Для прокуратуры и органов судебной власти характерно тесное взаимодействие. Известно, что после внесения поправок в Основной закон Российской Федерации, изменилось название главы посвящённой судебной власти. В настоящее время глава именуется «Судебная власть и прокуратура», что порождает активные споры относительно отнесения прокуратуры к судебной ветви власти, однако и это мнение является ошибочным. Несмотря на то, что область взаимодействия судебных органов и прокуратуры достаточно велика, не следует рассматривать прокуратуру как орган судебной власти, ибо она ни структурно, ни функционально не входит в эту систему. Кроме того, в соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации, правосудие в государстве осуществляется только судом. В данном контексте законодателю целесообразно отделить в тексте Конституции прокуратуру от судебной власти и посвятить отдельную главу правовому регулированию конституционно-правового статуса прокуратуры. Необходимо обратить внимание на опыт конституционно-правового регулирования статуса прокуратуры в советский период, так как, например, в Конституции СССР 1977 г. регламентации организации и деятельности прокуратуры была посвящена целая глава [6].

Исследование правового статуса прокуратуры будет неполным, если не обратить внимания на дискуссионный вопрос о принадлежности прокуратуры к теоретически обоснованной президентской ветви власти. В научной литературе встречаются подобные мнения учёных. Вопрос такой принадлежности скорее вытекает из тесной взаимосвязи российской прокуратуры и Президента. Данная взаимосвязь твёрдо базируется на общих целях, например, Президент является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь, прокурорской деятельности присуща функция, в рамках которой прокуратура осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами государственной власти. То есть как Президент, так и прокуратура осуществляют общую правозащитную функцию, а также обеспечивают надлежащее исполнение прав и свобод человека. Кроме того, известно, что Президент имеет кадровые полномочия в отношении прокуратуры по назначения прокуроров на их должности. Свидетельствует ли такое взаимодействие об отнесении прокуратуры к президентской власти? Скорее нет, чем да. Кроме того, до тех пор, пока будет существовать способ назначения на должность руководителей прокурорской системы, в котором участвуют несколько органов государственной власти (Совет Федерации и Президент), ошибочно утверждать о какой-либо принадлежности прокуратуры к президентской власти.

Кроме дискуссий об отнесении прокуратуры к той или иной ветви власти, ведутся активные споры о ликвидации надзорной функции прокуратуры, что может оказать существенное влияние на её правовой статус. Возникла тенденция реформирования прокуратуры благодаря западному влиянию. Венецианская комиссия – консультативный орган по правовым вопросам Совета Европы в 2005 году опубликовала своё мнение по вопросу соответствия российского законодательства о

прокуратуре европейским, а также международным нормам и стандартам в целом [7, с. 73]. Так, по мнению Комиссии, прокурорский надзор недопустим в государстве, которое характеризуется как правовое и демократическое. Соответственно функциональные возможности прокуратуры необходимо ограничить лишь поддержанием государственного обвинения в судебном процессе (западная модель). В качестве возражения можно утверждать, что полномочия прокуратуры в рамках надзорной функции достаточно широки. Прокуратура осуществляет, например, надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов (в широком смысле слова); поиск и нахождение актов и действий, не соответствующих закону, и принятие мер к их пресечению средствами прокурорского реагирования; надзор за органами, ведущими следствие и дознание, а также исполняющими наказания. Однако данные полномочия наоборот способствуют развитию правового государства путём принуждения к неукоснительному соблюдению закона и требований. Сторонники ликвидации надзорной функции прокуратуры в качестве аргумента используют наличие неясности в конституционно-правовом статусе прокуратуры в системе разделения властей. Поэтому критики прокурорского надзора призывают к превращению прокуратуры в управление Министерства юстиции. Это соответствует западной модели, для которой характерно включение прокурорской деятельности в состав исполнительной власти. Однако целесообразно учитывать не только западные рекомендации, но и многовековую историю развития русской прокуратуры, культурные особенности, исторические традиции и менталитет страны. Поэтому ограничение полномочий прокуратуры и ликвидация надзорной функции с упором на западную модель – это не лучший вариант для российского государства. Государство и общество заинтересованы в наличии действенного механизма по обеспечению надзора за исполнением Конституции и законов Российской Федерации.

В условиях современного развития государственности прокуратура и её деятельность имеет высокую значимость. Поэтому дальнейший процесс реформирования прокуратуры должен опираться на её правовую природу, которая традиционно характеризовалась многоаспектностью полномочий в различных сферах общественной жизни. Следовательно, необходимо не только отказаться от ограничений полномочий прокуратуры, а придать им координационный характер и расширить, либо дополнить содержание существующих полномочий для обеспечения верховенства закона, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Включение прокуратуры в одну из ветвей государственной власти может оказать негативное влияние на систему разделения властей, а также нарушить баланс функционирования. Необходимо признать тот факт, что прокуратура – это универсальный самостоятельный институт. Прокуратура как важнейший государственный институт имеет свои особенности, одна из которых проявляется в том, что прокуратура в той или иной степени осуществляет взаимодействие с каждой ветвью государственной власти. Именно в данном взаимодействии и раскрывается её особое положение в системе государственных органов. Деятельность прокуратуры обеспечивает единство правового пространства России, соблюдение законности всеми субъектами права, охрану прав, свобод и законных интересов человека и общества. Прокуратура Российской Федерации сегодня – это конституционный орган, находящийся вне системы разделения властей, призванный выполнять от имени государства определенную функцию надзора за исполнением законов и наделенный для этого соответствующими полномочиями.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что граждане именно в прокуратуре видят один из самых эффективных органов, который способен осуществить правозащитную функцию, то есть защитить права, свободы и законные интересы

человека и гражданина. Прокуратура выступает в данном контексте как внесудебный правозащитный механизм. Данный тезис подтверждает статистика, которая отражает следующее: с жалобами в органы прокуратуры ежегодно обращается более 2 млн граждан, по которым, как правило, принимаются меры прокурорского реагирования [8, с. 138]. Развитие и совершенствование конституционной системы защиты прав и свобод личности предусматривает стимулирование правозащитной деятельности российской прокуратуры. Поэтому всё больше внимания должно уделяться деятельности прокуратуры в области защиты прав граждан от противоправных действий или бездействия должностных лиц органов государственной власти и реализации ее правозащитной функции.

Таким образом, кризис законности в государстве требует преобразований и существенного реформирования прокурорской системы. Для этого необходимо сохранить основные функции прокуратуры, а также трансформировать «старые» функции. Необходимо отметить, что в современных социально-экономических условиях единственный орган, который может обеспечить верховенство закона в государстве – это прокуратура. Исключительность правового статуса российской прокуратуры в системе органов государственной власти очевидна. Исключительность статуса данного органа необходима для эффективного обеспечения режима единой законности на территории всей страны. Будучи важным звеном в системе сдержек и противовесов, она способствует взаимодействию различных ветвей единой государственной власти, их согласованному функционированию как единого государственного механизма. Кроме того, необходимо усовершенствовать характер взаимодействия прокуратуры с органами государственной власти и соответственно отразить все изменения в законодательстве о прокуратуре. Прокуратура имеет все признаки самостоятельной ветви государственной власти, поэтому её можно рассматривать как универсальный самостоятельный институт, который наделён контрольно-надзорными функциями, а независимость прокуратуры от всех ветвей власти продиктована характером и сущностью прокурорских функций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Логанова О.В. Историко-правовой анализ влияния государственной власти на изменение правового статуса прокуратуры // Молодой учёный. – 2020. – № 42 (332). – С. 227–229.
2. Прошин Е.В. К дискуссии о месте прокуратуры в Российском государстве // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 4. – С. 75–77.
3. Антипова Н.Т. Вопросы взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с органами исполнительной власти // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 1. – С. 144–149.
4. Надин А.Н. Место и роль прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 6. – С. 93–105.
5. Ижаева Ф.А. Статус прокуратуры в системе разделения властей // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2012. – № 10. – С. 157–161.
6. Конституция (Основной Закон) СССР: от 7 октября 1977 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#21 (дата обращения 29.01.2022).
7. Анаева Е.А. Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации // Вестник поволжского института управления. – 2008. – № 1. – С.73–78.
8. Паршунин Д.Ю. Правозащитная функция прокуратуры Российской Федерации // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 131–138.

LEGAL STATUS OF THE PROSECUTION AT THE PRESENT STAGE: PROBLEM ASPECTS

Annotation. This article analyzes the problematic aspects of the uncertainty of the legal status of the Russian prosecutor's office. The opinions and proposals of various authors on the attribution of the prosecutor's office to one or another branch of power are analyzed. The debatable issue of narrowing the powers of the prosecutor's office is considered.
Keywords: prosecutor's office, legal status, prosecutor's supervision, separation of powers, prosecutor's activity.

Pysheva A.
Scientific adviser: Krasnonosov E.Yu. PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: pysheva10@mail.ru

УДК 347.67/08

ВОЗМОЖНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ИНСТИТУТА НЕДОСТОЙНЫХ НАСЛЕДНИКОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИК БОЛГАРИИ И ПОЛЬШИ В ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Резник А.А.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются нормативные положения института недостойных наследников путём сравнения законодательства республик Болгарии и Польши в целях ознакомления с зарубежным правом и возможностью дальнейшего его применения в национальной системе права. Также отмечены сильные и слабые стороны законодательного регулирования данного вопроса и внесены предложения по регламентации отдельных пунктов в ГК ДНР.
Ключевые слова: недостойные наследники, устранение от права на наследование, наследование по закону, наследование по завещанию, наследственные правоотношения.

На сегодняшний день нормативная база Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) находится на стадии формирования, что и обуславливает потребность в изучении теоретических и правовых основ, которые бы способствовали исключению всевозможных коллизий законодательства. Так, рассматриваемые в проводимом исследовании правовые положения иностранных государств позволят изучить анализируемую категорию в отрыве от национального права и, как следствие, принять во внимание некоторые особенности института недостойных наследников. Актуальность проводимого исследования объясняется объективной необходимостью избрания наиболее эффективных и целесообразных способов регулирования правоотношений, возникающих в процессе признания наследника утратившим право на наследование. При написании данной работы используются такие общенаучные методы, как анализ, синтез, а также такие специальные методы, как герменевтика и сравнительно-правовой анализ.

Итак, прежде чем непосредственно перейти к анализу норм права, рассмотрим определение категории «недостойный наследник» в соответствии со справочными пособиями. Так, в соответствии с лингвистическим словарем А.П. Евгеньевой, не заслуживающий чего-либо, не стоящий кого-либо, чего-либо; не заслуживающий уважения [1].

Наряду с этим в словаре Д.Н. Ушакова значится, что недостойным является лицо, не заслуживающее уважения, безнравственное, бесчестное [2, с. 512].

В юридической литературе под недостойным наследником, по мнению А. Е. Казанцевой, понимается такой наследник, который не заслуживает получения наследства [3, с. 399]. Подобные утверждения, хоть в целом и объясняют суть изучаемого явления, однако совершенно не раскрывают признаки анализируемой категории. Для того, чтобы определиться, кого же именно считают лицом, не имеющим право на наследование необходимо обратиться к положениям гражданского законодательства сравниваемых стран.

Во-первых, обратимся к положениям нормативной базы Республики Болгарии. Как наследственные правоотношения в общем, так и институт недостойных наследников в частности здесь регулируются Законом Болгарии № 19/13.03.2009 «О наследстве» (далее – Закон Болгарии) [4]. Так, ст. 3 вышеуказанного нормативно-правового акта содержит положение о том, что не может наследовать как недостойный:

а) тот, кто умышленно убил или пытался убить наследодателя, его супруга (супругу) или его ребенка, равно соучастник этих преступлений, кроме случаев, когда деяние совершено при обстоятельствах, которые исключают наказуемость, или если является амнистированным;

б) тот, кто оклеветал наследодателя в совершении преступления, которое является наказуемым лишением свободы или более тяжким наказанием, кроме случаев, когда клевета преследуется тяжбой пострадавшего и таковая не является поданной;

в) тот, кто склонил наследодателя или воспрепятствовал ему посредством насилия или обмана сделать, изменить или отменить завещание или тот, кто уничтожил, сокрыл или исправил его завещание или сознательно воспользовался не подлинным завещанием.

Наряду с этим, согласно содержанию ст. 4 Закона Болгарии, недостойный может наследовать, если наследодатель его признал конкретно достойным посредством акта, имеющего нотариально удостоверенное содержание или посредством завещания. Недостойный наследник, в пользу которого наследодатель составил завещание, зная причину недостоинства, без конкретного его признания достойным, наследует только в границах завещания.

Исходя из смысла п. «а» ст. 3 Закона Болгарии от права на наследование устраняется лицо, умышленно совершившее убийство либо покушение на убийство самого наследодателя, его супруга (супруги), детей. Схожее по смыслу утверждение содержит и п. 1 ст. 1246 Гражданского кодекса ДНР (далее – ГК ДНР), в соответствии с которым «не наследуют ни по закону, ни по завещанию физические лица, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке» [5].

Однако в то время как ГК ДНР конкретизирует цель преступного посягательства – способствование призванию самих недостойных либо других лиц к наследованию, либо же способствование увеличению своей доли, – гражданского законодательство Болгарии признаёт недостойным лицо, которое совершило убийство вышеуказанных лиц без выделения чёткого мотива. Из приведенного выше также следует отметить, что болгарский закон включает в основания признания наследника недостойным лишь убийство и покушение на убийство, а не иные преступные посягательства. Более того, в Законе предусмотрено, что если деяние совершено при обстоятельствах, которые исключают наказуемость, или если таковое является амнистированным, то лицо от права на наследование не устраняется (в ГК ДНР такое уточнение отсутствует).

П. «б» рассматриваемой статьи представляется весьма неоднозначным, так как содержит достаточно редкую норму, не встречаемую в актах иных государств. Так, в соответствии с данным пунктом, лицо, оклеветавшее наследодателя в совершении преступления, которое является наказуемым лишением свободы или более тяжким наказанием. В связи с этим предлагается рассмотреть, что же подразумевается под клеветой. Согласно ст. 132 Уголовного кодекса ДНР (далее – УК ДНР), клевета –

распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию [6].

Возможно, регламентация подобного положения была бы целесообразной и в ГК ДНР, так как согласно Комментарию к ст. 128.1 УК Российской Федерации (далее – УК ДНР), аналогичной ст. 132 УК ДНР, при определенных условиях сведения клеветнического характера могут умалять репутацию, доброе имя семьи умершего, заинтересованные лица имеют право на судебную защиту своих чести и достоинства и в случаях, когда порочащие сведения распространены в отношении умерших членов их семей или других родственников [7].

Так, клевета может в последствии затрагивать не только наследодателя, но и его родственников. Законом Болгарии также установлены случаи, когда даже при распространении сведений лицо не будет признано недостойным наследником: такие случаи имеют место быть, когда в отношении наследодателя действительно заведено уголовное дело за совершение того или иного преступления. Однако по сути своей данное преступление тяжким не является, а потому не будет являться основанием для признания наследника недостойным в рамках действующего законодательства ДНР.

Суть п. «в» изучаемой нормы идентична смыслу п. 1 ст. 1246 ГК ДНР, так как речь в рассматриваемом положении идёт о склонении наследодателя к изменению либо отмене завещания, а также о противоправных действиях наследника, таких как уничтожение, исправление, сокрытие завещания либо сознательное использование недействительного завещания (что в ГК ДНР подпадает под категорию «умышленных противоправных действий, направленных против последней воли наследодателя»). Различие состоит лишь в том, что болгарское законодательство конкретизирует приблизительный перечень противоправных действий, которые наследник может совершить.

Целесообразным также представляется изучить ст. 4 Закона Болгарии, в соответствии с которой недостойный может наследовать, если наследодатель его признал конкретно достойным посредством акта, имеющего нотариально удостоверенное содержание или посредством завещания. Если указание на то, что недостойный наследник не утрачивает право на наследование в том случае, если наследодатель после утраты ими права наследования завещал имущество, является общепринятым и для ГК ДНР, то вышеуказанный акт национальным законодательством не регламентирован. Так, в болгарском гражданском праве предусмотрено, что «реабилитация» прав на наследование возможна в случае письменного, нотариально заверенного акта, что является достаточно убедительным подтверждением того, что наследодатель уведомлен в том, что одним из наследников совершено то или иное посягательство. Помимо этого, данная процедура представляется более упрощенной в сравнении с необходимостью повторно включать наследника в завещание.

Далее, проанализируем отдельные положение гражданского законодательства Республики Польши, в частности ст. 928 Гражданского кодекса Польши (далее – ГК Польши) [8]. Так, в соответствии с упомянутой выше нормой, наследник может быть признан сад недостойным, если:

1) совершил умышленно тяжкое преступление против наследодателя;

2) обманом или угрозой уговорил наследодателя составить или отозвать завещание, или таким же образом помешал ему совершить одно из этих действий;

3) умышленно скрыл или уничтожил завещание наследодателя, подделал или переделал завещание, или сознательно воспользовался завещанием, в котором указано иное лицо.

Согласно же п. 2 ст. 928 ГК Польши, наследник, отстраненный от наследства, как бы он не дожил до открытия наследства. То есть, утрата таким лицом права на наследование влечет те же последствия, что и смерть такого наследника.

В отношении п. 1 следует заметить, что положения схожи с п.1 ст. 3 Закона Болгарии и п.1 ст. 1246 ГК ДНР, однако наряду с аналогичными категориями имеет место немаловажное отличие – польское законодательство генерализирует перечень противоправных деяний, ни конкретизируя виды преступлений (как болгарские нормативные акты), ни определяя конкретный мотив такого деяния (как ГК ДНР). На наш взгляд такой подход оправдан, ведь подобная регламентация упрощает восприятие рассматриваемой нормы, и она становится более гибкой, так как подлежит расширенному толкованию. Наряду с этим, п. 2 и п. 3 вышеуказанной статьи лишь повторяют положения ст. 1246 ГК ДНР и ст. 3 Закона Болгарии.

Опираясь на приведенные положения нормативных актов необходимым полагаем подвести итог вышеизложенного:

Во-первых, основными преимуществами Закона Болгарии является включение в перечень оснований для утраты права на наследование клевету в адрес наследодателя в совершении преступления, которое является наказуемым лишением свободы или более тяжким наказанием, а также рассмотрение возможности принятия наследства недостойным наследником в том случае, если наследодатель подписал и нотариально заверил акт, подтверждающий, что он уведомлен о совершении таким лицом противоправных действий, но всё же предоставляет ему возможность вступить в соответствующие права. Недостаток данного нормативно-правового акта – конкретизация противоправных деяний, являющихся основанием для признания наследника не достойным, что является преградой для их расширенного толкования.

Во-вторых, ГК Польши, по нашему мнению, регламентирует наиболее общие основания для признания лица утратившим право на наследование и, как результат, способствует более полному пресечению возможности осуществлять наследственные права лицам, совершившим посягательства.

В-третьих, считаем обоснованным включение в ст. 1246 ГК ДНР следующего положения:

«Физические лица, утратившие право наследования, могут наследовать если наследодатель признал их достойными посредством акта, имеющего нотариально удостоверенное содержание или посредством завещания».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 790 с.
2. Толковый словарь Ушакова / Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения: 01.02.2022). – Загл. с экрана.
3. Казанцева, Е.А. Недостойные наследники / Е.А. Казанцева // Вестник Омского университета. – 2012 – № 3 – С.399–403.
4. О наследстве: Закон Болгарии № 19/13.03.2009 / Официальный сайт российского информационного центра бизнеса и туризма. Законы Болгарии: пер. на русский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bulgar.in/laws-of-bulgaria-in-russian-language/?ELEMENT_ID=604 (дата обращения: 01.02.2022). – Загл. с экрана.
5. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР № 81–IIНС от 13.12.2019 / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya–deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij–kodeks–donetskoj–narodnoj–respubliki/ (дата обращения: 02.02.2021). – Загл. с экрана.
6. Уголовный кодекс ДНР: Закон ДНР от 19 августа 2014 г. / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 02.02.2022).
7. Комментарий к ст. 128-1 Уголовного кодекса Российской Федерации / Официальный сайт Последней действующей редакции Уголовного кодекса с комментариями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stykrf.ru/128-1 (дата обращения: 02.02.2021). – Загл. с экрана.
8. Гражданский кодекс Республики Польша: Закон Польши от 23.04.1964 г. / Левоневский В.С. Библиотека нормативных правовых актов зарубежных государств [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://pravo.levonevsky.org/kodeks_pl/kodeks-cywilny/20110130/document.htm (дата обращения: 03.02.2021). – Загл. с экрана.

THE POSSIBILITY OF INTRODUCING CERTAIN PROVISIONS OF THE INSTITUTE OF UNWORTHY HEIRS UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLICS OF BULGARIA AND POLAND INTO THE CIVIL CODE OF THE DONETSK PEOPLE REPUBLIC

Annotation. This paper examines the normative provisions of the institute of unworthy heirs by comparing the legislation of the republics of Bulgaria and Poland in order to familiarize themselves with foreign law and the possibility of its further application in the national legal system. The strengths and weaknesses of the legislative regulation of this issue were also noted and proposals were made to regulate certain items in the Civil Code of the DPR.
Keywords: unworthy heirs, the remedy from the right to inherit, inheritance under the law, inheritance under a will, inheritance relationships.

Reznik A.
Scientific adviser: Efremova A.V., Ph.D. in law, associate professor
Donetsk National University
E-mail: a.reznik19@yandex.ru

УДК 342.511.3

ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК УТРАТЫ СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Родославов В.М.
Научный руководитель: Дорошева Е.Н., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье проанализированы основания и порядок утраты статуса Президента Российской Федерации. Разработаны предложения по совершенствованию порядка утраты статуса Президента Российской Федерации.
Ключевые слова: Президент Российской Федерации, статус, основания утраты статуса, порядок утраты статуса.

Основания и порядок утраты статуса Президента Российской Федерации (далее – Президента РФ) установлены конституционно в виду важности конституционно-правового статуса главы государства. Однако порядок утраты статуса Президента РФ может быть усовершенствован.

Цель исследования – проанализировать основания и порядок утраты статуса Президента Российской Федерации, разработать предложения по усовершенствованию порядка утраты статуса Президента РФ.

Конституция РФ [1] в ч.ч. 1, 2 ст. 92, ст. 93 предусматривает несколько оснований утраты статуса Президента РФ.

По общему правилу Президент РФ прекращает осуществление своих полномочий с истечением срока, на который он был избран, в момент принесения присяги вновь избранным Президентом РФ согласно ч. 1 ст. 92 Конституции РФ.

Полномочия Президента РФ могут быть прекращены досрочно:

1) в случае его отставки (ч. 2 ст. 92 Конституции РФ);

2) в случае стойкой неспособности Президента РФ по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия (ч. 2 ст. 92 Конституции РФ);

3) в случае принятия решения об отрешении Президента РФ от должности Советом Федерации на основании обвинения, выдвинутого Государственной Думой (ст. 93 Конституции РФ).

Айтбаева Ж.С. понимает отставку главы государства в качестве меры конституционно-правовой ответственности, которая выражается в добровольном уходе лица с занимаемой государственной должности до окончания срока ее исполнения в качестве права Президента на досрочное прекращение своих полномочий. В данном случае идет речь о сложении полномочий по собственному желанию [2; 204]. Однако, подробно процедура отставки не урегулирована ни в рамках Конституции РФ, ни особого федерального конституционного закона.

Стоит отметить, что Е.Д. Литвина и А.В. Сидорова А.В делят все основания для досрочного прекращения полномочий Президента РФ на две группы: объективные и субъективные, и относят отставку к субъективным факторам в виду личного волеизъявления главы государства, а отрешение от должности к объективным факторам по причине детальной регламентации, а также видят проблему в отнесении основания досрочного прекращения полномочий в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья – к объективным или субъективным факторам [3, с. 379]. Однако данную проблему уже разрешил Конституционный суд РФ, не отнеся волеизъявление Президента РФ к обязательным критериям прекращения полномочий в данном случае. Таким образом, данное основание относится к объективным факторам.

В частности, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 июля 2000 г. № 12-П «По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия» подчеркивается, что досрочное прекращение полномочий Президентом РФ в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять свои полномочия требует специальной процедуры для объективного установления фактической невозможности Президента РФ в силу постоянных и необратимых нарушений функций организма принимать решения, вытекающие из его конституционных полномочий, или иным образом осуществлять свои полномочия в соответствии с требованиями Конституции РФ. В этом случае в силу чрезвычайного характера рассматриваемого основания утраты статуса Президента РФ волеизъявление главы государства может не являться предварительным условием досрочного прекращения полномочий.

Досрочное прекращение полномочий Президента РФ в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять свои полномочия является элементом конституционного статуса Президента РФ, и, следовательно, правовое регулирование порядка прекращения полномочий Президента Российской Федерации по данному основанию носит конституционный характер. Определение соответствующего порядка может осуществляться в соответствии с требованиями, вытекающими из положений Конституции РФ, в целях обеспечения непрерывности и стабильности осуществления полномочий Президента РФ, без учета факторов, препятствующих нормальному функционированию властных институтов.

Порядок досрочного прекращения полномочий Президента РФ в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять свои полномочия не может быть упрощеным, исходя из позиции Конституционного Суда РФ [4].

Процедура прекращения полномочий Президента РФ в результате стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять свои полномочия также требует детальной правовой регламентации в федеральном конституционном законе, где необходимо указать: какой орган и каким образом устанавливает факт наличия стойкой неспособности, каков порядок формирования персонального состава такого органа, каковы критерии стойкой неспособности, чтобы избежать необоснованного прекращения полномочий Президента РФ, а также злоупотребления со стороны лиц, устанавливающих стойкую неспособность по состоянию здоровья Президента РФ.

Е.Н. Тязин и А.С. Кочнев верно отмечают, что процедура отрешения от должности сходна по своей природе с импичментом, проводимым в других зарубежных странах. В США и в РФ применяется классическая схема импичмента, в которой нижняя палата парламента формулирует и выдвигает обвинение, а верхняя палата рассматривает его и принимает окончательное решение. По другой схеме импичмента право выдвигать обвинение принадлежит законодательному органу, а окончательное решение принимает один из высших судов государства (Конституционный суд в Германии, Италии, Болгарии, Верховный суд в Португалии, Финляндии, Румынии, Высокая палата правосудия во Франции) [5].

Регламентации порядка отрешения Президента РФ от занимаемой должности посвящена статья 93 Конституции РФ. Также это закреплено регламентами Совета Федерации [6] и Государственной Думы [7].

Процедура отрешения Президента РФ от должности складывается из трех этапов.

1. Первый этап выдвижения Государственной Думой обвинения против Президента РФ для отрешения его от должности регламентирован Главой 22 Регламента Государственной Думы «Порядок выдвижения Государственной Думой обвинения против Президента Российской Федерации» и ч. 2 ст. 93 Конституции РФ. Инициативу о выдвижении обвинения должны поддержать одна треть депутатов Государственной Думы.

Предложение о выдвижении обвинения против Президента РФ должно содержать конкретные указания на признаки государственной измены либо иного тяжкого преступления. Предложение о выдвижении обвинения против Президента РФ направляется Государственной Думой для предоставления заключения специальной комиссии, которая формируется для оценки соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения главы государства. По итогам обсуждения Государственная Дума двумя третями голосов от общего числа состава палаты парламента принимает постановление о выдвижении обвинения против Президента РФ.

2. Заключениями Верховного Суда РФ о наличии в действиях Президента РФ признаков преступления государственной измены либо иного тяжкого преступления и Конституционного Суда РФ о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения подтверждается выдвинутое обвинение Государственной Думы в соответствии с ч. 1 ст. 93 Конституции РФ.

3. Рассмотрение Советом Федерации вопроса об отрешении от должности главы государства и принятие решения об отрешении Президента РФ от должности детально регламентировано в главе 23 Регламента Совета Федерации «Порядок рассмотрения Советом Федерации вопроса об отрешении Президента Российской Федерации от должности…» и ч. 3 ст. 93 Конституции РФ. На принятие решения Совета Федерации об отрешении Президента РФ от должности дается три месяца после выдвижения Государственной Думой обвинения против Президента РФ. Если же в установленный срок решение Совета Федерации не было принято, то обвинение против главы государства считается отклоненным. Решение Совета Федерации об отрешении Президента РФ от должности будет принято, если за него проголосовало не менее двух третей от общего числа сенаторов Совета Федерации.

Относительно совершенствования регламентации процедуры отрешения Президента от должности К.Е. Пензин считает необходимым принятие специального закона о процедуре импичмента Президента Российской Федерации и его ответственности. Также автор отмечает маловероятность принятия решения об отрешении от должности, поскольку оно зависит от многих органов, участвующих в этом процессе. Кроме того, крайне мал срок в три месяца для принятия решения [8]. Полагаем, что процедура отрешения требует не принятия отдельного закона об

импичменте, а подробной регламентации наравне с иными основаниями прекращения полномочий главы государства в рамках закона о статусе Президента РФ.

По этому поводу В.В. Низиньковская соглашается с мнением советника Конституционного суда РФ Л.А. Окунькова относительно сложности процедуры отрешения Президента РФ, что делает практически невозможным отрешение, но чрезмерное упрощение данной процедуры недопустимо, требуется достигнуть в данном вопросе разумного компромисса [9].

В США процедура импичмента схожа с РФ, но она является более простой по сравнению с российской. Несмотря на это, за многолетнюю конституционную историю, ни разу не был отстранен от должности в рамках импичмента Президент США.

Право на привлечение к ответственности государственных должностных лиц закреплено в Конституции США – статья 1, разделы 2 и 3, а также в статье II, раздел 4. Согласно указанным нормам Конституции США, единственным органом, уполномоченным объявлять импичмент, является Палата представителей.

Импичмент Президента США представляет собой трехэтапную процедуру, которая начинается с расследования Конгресса, которое чаще всего начинается в Судебном комитете Палаты представителей, но может быть инициировано другим органом, таким как Судебный комитет Сената. Затем Палата представителей проводит голосование по импичменту, которое должно быть обеспечено простым большинством голосов. Если голосование проходит, то выбранное должностное лицо считается «подвергнутым импичменту», но это еще не приводит к его отстранению от должности.

Затем Президент США, подвергнутый импичменту, должен предстать перед судом в Сенате. Если большинство в две трети голосов Сената будет поддержано в пользу импичмента, должностное лицо будет осуждено и отстранено от должности. Вице-президент председательствует в большинстве судебных разбирательств по делу об импичменте, но в случае судебного разбирательства по делу об импичменте президента вице-президент считается беспристрастной стороной, и затем председательствует верховный судья Соединенных Штатов.

Согласно Конституции США, избранным должностным лицам может быть объявлен импичмент на основании государственной измены, взяточничества или других тяжких преступлений и проступков. Конгресс США выделил три основных типа проступков, которые подпадают под эту категорию, но список не считается исчерпывающим. К ним относятся: превышение или злоупотребление должностными полномочиями; поведение, несовместимое с функциями и целями должности; использование должности в ненадлежащих целях или для личной выгоды.

При этом не каждое преступление является основанием для импичмента. В 1974 году Судебный комитет снял обвинения в налоговом мошенничестве с президента США Ричарда Никсона, заявив, что это связано с частным поведением президента, а не со злоупотреблением его полномочиями как президента.

За всю историю США двум президентам США был объявлен импичмент: Эндрю Джонсону в 1868 году и Биллу Клинтону в 1998 году. Однако оба импичмента не прошли через Сенат, и оба президента остались на своем посту [9].

Полагаем, что в РФ не стоит следовать конституционной практике, когда Президент не может быть отстранен от должности за любое преступление тяжкой категории. Не стоит в данном вопросе руководствоваться тем критерием, что закон нарушен при исполнении полномочий, все лица являются равными перед законом. Такое преступное поведение является недостойным главы государства как с правовой, та и с политической точки зрения.

Например, во Франции в 1958 году Конституция Пятой республики в статье 68 предусматривала государственную измену как единственный случай, который может привести к импичменту президента Республики. Долгое время не было политической

воли изменить эту президентскую безответственность [10]. На данный момент в соответствии со ст. 68 Конституции Франции Президент Республики может быть отстранен от должности только в случае невыполнения своих обязанностей, явно несовместимых с выполнением своего мандата [11].

Однако, в Российской Федерации, по мнению автора, необходимо упростить процедуру отрешения от должности Президента.

Таким образом, проанализировано, что основаниями утраты статуса Президента РФ являются: истечение срока полномочий Президента РФ, а также досрочные случаи прекращения полномочий Президента РФ, которые можно разделить на 2 группы: 1) субъективные основания (отставка Президента РФ), 2) объективные основания (стойкая неспособность главы государства по состоянию здоровья осуществлять полномочия; отрешение от должности Президента РФ).

Предложено принять федеральный конституционный закон, регламентирующий основания прекращения полномочий главы государства, в рамках закона о статусе Президента РФ.

При этом процедура отрешения от должности должна быть несколько упрощена. В частности, в необходимости получения заключений Конституционного суда РФ и Верховного Суда РФ. По примеру США член Верховного Суда РФ может председательствовать в процедуре рассмотрения вопроса об отрешении от должности главы государства в Совете Федерации. Также выдвижение обвинения против Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления для отрешения его от должности может приниматься простым большинством голосов Государственной Думы, а не двумя третями от ее состава.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.

2. Айтбаева Ж.С. О способах досрочного прекращения полномочий Президента Кыргызской Республики и опыт зарубежных стран // Известия вузов (Кыргызстан). 2011. №. 7. С. 204-206.

3. Литвина Е.Д., Сидорова А.В. Стойкая неспособность по состоянию здоровья как основание для досрочного прекращения полномочий президента Российской Федерации // Бюллетень науки и практики. 2016. № 11(12). С. 378 – 381.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2000 г. № 12-П «По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 29. – Ст. 3118.

5. Тязин Е.Н., Кочнев А.С. Импичмент Президента США и отрешение от должности Президента Российской Федерации: сравнительная характеристика // Символ науки. – 2016. – №7-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://cyberleninka.ru/article/n/impichment-prezidenta-ssha-i-otreshenie-ot-dolzhnosti-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-sravnitelnaya-harakteristika (дата обращения: 31.01.2022). – Загл. с экрана.

6. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 7. – Ст. 635.

7. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 801.

8. Пензин К.Е. Конституционные основы прекращения полномочий Президента Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. №3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-prekrascheniya-polnomochiy-prezidenta-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 31.01.2022). – Загл. с экрана.

9. Низиньковская В.В. О некоторых особенностях привлечения Президента Российской Федерации к конституционно-правовой ответственности // Вестник ТИУиЭ. 2019. №1 (29). [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-privlecheniya-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-k-konstitutsionno-pravovoy-otvetstvennosti (дата обращения: 31.01.2022). – Загл. с экрана.
10. Presidential Impeachment in US: How it Works [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sputniknews.com/20190925/presidential-impeachment-in-the-us-how-it-works-1076883294.html (дата обращения: 31.01.2022). – Загл. с экрана.
11. "Destitution", entre responsabilité politique et coup d'état legal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.franceculture.fr/emissions/il-etait-une-fois-le-mot-de-la-semaine/destitution-entre-responsabilite-politique-et-coup (дата обращения: 31.01.2022). – Загл. с экрана.
12. Constitution de la République française [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp (дата обращения: 31.01.2022). – Загл. с экрана.

REASONS AND PROCEDURE FOR THE LOSS OF THE STATUS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article analyzes the reasons and procedure for the loss of the status of the President of the Russian Federation. Proposals have been developed to improve the procedure for the loss of the status of the President of the Russian Federation.
Keywords: the status of the President of the Russian Federation, the reasons for the loss of the status of the President of the Russian Federation, the procedure for the loss of the status of the President of the Russian Federation.

Rodoslavov V.
Scientific adviser: Dorosheva E.N., Ph. D., associate professor
Donetsk National University
E-mail: rodos_777@mail.ru

УДК 340

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВЫМОРОЧНОЕ ИМУЩЕСТВО» И «БЕСХОЗЯЙНАЯ ВЕЩЬ»

Руденко В.И.
Научный руководитель: Харжевская Т.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются понятия выморочного имущества и бесхозяйной вещи. Разграничены случаи, при которых имущество относится к категории бесхозяйного и выморочного. Названы критерии определения выморочного имущества. Выявлена необходимость создания специального закона «О выморочном имуществе».
Ключевые слова: выморочное имущество, бесхозяйное имущество, наследование, выморочность, бесхозяйность.

Институт наследства – один из самых востребованных в гражданском праве. Он одновременно является как одним из самых быстро развивающихся, так и довольно консервативным. Такое противоречие сложилось ввиду использования в основе старых и уже привычных норм, принципов и одновременное обновление и анализ других.

Наследование выступает одним из многолетних институтов гражданского права, основу которого составляет положение Конституции Донецкой Народной Республики [1], гарантирующее право наследования. В нормах действующего Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики [2] отражаются основные принципы, а также подходы к регулированию наследственных отношений. В действительности возникают случаи, когда отсутствуют наследники и по закону, и по завещании. В таком случае, возникает вопрос, кто будет следующим собственником имущества, оставшегося после смерти собственника. В науке наследственного права такое имущество называют

выморочным.

В годы Великой Отечественной войны встал остро вопрос выморочного имущества [3]. По определенным причинам значительно возрос объем такого имущества. И законодатель не мог не дать реакцию на данную ситуацию. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 года «Об изменении Гражданского кодекса РСФСР» были внесены изменения в статью 433 ГК РСФСР. И таким образом, был создан институт приращения наследственных долей. В последствии количество случаев, когда имущество переходило к государству в качестве выморочного, в большинстве сократилось. Были предусмотрены три случая, когда имущество могло считаться выморочным:

1) неявка наследников в установленный срок;

2) отказ наследников от принятия наследства;

3) лишение завещателем права наследования всех наследников.

В законодательстве Донецкой Народной Республики понятия выморочного имущества не предусмотрено, однако указаны случаи, когда имущество может быть признано таковым, а именно в соответствии со ст. 1281 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее ГК ДНР) имущество умершего считается выморочным, когда:

– отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию;

– никто из наследников не имеет права наследовать;

– все наследники отстранены от наследования (статья 1246 ГК ДНР);

– никто из наследников не принял наследства;

– все наследники отказались от наследстваъ и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника.

В силу общеустановленной практики международного частного права государство является единственным правопреемником, который не вправе отказаться от принятия такого рода имущества, в свою очередь от него не требуется совершение каких-либо действий, которые были бы направлены на формальное или фактическое принятие наследства.

В науке сложились две позиции по поводу определения природы института выморочного имущества. Одна точка зрения сводится к тому, что публично-правовое образование наследует выморочное имущество по закону в качестве наследника восьмой очереди при отсутствии наследников предыдущих очередей [4], [5]. Вторая же противоположная позиция гласит, что сам термин «выморочный» предполагает отсутствие субъекта права, то есть говорит о его бесхозяйности. Тем самым, отождествляя наследование выморочного имущества и приобретение права собственности на бесхозяйную вещь [6].

Стоит учитывать, что в результате характера норм действующего законодательства и доктрины гражданского права у термина «выморочность» сложилось нехарактерное ему значение. Со временем сформировалось мнение, что под выморочным имуществом подразумевался вид бесхозяйного имущества, переходящего государству по праву захвата в силу принципа суверенитета, в результате которого конечным владельцем имущества должно стать то лицо, на чьей территории имущество находится. Под выморочностью подразумевалось получение имущества в рамках первоначального способа приобретения права собственности, что элиминирует наличие обременений в отношении имущества, в отличие от наследования, при котором приобретение прав на имущество является производным способом и в результате может быть сопряжено с погашением долгов, которые обременяют такое имущество [7].

Выморочность – состояние, когда у имущества нет владельца (правообладателя), а у последнего нет правопреемников. Данное состояние сопоставимо с бесхозяйностью. Сопоставление и различие указанных понятий можно выделить следующим образом:

1. Понятие бесхозяйности относится только к вещам и является частью вещного права. Приобретение права на бесхозяйные вещи является первоначальным способом приобретения права (собственности). Однако, выморочность относится ко всякому наследству (не только к вещам) и является частью наследственного права; приобретение права на выморочное имущество (если, конечно, все-таки считать это наследованием) – производный способ приобретения права.

2. Бесхозяйные вещи – это вещи:

а) которые не имеют собственника;

б) собственник которых неизвестен;

в) собственник которых в соответствующих случаях отказался от права собственности.

Право на бесхозяйные вещи приобретается посредством их захвата. Оккупация бесхозяйных вещей не связана с личностью конкретного приобретателя права. Как правило, такие вещи приобретаются в частную собственность (включая случаи применения ст. 293 ГК ДНР), в отдельных случаях закон предпочтение отдает муниципальной собственности (ст. 284, ст. 287, ст. 290 ГК ДНР). Приобретение права на бесхозные вещи является добровольным (у лица есть возможность отказаться от такой вещи с учетом последствий, которые предусмотрены в законе), и не имеет обратной силы. Наоборот, основанием приобретения права на выморочное имущество является смерть наследодателя либо объявление его умершим и предпосылки выморочности. Право на выморочное имущество приобретают только публичные субъекты. Приобретатель выморочного имущества приобретает его в любом случае, у него нет возможности отказаться ни от имущества, ни от возникшего права на вещь (так как отказаться от права собственности могут только граждане и юридические лица – ст. 295 ГК ДНР). Поэтому приобретатели выморочного имущества являются как управомоченными, так и обязанными приобретателями. Приобретение права на выморочное имущество имеет обратную силу и связывается с днем открытия наследства.

3. При разрешении вопроса, какое из двух оснований приобретения права на вещь, является главенствующим, приоритет будет у выморочности:

а) приобретение права по основанию выморочности относится к институту особенной части (который, являясь специальным, делает ничтожными правила о бесхозяйности, которые являются общими);

б) право по основанию выморочности возникает с обратной силой и тем самым оно связывается с днем открытия наследства, при этом приобретение права на выморочную вещь не требует таких условий, как истечение срока, соблюдение судебной процедуры.

4. Приобретение выморочного имущества является обязательным для приобретателя, но не всегда интересным (ввиду изношенности, нерентабельности имущества). Поскольку порядок получения (выдачи) свидетельства о праве на выморочное имущество обладает заявительным характером, нельзя исключать, что сам приобретатель имущества не захочет знать о его существовании и не обратится за получением свидетельства. И в результате имущество спустя время перейдет к другим лицам:

а) поступит в незаконное владение (с перспективой трансформации в право собственности);

б) с утратой индивидуализирующих свойств перейдет в их собственность и составит неосновательное обогащение.

5. Необходимо учитывать, что законом определен круг лиц, управомоченных на получение имущества умершего, помимо наследников.

Особенность этих лиц состоит в следующем:

а) они не всегда входят в круг наследников умершего в одних случаях, но в других – только и могут быть из определенного числа наследников;

б) их право на получение имущества умершего ограничивает права наследников; на них самих не распространяются правила о наследовании.

В Французской Республике, Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатах Америки также применяется концепция перехода выморочного имущества как бесхозяйного в собственность государства [8].

По общему правилу выморочное имущество переходит к государству как наследнику по закону, не входящему в специальную наследственную очередь, в порядке универсального наследственного правопреемства. Принятие государством в собственность имущества умершего со всеми обременениями, ограничениями и (или) долгами является его обязанностью при отсутствии возможности отказаться от такого имущества [9].

Можно сказать, что несомненным преимуществом концепции «права оккупации» будет переход в собственность государства выморочного имущества, не обремененного какими-либо обязательствами или же долгами, однако недостаток ее заключается в том, что таким образом в собственность государства перейдет лишь то имущество умершего, которое находится на территории соответствующего государства [10]. И наоборот, недостатком концепции государства-наследника по закону является переход имущества умершего в собственность государства со всеми обременениями, ограничениями и долгами, а преимуществом, в свою очередь, будет являться тот факт, что если имущество переходит в наследство государства по закону, то государство может претендовать на всю наследственную массу независимо от местонахождения имущества, составляющего эту массу (исключение составляет недвижимое имущество, находящееся на территории иностранного государства, если это будет предусмотрено двусторонним соглашением, речь о которых пойдет ниже).

При разрешении вопроса о наследовании выморочного имущества в международном частном праве могут возникать проблемы с определением наследника, то есть в собственность какого государства должно перейти имущество умершего. Как правило, национальное право не предусматривает коллизионных норм, которые были бы применимы в случае возникновения спора относительно правопреемника, которому перейдет право собственности на спорное выморочное имущество.

Также стоит отметить, что закон не устанавливает пресекательного срока для принятия наследства наследниками и сроков для принятия наследства государством как выморочного. Таким образом, возникает вопрос о времени, когда наследство можно считать выморочным.

Согласно п. 4 ст. 1282 ГК ДНР со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия наследство признается принадлежащим наследнику, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации. Принятие наследства не требуется для приобретения выморочного имущества (п. 1 ст. 1282 ГК ДНР). Наследство может быть принято в течение шести месяцев со дня открытия наследства (ст. 1284, 1285 ГК ДНР).

В случае открытияъ наследства в день предполагаемой гибели гражданина (п. 1 ст. 1243 ГК ДНР) наследствоъ может быть принято в течение шестиъ месяцев со дня вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим. Если вследствие отказа наследника от наследстваъ или отстранения наследника по основаниям, установленным ст. 1246 ГК ДНР, правоъ наследования возникает для других лиц, указанные лица могут принять наследствоъ в течение шести месяцев со дня возникновения у них права наследования. Лица, для которых право наследования возникает только вследствие непринятия наследства другим наследником, могут

принять наследство в течение трех месяцев со дня окончания срока, указанного в п. 1 этой статьи.

Поднятые проблемы затрагивают лишь часть вопросов, которые возникают при наследовании выморочного имущества, так как этот институт касается многих сфер жизни общества и государства. В особенности это относится к наследованию определенных видов имущества, таких как: объекты недвижимости (земельные участки, жилые дома, квартиры и т.д.), акции и доли в уставном капитале общества, оружие, неимущественные права и прочие виды имущества, для которых законодателем установлен особый режим регулирования и охраны.

Таким образом, можно прийти к следующему выводу. В настоящий момент коллизионные вопросы правового регулирования института наследования выморочного имущества имеют слабую правовую регламентацию, что может привести к множеству противоречий и судебных споров, и требуют уточнения в целях обеспечения справедливого единообразия в практике определения юридической судьбы выморочного имущества, а также исключения противоправного завладения имуществом и пресечения таких действий, которые бы привели к бесхозяйности имущества.

Также необходимо подчеркнуть, что вопросы, связанные с наследованием выморочного имущества, должны содержаться в специальном законе, в котором должны быть подробно прописаны:

– дано (продублировано) понятие выморочного имущество;

– определена сущность перехода выморочного имущества государству и муниципальным образованиям;

– определен срок для принятия наследства наследниками и срок для принятия наследства государством как выморочного (время, когда наследство можно считать выморочным);

– четко описаны все случаи, когда имущество (полностью или частично) является выморочным;

– прописан порядок перехода, оценки и реализации такого имущества;

– регламентирован механизм оплаты долгов наследодателя за счет выморочного имущества;

– на основе норм международного права урегулирован порядок наследования движимого и недвижимого выморочного имущества, а также ряд других вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/konstitutsiya (дата обращения: 20.11.2021). – Загл. с экрана.
2. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики № 81–IIНС от 13.12.2019 / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/prinya.. (дата обращения: 20.11.2021). – Загл. с экрана.
3. Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права / В.И. Серебровский – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 240 с.
4. Кожевина Е.В. Наследственное правопреемство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.03 / – Гражданское право, семейное право, гражданский процесс, международное частное право/ Кожевина Елена Владимировна – Екатеринбург, 2005. – 23 с.
5. Манылов И. Е. Наследование жилых помещений / И. Е. Манылов. – М.: Статут, 2007. – 139 с.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 4 сентября 2014 г. по делу № 33-27674 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=S0J;n=1022473 (дата обращения: 20.11.2021). – Загл. с экрана.
7. Гордон М.В. Наследование по закону и по завещанию / М.В. Гордон. М.: Юрид. лит, 1967. – 119 с.
8. Международное частное право : учебник / И. В. Гетьман-Павлова. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – 703 с.
9. Наследственное право России : учебник / В. В. Гущин, В. А. Гуреев. – М.: Эксмо, 2009. – 415 с.

10. Болотникова Л.С. Коллизионные проблемы регулирования наследования выморочного имущества в международном частном праве / Болотникова Л.С. // Вопросы российской юстиции – 2019. –№4. – С. 117-123.

ON THE ISSUE OF THE DIFFERENTIATION OF THE CONCEPTS OF «EXTORTIONATE PROPERTY» AND «OWNERLESS THING»

Annotation. In this paper, the concepts of extortionate property and ownerless thing are considered. The cases in which the property belongs to the category of ownerless and extortionate are differentiated. Criteria of identification heirless property. The necessity of creating a special law «On extortionate property» has been identified.
Keywords: fossilized property, ownerless property, inheritance, fossilization, mismanagement.

Rudenko V.
Scientific adviser: Harzhevskaya T.S., senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: vladarudenko2001@yandex.ru

УДК 347.9

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рукавишникова Е.К.
Научный руководитель: Дербишева О.А., ст. преподаватель
ГОУ ВО «Академия МВД ДНР им. Ф.Э.Дзржинского»

Аннотация. Данная статья рассматривает вопросы реализации принципа объективной истины в гражданском процессе как современный подход формального и материального начала гражданского процесса. Рассмотрение проблемы реализации данного предоставит возможность достигнуть целей усовершенствования гражданского судопроизводства. Тема является актуальной, так как на данном этапе развития гражданского законодательства она остается нераскрытой.
Ключевые слова: истина, гражданское судопроизводство, историческое начало, правоприменение.

На данный момент вопрос по закреплению принципа объективной истины в нормах права не решен, не смотря на то, что проблемы истины в праве обусловлены деятельностью человека и сферой правового регулирования общественных отношений. Вопросы истинности тесно связанны с философским познанием. Основными пунктами определения истины в гражданском праве является понимание, во-первых, способов и средств получения истины и, во-вторых, форм ее существования и осуществления. Право как средство регулирования общественных отношений имеет объективный характер и должно иметь правдивое знание о содержании государственных взаимоотношений [1, с. 231].

Гражданский процесс делится на две стороны с одной это закон, вытекающий из природы человека и удовлетворяющий потребности при возникновении правосудия, с другой закон самосохранения государства, неизбежно требующий соблюдение примерного поведения среди граждан. Каждый из участников судопроизводства имеет цель доказать свою правоту и защитить интересы в свою сторону, тогда когда государство преследует другую цель – предотвратить насилие и гарантировать спокойное развитие общественных отношений. Государственная власть в процессе не изменяет свой государственный характер, не входит в роль истца или ответчика, не становится на ту или иную сторону; для государства важно восстановить спокойное правоотношение, а заботиться о том, в чью пользу послужит такое восстановление – это задача судейских органов.

Принцип объективной истины должен лежать в основе построения правовой системы. Определение содержания принципа объективной истины в гражданском праве зависит напрямую от его решения проблем о достижимости истины. Истину можно рассматривать в разных областях, например: истина как реальность, истина как свойство самосознания знания, истина как необходимость знания и его совершенство, истина как согласие. Поэтому изучение принципов в любой отрасли является важным аспектом для построения нормативной базы и её применения [2, с. 338].

Философ Аристотель понимал истину как знание вещей, Платон же считал, что истина это вечное и абсолютное свойство идеальных объектов. В современных же науках истину трактуют как соответствие не только знаний, но и правдоподобности.

Сам термин «принцип объективной истины» был впервые употреблен А. Я. Вышинским в 1937 году. Было обозначено, что этот принцип способствовал обличению виновных и их наказанию, всестороннему и объективному изучению фактов и объективной реальности, вне зависимости от сознания участников процесса и обстоятельств, входящих в предмет доказывания. То есть суд «помогает» сторонам собирать доказательства.

Всесторонность – собирательное понятие, обозначающее совокупность усердности отыскания и исследования доказательств по делу. При рассмотрении нескольких преступлений, совершенных одной группой лиц, всесторонность также означает и расследование дел не по отдельности, а с учетом их взаимосвязи [3, с. 409].

Гражданское законодательство не разработало свое понятие истины, поэтому мы можем опираться на теоретические определения выдающихся ученых, исходя из чего истина в правоведении – общезначимая логическая конструкция, формализующая философскую абстракцию. Так, С. С. Алексеев отмечал, что понятие истины в юридических делах в полной мере соответствует общему философскому понятию объективной истины [3, с. 409].

На сегодняшний день взгляды ученых стали многоаспектными. Так, А. Б. Лисюткин предлагает понимать под истиной в правоведении абстрактную форму выражения научных принципов и требований, которые могут быть формализованы в действующем законодательстве и обеспечивают познание и объяснение конкретных юридических явлений [4, с. 105].

Важным моментом в данном принципе является отражение всей реальности и познания человека, ведь ее можно рассматривать как духовную реальность, при этом истина должна быть воспроизводимой и доказуемой, поэтому в гражданском процессе сочетает в себе объективную и субъективную сторону.

Объективная истина – это соответствие решения суда и действительности произошедшего.

Нельзя не согласиться с мнением Гущина В. З. если не предоставить суду инициативы в рассмотрении дела, то часто выигрывает дело та сторона, которая умело ведет процесс, а не та которая имеет за собой правоту. Все это приводит к установлению судом истины, то есть выводы должны соответствовать доказательствам. Но если проследить связь, то мы увидим правовую коллизию, так как с одной стороны в этой ситуации был применен принцип состязательности сторон, а с другой нарушен принцип справедливости, ведь юридические факты останутся без внимания и суд может принять не правильное решение от которого будет зависеть судьба человека.

Принцип «объективной истины» находил место в отечественном законодательстве. Так, например, в ГПК РСФСР 1923 года было закреплено положение о том, что суд обязан «всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений трудящихся» [5, с. 53]. Но под многочисленными редакциями принцип был направлен для закрепления в конституционных нормах наравне с другими принципами, например равноправия сторон или состязательности.

В связи с этим мнение ученых разошлись: одни считают, что после изменений в законодательстве принцип не сохранился в современности, другие же утверждают, что он существует. Если воспользоваться трудами А. Т. Боннера «Установление обстоятельств гражданских дел», то можно сделать вывод, что под принципом объективной (судебной) истины ученый понимает такое основополагающее начало гражданского судопроизводства, в соответствии с которым суд в сотрудничестве с лицами, участвующими в деле, должен принимать все зависящие от него и предусмотренные законом меры с целью всестороннего, полного и объективного выяснения имеющих юридическое значение обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон [6, с. 328] .

Поэтому целесообразно считать, что суд выступает в процессе осуществления правосудия вынося свое решение по делу, до этой стадии активная деятельность заключается в обсуждении, предоставлении материала и предоставлении состязательности сторон в процессе как средство защиты иска если есть на то основания.

Исходя из такой конструкции гражданского процесса формальная и материальная стороны образования убеждения судьи предполагают в конечном итоге установление формальной истины.

Судопроизводство как форма осуществления правосудия внешне проявляется в деятельности суда в лице единоличного судьи или других субъектов процессуальных отношений, причём судопроизводству присуща строгая процессуальная форма, определяемая законом. Поскольку обязанность по осуществлению правосудия возлагается на суд как орган государственной власти, он является основным и решающим субъектом судопроизводства, уполномоченным принимать по всем возникающим при рассмотрении и разрешении дела вопросам обязательные для всех постановления.

Суд разрешает дело на основании предоставленных сторонами доказательств, суд не вмешивается в процесс доказывания, а лишь определяет, какие факты и какая сторона должна доказать, т. е. распределяет между ними обязанность по доказыванию. Принцип истины взаимосвязан с принципом состязательности и определяет, что суд теперь может отказать в удовлетворении иска, например, за недоказанностью, а сам не будет принимать мер к установлению обстоятельств дела.

Объективность истины может быть сомнительной, так как для того, чтобы сложилась полная картина действительности, мало указать на обстоятельства, необходимые для рассмотрения, надо еще и указать на того, кому следует дать разъяснения, а также выявить подлинную значительность обстоятельств.

Целесообразно было бы законодательству прикрепить данный принцип к нормам гражданского процесса для установление действительных обстоятельств по делу, что является обязанностью суда.

Следовательно, объективную истину необходимо трактовать как универсальный принцип, который является основой для построения всей правовой системы в гражданском праве.

На современном этапе развития однозначно нужно учитывать мнение знаменитых цивилистов несмотря на то, что у них разные точки зрения, поэтому необходимо разработать промежуточную конструкцию истины для практической реализации, при которой будет сохранен баланс между другими принципами.

Как правильно отмечено русским философом Б.И. Липский, практика доказывает истину для того, чтобы данная истина послужила развитию практики. Тем самым объективная истина рассматривается как «содержание сознания человека, соответствующее всей реальности. Данное высказывание подходит для определения принципа объективности истины в рамках процессуальных отраслей гражданского

законодательства. Поскольку объективная истина рассматривается как процесс, она должна быть направлена на достижение всей полноты отражения объекта исследования, а также на преодоление заблуждений [8, с. 18].

На примере Российской Федерации можно увидеть важность рассматриваемого вопроса, так как в январе 2014 г. в государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации внесён законопроект о возвращении в законодательство принципа объективной истины. Сторонники данного предложения пояснили, что достижение объективной истины по делу необходимо для вынесения справедливого решения. Кроме того, представители следственного комитета РФ отметили, что закреплённая в законе модель чистой состязательности не способствует установлению истины, так как подразумевает пассивную роль суда, который не должен проявлять активности в сборе доказательств. Такой же подход необходим не только в делах уголовного судопроизводства, но и по гражданским делам.

Рассматриваемые точки зрения объединяет утверждение о том, что основой выносимого решения является полученное судом знание о спорном правоотношении. Это знание есть результат логико-правовой деятельности суда и участников процесса, обеспечивающей переход от предположения о фактической стороне правоотношения к убеждению. У суда формируется адекватное знание о фактах. Полученное судом знание об обстоятельствах дела признается истинным в объективном смысле при отсутствии оснований для отмены судебного решения, в котором оно изложено, а соответствует ли оно действительности или нет, значения уже не имеет.

Судебная истина есть вывод суда об обстоятельствах дела, обоснованный относимыми, допустимыми, достоверными и достаточными доказательствами, изложенный в судебном решении.

Принцип объективной истины не закреплен в Гражданском процессуальном кодексе ДНР, но признаки того, что в будущем это станет возможным присутствуют, так как это вытекает из содержания статей, определяющих полномочия суда. Гражданское процессуальное законодательство, действующее на территории ДНР, позволяет сделать вывод о том, что суд в своей деятельности лишён возможности реализации цели установления истины по гражданскому делу.

Тем не менее на основании вышесказанного, мы считаем, что для более четкого понимания судьями своих ролей как вершителей справедливости, для обеспечения других принципов гражданско-процессуального права, вынесения законных и справедливых решений, необходимо закрепить в первой главе ГПК положение о принципе объективной истины, которому неукоснительно должны следовать все участники гражданского судопроизводства на каждой его стадии.

Исходя из логики формирования положений ГПК, на наш взгляд, принцип объективной истины должен быть закреплен сразу же за принципами, гарантирующими осуществление правосудия только судами, равенство участников судебного процесса. Таким образом он будет подчеркивать, что установление истинной картины произошедшего на каждой стадии процесса является важнейшим правилом суда, которое обеспечивается следованием принципам, закрепленных в нормах ГПК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса. М.:, 2016. – С. 231.
2. Решетникова И.В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве, – М., 2018. – С. 338.
3. Данилова М. И., Ембулаева Л. С., Плотников В. В. и др. Философия: учебник. Краснодар: Новация, 2017. – С. 409.
4. Алексеев С. С. Общая теория права. – М.:, 2003. – С. 321.
5. Лисюткин А. Б. Законность и ее принципы. – М.:, 2004. – С. 105.
6. Бондаренко Т. А. Генезис принципа «Объективной истины» в гражданском процессе // Вестник поволжского института управления. – М. 2015. – С. 53.

7. Боннер А. Т. Установление обстоятельств гражданских дел. – М.:, 2000. – С.328.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Композиция. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1924 – С.18.

PRAXEOLOGICAL ASPECTS OF THE PRINCIPLE OF OBJECTIVE TRUTH IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. This article considers the issues of understanding the principle of objective truth in the civil process by famous civilists, as well as the modern approach as a formal and material beginning of the civil process. Analysis of the understanding of the meaning of truth in the process will provide an opportunity to achieve the goal of improving civil justice. The topic is relevant, since at this stage of development of civil legislation it remains undisclosed.
Keywords: Truth, civil proceedings, historical beginning, law enforcement.

Rukavishnikova E.
Scientific adviser: Derbisheva O.A., Senior Lecturer
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the DPR named after. F.E. Dzrzhinsky
E-mail: e.rukavishnikova01@mail.ru

УДК 340.1

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ О СУЩНОСТИ ПРАВА В ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Русанова А.В.
Научный руководитель: Герасименко Ю.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается история становления идей и взглядов о праве в эпохи Античности и Средневековья. Представлена общая характеристика представлений о праве в каждую из данных эпох, охарактеризованы идеи наиболее известных философов, представителей различных школ правопонимания. Подчеркиваются отличительные черты представлений о праве в указанные периоды времени.
Ключевые слова: право, философы, Античность, космоцентризм, Средневековье, теоцентризм, справедливость.

Право, как феномен начинает развиваться в период становления и расцвета первых древних государств. То есть, уже в это время человек осознает необходимость существования права, его значение в упорядочении общественной жизни. Право проявляется в различных формах: правила, табу, запреты. Появляются первые источники права, например, законы Ману в Древней Индии, Законы XII таблиц в Древнем Риме. Один из древнейших источников в мире – первые писаные законы Хаммурапи в Вавилонском царстве.

Осмысление данного феномена и формулирование первых идей о его сущности и назначении происходит в период Античности – эпоха бурного развития философской мысли, время поиска идеалов и ценностей, необходимых человеку, обществу, государству. Во многом это предопределено появлением представлений о человеке, о его роли в жизни, о его правах.

В данный период также зарождаются первые мысли о справедливости, о свободе. При этом мировоззрение складывается согласно концепции космоцентризма – Космос представляет собой что-то прекрасное, гармоничное, человек находится внутри этого Космоса. Огромное влияние на общество и философскую мысль имел мифологический характер осмысления мира. Вместе с тем, в данный период появляются и используются первые термины, которые будут положены в основу понимания сути права. Например,

уже во времена «гомеровской Греции» в конце II тысячелетия до н. э. эллины оперируют такими понятиями, как дике (правда, справедливость), темис (обычай, обычное право), тиме (честь, почетное право-притязание), номос (закон) [1, с. 168].

Следует отметить, что право рассматривалось в совокупности с другими понятиями и явлениями. Например, Гераклит указывал на то, что право находится в неразрывной связи с космическими процессами.

Большую роль играли различные направления – школы философов, например, софисты.

Основополагающий принцип воззрений софистов был сформулирован Протагором. Он звучит так: «Мера всех вещей – человек». Именно человеческое, а не традиционно божественное начало выступало в качестве масштаба и меры всего существующего. Ось всего мироздания у Протагора – человек [2, с. 185].

Благодаря такому принципу идеи софистов о праве отличались от представлений иных мыслителей этой эпохи.

Поиски естественных основ права в природе человека и человеческого общества осуществлялись в V-IV вв. до н.э софистами – Протагором, Горгием, Гиппием. Они говорили о естественном праве, которое отличается от закона. Позитивное право понимается софистами как условное, изменчивое, временное, зависимое от волн законодателей; естественное право воспринимается как неписаные законы, одинаковые для граждан любой страны, все люди по природе считаются равными [3, с. 125]. То есть, уже можно наблюдать не только размышления о праве в целом, но и зачатки естественно-правовой школы правопонимания.

Дальнейшее развитие учения о праве, о свободе, о человеке в Древней Греции связано с именем Сократа, который утверждал, что только на пути соблюдения всеми разумных и справедливых законов полиса достижима свобода – прекрасное и величественное достояние, как для каждого человека, так и для государства [1, с. 169].

Прямым продолжателем учения Сократа о справедливости, праве и законе был его ученик Платон.

В воззрениях Аристотеля получают дальнейшее развитие идеи свободы, равенства и справедливости. В основе всего учения Аристотеля лежит представление о политической природе человека, основанной на политической справедливости и добродетели.

Помимо философов Древней Греции следует упомянуть о философах Древнего Рима.

Крупнейшим мыслителем Древнего Рима, составившим собственную концепцию философского осмысления права и государства, был Марк Туллий Цицерон. Идеи, высказанные Цицероном, во многом базируются на учении Аристотеля и софистов, но в определенной мере развивают их. Цицерон писал о естественном праве, которое устанавливается самой природой, отражая присущую природе справедливость.

В целом, римляне создали систему римского права, которая оказывала и продолжает оказывать сильное влияние на дальнейшее осмысление базовых правовых понятий, таких, например, как право собственности [4, с. 63].

Необходимо сказать о таком течении как стоицизм. Древнегреческие и древнеримские стоики рассматривали право с точки зрения фаталистической концепции. Согласно учению стоиков, судьба как управляющее и господствующее начало – это одновременно «разум мироздания, или закон всего сущего в мироздании, управляемом провидением, или разум, сообразно с которым ставшее стало, становящееся становится и предстоящее станет».

Следует сказать, что в эпоху Античности была создана целая система восприятия и определения сущности права, которая является частью целостного философского восприятия мира. Она создавалась целым рядом величайших мыслителей. В итоге

данное наследие оказало сильное влияние на развитие представлений о праве и философских обоснований значения права в Средневековой Европе.

Эпоха Античности, не смотря на разнообразие взглядов философов, имела общие тенденции к пониманию права. Было принято различать право естественное и право волеустановленное. Естественное право всегда справедливо по самой своей природе. Право волеустановленное разрабатывается и принимается к исполнению людьми, поэтому оно может быть справедливым, в той или иной степени [5, с. 1867].

Вслед за эпохой Античности в мировую историю ворвалась эпоха под названием Средневековье. Историки, правоведы неоднозначно оценивают роль и значение данной эпохи в развитии науки, философии, искусств.

Главная черта средневекового понимания права – это выраженный теологический оттенок представления о праве. Это объясняется тем, что религия была тем самым двигателем общественного знания, в том числе и философских идей и взглядов. Право, справедливость, равенство рассматривались с точки зрения Божественных постулатов о равенстве всех.

В эту эпоху можно увидеть, как формируются представления о естественном праве. В отличие от предшественников – стоиков, в средневековой схоластической доктрине естественное право провозглашалось Богом и существовало в виде Божественного права обязательного для всех – как правителей, так и их подданных. Отсюда и берет свое начало идея о том, что естественное право выше человеческого и даже отменяет последнее в случае конфликта между ними [6].

Идеи о праве появляются в работах известных теологов того времени.

Крупнейшим христианским мыслителем периода патристики, одним из выдающихся «отцов церкви» был Аврелий Августин. Главные его трактаты «Исповедь» и «О граде Божьем». Право в его тезисах тесно связано с волей Бога.

Например, правопорядок он связывает с необходимостью наказания человека Богом за грехи. Правопорядок на земле не способен установить сам человек. Его создал Бог после грехопадения первых людей, чтобы уберечь последующие поколения от гибели в пучине зла и бесчисленных преступлений. Основание правопорядка – это страх Божий. Бог, грозя человеку наказанием, тем самым помогает ему удержаться на краю бездны зла [7, с. 50-51].

Правовая теория Августина очень похожа на теорию Цицерона. Цицерон также говорил, что критерием правовой культуры общества являлась степень проявленности в действующем праве справедливого естественного закона. Принципиальное отличие Аврелия Августина от античных предшественников – это теоцентричность его учения.

Право в учении Августина дано людям самим Богом. Но в то же время у Августина есть собственный взгляд на определение понятия справедливости. Он смешивает это понятие с религией и полагает, что язычество и справедливость – несовместимые вещи, и, следовательно, у язычников не существует настоящего права и самого народа как единого целого [8, с. 89].

Наиболее известным теологом и философом является Фома Аквинский: «ангельский доктор» святой католической церкви, монах ордена Доминиканцев.

Право Фома представлял в виде пирамиды со строгой иерархией. На вершине – вечный, божественный закон, все остальные законы исходят от него. Он содержится в Библии и нужен для того, чтобы помочь людям уничтожить зло и найти истину. Далее идет естественный закон, который требует от людей высоких моральных и духовных качеств, стремления к самосохранению, созданию семьи. И в основе пирамиды – человеческий (позитивный) закон. Его задача – под угрозой наказания помогать людям не совершать ошибок и поступать правильно. Различая естественные и положительные законы, Фома Аквинский считал, что жизнь человека регулируется естественными законами, но структуру общества определяет Бог.

Право для Фомы Аквинского представляет собой равенство правды и справедливости. Тут он согласен с римскими юристами, считавшими, что справедливость – это стремление воздавать каждому по заслугам [8, с.90].

То есть, Средневековое сознание было в основе своей религиозным, ставило в центр всей жизни Бога: все начиналось с Бога, решалось Богом и завершалось Богом.

В целом, Средневековье – это значимая веха в истории развития представлений о праве. Естественное право укрепилось как направление, обрело множество новых идей и качественный плацдарм для дальнейшего совершенствования.

Именно в эпоху Средневековья были заложены базовые постулаты о справедливости, равенстве, вытекающем из Божественных начал, основы естественного права, давшие мощный толчок развитию концепций о праве и понимании его сущности в Новое время.

Таким образом, Античность как исторически первая эпоха в развитии понимания права собрала целую сокровищницу различных мыслей, постулатов, высказываний, размышлений известных философов о праве, о человеке, о справедливости. Многообразие трактовок и интерпретаций подтолкнуло философов грядущей эпохи продолжать развивать тезисы о праве.

Особенностью последующей эпохи был теологический оттенок мыслей о праве. Теоцентризм был основной идеей Средних веков, то есть Бог являлся центром всего, источником всякого блага. Человек, его жизнь, его права – это творение Бога.

Подводя итог, следует сказать, что право – это древний феномен, который развивался с появлением первых государств. Представления о сути права, ассоциации права с равенством, справедливостью, его роль в жизни человека были основными темами размышлений философов Античности и Средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков Н. А. Человек и его права в концепциях античных представителей философской и правовой мысли // ИСОМ. – 2015. –№ 6-2. – С. 167-172.
2. Лосев А.Ф. Словарь античной философии. – М.: Издательство «МИР ИДЕЙ», АО АКРОН, 1995. – 228 с.
3.Философия права : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям (030501) "Юриспруденция", (030101) "Философия" / А. Л. Золкин. – Москва: ЮНИТИ, 2012. – 382 с.
4. Коркунов Н.М. История философии права. – Изд. 7-е, испр. – М.: Красанд, 2011. – 431 с.
5. Черногорцева Г. В. Справедливость права в античной философии // Молодой ученый. – 2015. – № 11. – С. 1865-1868.
6. Кацапова И. А. Естественное право и естественные права // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 11. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://human.snauka.ru/2012/11/1921. – Дата обращения: 27.01.2021.
7. Философия права: Учебник. Под ред. О. Г. Данильяна. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 416 с.
8. Манташов Г. Р. Государство, право и религия в работах Фомы Аквинского // Вестник Курганского государственного университета. – 2017. – № 1 (44). – С.88-90.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT THE ESSENCE OF LAW IN THE EPOCHS OF ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES

Annotation. This paper examines the history of the formation of ideas and views about law in the epochs of Antiquity and the Middle Ages. The general characteristics of the concepts of law in each of these epochs are presented, the ideas of the most famous philosophers, representatives of various schools of legal understanding are characterized. The distinctive features of the concepts of law in these periods of time are emphasized.
Keywords: law, philosophers, Antiquity, cosmocentrism, the Middle Ages, theocentrism, justice.

Rusanova A.
Scientific adviser: Gerasimenko Yu.V., Art lecturer
Donetsk National University

УДК 341.01

СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Русинов М.С.
Научный руководитель: Одегова Л.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье проанализированы основные проблемы международной правосубъектности субъектов международного права. Государства представляют собой первичного и доминирующего субъекта международного права, который обладает полным суверенитетом, а последующее развитие международно-правовых отношений осуществляется именно по воле этого субъекта. Специфическим субъектом международного права можно признать нацию, борющуюся за свою независимость, потому что данный субъект международного права существует временно, представляя интересы конкретной нации на международной арене с целью дальнейшего признания своей независимости и отстаивания своих индивидуальных интересов. Вопрос правосубъектности индивида, при отсутствии у него суверенитета, которым обладает государство, остается проблемным и дискуссионным.
Ключевые слова: международное право, международная правосубъектность, субъекты международного права, международные отношения.

В вопросах регулирования общественных отношений в современном мире прослеживается смещение векторов и всё больше возрастает роль и значение личности. При этом соответственно, возрастает и значение прав человека, что закономерно приводит к повышению научно-исследовательского интереса в сфере международного права, а также к проблемам международной правосубъектности в целом, а также к проблемам международной правосубъектности индивида в частности.

Процесс глобализации в современном мире показывает, что государства уже не в силах успешно решать возникающие задачи исключительно собственными силами. Так, возрастает роль всестороннего развития сотрудничества субъектов международного права на пути к разрешению проблем, имеющих международное значение.

По вопросу классификации субъектов, обладающих международной правосубъектностью, в юридической науке выделяют следующих: традиционных, к которым относят государства, народы и нации, международные межправительственные организации, государственно-подобные образования; и нетрадиционных, к которым относят индивидов, международные неправительственные организации, международные хозяйственные организации и субнациональные территории унитарных государств.

В свою очередь, именно государства представляют собой первичного субъекта международного права, который обладает полным суверенитетом, кроме того, последующее развитие международно-правовых отношений осуществляется именно по воле государств. Именно государства как доминирующие субъекты международного права определяют принципы, порядок, формы международно-правового взаимодействия. Ф. Ф. Мартенс характеризовал государства как непосредственных участников международного права, которое они сами же и создают, также считал, что государства сами уполномочены в вопросах взаимодействия друг с другом определять приоритетные задачи и направления, а также порядок охраны международных отношений.

При этом важно отметить, что именно государства продолжают оставаться основными акторами международного права, обладающими универсальной международной правосубъектностью, которая основывается на нормах международного права и не зависит от воли других субъектов международного права,

при этом данное качество относится ко всем государствам вне зависимости от их устройства. Немаловажным фактом выступает то, что субъектом международного права является именно признанное государство.

Важно отметить, что основой международной правосубъектности государства выступает непосредственно его суверенитет. Суверенитет появляется у государства в момент его создания, а исчезает в момент прекращения существования самого государства. Также суверенитет не зависит от воли других государств и не требует никакого подтверждения.

В юридической литературе доминирующее положение государств среди иных субъектов международного права подтверждается следующими аргументами: возникновение международного права как системы права обусловлено непосредственно существованием государств, а также необходимостью нормативного регулирования отношений между этими субъектами; государства не только создают нормы международного права, но и активно реализуют эти нормы в своей деятельности; государства обладают суверенитетом; государства являются первичными субъектами международного права, что, в свою очередь, представляется неоспоримым фактом; правосубъектность государства принадлежит ему на весь период его существования; иные субъекты международного права проходят путь своей реализации через взаимоотношения именно с государствами [1, с. 144].

Важно отметить, что статус непризнанных и частично признанных государств не определен. Также важно обратить внимание на то, что в юридической науке существует позиция отсутствия непризнанных государств для мирового сообщества, т.к. данные государства не являются субъектами международного права с точки зрения современной теории международного права. При этом приведенная позиция не отрицает сотрудничества признанных субъектов международного права с непризнанными государствами de facto, а также данная позиция не отрицает возможности в дальнейшем признания таких государств ad hoc.

Акцентировать внимание следует и на проблеме правосубъектности частично признанных государств, т.к. границы их участия в международных отношениях определяются в зависимости от количества государств, которые частично признали данные государства. Так, можно констатировать, что международная правосубъектность частично признанных государств существует в той степени, в которой ее признают другие субъекты международного права [2, с. 70].

В отношении иных субъектов международного права можно резюмировать следующее. Международной правосубъектностью, по общему правилу, обладают только межгосударственные международные организации. Специфическим субъектом международного права следует признать нацию, борющуюся за свою независимость. Также представляется, что данный субъект международного права существует временно, представляя интересы конкретной нации на международной арене с целью признания своей независимости и отстаивания своих индивидуальных интересов, в отличие от первичного и постоянного субъекта международного права – государства. В свою очередь, государственно-подобное образование не обладает всеми признаками государства (например, Мальтийский Орден не обладает суверенной территорией), однако по ряду других признаков приравнивается к государству.

Важно отметить, что в ст. 1 Устава Организации Объединённых Наций одной из целей её деятельности является развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов [3]. Так, анализ проблемы правосубъектности народов и наций показывает отсутствие официального определения данных категорий. При этом представляется, что право народов и наций на самоопределение необходимо уточнять в каждом конкретном случае через национальный суверенитет как право каждого народа действовать самостоятельно в

достижении государственности, а также свободно выбирать путь развития. В таком случае анализируемое право выступает основой международной правосубъектности. Однако приходится признать, что проблемные аспекты международной правосубъектности наций и народов и на сегодняшний день не имеют однозначных и согласованных путей решения [4, с. 102].

В демократических государствах народ признается источником власти и носителем государственного суверенитета. Однако при этом, по мнению многих авторов, нельзя допускать, чтобы принцип самоопределения вступал в противоречие с территориальной целостностью, независимостью и суверенитетом государства [5, с. 109]. Также важно констатировать, что принцип самоопределения народов не применяется напрямую к каждому народу, а только лишь трактуется как обязанность каждого государства признавать право на самоопределение за каждым народом. При этом в случае нарушения такого права предполагается, что государство несет ответственность перед международным сообществом.

При этом признать участниками правоотношений ни нацию, ни народ не представляется возможным до тех пор, пока не будет существенных элементов государственности. Также нельзя в полной мере вести речь о распространении принципа самоопределения до тех пор, пока не представится возможным утверждать о способности народа (претендующего на самоопределение) реализовать международную правосубъектность и участвовать в межгосударственных отношениях. Важно в данном случае отметить, что факт проведения референдума или образования народного фронта также не свидетельствует о реализации рассматриваемого принципа.

Также в данном случае одной из проблем выступает и вопрос о признании нового государства в качестве субъекта международного права. Безусловно, проблемные аспекты вопросов о признания носят по большей части политический характер. Так, образование нового государства как субъекта международного права можно связывать с волеизъявлением других государств, а в таком случае возникает противоречие принципу суверенного равенства государств и обязанности каждого государства уважать правосубъектность других государств, закрепленном в Декларации о принципах международного права 1970 г.

Неоднозначным в международно-правовой доктрине представляется и вопрос о международной правосубъектности индивидов, которые в процессе глобализации, стали активно вступать во внешнеэкономические сделки с иностранными индивидами и государствами. В юридической литературе существуют различные точки зрения относительно вопроса наличия или отсутствия правосубъектности у индивидов. Так, позиции варьируются от признания полной международной правосубъектности индивида до её полного отрицания.

Встречаются по данному вопросу и позиции, в которых индивид представляет собой производный субъект международного права, потому что в основе его международной правосубъектности первичным является волеизъявление государства, дополняемое автономностью воли индивида. Однако преобладает позиция, в соответствии с которой большинство российских юристов пока предпочитают не включать индивида в число субъектов международного публичного права. При этом индивиды являются основными субъектами международного частного права, что не ставится под сомнение [6, с. 785]. Важно отметить, что вопрос правосубъектности индивида, при отсутствии у него суверенитета, которым обладает государство, остается проблемным и дискуссионным.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. На сегодняшний день государства до сих пор остаются доминирующими субъектами международного права, а данная позиция представляется по ряду фактов неоспоримой. При этом наличие у государств суверенитета как одной из отличительных черт нельзя характеризовать как

вседозволенность и свободу действий в международных отношениях, потому что суверенные государства действуют в рамках пределов своих международно-правовых обязательств.

При этом происходящие геополитические процессы всё больше связаны не просто с общими процессами развития международного права, но и с усилением значения индивида в происходящих процессах. Международное право развивается, а вместе с ним развивается и роль индивида как субъекта международного права, объем прав и обязанностей которого также претерпевает изменения в лучшую сторону. Результатом таких изменений представляется возрастающая роль проблемы международной правосубъектности индивида. Вслед за такого рода трансформациями изменения отражаются и в самом международном праве, что, безусловно, имеет положительную тенденцию. Однако вопрос до сих пор имеет достаточное количество проблемных аспектов, которые, в свою очередь, представляют собой научный и исследовательский интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукичев Д. А. Международная правосубъектность государства: вопросы теории и практики // Контентус. – 2020. – С. 143-153.
2. Русинов М. С. Особенности международной правосубъектности // Актуальные вопросы права и государственного строительства: Материалы студенческой научно-практической конференции. Выпуск XXV. – Донецк: ДонНУ. – 2021. – С. 69-70.
3. Устав Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 30.01.2022 г.)
4. Лукичев Д. А. Правосубъектность наций и народов в современном международном праве // Этнос и право. – 2019. – С. 100-106.
5. Хасанов А. А. Теории признания международной правосубъектности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 3. – С. 109-114.
6. Фокина Е. В. Особенности международной правосубъектности // Аллея науки. – 2017. – С. 783-786.

SUBJECTS OF INTERNATIONAL LAW: SOME PROBLEMS OF LEGAL PERSONNESS

Annotation. The article analyzes the main problems of international legal personality of subjects of international law. States are the primary and dominant subject of international law, which has full sovereignty, and the subsequent development of international legal relations is carried out precisely at the will of this subject. A nation fighting for its independence can be recognized as a specific subject of international law, because this subject of international law exists temporarily, representing the interests of a particular nation in the international arena in order to further recognize its independence and defend its individual interests. The question of the legal personality of an individual, in the absence of the sovereignty that the state possesses, remains problematic and debatable.
Keywords: international law, international legal personality, subjects of international law, international relations.

Rusinov M.
Scientific adviser: Odegova L. U., candidate of law, associate professor
Donetsk National University
E-mail: maksim.rusinov28@yandex.ru

УДК 347.785

ОХРАНА АВТОРСКИХ ПРАВ НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Савенков Е.В.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе охарактеризованы особенности музыкального произведения в системе объектов авторских прав; рассматривается правовая охрана музыкальных произведений как объектов авторских прав; разработаны обоснованные предложения по совершенствованию и развитию законодательной базы в сфере охраны авторских прав на музыкальные произведения.
Ключевые слова: музыкальное произведение, охрана авторских прав, нарушение исключительных прав, плагиат.

Авторское право – один из важнейших институтов гражданского права. Музыкальные произведения принято относить к классическим объектам авторских прав. Согласно нормам Гражданского Кодекса ДНР (далее – ГК ДНР), можем сделать вывод, что объект авторского права – это произведение искусства, литературы и науки [1]. Однако законодатель не дает полного определения такому понятию, как музыкальное произведение.

Изучив юридическую литературу, можно сделать вывод, что музыкальное произведение – это традиционный объект авторского права, ведь это результат интеллектуальной (авторской) деятельности и автор такого произведения, в свою очередь, обладает рядом имущественных и неимущественных прав. Музыкальные произведения могут являться также очень важной составной частью других объектов авторских прав, например, аудиовизуальных произведений, мультимедийной продукции. В свою очередь, музыкальное произведение непосредственно используется на радио, телевидениях, в концертных залах и на иных мероприятиях.

Стоит отметить важный факт, что авторское право на музыкальное произведение возникает с момента создания этого произведения. Некоторые ученые-юристы считают, что авторское право возникает еще во время создания, то есть когда произведение еще не предстает в готовом варианте. Для правовой охраны авторских прав на музыкальное произведение не требуется регистрации произведения или соблюдения других формальностей, хоть регистрация и дает некоторые преимущества, а иногда становится единственным способом защитить авторские права. При государственной регистрации произведения появляются и дополнительные требования, такие как государственная регистрация договора об отчуждении исключительного права на произведение, и другие.

Личные неимущественные права, которыми обладает автор, неотчуждаемы и непередаваемы, что делает их правовую охрану упрощенной относительно охраны имущественных прав, ведь при нарушении достаточно доказать лишь факт совершения неправомерного действия иным лицом. При нарушении личных неимущественных прав автора их защита осуществляется путем признания права, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, компенсации морального вреда, публикации судебного решения о допущенном нарушении. Такие личные неимущественные права, как авторство, имя автора и неприкосновенность произведения охраняются бессрочно. Говоря подробнее о неприкосновенности произведения: без согласия автора не разрешается внесение в его музыкальное произведение сокращений, изменений и дополнений.

С имущественными правами на музыкальное произведение ситуация иная. Исключительное право на музыкальное произведение отчуждается в договорном

порядке и этим правовая охрана усложняется. К тому же, важно отметить, что исключительное право имеет срок действия. Исключительное право на произведение действует в течение всей жизни автора и семидесяти лет, начиная счет с 1 января года, следующего за годом смерти автора. Нельзя упустить и тот факт, что исключительное право переходит по наследству. Защита исключительных прав на музыкальные произведения осуществляется путем предъявления ряда требований и соблюдением определенной процедуры. Среди таких требований: требование о признании права, требование о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, требование о возмещении убытков и т.д.

П.Г. Дадян отмечает, что в течение многих лет к числу объектов авторского права, которым предоставлялась охрана на законодательном уровне, относились лишь литературные, драматические и художественные произведения [2, с. 109]. Музыкальные произведения не были отнесены к числу объектов авторского права и это связано с тем, что они достаточно зависимы от развития технологий, которые позже предоставили возможность записи музыкальных партий, голоса и других звуков на материальный носитель.

Также, что важно отметить, авторы музыкальных произведений при заключении договора с продюсерским центром нечасто вникают в суть договора, вследствие чего происходит нарушение авторских прав. Нарушать авторские права могут быть как физические, так и юридические лица, допускающие незаконное использование произведений, а именно воспроизведение в публичном месте или иное нарушение. В странах СНГ существует ряд прецедентов, связанных с нарушением авторских прав на музыкальные произведения юридическими лицами, и данный вопрос также нуждается в урегулировании.

В РФ существуют организации по управлению авторскими и смежными правами на коллективной основе, и они играют огромную роль в защите авторских прав. Осуществление охраны исключительных прав на музыкальные произведения без таких организаций представлялось бы крайне затруднительным. Примером такой организации является Российское авторское общество (далее – РАО). РАО осуществляет деятельность на основании соглашений о передаче соответствующих полномочий, а также обладает государственной аккредитацией. РАО является довольно крупной организацией среди российских обществ коллективного управления. Подобные организации существуют во всех развитых странах мира и поддерживают связь с такими же организациями в других странах в целях выплаты вознаграждения за использование произведений правообладателям, находящимся в других странах. Остается надеяться, что и в Донецкой Народной Республике появятся подобные организации, способные защитить права музыкантов и исполнителей.

В настоящее время охрана авторских прав на музыкальное произведение стала наиболее востребованной, так как участились случаи плагиата и возникли его новые виды. Плагиат состоит из двух элементов: нарушение права авторства и присвоение нарушителем в свою собственность исключительного права на произведение. Среди наиболее спорных видов плагиата выделяют сэмплирование. Данный термин означает заимствование фрагмента музыкального произведения, чаще всего мелодии, для создания нового музыкального произведения. Таким образом, сэмплирование изначально является одним из видов переработки музыкального произведения, однако при отсутствии согласия автора первоначального произведения и выполнении переработки ненадлежащим образом сэмплирование становится нарушением авторских прав.

Следует задуматься над точкой зрения В.С. Витко, согласно которой сэмплирование должно приравниваться к цитированию, а значит, на музыкальные композиции, при создании которых были использованы отрывки из других

произведений, распространяются все правила цитирования. Это, в первую очередь, указание автора оригинальной дорожки [3, с. 54].

Б.П. Юргенсон писал: «Мелодия является в музыке до известной степени тем же, чем рисунок в изобразительных искусствах, служит наилучшим критерием для выявления наличности музыкального плагиата» [4, с. 39]. Это действительно так, ведь мелодия является стержнем, основой музыкального произведения. Иногда недобросовестные авторы пытаются скрыть факт плагиата мелодии путем изменения битрейта в несколько раз или путем зацикливания отрезка мелодии. Объектом плагиата может являться и текст музыкального произведения, что подтверждается большим количеством прецедентов.

Переработка музыкального произведения сама по себе является объектом авторских прав. Её правовая защита предстает для современного общества не менее важной. Автор ремикса, ремейка или иного производного произведения осуществляет свои авторские права при том условии, что он соблюдает права авторов произведений, которые были использованы для создания производного произведения. Ему требуется разрешение правообладателя первоначального произведения, для того, чтобы реализовывать свои имущественные права на созданное им произведение.

Данное разрешение выражается, чаще всего, в форме лицензионного договора, заключенного в письменной форме. Такая процедура соблюдается не всегда. И, таким образом, каждый из видов переработки музыкального произведения, выполненный ненадлежащим образом и без соблюдения требований к созданию производных произведений, может являться плагиатом. Чаще всего ненадлежащим образом выполняется такой вид переработки, как ремикс. Авторами производных музыкальных произведений не соблюдаются такие правила, как изменение тональности, музыкального бита и обработка звука, позволяющая изменить первоначальное произведение практически до неузнаваемости.

Как уже говорилось, для изначальной правовой защиты авторских прав на музыкальное произведение не требуется оформления регистрации произведения или соблюдения каких-либо формальностей – это называют принципом автоматической охраны, предусматривающим появление авторского права на произведение в момент его создания. Однако действует этот принцип не всегда и поэтому существуют отдельные меры правовой защиты произведения.

Например, автор музыкального произведения для оповещения о принадлежащем ему исключительном праве на произведение вправе использовать знак охраны авторского права. Этот знак помещается на каждом экземпляре музыкального произведения и состоит из таких элементов, как латинская буква «С» в окружности, имя или наименование правообладателя и год первого опубликования произведения. Хоть регистрация музыкального произведения не является обязательной, она является одной из мер изначальной правовой охраны музыкального произведения. Преимущество данного подхода заключается в моментальной охране музыкального произведения с момента придания ему объективной формы внешнего выражения. Иными словами, все, что создано или находится в процессе создания, уже защищено. Отсутствие регистрации иногда представляет доказательство факта авторства весьма нелегкой задачей.

Правовая защита авторских прав на музыкальные произведения, распространяемые в сети Интернет, является уникальной и имеет свои особенности. Авторские права на музыкальные нарушаются в сети Интернет чаще, чем какие-либо иные, потому что интерес к музыкальным произведениям охватывает огромное количество пользователей, а также это связано со спецификой интернет-пространства. Произведение автора в любой момент может быть искажено, использовано без ведома автора. Защита авторских прав становится сложной, ведь интернет представляет собой

трансграничную платформу, где по отношению к одному объекту могут вступать в правоотношения лица из разных государств.

Главной проблемой становится то, что сегодня каждый интернет-ресурс занимается вопросом охраны авторских прав на своей площадке самостоятельно. Крупнейшая российская социальная сеть «ВКонтакте» поступила наилучшим образом в своё время. Компания стала удалять загруженные раннее музыкальные произведение, нарушающие права правообладателей, а также ограничила скачивание контента непосредственно на носители. Однако сегодня эти меры являются недостаточными для решения вопроса незаконного использования чужих произведений. Исходя из вышесказанного, следует сделать вывод, что в настоящее время не существует совершенного механизма защиты авторских прав на музыкальное произведение в сети Интернет ни в одном из государств, в том числе в Донецкой Народной Республике. Из-за этого возникает много проблем и споров среди правообладателей. Музыкальная индустрия постоянно развивается и появляются новые способы выражения музыкальных произведений, а за ними и новые способы плагиата.

Наиболее целесообразным подходом к урегулированию правовой охраны авторских прав на музыкальные произведения в сети Интернет является внесение поправок в уже существующие конвенции, затрагивающие авторские права. Например, Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 года. Подход наиболее целесообразный в силу того, что, как уже упоминалось, интернет является трансграничной платформой; каждый интернет-ресурс обеспечивает охрану авторских прав по-своему, и не всегда эта охрана является успешной. Данный подход к решению проблемы можно осуществить путем разработки единой процедуры распространения музыкальных произведений в сети Интернет. Процедура может включать создание новых цифровых площадок и загрузку музыкальных произведений на интернет-ресурсы исключительно путем дистрибуции. Дистрибуция представляет собой посредничество между автором музыкального произведения и цифровыми площадками, то есть сетями распространения и реализации музыки. Она помогает авторам музыкальных произведений реализовать и организовать продажу результатов их интеллектуальной деятельности.

Таким образом, дистрибьютор стоит между цифровой площадкой и автором музыкального произведения, то есть между продуктом и покупателем. На данный момент предложенное решение станет огромным шагом в борьбе с плагиатом и иными нарушениями авторских прав на музыкальные произведения. Также в ходе урегулирования вопроса, с созданием новых цифровых площадок, частично изменится концепция обнародования музыкальных произведений, что приведет к упрощенному распространению музыкальных произведений авторами и исполнителями, дистрибуция станет более востребованной. Такой серьезный шаг сократит случаи плагиата и иных нарушений авторского права на музыкальные произведения и урегулирует отношения между авторами и иными правообладателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС от 13.12.2019 (ред. по сост. на 5.10.2020) // Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 01.02.2022).
2. Дадян П.Г. Музыкальное произведение как самостоятельный объект авторского права: теоретико-правовое исследование: дис. … канд. юр. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / Дадян Павел Гамлетович. – М., 2015. – 143 с.
3. Витко В.С. О признаках понятия «плагиат» в авторском праве. – М.: Статут, 2017. – 142 с.
4. Юргенсон Б.П. Авторское право на музыкальные произведения. – М.: Сам Полиграфист, 2012. – 391 с.

COPYRIGHT PROTECTION FOR MUSIC WORKS

Annotation. This paper describes the features of a musical work in the system of objects of copyright; considers the legal protection of musical works as objects of copyright; sound proposals have been developed to improve and develop the legislative framework in the field of copyright protection for musical works.
Keywords: musical work, copyright protection, infringement of exclusive rights, plagiarism.

Savenkov E.
Scientific adviser: Finkina A.P., senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: yegorsavenkov9@gmail.com

УДК 343.13

ОСНОВАНИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Савкова С.С.
Научный руководитель: Попов Б.И., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе проведен углубленный анализ действующего законодательства Донецкой Народной Республики и современных доктринальных источников в контексте оснований и процессуального порядка производства допроса на предварительном следствии. Определен понятийно-категорийный аппарат допроса как следственного действия. Установлены разновидности производства допроса в зависимости от процессуального положения лиц. Зафиксированы общие положения производства допроса. Выявлены тактические и процессуальные особенности допроса обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, несовершеннолетнего лица. Сформирован вывод о том, что допрос – одно из наиболее сложных следственных (розыскных) действий, его проведение требует от следователя высокой общей и профессиональной культуры, глубокого знания психологии человека.
Ключевые слова: допрос, доказательства, тактические приемы допроса.

В процедуре расследования преступлений допроса принадлежит определяющее место: из всего бюджета времени, затрачиваемого следователем на проведение следственных действий, на допрос тратится более 80%. Допрос рассматривают как процесс передачи следователю допрашиваемым лицом информации о событии, которое расследуется, или о связанных с ним обстоятельствах и лицах. Но, как способ получения сведений от лица, которому известны интересующие следствие данные, допрос выступает лишь в информационном плане. На практике – это одно из наиболее сложных следственных (розыскных) действий, предусмотренных УПК ДНР [1]. Сложность допроса определяется не только тем, что следователю нередко противостоит человек, не желающий давать показания, но и тем, что в показаниях добросовестного лица, которое допрашивается, могут содержаться ошибки, искажения и выдумки, которые необходимо выявить и учесть на пути следования к установлению истины. Допрос требует от следователя высокого профессионального мастерства.

Допрос – это следственное (розыскное) действие, содержанием которого является получение показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого уголовного производства.

Целью допроса является получение полных и объективно отражающих действительность показаний, которые являются источником доказательств, а фактические данные, которые в них содержатся, – доказательствами.

Допрос представляет собой процесс передачи информации о расследуемом событии или связанных с ним обстоятельствах и людях. Эта информация поступает к

допрашиваемому в момент восприятия им тех или иных явлений или предметов, запоминается и затем при допросе воспроизводится и передается следователю.

Для того чтобы успешно провести допрос, следователь должен четко представлять себе, какую информацию и с помощью каких приемов и средств он намерен получить. Круг тех обстоятельств, которые следователь намерен выяснить, называется предметом допроса. К их числу относятся обстоятельства:

– связанные с самим событием преступления (способ, место совершения, время, последствия и др.);

– доказывают или опровергают виновность определенных лиц и мотивы их действий;

– влияют на степень и характер ответственности подозреваемого;

– касаются характера и размера убытков, причиненных преступлением;

– способствуют совершению преступного акта;

– любые другие данные, значимые для установления истины по расследуемому преступлению [2, с. 74].

Предмет допроса зависит как от процессуального положения допрашиваемого, так и от того, какой информацией он может обладать.

В зависимости от очередности проведения различают первичный и дополнительный допрос. В зависимости от процессуального положения различают допрос: свидетеля (ст. 182 УПК ДНР); потерпевшего (ст. 186 УПК ДНР); подозреваемого (ст. 119 УПК ДНР); обвиняемого (ст. 157 УПК ДНР); эксперта (ст. 217 УПК ДНР). Особым видом является одновременный допрос двух или более уже допрошенных лиц.

Каждый вид допроса имеет свою процессуальную регламентацию и тактически проводится по-своему. Однако существуют и некоторые общие положения.

Допрос проводится по месту проведения предварительного следствия или в другом месте по согласованию с лицом, которое намерены допросить. Каждый свидетель допрашивается отдельно, без присутствия других свидетелей. Если же опираться на ранее действующее законодательство, то опрос не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более восьми часов в день.

Перед допросом устанавливается лицо, разъясняются его права, а также порядок проведения допроса. В случае допроса свидетеля, он предупреждается об уголовной ответственности за отказ давать показания и за дачу заведомо ложных показаний, а потерпевший – за дачу заведомо ложных показаний. При необходимости к участию в допросе привлекается переводчик. Во время допроса может применяться фотосъемка, аудио- и/или видеозапись. Допрашиваемое лицо имеет право использовать во время допроса собственные документы и заметки, если его показания связаны с какими-либо вычислениями и другими данными, которые трудно удержать в памяти. По желанию допрашиваемого лица она вправе изложить свои показания собственноручно. По письменным показаниям лица ему могут быть заданы дополнительные вопросы.

Лицо имеет право не отвечать на вопрос по поводу тех обстоятельств, относительно предоставления которых есть прямое запрещение в законе (тайна исповеди, врачебная тайна, профессиональная тайна защитника, тайна совещательной комнаты и тому подобное) или которые могут стать основанием для подозрения, обвинения в совершении им, близкими родственниками или членами его семьи уголовного правонарушения, а также относительно служебных лиц, которые выполняют негласные следственные (розыскные) действия, и лиц, которые конфиденциально сотрудничают с органами предварительного расследования [3, с. 17].

Итак, следует перейти к особенностям допроса подозреваемого и обвиняемого.

Предметом допроса обвиняемого являются обстоятельства, сформулированные в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. Обвиняемый не обязан

давать показания по делу, однако, соблюдая процессуальный порядок проведения допроса и применяя отдельные тактические приемы, следователь должен убедить обвиняемого у нецелесообразности сокрытия истины по делу. Так как показания обвиняемого являются не только источником доказательств, но и средством его защиты от обвинения, следователь должен предоставить обвиняемому возможность подробно изложить свои показания.

Процессуальный порядок допроса обвиняемого определяется ст. ст. 157-160 УПК ДНР. Тактические приемы допроса обвиняемого имеют свои особенности.

Следователь должен тщательно изучить материалы дела для правильного избрания момента допроса обвиняемого. Если все обстоятельства дела, по которым необходимо допросить обвиняемого полностью, не исследованы или не проверены, являются ли сомнительными для следователя, проведение допроса будет преждевременным и не принесет желаемого результата.

Когда в деле есть несколько обвиняемых, важное значение имеет правильное определение следователям вопроса – кого из них допрашивать в первую очередь.

Допрос обвиняемого начинается с вопроса следователя: признает ли допрашиваемый свою вину? Тактика проведения допроса обвиняемого определяется отношением обвиняемого к предъявленному ему обвинению. Возможны следующие три ситуации: обвиняемый признает себя виновным полностью; обвиняемый признает себя виновным частично; обвиняемый не признает себя виновным. Рассмотрим их более подробно [4, с. 82].

1. Если обвиняемый признает себя виновным и его показания соответствуют другим материалам уголовного дела, задача следователя состоит в проверке искренности такого признания путем детализации его показаний, или проведением дополнительного допроса. Это осуществляется с целью исключения самооговора или сокрытия более тяжкого преступления.

В случаях, когда обвиняемый признает свою вину, но его показания не соответствуют другим материалам дела проверка показаний осуществляется путем детализации показаний обвиняемого; установлением обстоятельств, о которые может иметь сведения только лицо, совершившее преступление; проведением повторного допроса с изменением порядка последовательности установления обстоятельств, из которых обвиняемый уже был допрошен. Если обвиняемый не может четко воспроизвести отдельные детали или все обстоятельства произошедшего, можно воспользоваться тактическими приемами актуализации забытого.

2. Обвиняемый признает себя виновным частично. В этой ситуации показания обвиняемого содержат показания, противоречащие материалам дела. В таких случаях рекомендуется: начать допрос с отвлекающей беседы на тему, не связанную с расследуемым преступлением; выслушать показания обвиняемого до конца, не перебивая его, и тщательно их зафиксировать; путем анализа показаний выявить противоречия и разъяснить их суть обвиняемому; постепенно предъявлять обвиняемому отдельные доказательства и другие материалы, изобличающие его ложные показания.

С целью получения от обвиняемого правдивых показаний, следователю целесообразно разъяснить обвиняемому содержание п. «и» ч. 1 ст. 60 и ст. 75 УК ДНР [5] относительно положения, что искреннее раскаяние и содействие раскрытию преступления являются обстоятельствами, смягчающими уголовную ответственность.

3. Обвиняемый не признает себя виновным / дает ложные показания. При подготовке к допросу необходимо тщательно изучить особенности личности обвиняемого, материалы уголовного дела, материалы архивных уголовных дел, если обвиняемый был ранее судимым, условия его жизни, его склонности и интересы.

Во время проведения допроса обвиняемого можно применить следующие тактические приемы: задать контрольные вопросы по фактам, точно установленным в

деле; максимально детализировать показания; предложить обвиняемому повторно изложить показания о событии в целом или отдельных его обстоятельствах; огласить показания других обвиняемых, потерпевших, свидетелей; предъявить обвиняемому доказательства и иные материалы дела, свидетельствующие о его пребывании и совершении определенных действий на месте преступления, либо опровергающие его алиби [6, с. 120].

Процессуальный порядок допроса подозреваемого определяется ст. ст. 119, 148-150, 159, 160 УПК ДНР. Если подозреваемый был задержан или к нему была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, его допрос производится немедленно, в случае невозможности немедленного допроса – не позднее 24 часов после задержания (ч. 2 ст. 119 УПК ДНР).

Предметом допроса подозреваемого являются обстоятельства, на основании которых лицо было задержано, или к нему была избрана мера пресечения до предъявления обвинения.

Готовясь к проведению допроса подозреваемого, необходимо: определить предмет допроса; сформулировать вопросы и определить порядок их последовательности; определить, какие доказательства и материалы могут быть использованы во время допроса для изобличения подозреваемого; определить последовательность проведения допросов при наличии нескольких подозреваемых.

Допрос подозреваемого проводится с использованием тактических приемов, которые применяются во время допроса обвиняемого. Тактика допроса зависит от момента проведения допроса и объема информации, которой располагает следователь.

В качестве свидетеля допрашивается лицо, которому могут быть известны любые обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу (ст. 182 УПК ДНР). Не могут быть допрошены в качестве свидетеля защитник, адвокат, представитель профсоюза, других общественных организаций об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей защитника или представителя (ч. 1 ст. 75 УПК ДНР). Лицо не обязано свидетельствовать против самого себя, своего мужа и близких родственников (п. 6 ч. 1 ст. 76 УПК ДНР).

Свидетели подразделяются на свидетелей-очевидцев, которые видели, как происходило расследуемое событие, и свидетелей, которые могут показать о различных обстоятельствах, связанных с событием, которое произошло. Среди очевидцев выделяются активные и пассивные. К активным относятся те, кто пытался пресечь, предотвратить преступное посягательство, принимал участие в задержании лица, совершившего преступление, вызывал полицию, оказывал помощь потерпевшим и т. д. Их активная роль нередко приводит к довольно сильному психическому напряжению, которое может помешать восприятию каких-либо фрагментов происшедшего. В показаниях таких очевидцев тому возможны различные дефекты, пробелы, искажения, преувеличение своей роли в пресечении преступного посягательства.

Пассивные очевидцы подразделяются на две группы. Первую составляют очевидцы, которые имели возможность действовать активно, но под влиянием страха, нежелания вмешиваться, уговоров и просьб знакомых, близких и иных причин предпочли остаться в стороне. Их показания могут быть деформированы за счет не всегда даже понимаемого стремления скрыть некоторые неблаговидные нюансы своего поведения и желания представить себя в более выгодном свете. Ко второй группе пассивных очевидцев относятся свидетели, которые не могли проявить активность в силу объективных причин (например, наблюдали за тем, что происходило из окна дома или из проезжающего мимо транспорта).

В начале допроса свидетеля основное внимание уделяется установлению с ним надлежащего психологического контакта. Большая роль в этом принадлежит почтительному, доброжелательному обращению со свидетелем. Не лишним будет

выразить благодарность за явку и готовность помочь следствию. Если у следователя нет оснований печалиться в добросовестности свидетеля, то предупреждение об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний (ч. 1 ст. 78 УПК ДНР) должно быть сделано так, чтобы не оскорбить необоснованным подозрением в возможном лжесвидетельстве.

Предупреждение же лица, которое может дать ложные показания или попытается скрыть правду, должно быть сделано достаточно четко и ясно. Желательно разъяснить такому лицу, что ложными считаются не только показания, в которых сознательно извращается истина, но также и ссылка на то, что «не видел», «не заметил», «не помню», если в действительности видел, заметил, запомнил. При необходимости ему можно сообщить, что у следствия есть много способов установить истину и изобличить лицо в сообщении ложных сведений [7, с. 70].

При допросе свидетелей и потерпевших (ст. 186 УПК ДНР) важное значение имеют приемы оказания помощи в преодолении добросовестной ошибки и припоминания забытых фактов и обстоятельств. Преодолеть заблуждение во многих случаях помогает выяснение условий наблюдения и субъективных возможностей допрашиваемого лица, причем причина искажений порой может быть элементарно проста.

Подготовка и проведение допроса несовершеннолетних обусловлены возрастными особенностями допрашиваемого лица. Знание этих особенностей имеет большое значение для избрания приемов установления психологического контакта, выбора режима проведения допроса, оказания воздействия на несовершеннолетнего, оценки его показаний.

Если свидетелем является несовершеннолетний, не достигший 14 лет, допрос должен проводиться в присутствии педагога. Присутствие педагога при допросе свидетелей в возрасте от 14 до 16 лет не является обязательным. Этот вопрос в каждом случае решает следователь. В случае необходимости при допросе несовершеннолетнего свидетеля могут присутствовать врач, родители или иные законные его представители (ст. 183 УПК ДНР).

Важным вопросом подготовки к допросу несовершеннолетнего является выбор места и обстановки допроса (дома, в школе, в кабинете следователя т. д), что должно способствовать установлению психологического контакта и получению необходимой информации. Надо заранее подготовить вопросы, которые необходимо выяснить у несовершеннолетнего. Они должны быть простыми, доступными для понимания допрашиваемого. Выполнение такой задачи обеспечивается составлением плана допроса.

В процессе допроса несовершеннолетнему следователю необходимо установить с ним психологический контакт. Для этого рекомендуется провести беседы на общие темы (спорт, обучение, игры, новые фильмы, книги и др.), продемонстрировать знание его потребностей и интересов. При допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого следователь должен держаться спокойно, доброжелательно, но и достаточно твердо. Такая манера поведения способствует установлению необходимого контакта с подростком, настраивает его на откровенную беседу.

Несовершеннолетнему допрашиваемому следует помочь в формировании правдивых показаний. Следователь не должен использовать постановку вопросов, имеющих элементы внушения (наводящие вопросы). Очень осторожно следует применять объявления показаний других лиц. Постановка наводящих вопросов нередко является причиной возникновения добросовестных ошибок в показаниях. Ложные же показания несовершеннолетнего могут быть следствием ложного понимания «геройства», «общительности» [8, с. 17].

Специфическими тактическими приемами, которые могут применяться при допросах несовершеннолетних, являются: разъяснение важности сообщения правдивых

показаний; демонстрация осведомленности об обстоятельствах жизни допрашиваемого, его потребностях, интересах; разъяснение сущности и значения предъявленных и оглашенных материалов; разъяснение неправильно занятой позиции.

Выводы. Подводя итоги, можно сказать, что допрос является наиболее распространенным способом получения доказательств. В то же время допрос – одно из наиболее сложных следственных (розыскных) действий, его проведение требует от следователя высокой общей и профессиональной культуры, глубокого знания психологии человека.

Цель допроса заключается в получении полных и объективно отражающих действительность показаний. Эти показания являются источником доказательств, а фактические данные, которые в них содержатся – доказательствами.

Процессуальный порядок допроса регламентируется нормами УПК ДНР, соблюдение которых является обязательным. Несоблюдение процессуальных правил проведения допроса является нарушением закона и влечет за собой недействительность проведенной действия и недопустимости полученных показаний как источника доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс ДНР: Закон Донецкой Народной Республики от 24 августа 2018 года № 240-IНС / Народный Совет Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 18.10.2021). – Загл. с экрана.
2. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: монография / Порубов Н. И., Порубов А. Н. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 304 с.
3. Тактика следственных действий: учебное пособие / Баев О. Я. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 456 с.
4. Психологические основы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого / Бочкарев М. В. – Саратов: СЮИ МВД России, 2018. – 140 с.
5. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19 августа 2014 года / Народный Совет Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 18.10.2021). – Загл. с экрана.
6. Коновалов С.И. Актуальные проблемы теории и методологии криминалистики: монография / Коновалов С.И. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2010. –158 с.
7. Ищенко Е.Л. Криминалистика: учебник / ЕЛ. Ищенко, А.А. Топорков; под ред. ЕЛ. Ищенко [изд. 2-е, испр. и доп.]. – М.: Юридическая фирма «Контракт», «Инфра-М», 2005. – 404 с.
8. Зеленецкий В.С. Предварительное производства о совершенном преступлении: наук.- практ. пособие / Зеленецкий В.С. – Х.: Право, 2009. – 118 с.

TERMINATION OF CRIMINAL CASES BY THE BODIES OF INQUIRY AND PRELIMINARY INVESTIGATION

Annotation. The paper provides an in-depth analysis of the current legislation of the Donetsk People's Republic and modern doctrinal sources in the context of the grounds and procedural procedure for conducting interrogation at the preliminary investigation. The conceptual and categorical apparatus of interrogation as an investigative action is defined. The varieties of interrogation are established depending on the procedural status of persons. The general provisions of the interrogation are fixed. The tactical and procedural features of the interrogation of the accused, suspect, witness, victim, minor are revealed. The conclusion is formed that the interrogation is one of the most complex investigative (investigative) actions, its conduct requires a high general and professional culture from the investigator, a deep knowledge of human psychology.
Keywords: interrogation, evidence, tactical interrogation techniques.

Savkova S.
Scientific adviser: Popov B.I., senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: sonya.savkova.00@mail.ru

УДК 330.322.01

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕКОМЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Самошкин К.С.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н, доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемные вопросы правового регулирования предпринимательской деятельности некоммерческих организаций. Проанализированы положения проекта будущего Закона ДНР «О некоммерческих организациях». Определены основные ограничения в занятии предпринимательской деятельностью для отдельных видов некоммерческих организаций.
Ключевые слова: некоммерческие, организации, предпринимательская, деятельность, правоспособность.

Подробно изучая опыт мировых государств, следует отметить, что объем используемых финансовых ресурсов в некоммерческой деятельности, является достаточно велик. Одним из ярких примеров можно привести финансовые масштабы пенсионного фонда РФ, которые сопоставимы с масштабами государственного бюджета многих стран. Утверждение бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации, согласно Федеральному закону от 06.12.2021 № 391-ФЗ «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» осуществляется на трёхлетний период. Согласно пунктам 1 и 2 части 1 статьи 1 данного Федерального закона, в бюджете Пенсионного фонда РФ на 2022 год спрогнозированы доходы в сумме 10032.4 миллиарда рублей и расходы в сумме 10154.8 миллиарда рублей. [1]

В современном мире, в эпоху существования рыночной экономики, многие отмечают рост роли некоммерческих организаций, которые приобретают статус самостоятельных участников конкурентного рынка предоставления товаров, работ и услуг. Расширение возможностей на законодательном уровне, путем закрепления одного из главных критериев рынка – конкуренции в отношении некоммерческих организаций, спровоцировало создание большого количества юридических лиц данной направленности.

Несмотря на то, что некоммерческие организации являются одним из самых молодых структур гражданского общества, к ним проявляется большой интерес со стороны многих ученых-цивилистов. Данный интерес вызван проблематикой правового регулирования некоммерческий организаций, так как по мнению ученных, гражданское законодательство содержит ряд некоторых неточностей.

В юридической науке особое внимание уделяется проблеме, которая связанна с осуществлением предпринимательской деятельности некоммерческими организациями. Данная проблематика по мнению некоторых авторов искажает их правовую сущность. Такие ученные как Авилов Г.Е. и Суханов Е.А., утверждают, что законодательная ветвь власти обязана разработать четкие критерии разграничения коммерческих и некоммерческих организаций.

С момента образования Донецкой Народной Республики, как самостоятельного государства, гражданское законодательство претерпело конкретные изменения. На данный момент в законодательной базе республики отсутствует собственный закон о некоммерческих организациях. Однако следует отметить, что уже разработан проект закона, регулирующий данные правоотношения.

Данный законопроект также создавался и разрабатывался с целью проведения интеграционных процессов в единое правовое поле с законодательством Российской

Федерации. Анализируя положения проекта закона, можно заметить, что взятая концепция рассматриваемого законопроекта была основана на положениях Федерального закона Российской Федерации от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – ФЗ № 7).

Согласно положениям ФЗ № 7, некоммерческим организациям законодательство не запрещает заниматься предпринимательской деятельностью какой-либо направленности, если в этом есть такая необходимость для достижения конкретных целей, ради которых было создано данное юридическое лицо, а только устанавливает правовые границы.

Некоторые ученные-цивилисты считают, что осуществляемая предпринимательская деятельность некоммерческими организациями, прежде всего, выступает в виде механизма, который создается для достижения определенных целей самой организации. Так, основными задачами предпринимательская деятельность, по мнению авторов является:

– создание и укрепление материально-технической базы некоммерческой организации;

– являться источником формирования имущественной базы, используемого для достижения целей организации, тем самым способствовать реализации общественно полезных целей организации;

– способствовать реализации общественно полезных целей организации.

Также, некоммерческая организация обязана соответствовать своим уставным целям, не выходя за рамки ее уставной правоспособности. В данном случае предпринимательская деятельность выполняет исключительно вспомогательную функцию, то есть должна быть подчинена уставным целям. Авторы считают, что если предпринимательская деятельность становиться основным видом деятельности организации, то в данном случае происходит переход некоммерческих организаций в коммерческие.

Ученные выделяют два основных вида некоммерческих организаций предпринимательской деятельности. К первому виду относятся некоммерческие организации, которые осуществляют предпринимательскую деятельность самостоятельно. Ко второму виду относят некоммерческие организации предпринимательскую деятельность которой, данные юридические лица осуществляют с помощью созданных коммерческих организаций.

Следует отметить, что осуществляемая самостоятельная предпринимательская деятельность некоммерческой организации, существенно отличается от предпринимательской деятельности, которая связанна с созданием и участием в коммерческих организациях. Данное отличие выражается в том, что во втором случае организация может получить доход от деятельности, не связанной с ее целями создания, но доход от такой деятельности в любом случае будет направлен на цели организации и в соответствии с ее уставной правоспособностью.

Уставную правоспособностью юридического лица следует понимать как наличие у юрлица определенных прав и обязанностей, которые соответствуют его целям деятельности и прямо закреплены в учредительных документах. Правоспособность у некоммерческих организаций является специальной. Данная правосубъектность наделяет организации правом на совершение лишь определенных юридических действий, которые направлены на достижение ее уставных целей.

При принятии Гражданского Кодекса ДНР (далее – ГК ДНР), законодатель определил точный перечень организационно-правовых форм некоммерческих организаций. Так, согласно ч. 3 ст. 53 ГК ДНР, некоммерческие организации, могут создаваться в следующих организационно-правовых в формах:

– Общественные и религиозные организации, автономные некоммерческие организации;

– Государственные корпорации, государственные учреждения, муниципальные учреждения и частные учреждения;

– Товарищества собственников недвижимости;

– Государственные и трансграничных концернов;

– Адвокатские палаты, адвокатские образований, являющихся юридическими лицами, нотариальные палаты;

– Общественные движения, ассоциации (союзы), фонды;

– Публично-правовые компании;

– Потребительские кооперативы.

Если рассматривать потребительский кооператив, то данная некоммерческая организация образуется на основе членства и объединения имущественных паев, целью которых является удовлетворения персональных или коллективных потребностей, посредством получения доходов от предпринимательской деятельности, осуществляемой в рамках уставной правоспособности.

Также, следует отметить, что в законодательстве закреплены определенные ограничения, которые ограничивают отдельные виды некоммерческих организаций (ассоциации (союзы), коммерческие организации, которые могут осуществлять предпринимательскую деятельность только путем создания хозяйственных обществ или участвуя в них) от занятия предпринимательской деятельностью.

Существующие указанные ограничения, в первую очередь направлены на то, чтобы предпринимательская деятельность не создавала препятствие для некоммерческой организации в осуществлении ее уставной деятельности. Анализируя все вышеуказанные ограничения, можно сделать вывод, что они являются незначительными, т.к. не ограничивает активное участие данных организаций в хозяйственном обороте.

В таком случае, согласно мнению Звездиной Т.М., в юридической науке возникает целый ряд вопросов, связанных с соотношением понятий как «предпринимательская деятельность» и «приносящая доход деятельность».

Проведя анализ действующего гражданского законодательства ДНР, а также изучения законопроекта «О некоммерческих организациях» ДНР и юридической литературы, касаемо вопроса, связанного с правовым регулированием деятельности некоммерческих организаций, то из всего вышеуказанного следует сделать следующие выводы и выдвинуть свои предложения по усовершенствованию законодательства республики. С учётом того, что в ДНР на данный момент проходит интеграционный законодательный период, есть возможность подробно изучить проблемные вопросы связанные с правовым регулированием деятельности некоммерческих организаций и внести соответствующие коррективы в проект будущего закона «О некоммерческих организациях».

Делая вывод всему вышеуказанному, следует отметить, что на данный момент в законодательстве имеются проблематика, связанная с правовым регулированием участия некоммерческих организаций в предпринимательской деятельности. В данном случае законодатель отказывается от правовой оценки предпринимательской деятельности некоммерческих организаций и уходит к использованию в отношении них иного понятия – «приносящая доход деятельность некоммерческих организаций». ГК ДНР закрепляет понятие «предпринимательская деятельность». Согласно ч. 1 ст. 2 ГК ДНР, предпринимательская деятельность понимается как самостоятельная деятельность, осуществляемая на свой риск и направленная на систематическое получение прибыли от использования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Однако следует отметить, что законодатель не раскрывает понятие «приносящая доход деятельность».

На первоначальном этапе, в процессе разрешения данной проблематики, может показаться, что законодатель обязан лишить некоммерческие организации возможности заниматься предпринимательской деятельностью. Однако, с другой стороны, можно также оставить право на занятие вспомогательной хозяйственной деятельностью, которая необходима для нормального участия в имущественном обороте.

Следовательно, для решения уже имеющихся проблем и избежание их в будущем, законодательной власти необходимо выработать четкие критерии разграничения юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 06.12.2021 № 391-ФЗ «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов»
2. Федеральный закон от 12 января 1996 г. N 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях»
3. Оганян Ш.Р. Вопросы правового регулирования предпринимательской деятельности некоммерческих организаций // МНИЖ. 2015. №7-3 (38). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-pravovogo-regulirovaniya-predprinimatelskoy-deyatelnosti-nekommercheskih-organizatsiy (дата обращения: 05.02.2022).
4. Подолинский Илья Александрович ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ // Вопросы российской юстиции. 2020. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-nekommercheskih-organizatsiy-v-rynochnyh-otnosheniyah (дата обращения: 06.02.2022).
5. Дерюгина Т.В. Предпринимательская или приносящая доход деятельность некоммерческих организаций: проблемы гражданско-правового регулирования // Юридический вестник Самарского университета. 2018. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskaya-ili-prinosyaschaya-dohod-deyatelnost-nekommercheskih-organizatsiy-problemy-grazhdansko-pravovogo (дата обращения: 06.02.2022).
6. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС от 13.12.2019, действующая редакция по состоянию на 28.12.2021

PROBLEM ISSUES OF LEGAL REGULATION OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. This article discusses the problematic issues of legal regulation of entrepreneurial activities of non-profit organizations. The provisions of the draft of the future DPR Law «On non-profit organizations» are analyzed. The main restrictions in doing business for certain types of non-profit organizations are identified.
Keywords: noncommercial, organizations, enterprise, activity, right ability

Samoshkin K.
Scientific adviser: Efremova A.V. PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: nikshomas.k@mail.ru

УДК 341

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сапегин А.А.
Научный руководитель: Ревунова А.С., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная работа посвящена теоретико-методологическому анализу современной концепции международной ответственности. Рассмотрено историческое развитие международной ответственности. Определены ключевые специфические черты современной международной ответственности.

Установлено, что современная концепция объективной ответственности определяется субъектами международного права – государствами и международными организациями.
Ключевые слова: международная ответственность, государства, международные организации.

Международная ответственность является одним из видов юридической ответственности. Источником международной ответственности является согласие государств соблюдать нормы международного сообщества, что по своей природе очень похоже на другие виды позитивной юридической ответственности [1, с. 2952].

Понятие международной ответственности является одним из ключевых в международном праве. Это логическая связь между нормой и санкцией за ее невыполнение, которая напрямую связана с эффективностью международного права и его авторитетом. Учитывая природу субъектов международного права вопрос международной ответственности очень сложный и дискуссионный.

Тема международной ответственности наименее исследована и наиболее запутана в науке международного права. Среди ученых, которые делали попытку основательно исследовать международную ответственность, стоит выделить А. Василенко, Д. А. Денисову, М. Диксон, С. А. Коваленко, Ю. М. Колосова, М. В. Кэшнера, И. И. Лукашука, К. Л. Сазонову и других.

Целью статьи является исследование современной концепции международной ответственности, а также тенденции ее развития.

В основе международного права лежит согласование воль его субъектов, в частности суверенных государств. Именно на этом основывается и международная ответственность, отличающая ее от других видов ответственности, таких как гражданская или уголовная. Государство не может взаимодействовать с другими субъектами международного права, не соблюдая определенных правил поведения и не неся ответственности за свои действия в рамках такого взаимодействия, поскольку это означало бы отсутствие ограничений или средств контроля на международном уровне.

Отказ от несения международной ответственности может квалифицироваться как отказ от соблюдения норм международного права. А одним из древнейших принципов международного права является принцип добросовестного выполнения международных обязательств (pacta sunt servanda). Без соблюдения этого принципа само существование международного права становится невозможным [2, с. 55], поскольку в его основе лежит добрая воля государств. Устав ООН в п. 2 ст. 2 обязывает всех членов ООН добросовестно выполнять взятые на себя обязательства [3].

По времени своего появления институт ответственности в международном праве совпадает с появлением самого международного права. Так, в заключительной части первого письменного двустороннего международного договора, который дошел до наших времен, между египетским фараоном Рамзесом II и Хеттским царем Хаттушилем III 1296 г. до н. э. уже предусматривались своеобразные санкции за его нарушение [4, с. 6]. Хотя прямая ответственность четко зафиксирована не была, но имелась в виду, а именно: «Пусть погибнет дом, земля и рабы того, кто нарушит эти слова» [5, с. 16].

На этом этапе развития международного права нематериальная или моральная ответственность считались значительно более серьезными формами, чем материальная [4, с. 7].

Особое внимание в Древнем мире уделяли ответственности за несоблюдение договорных обязательств и за отказ нести ответственность в форме штрафа.

Формально формирование института ответственности в международном праве связывают с Вестфальским миром 1648 года. Так, Оснабрюкский и Мюнстерский договоры посвящены реституции – одной из форм материальной ответственности, а именно – отдельным реституциям представителям имперских сословий, которым был нанесен ущерб в ходе Тридцатилетней войны [6, с. 140].

Несмотря на долгую историю института ответственности, он является одним из самых дискуссионных и наименее исследованных в науке международного права. Это связано, прежде всего, с тем, что основными субъектами международной ответственности выступают суверенные государства [7, с. 217].

Поездом истории развития международного права развивалась и концепция международной ответственности. Согласно первой концепции международной ответственности, которая появилась в Средневековье, последняя исходила из суверенной власти государства над ее территорией. Фактически государство брало на себя ответственность за все противоправные акты, совершенные в пределах государственной территории. Именно эта концепция упомянута в материалах Гаагской конференции по кодификации международного права 1930 года [8]. Эта концепция международной ответственности должна была решить проблему возмещения вреда иностранным гражданам, причиненным в пределах государственной территории. Она не затрагивала ответственность государства за собственные действия, которыми оно нарушало права другого государства. Она имела существенные недостатки – согласно ей государство несло ответственность за любой вред, причиненный в пределах ее территории, то есть в сфере ее контроля. Однако государство не является гарантом жизни и собственности лица, и должно отвечать только за вред, причиненный деяниями международно-противоправного характера самого государства [9, с. 8].

Со временем ответственность государств за действия в пределах государственной территории получает новое развитие – не позволять другим субъектам использовать свою территорию для действий, нарушающих права других государств [10]. Следует отметить, что обязательство не позволять другим субъектам использовать свою территорию для действий, нарушающих права других государств, является составляющей принципа суверенного равенства государств, а также отражением общего принципа права – использовать свое так, чтобы не вредить другому (sic uti suoutnon laedatalienum). На данный момент такое обязательство признается только в отношении военного использования территории и не затрагивает других видов деятельности в пределах государственной территории, которая вредит другим государствам.

Основной спецификой международной ответственности является ее основной субъект – суверенное государство. Наряду с этими концепциями долгое время имела большое влияние нигилистическая концепция, согласно которой суверенное государство может нести ответственность лишь само перед собой, а взаимная ответственность государств противоречит суверенитету. Любая ответственность государства базируется не на обязательстве, а на его доброй воле [11, с. 19]. Даже в вопросах денежной компенсации речь шла о доброй воле, а не юридическом обязательстве.

Эта концепция существенно шла в разрез с международной практикой, поскольку государства постоянно предъявляют друг другу претензии по возмещению ущерба, причиненного противоправными действиями. Юридическая природа международной ответственности подтверждается практикой международных судебных учреждений. А абсолютный суверенитет противоречит современному международному праву и делает невозможным международное общение. Абсолютный суверенитет одного государства означает отрицание суверенитета других государств. В то же время субъекты международного права соглашаются придерживаться определенных принципов и норм и тем самым берут на себя ответственность за их выполнение.

В прошлом международная ответственность была достаточно близкой к частно-правовой, поскольку, прежде всего, речь шла о возмещении причиненного ущерба [12, с. 147, 216, 270]. Несмотря на такую специфику ее природы, она всегда имела не частно-правовой, а публично-правовой характер из-за юридической природы ее субъектов.

Концепция традиционной международной ответственности, которая была основой международного права в последние десятилетия, имела двусторонний характер и обуславливалась задачей вреда [13, с. 20].

В 2001 году Комиссия международного права ООН приняла Статьи об ответственности (responsibility) государств за международные противоправные деяния, а в 2016 на 71-й сессии Генеральная Ассамблея ООН была принята резолюция A/RES/71/133 «Ответственность государств за международные противоправные деяния» [13]. В основу статей о международной ответственности государств была положена концепция объективной ответственности, а не традиционной. Согласно ей международная ответственность наступает независимо от наличия причиненного вреда или вины вследствие нарушения нормы.

Именно эта концепция максимально раскрывает юридическую природу современной международной ответственности. Суверенитет осуществляется в рамках международно-правовых обязательств, взятых на себя государством. Это подтверждалось Хельсинкским актом СБСЕ 1975 года: «При осуществлении своих суверенных прав... государства будут согласовывать их со своими юридическими обязательствами по международному праву» (ст. X «Добросовестное выполнение обязательств по международному праву») [14].

Содержание концепции международной ответственности предусматривает взаимную ответственность государств, что никоим образом не ограничивает их суверенитет.

Международно-правовая ответственность – это юридические отношения, возникающие в международном праве в связи с правонарушением, совершенным государством или другим субъектом международного права, или в связи с ущербом, причиненным одним субъектом другому в результате правомерной деятельности [11, с. 322]. В англоязычной практике понятия «международная ответственность» определяют двумя терминами – «responsibility» и «liability». Ответственность (responsibility) заключается в материальной ответственности (liability) государства за свои противоправные действия. Первый термин определяет ответственность за международно-противоправные деяния. Второй – ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом [15, с. 22].

Стоит выделить те признаки ответственности, которые присущи современной концепции международного права:

1) наступает за совершение международного правонарушения или за вредные последствия действий, еще не нарушающих норм международного права;

2) направлена на обеспечение международного правопорядка;

3) связана с негативными для правонарушителя последствиями;

4) реализуется в международных правоохранительных отношениях, возникающих между субъектом-правонарушителем (чаще всего государством) и международным сообществом в целом (в случае нарушения норм jus cogens и ergo omnes).

Современная концепция международной ответственности определяет субъектами международного права государства и международные организации. Что касается индивидов, то они не являются субъектами международной ответственности даже когда совершают международно-противоправное деяние как должностные лица и несут только уголовную ответственность по национальному законодательству [15, с. 325].

Согласно концепции ответственности международных организаций, они являются субъектами международного права и не могут не быть субъектами международной ответственности, исходя из консультативного решения Международного Суда ООН от 11 апреля 1949 года «Возмещение вреда, нанесенного на службе ООН». Международный суд ООН отметил 4 голосами из 11, что «ООН имеет право предъявлять претензии в международном порядке независимо от того, является

государство членом ООН или нет». Из этого следует, что государство также может предъявлять претензии к ООН по возмещению ущерба, то есть ООН признается субъектом международной ответственности.

Международный суд ООН отмечает, что, выдвигая требование о возмещении ущерба, ООН может основывать свою претензию на нарушении обязательств в отношении ее самой. Это должно помогать избежать конфликта между действиями ООН и правами государства. Согласование таких интересов должно исходить из каждой отдельно взятой ситуации и на соглашениях между ООН и государствами.

Суд также определил понятие «правоспособность предъявлять претензию», обосновывая, что такое право ООН вытекает из ее международной правосубъектности [16].

Стоит обратить внимание на то, что Комиссия международного права разработала еще один Проект Статей в сфере международной ответственности, а именно – об ответственности международных организаций, который был принят ею в 2009 г. А также приняла в 2006 г. Проект Статей об ответственности (liability) за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом. Однако они оба еще не одобрены Генеральной Ассамблеей ООН. И в 2017 г. начала работу над правопреемством государств в сфере ответственности государств.

Выводы. Институт ответственности в международном праве, несмотря на свою чрезвычайную важность, является наименее исследованным. История его возникновения уходит корнями Древнего Мира. Современная концепция объективной ответственности определяется субъектами международного права – государствами и международными организациями. Согласно ей международная ответственность наступает независимо от наличия причиненного вреда или вины, вследствие нарушения нормы. Именно эта концепция является основой статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния и разработана Комиссией международного права ООН. Особое значение приобретают вопросы ответственности международных организаций и правопреемство государств в сфере ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hall W. International Law. Oxford. 1924.
2. Тункин Г.И. Право и сила в международной системе. – М.: Междунар. отношения, 1983. – 200 с.
3. Устав Организации Объединенных Наций: подписан 26 июня 1945 года / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter (дата обращения: 16.12.2021). – Загл. с экрана.
4. Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. Москва: Статут, 2014. – 224 с.
5. История дипломатии / Под ред. В. А. Зорина [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Госполитиздат, 1959-1965. Т. 1. – 1959. – 896 с.
6. История международного права / авт.кол.; под ред. А. И. Дмитриева, У. Э. Батлера. Одесса: Фенікс, 2013. – 574 с.
7. Sorensen M. Principles de droit international public// RdC. 196-III. T.101.
8. League of Nations. Conference for the Codification of International Law. Bases of Discussion. Vol. III. Supplement. Annex to Questioner. No.4. 1929.
9. Eagleton C. The responsibility of States in International Law. N.Y., 1928.
10. Решение Международного Суда по делу об инциденте в проливе Корфу от 25 марта 1948 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-1948–1991-ru.pdf (дата обращения: 16.12.2021). – Загл. с экрана.
11. Лукашук И.И. Право международной ответственности. Москва : Волтерс Клувер, 2004. – 432 с.
12. Lauterpacht H. Private Law sources and Analogies of International Law. L., 1927.
13. Ответственность государств за международно-противоправные деяния: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/71/133 (дата обращения: 16.12.2021). – Загл. с экрана.
14. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// zakon.rada.gov.ua/laws/show/994_055 (дата обращения: 16.12.2021). – Загл. с экрана.

15. Международное публичное право: учебник / В. В. Мицик, М. В. Буроменский, О. В. Буткевич и др.]; в ред. В. В. Мицика. Харьков: Право, 2019. Т.1. – 416 с.
16. Возмещение за ущерб за увечья, понесенные на службе Организации Объединённых Наций. Консультативное заключение от 11 апреля 1949 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/ st_leg_serf1.pdf (дата обращения: 16.12.2021). – Загл. с экрана.

MODERN CONCEPT OF INTERNATIONAL LEGAL RESPONSIBILITY

Annotation. This work is devoted to the theoretical and methodological analysis of the modern concept of international responsibility. The historical development of international responsibility is considered. The key specific features of modern international responsibility are identified. It is established that the modern concept of objective responsibility is determined by the subjects of international law – States and international organizations.
Keywords: international responsibility, States, international organizations.

Sapegin A.
Scientific adviser: Revunova A.S., assistant
Donetsk National University
E-mail: Sapegin.2012@yandex.ru

УДК 347.1

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ГРАЖДАН

Селянко Я.Е.
Научный руководитель: Евтушенко В.Е., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В научной статье объект настоящего исследования составляют общественные отношения и рассматриваемые вопросы, связанные с защитой чести, достоинства и деловой репутации граждан. Актуальным является вопрос о рассмотрении понятия опровержения недостоверной информации порочащей честь, достоинство и деловую репутацию граждан в средствах массовой информации. В статье также рассмотрены особенности и проблемы реализации метода опровержения. В работе исследуются нормативно-правовые акты Донецкой Народной Республики, регламентирующие вопросы применения указанного способа защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан. Использованы такие научные методы как индукция, дедукция, обобщение и формально-логический анализ.
Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, неимущественные отношения, опровержение информации.

В теории гражданского права известно, что личными неимущественными благами, охраняемыми гражданским законодательством, являются честь, достоинство, деловая репутация граждан Донецкой Народной Республики.

Уважение и неприкосновенность этих неимущественных благ часто нарушаются посредством опубликования недостоверной информации в средствах массовой информации.

Под средствами массовой информации принято понимать телевидение, радиовещание, печатные средства массовой информации и Всемирную сеть Интернет.

Стоит отметить, что в условиях развития современности и активного научно-технического прогресса, средства массовой информации образуют неотъемлемую составляющую нашего общества. Кроме того, средства массовой информации приобретают новые функции, тем самым рынок социальной коммуникации становится

площадкой для ведения предпринимательской деятельности и размещения собственного медиаконтента.

Также, многие авторы выделяют средства массовой информации, как «четвертую власть» в государстве, оказывающую колоссальное влияние на граждан.

Необходимо отметить, что под недостоверной информацией принято понимать сведения, не соответствующие действительности или представленные в искаженной форме, тем самым содержащие информацию о событиях и явлениях, которых не существовало или же данные, которые были искажены.

Понятия защиты чести, достоинства, а также деловой репутации гражданина включают в себя множество методов, одним из которых является опровержение недостоверной информации порочащей честь, достоинство и деловую репутацию граждан в средствах массовой информации.

Так, основной целью опровержения данной информации является восстановление чести, достоинства и деловой репутации гражданина до исконного состояния, которое было с момента начала правонарушения. Однако, необходимо понимать тот факт, что подобный метод имеет ряд фундаментальных теоретических и практических проблем.

А.Л. Анисимова под опровержением информации подразумевает доведение до круга лиц, в среде которых сведения были распространены, информации о признании судом несоответствия их действительности [1, с. 30].

В свою очередь, С.В. Потапенко не является сторонником данного мнения и критикует определение понятия опровержения, указывая на то, что подобное определение является односторонним, выделяющим в понятии опровержения далеко не главный признак «доведение до круга лиц», которое относится скорее к исполнению решения суда об опровержении, чем к содержательной части этого понятия [2, с. 12].

Гражданским Кодексом Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР), а именно частью 2 статьи 197 регламентировано право физического лица на требование в судебном порядке опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Кроме того, опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о физическом лице, или другим аналогичным способом [3].

Стоит отметить существование отдельного ряда методов, реализующих опровержение недостоверной информации как способа защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан, список которых законодательно не является исчерпывающим перечнем и представляет собой довольно актуальную проблему для законодательного усовершенствования.

Анализируя судебную практику можно заметить, что форма опровержения по своей сути крайне разнообразна, а именно:

1. Замена документа, содержащего сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию гражданина;

2. Публикация (аудиовизуальное сообщение, выступление на собрании), не имеющая отношения к публикации;

3. Публикация (в форме презентации в средствах массовой информации определенного текста, включая содержание, на которое суд ссылается в резолютивной части решения), включая публикацию решения суда [4].

Некоторые ученые-юристы склонны считать, что одной из возможных форм опровержения информации является извинение перед пострадавшей стороной, поэтому для нас представляется целесообразным дальнейшее рассмотрение соизмеримости извинения и причиненного ущерба в последующих исследованиях.

По мнению других юристов, извинение является довольно слабой формой опровержения недостоверной информации, так как оно не несет за собой каких-либо

положительных изменений вследствие причиненного ущерба и в полной мере не реабилитирует авторитет лица, к которому общество стало хуже относиться [5].

М.Н. Малеина квалифицирует извинения как самостоятельный способ защиты и определяет его наряду с компенсацией неимущественного вреда и опровержением, при этом не только по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан, но и при защите любого неимущественного права [6].

На наш взгляд извинение представляет собой все же нематериальную форму компенсации морального вреда, но при этом и не является самостоятельным способом защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан.

В целом, извинение, как форма опровержения информации порочащей достоинство, честь и деловую репутацию законодательно не регламентировано Гражданским Кодексом Донецкой Народной Республики, а также не закреплено и в нормах других правовых актов.

Опровержение информации как одна из форм защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан имеет ряд существенных проблем, а именно:

1. Не все субъекты общества могут обладать информацией об опровержении недостоверных сведений;
2. Проблема убеждения общественности в преобладающем мнении по отношению к лицу, которое было опорочено недостоверной информацией;
3. Опровержение не предоставляет лицу, о котором была предоставлена недостоверная, клеветническая информация, дополнительные возможности и средства влияния на общество с целью восстановления его чести, достоинства и деловой репутации.

Анализируя все вышесказанное, отмечаем, что эффективность данного способа проявляется только при вынесении судебного решения.

Также, некоторые ученые считают, что подобное решение будет эффективно только в случае его опубликования в средствах массовой информации либо же в каких-либо крупных периодических изданиях.

К этому способу защиты в соответствии с частью 2 статьи 197 ГК ДНР прилагается дополнительный механизм, заключающийся в возможности адекватно реагировать на публикации негативного плана посредством опубликования ответа гражданина, о котором в средствах массовой информации были опубликованы сведения, нарушающие его права или защищаемые интересы законно.

Выбор того или иного способа защиты своих прав и законных интересов лицом, чья честь, достоинство и деловая репутация были нарушены при разрешении конфликтов, зависит не только от воли этого лица, но и от наличия или отсутствия условий, предусмотренных в законе и от возможности их применения.

Исходя из этого, гражданин имеет право требовать от средств массовой информации опровержения сведений, которые порочат его достоинство, честь и деловую репутацию, а также противоречат действительности.

Кроме того, за гражданином остается право ответа либо комментария по поводу сложившегося инцидента в тех же средствах массовой информации. Если в первом случае оба требования реализации опровержения необходимы для их применения одновременно, то во втором случае одного из требований достаточно для защиты ваших прав с помощью такой процедуры, как публикация ответа.

Так, предлагаем часть 2 статьи 197 ГК ДНР, сформулировать следующим образом: «Информация, порочащая честь, достоинство или деловую репутацию физического лица и распространяемая в средствах массовой информации, должна быть опровергнута в тех же средствах массовой информации, которым была распространена. Кроме того, физическое лицо, в отношении которого в средствах массовой информации была распространена вышеуказанная информация, имеет право потребовать и опровержения, и публикации своего ответа».

Подводя итог надо отметить, что актуальным является усовершенствование норм законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан посредством внесения изменений в действующее законодательство Донецкой Народной Республики, регламентирования понятия опровержения информации в средствах массовой информации для того, чтобы предусмотреть более эффективный механизм защиты указанных нематериальных благ от диффамации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации. – М., – 2001.
2. Потапенко С. В. Опровержение как способ защиты от диффамации в СМИ // Юрист. – 2. – № 2.
3. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС Принят Постановлением Народного Совета от 13.12.2019, действующая редакция по состоянию на 28.12.2021 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 01.02.2022)
4. Егорова, Н.Д. Гражданское право: Учебник: В 3 т. 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Н.Д. Егорова, И.В. Елисеева. – М., 2004. – Т. 1. – 596 с.
5. Карасик, Л.В. Проблемы защиты деловой репутации юридических лиц и пути решения / Л. В. Карасик, Н. В. Полянская // Территория науки. – 2013. – №5. – 124-130 с.
6. Малеина М.Н. Возложение обязанности принести извинение как способ защиты неимущественных прав // Законодательство. – 2009. – № 11. – 10 – 16 с.

REFUTATION OF INFORMATION IN THE MASS MEDIA AS A WAY TO PROTECT THE HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION OF CITIZENS

Annotation. In the scientific article, the object of this research is social relations and the issues under consideration related to the protection of honor, dignity and business reputation of citizens. The issue of considering the concept of refutation of false information discrediting the honor, dignity and business reputation of citizens in the mass media is relevant. The article also discusses the features and problems of the implementation of the refutation method. The paper examines the normative legal acts of the Donetsk People's Republic regulating the use of this method of protecting the honor, dignity and business reputation of citizens. Such scientific methods as induction, deduction, generalization and formal logical analysis are used.
Keywords: honor, dignity, business reputation, non-property relations, refutation of information.

Selyanko Ya.
Scientific supervisor: Evtushenko V.E., assistant
Donetsk National University
E-mail: yaroslava.selyanko@mail.ru

УДК 347.7

РАСПОРЯЖЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Сидоренко А.А.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности лицензионных договоров и договоров об отчуждении исключительного права как договорных форм распоряжения исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности. Проанализированы законодательные нормы зарубежных стран, связанные с отчуждением авторского права, на основании чего автором сформулировано предложение по совершенствованию отечественного законодательства.
Ключевые слова: интеллектуальная собственность, распоряжение, отчуждение, лицензионный договор.

В современном обществе всё более широкое значение приобретают результаты интеллектуальной деятельности, включая средства индивидуализации, что свидетельствует о необходимости эффективного регулирования прав на такие объекты. Для данной сферы многозначащим событием было вступление в силу Гражданского Кодекса Донецкой Народной Республики в июле 2020 года, где книга четвертая посвящена нормам, регулирующим права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Так или иначе, но данная тема характеризуется множеством дискуссионных вопросов относительно распоряжения исключительными правами.

Термин «интеллектуальная собственность» на международном уровне впервые был применен в Конвенции, учреждающей Всемирную Организацию Интеллектуальной собственности, подписанной в Стокгольме в 1967 году. Во второй статье Конвенции сказано, что «интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к: литературным, художественным и научным произведениям, исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио – и телевизионным передачам, изобретениям во всех областях человеческой деятельности, научным открытиям, промышленным образцам, товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям, защите против недобросовестной конкуренции, все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях» [1].

Согласно данному понятию, интеллектуальную собственность можно разделить на две категории: промышленная собственность и авторское право. В свою очередь, промышленная собственность включает в себя такие объекты интеллектуальной собственности как: патенты на изобретения, товарные знаки, промышленные образцы и географические указания. Авторское право объединяет в себе следующие объекты интеллектуальной собственности: литературные произведения (романы, стихи), кинофильмы, музыку, художественные произведения (рисунки, живописные произведения, фотографии и скульптуры).

Таким образом, следует отметить, что Конвенция содержит перечень того, что можно отнести к объектам интеллектуальной собственности, но само понятие интеллектуальной собственности не раскрывается.

На сегодняшний день, в Донецкой Народной Республике, термин «интеллектуальная собственность» содержится в ст. 37 Конституции ДНР. Кроме того, термины «результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», определяются в книге четвертой Гражданского Кодекса ДНР.

Согласно ч. 1 ст. 1316 ГК ДНР интеллектуальной собственностью являются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана.

Одним из дискуссионных вопросов является оценка понятия «собственность» в рассматриваемом термине. Мнения ученых делятся на две категории: одни отождествляют права автора на продукт творчества с правом собственности на материальные вещи, другие считают, что такое право несводимо к праву собственности и представляет собой единое субъективное право, называемое исключительным.

По мнению О. В. Новосельцева, законодателю необходимо поставить право собственности и права на объекты интеллектуальной собственности на одном уровне, поскольку следует определять и фиксировать именно права на имущество во всём многообразии его объектов, а не только на вещи [2, с. 7].

С. В. Усольцева акцентирует внимание на сходство привязки к объекту в обеих конструкциях, поскольку «вещь без права» для права не существует, формулировка «обязуется передать вещь в собственность другой стороне» подразумевает переход права на вещь [3, с. 54].

Что касаемо сторонников второй концепции, то, к примеру, И. А. Зенин говорит о том, что в данном случае невозможно говорить о правомочии владения, поскольку объекты интеллектуальной собственности неосязаемы в отличие от вещей, и тем самым исключается осуществление фактического господства в отношении таких объектов [4, с. 12].

По нашему мнению, отождествление термина «собственность» с вещным правом и объектами материального мира является нецелесообразным, так как владеть можно и правами, а сам термин собственность означает принадлежность, а не материальный характер, что имеет отражение в римском праве [5, с. 89].

Однако следует учитывать тот момент, что невозможно применить правовой режим собственности, используемый в отношении материальных объектов, к результатам нематериального характера. Современные ученые полагают, что к отношениям, связанным с использованием последних, следует применять режим исключительных прав.

В соответствии со ст. 1317 ГК ДНР, исключительные права являются имущественным правом и могут отчуждаться, что свидетельствует о монополии правообладателя на использование результатов интеллектуальной деятельности. Следовательно, если на законодательном уровне «не закреплены исключительные права на конкретные результаты интеллектуальной деятельности, то эти результаты не являются конфиденциальными, любое лицо может использовать эти достижения свободно и безвозмездно».

Результаты творческой деятельности людей неразрывно связаны между собой. Как писал советский ученый-юрист: «Творческий результат есть выражение личности автора, одно из проявлений прав человека» [6, с. 15]. Поэтому следует подчеркнуть, что автору результата интеллектуальной деятельности принадлежат как имущественные, так и личные неимущественные права. Однако неимущественные права осуществляются независимо от имущественных прав автора, т. е. сохраняются за ним в случае перехода его имущественных прав к другому лицу, а также действуют бессрочно.

Таким образом, личные неимущественные права не входят в понятие «исключительные права», следовательно, необходимо считать более правильным подход, при котором «под исключительными правами понимают лишь имущественные права, способные переходить к другим лицам», а само понятие «интеллектуальная собственность», если оно предусмотрено в законодательстве страны, следует рассматривать как условный термин, который обозначает совокупность личных неимущественных и исключительных (имущественных) прав.

В соответствии с гражданским законодательством, правообладатель исключительного права на объект интеллектуальной собственности имеет право пользования и распоряжения. Распоряжение исключительным правом на объект интеллектуальной собственности осуществляется как путем полной передачи исключительного права другому лицу (производному правообладателю), так и посредством временного предоставления права использования этого объекта.

Правообладатель может распорядиться принадлежащим ему исключительным правом любым не противоречащим закону способом. К договорным формам распоряжения исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности относятся такие виды договоров как лицензионный, договор об отчуждении исключительного права, договор коммерческой концессии и другие. Статьей 1464 ГК ДНР прямо предусмотрено, что договоры об отчуждении патента, лицензионный договор, а также другие договоры, посредством которых осуществляется распоряжение исключительным правом на изобретение, полезную модель или промышленный образец, заключаются в письменной форме и подлежат государственной регистрации.

Исполнение государственной функции по регистрации перехода исключительного права или предоставления права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в Донецкой Народной Республике осуществляется Государственным Комитетом по науке и технологиям. Однако в настоящий момент отечественная практика относительно государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности отсутствует, поскольку законодательство в данной сфере только формируется. Важным событием в области интеллектуальной деятельности было принятие Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 27 октября 2021 г. №83-2 «О государственной регистрации изобретений и полезных моделей», а также Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 10 января 2022 г. № 1-3 «О регулировании отношений в сфере интеллектуальной собственности».

Основное различие между лицензионным договором и договором об отчуждении исключительного права выражается в способе распоряжения исключительным правом. Первый в отличие от второго не подразумевает передачу исключительного права в соответствии с абзацем вторым п. 1 ст. 1325 ГК ДНР, где прямо говорится о том, что заключение лицензионного договора не влечет за собой переход исключительного права к лицензиату. Что касаемо договора об отчуждении исключительного права, то к нему применяются такие конструкции как «передача исключительного права» и «переход исключительного права», что нельзя применить к определению лицензионного договора.

Согласно положениям лицензионного договора, исключительное право на объекты интеллектуальной собственности сохраняется за лицензиаром и не может ни передаваться, ни переходить лицензиату. Последнему лишь предоставляется право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, и только в пределах тех прав и теми способами, которые предусмотрены лицензионным договором.

Предоставляемые лицензии могут быть исключительными и неисключительными. По неисключительной лицензии лицензиату предоставляется право использования результата интеллектуальной деятельности с сохранением за лицензиаром права выдачи лицензий третьим лицам, по исключительной лицензии лицензиар не сохраняет за собой права выдачи лицензии другим лицам в пределах прав, предоставленных по исключительной лицензии (статья 1328 ГК ДНР).

Анализируя практику Российской Федерации, следует отметить, что не редки случаи, когда при заключении договоров стороны путают термины отчуждение исключительного права и предоставление исключительного права использования, поэтому необходимо четко разграничивать эти понятия при подготовке и заключении договора.

Таким образом, отчуждение исключительного права заключается в отказе от права в пользу другого лица за вознаграждение, если договором не предусмотрено иное [7, с. 117]. Исключительное право по договору об отчуждении передается только в полном объеме, определение долей не допускается. Исключительное право на объекты патентного права: изобретения, полезные модели и промышленные образцы, отчуждается только в полном объеме правовой охраны объекта (статьи 1449, 1460 ГК ДНР).

Сравнивая законодательство таких стран как ФРГ [8], Австрия [9] и Швейцария [10], необходимо иметь в виду, что отчуждение авторского права не предусмотрено и такие сделки являются ничтожными, что никогда не находило своего отражения в отечественном законодательстве [11, с. 159]. Публикаторы обязаны заключать с авторами только лицензионные договоры, ограниченные во времени. Такое законодательное решение отражает волю государства встать на путь защиты прав

авторов и могло бы быть полезным примером для законодателей Донецкой Народной Республики.

В заключение следует отметить, что в связи с динамично развивающимся в Донецкой Народной Республике законодательством, в том числе регулирующим правоотношения в области интеллектуальной собственности, важно учитывать принимаемые изменения в законодательных и подзаконных нормативных актах и предпринимать необходимые действия во избежание негативных последствий несоблюдения требований законодательства и затягивания процедуры государственной регистрации договоров. Для того, чтобы избежать отток научной и творческой интеллигенции из Донецкой Народной Республики необходимо развивать правовое регулирование оборота объектов интеллектуальной собственности. Именно чёткое, научно обоснованное, отвечающее интересам авторов и правообладателей правовое регулирование будет способствовать развитию творческого и научного потенциала заинтересованных лиц и государства в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5059/ 6c73e02b171eefba4b464fc94f2a927a 44695084/ (дата обращения: 30.01.2022).
2. Новосельцев О. В. Системный анализ кодификации интеллектуальной собственности // История государства и права. – 2008. – № 3. – С. 6-11.
3. Усольцева С. В. Интеллектуальная собственность: проблемы гражданско-правового оборота // Юридический мир. – 2007. – № 2. – С. 52-56.
4. Зенин И. А. Право интеллектуальной собственности. – М., 2011. – 567 с.
5. Бредихин Г.П. О соотношении понятий собственности и владения в гражданском праве // Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод человека и гражданина: сб. науч. ст. и тезисов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 88–93.
6. Коршунов Н. М. Интеллектуальная собственность. М. : Норма, 2008. – 572 с.
7. Бредихин Г.П. Правовая природа и развитие института авторского права в России // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2018в. № 2 (47). С. 157–163.
8. Закон ФРГ об авторском праве. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.urheberrecht.de/urheberrechtsgesetz/ (дата обращения: 01.02.2022).
9. Закон Австрии об авторском праве. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Ab frage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10001848 (дата обращения: 01.02.2022).
10. Закон Швейцарии об авторском праве. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.admin.ch/ (дата обращения: 01.02.2022)
11. Бредихин Г.П. Правовая природа и развитие института авторского права в России // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2018в. № 2 (47). С. 157–163.

DISPOSAL OF EXCLUSIVE RIGHTS TO INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

Annotation. The article discusses the characteristic features of license agreements and agreements on the alienation of exclusive rights as contractual forms of disposal of exclusive rights to intellectual property objects. The legislative norms of foreign countries related to the alienation of copyright are analyzed, on the basis of which the author formulated a proposal to improve domestic legislation.
Keywords: intellectual property, disposal, alienation, license agreement.

Sidorenko A.
Supervisor: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: sidorenko.anna.2001@gmail.com

УДК 341.4

АНАЛИЗ ДЕЯНИЙ, КВАЛИФИЦИРУЕМЫХ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЭКОЦИД, БИОЦИД, ГЕНОЦИД

Сокур А.С.
Научный руководитель: Одегова Л.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной статье рассматриваются генезис и различные подходы в научной литературе к определению следующих понятий: «экоцид» «биоцид», «геноцид». Проанализировано закрепление перечисленных понятий на международном уровне. Проведён анализ судебной практики и случаев из мировой истории по рассматриваемым деяниям. При этом необходимо отметить, что деяния, квалифицируемые как преступления экоцида, биоцида, геноцида, носят неоднозначный характер ввиду того, что анализируемые уголовно-правовые преступления не являются распространёнными. При этом случаи из мировой истории преступлений экоцида, биоцида, геноцида представляют собой несомненный научный и исследовательский интерес.
Ключевые слова: международные преступления, экоцид, биоцид, геноцид, преступления против мира и безопасности.

Деяния, квалифицируемые как международные преступления, в частности, экоцид, биоцид, геноцид, связаны с негативными и необратимыми последствиями для благополучного существования человека и окружающей его среды обитания. Одной из наиболее актуальных проблем на сегодняшний день является вопрос охраны окружающей природной среды и её отдельных компонентов, а также вопросы существования самого человека в условиях ухудшения экологического состояния среды его обитания. Указанная проблема по своему значению является сопоставимой с проблемой поддержания и укрепления международного мира и безопасности.

Растительный и животный мир, водные объекты, атмосфера, земля и её недра в совокупности образуют биологическую среду обитания человека. При этом исследуемые деяния направлены на то, чтобы значительно ухудшить либо уничтожить окружающую природную среду обитания человека и других живых организмов, что, в свою очередь, приведёт к ухудшению благосостояния человеческого существования. Следует добавить, что существует угроза возникновения обстоятельств, которые могут повлиять на полное или частичное вымирание человеческого рода на конкретной территории, а также могут оказать негативное воздействие на деторождение.

В целях дальнейшего детального анализа изучаемых международных преступлений необходимо остановиться на рассмотрении этимологии таких понятий как экоцид, биоцид и геноцид:

❖ Термин «экоцид» берет свои истоки от греческих и латинских корней: «oikos» (греч.) – дом, жилище, родина; «caedere» (лат.) и «cida» (греч.) – убивать, уничтожать.

❖ В свою очередь, понятие «биоцид» также происходит от греческих и латинских корней: «βίος» (греч.) – «жизнь»; «caedo» (лат.) – «убивать».

❖ Понятие «геноцид» аналогичным образом в своём формировании исходит от греческих и латинских корней: «genos» (греч.) – род; «caedere» (лат.) и «cida» (греч.) – убивать, уничтожать.

Таким образом, исходя из анализа этимологии рассматриваемых понятий можно констатировать, что в греческих и латинских корнях данных терминов присутствует общий признак – активные действия, которые направлены на уничтожение жизни в целом, т.е. человечества, окружающей среды обитания и жизни в широком смысле.

Важно отметить, что термин «экоцид» был введен в научный оборот американским ученым, профессором Йельского университета Артуром Гальстоном в 1970 году [1, с. 41], однако до сих пор продолжаются споры о том, кто же из учёных

впервые ввёл понятие «экоцид». Акт экоцида создаёт угрозу экологической катастрофы и состоит в устойчивом нарушении функционирования экологических систем, приводя к уничтожению их биологического разнообразия.

При этом в научной литературе существуют различные подходы к определению понятия «экоцид». Так, под экоцидом понимается полное уничтожение экосистемы (в широком смысле), а также данное понятие рассматривается по составляющим критериям: нанесение ущерба атмосферному воздуху, водным и лесным ресурсам, уничтожение растительного и животного мира, что может привести к экологической катастрофе (в узком смысле) [2, с. 39].

Например, Э. Л. Милованов и Е. А. Вейцман понимают под «экоцидом» преднамеренное губительное воздействие на окружающую среду. По мнению Н. Е. Яценко, экоцид – это лишь уничтожение среды обитания человека. Полагаем, что приведенные дефиниции не позволяют в полной мере и всесторонне охарактеризовать изучаемое деяние. Можно констатировать, что различные вариации формулировок данного понятия сходны в том, что экоцид предполагает активные действия с целью ухудшения или уничтожения природной среды.

Необходимо отметить, что на международном уровне различные международные организации и сообщества активно занимаются проблемами сохранения экологии, нормального состояния окружающей среды, способами искоренения и предотвращения возможного вредного на нее воздействия на ранних стадиях. При этом в международном праве отсутствует унифицированное и полноценно характеризующее экоцид понятие. Например, в Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду [3] вообще не был использован термин «экоцид», однако, в положениях данного международного акта заложены основы для определения этого преступления.

Так, используемый в данной Конвенции термин «средства воздействия на природную среду» относится к любым средствам для изменения – путем преднамеренного управления природными процессами – динамики, состава или структуры Земли, включая ее биоту, литосферу, гидросферу и атмосферу, или космического пространства. Однако данные установления формируют лишь основу для определения экоцида и не являются полным и всеобъемлющим его понятием.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно отметить, что экоцид как преступление против мира и безопасности человечества представляет собой международное экологическое преступление, которое совершается как в период вооруженного конфликта или военных действий, так и в мирное время с целью нанесения ущерба окружающей среде и антропогенным объектам, которое влечёт за собой экологическую катастрофу и угрозу безопасности человечеству [4, с. 141].

Следует также обратить внимание, что негативным результатом деяний, квалифицируемых как экоцид, является вред, наносимый окружающей природной среде и её отдельным компонентам, в первую очередь, и непосредственно человеку, во вторую очередь. При этом деяния экоцида играют негативную роль, которая оказывает неблагоприятное воздействие на окружающую природную среду, результатом чего может стать реальная угроза экологической катастрофы. В таком случае международное сотрудничество государств и международных организаций должно быть направленно на всестороннее развитие и защиту окружающей среды, в связи с чем, возникает необходимость криминализации экоцида на международном уровне [5, с. 234].

В свою очередь, научные трактовки понятия «биоцид» по своему существу в большинстве случаев совпадают с дефиницией экоцида. Так, если биоцид признаётся преступлением при наступлении необратимого разрушения окружающей среды, то экоцид влечет ответственность только лишь при создании возможности наступления этого последствия (экологической катастрофы).

Важно отметить, что отличительным признаком акта биоцида является целенаправленное применение бактериологического и биологического, токсинного и химического оружия, которые предназначены для выведения из строя личного состава противника и сохранения боевой техники, оружия, боеприпасов и других материальных ценностей [6, с. 9].

В научный и политический оборот термин «геноцид» впервые был введен правоведом, криминологом, будущим американским прокурором на Нюрнбергском процессе Рафаэлем Лемкиным в книге «Основное правило в оккупированной Европе», которая была издана в 1944 году в Вашингтоне.

Важно отметить, что в научной литературе латинская часть рассматриваемого термина не вызывает сомнений, при этом в отношении греческой части имеется вариативность научных мнений. Некоторые исследователи несколько иначе объясняют происхождение данного термина. Так, понятие «геноцид» берёт свои истоки не в соответствии с греческим словом «genos» – «род, племя», а в соответствии с греческим словом «genesis» – «происхождение», и считают, что данное слово в большей мере отражает содержание термина «геноцид», потому что тот имеет более широкое значение, которое не ограничивается биологическим и этногенетическим компонентами.

На международном уровне в ст. 6 Римского Статута Международного Уголовного Суда [7] закреплено, что термин «геноцид» означает любое из следующих деяний, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

a) убийство членов такой группы;

b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

В соответствии со ст. 3 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [8] наказуемыми являются следующие деяния:

a) геноцид;

b) заговор с целью совершения геноцида;

c) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;

d) покушение на совершение геноцида;

e) соучастие в геноциде.

Анализируемые деяния являются международными преступлениями, т.к. посягательство осуществляется на международный мир и безопасность всего человечества, а также оказывают негативное воздействие на окружающую природную среду как биологическую основу существования человека и различных живых организмов, что, в свою очередь, подрывает экологическую безопасность на национальном и на международном уровнях.

Схожесть рассматриваемых понятий заключается в активной направленности действий на уничтожение родины в целом и рода, т.е. направлено на уничтожение человечества и окружающей его среды обитания. Так, экоцид направлен на то, чтобы подорвать либо уничтожить ее и, следовательно, вызвать ухудшение благосостояния населения, его здоровья, либо полное или частичное вымирание. При этом биоцид характеризуется целенаправленным использованием различных видов бактериологического и химического оружия. Геноцид, в свою очередь, носит массовый характер, избирательный способ действия и направлен на уничтожение безопасных условий существования национальной, этнической, расовой, религиозной или иной группы населения.

Проведённый анализ судебной практики по рассматриваемым деяниям, позволяет отметить, что судебные прецеденты в данном случае носят неоднозначный характер, поскольку преступления экоцида, биоцида, геноцида не являются распространёнными. Однако всё же возможно привести случаи из судебной практики, а также из мировой истории в отношении данных преступлений.

Так, в отношении деяний, квалифицируемых как экоцид, можно припомнить случай из мировой истории, когда земли Карфагена были засыпаны солью. Приведённый случай относится к периоду Пунических войн, происходивших ещё до нашей эры. Более ста лет земля Карфагена, распаханная и посыпанная солью в знак вечного проклятия, стояла пустой. Только в 29 году до н.э. здесь было разрешено селиться людям, в результате чего возник новый Карфаген – один из крупных городов римской колонии, – с прямыми улицами, амфитеатром, форумом и другими признаками римской цивилизации [9].

В отношении вынесенных судебных решений по статье «экоцид» можно привести в пример случай, который на порталах судебных решений по результатам поиска не отображается, а только лишь упоминается в открытых информационных ресурсах. Важно отметить, что поиск судебной практики по статье «экоцид» в целом остаётся безрезультатным, хотя в действительности случаи, подпадающие под характеристики данного уголовно-правового состава, не так уж и редки.

Так, Следственный комитет Российской Федерации по факту водной блокады Крыма со стороны Украины возбудил уголовное дело по ст. 358 УК РФ «Экоцид». Со стороны Украины был перекрыт Северо-Крымский канал, что и послужило поводом для возбуждения уголовного дела. С 26 апреля 2014 года подача днепровской воды по каналу прекратилась в результате строительства дамбы, что привело к водной блокаде Крыма [10]. Однако, дальнейшего развития событий по данному факту событий не последовало, что, безусловно, затрудняет практическую часть данного исследования.

В отношении деяний, квалифицируемых как биоцид, можно привести в пример случай применения дефолианта «Оранжэйджент» во Вьетнаме из мировой истории. Так, в результате применения указанного дефолианта флора, фауна почвы многих районов Южного Вьетнама претерпели сильные изменения. Большую часть тропических лесов война превратила в саванны, территории которых в ряде районов и сейчас расширяются; многие прибрежные мангровые леса оказались полностью уничтоженными, и их спонтанное восстановление потребует многих сотен лет; потеряно плодородие на больших массивах пахотных земель. Содержавшиеся в дефолиантах диоксины привели к массовым патологиям у населения: у большого количества жителей возникли эндокринные и гормональные расстройства, изменилось содержание половых гормонов, гормонов щитовидной и поджелудочной желез, увеличился риск развития сахарного диабета и другие проблемы [11].

В отношении деяний, квалифицируемых как геноцид, можно привести в пример случай Нюрнбергского процесса. Так, на Лондонской конференции (26 июня по 8 августа 1945 года) странами-победительницами Второй мировой войны (в числе которых: СССР, США, Великобритания, Франция и другие) было подписано Соглашение об учреждении Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси – Нюрнбергский процесс. Устав Военного трибунала отражал согласованную позицию всех стран-участниц конференции, а также закреплял принципы, которые позже были утверждены Генеральной Ассамблеей ООН как общепризнанные в борьбе с преступлениями против человечества.

29 августа 1945 года был опубликован первый список главных военных преступников, который состоял из 24 нацистских политиков, военных, идеологов фашизма. Так, на скамье подсудимых были представлены государственные деятели нацистской Германии, в числе которых можно перечислить следующих: Рудольф Гесс,

Эрнст Кальтенбруннер, Альфред Розенберг, Вильгельм Кейтель, Герман Вильгельм Геринг, Роберт Лей и другие [12].

Военный трибунал, осуществив все необходимые процессуальные действия, признал подсудимых виновными в совершении ими преступлений против мира, военных преступлений, а также преступлений против человечности. Под преступлениями против человечности в данном случае подразумевалось следующее: политика преследований, репрессий и истребления тех граждан, которые были врагами нацистского правительства, или являлись подозреваемыми по перечисленным категориям, или рассматривались в качестве возможных врагов.

При этом важно акцентировать внимание, что ни в приговоре, ни в самом Уставе Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси не содержится термин «геноцид». При этом по своей сути и по содержанию под преступлениями против человечности, указанными в рассматриваемых документах, понимается именно преступление, квалифицируемое как «геноцид».

Таким образом, на основании проанализированных международных преступлений можно сделать следующий вывод. Экоцид, биоцид, геноцид представляют собой из наиболее тяжкие противоправные деяния, посягающих на мир и безопасность человечества. Анализируемые деяния направлены на то, чтобы поставить под угрозу либо уничтожить естественную окружающую среду обитания человека, тем самым вызвать ухудшение благосостояния населения, здоровья самого человека, а также повлечь гибель флоры и фауны, что может привести к полному или частичному вымиранию не только растительного и животного миров, но и человека. Кроме того, рассматриваемые преступления влекут за собой негативные последствия, угрожающие безопасности всего живого, а также могут привести к экологической катастрофе.

Анализ случаев экоцида, биоцида, геноцида из судебной практики и из мировой истории представляются неоднозначными, т.к. данные преступления совершаются достаточно редко. Судебная практика по деяниям, квалифицируемым как экоцид, биоцид, геноцид, носит неоднозначный характер, в том числе и потому, что представляет собой ограниченное количество дел, что также значительно затрудняет практическую часть исследования. При этом ограниченное количество судебной практики, которое существует, всё же показывает реальное отношение людей и должностных лиц к экологической ситуации, а также отражает действительность и эффективность действий, направленных на охрану флоры и фауны, а, соответственно, и самого человека.

Важно отметить, что охрана окружающей среды и её отдельных компонентов представляет собой глобальную проблему всей цивилизации, от решения которой зависит дальнейшее благоприятное существование человеческого рода в целом, а также поддержание международного мира и безопасности. На современном этапе развития все более распространенным является вред, причиненный экологической среде, который представляет собой ущерб экологии не только на конкретной территории, но и оказывает трансграничное влияние на окружающую среду, что представляет собой угрозу экологической катастрофы, а также создаёт угрозу международному миру и международной безопасности в целом.

Так, во избежание различного рода катастроф (в том числе и экологических катастроф), со стороны государств, в первую очередь, необходимо добросовестно исполнять международные обязательства, которые возложены на них в соответствии с различными международными актами, а также поддерживать диалог по наиболее важным вопросам в части сохранения и поддержания международного мира и безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Одегова Л. Ю., Сокур А. С. Генезис понятия «экоцид» / Л. Ю. Юдегова, А. С. Сокур // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 38-43.

2. Прохоров Л. А. К вопросу об определении содержания понятия «экоцид» / Л. А.Прохоров // Журнал: Очерки новейшей камералистики. – 2019. – № 1. – С. 38-40.
3. Официальный сайт ООН. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10.12.1976 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения 23.01.2022 г.)
4. Сокур А. С. Экоцид – преступление против мира и безопасности человечества / А. С. Сокур // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2020. – Вып. 12, том 4, часть 2. – С. 138-143.
5. Сокур А. С. Сравнительно-правовой анализ закрепления понятия «экоцид» в уголовном законодательстве стран ЕАЭС и ДНР / А. С. Сокур // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2021. – Вып. 13, том 4. – С. 233-238.
6. Берлявский Л. Г. Международное право. Словарь-справочник [Текст]: учебное пособие / Л. Г. Берлявский. – Москва: Юрлитинформ. – 2014. – 244 с.
7. Официальный сайт ООН. Римский Статут Международного Уголовного Суда [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf (дата обращения: 23.01.2022 г.)
8. Официальный сайт ООН. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 23.01.2022 г.)
9. Журнал русского географического общества «Вокруг Света». Последняя стена Карфагена [Электронный ресурс] URL: https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1372/ (дата обращения: 23.01.2022 г.)
10. Официальный сайт ТАСС. СК РФ возбудил уголовное дело об экоциде по факту водной блокады Крыма [Электронный ресурс] URL: https://tass.ru/proisshestviya/12210977 (дата обращения: 23.01.2022 г.)
11. Официальный сайт РИА Новости. Как Вьетнам пережил химические атаки США [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20180710/1524209085.html (дата обращения: 23.01.2022 г.)
12. Журнал международная жизнь. Нюрнбергский урок [Электронный ресурс] URL: https://interaffairs.ru/news/show/7957 (дата обращения: 23.01.2022 г.)

ANALYSIS OF ACTS QUALIFIED AS INTERNATIONAL CRIMES: ECOCIDE, BIOCIDE, GENOCIDE

Annotation. This article discusses the genesis and various approaches in the scientific literature to the definition of the following concepts: «ecocide», «biocide», «genocide». The consolidation of these concepts at the international level is analyzed. The analysis of judicial practice and cases from world history on the acts in question is carried out. At the same time, it should be noted that the acts qualified as crimes of ecocide, biocide, genocide are ambiguous due to the fact that the analyzed criminal offenses are not common. At the same time, cases from the world history of crimes of ecocide, biocide, genocide are of undoubted scientific and research interest.
Keywords: international crimes, ecocide, biocide, genocide, crimes against peace and security.

Sokur A.
Scientific adviser: Odegova L. U., candidate of law, associate professor
Donetsk National University
E-mail: nastya.sokur.555@gmail.com

УДК 347.214.2

К ВОПРОСУ О РАССМОТРЕНИИ КАТЕГОРИИ «НЕДВИЖИМАЯ ВЕЩЬ» В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Солоненко К.М.
Научный руководитель: Харжевская Т.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. На сегодняшний день практически отсутствуют специальные научные исследования в области недвижимых вещей, их классификации и правового режима. Задачей данной статьи является рассмотрение вопроса, относительно понимания категории «недвижимая вещь» в гражданском праве,

выявление ее природы, путем анализа действующего законодательства Донецкой Народной Республики, теоретических положений научной литературы с позиций научной обоснованности и практической целесообразности.
Ключевые слова: недвижимость, недвижимое имущество, материальный и недвижимый аспекты «недвижимой вещи», объекты гражданских правоотношений, правовой режим объектов гражданского оборота.

Появление гражданского законодательства, соответствующего общественному строю, подтолкнуло науку гражданского права к новым исследованиям источников соответствующей отрасли, их содержания. Однако, с этого момента до сегодняшних дней прошло мало времени (например, Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики был принят лишь в 2019 году), поэтому сейчас наблюдается недостаточность монографий, журнальных и газетных статей, публикаций, в которых бы проводился подробный анализ недвижимости, о которой говориться в нормах гражданско-правовых актов. Хотя, следует отметить, что данный вопрос привлекал внимание ученых гражданского права и ранее. Однако они утратили свою актуальность сегодня, в связи с выше упомянутыми изменениями в обществе, в том числе и в сфере гражданских правоотношений. Вследствие этого назревает необходимость новых, более глубоких исследований такого сложного института, как «недвижимые вещи».

Исследованием проблематики понятия «недвижимой вещи» занимались такие ученые как О. Ю. Скворцов, П. М. Виноградов, В. А. Абрамов, Д. И. Мейер, В. Б. Исаков, Е. Ю. Петров, С. А. Степанов, С. Гришаев.

Задачей данной статьи является рассмотрение вопроса, относительно понимания категории «недвижимая вещь» в гражданском праве, выявление ее природы, путем анализа действующего законодательства Донецкой Народной Республики, теоретических положений научной литературы с позиций научной обоснованности и практической целесообразности.

Свое правовое закрепление дефиниция недвижимой вещи, нашла место в ст. 166 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, которая определяет, что к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество. К недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений, если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством порядке [1].

Очевидно, что законодатель использует одновременно такие понятия как «недвижимая вещь», «недвижимое имущество» и «недвижимость». Отсюда возникает вопрос относительно соотношения этих понятий и их взаимосвязи. Надо отметить, что этот вопрос исследовался многими учеными. В юридической литературе существует две позиции по данному вопросу. Согласно первой позиции, «недвижимая вещь», «недвижимое имущество» и «недвижимость» – это тождественные понятия [2, с. 44], а согласно второй – это отдельные понятия, каждое из которых имеет свое собственное содержание [3, с. 9-10].

При определении недвижимой вещи в ч. 1 ст. 166 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики законодатель термины – «недвижимое имущество» и «недвижимость» указывает в скобках. Исходя из данного, можно сделать вывод о том, что закон отождествляет понятие недвижимой вещи с недвижимым имуществом и недвижимостью, используя их как синонимы. Также, анализируя данную статью,

можно сделать вывод о том, что определение осуществляется в контексте исключительно категории «недвижимая вещь», как некой отдельной единицы объекта гражданских прав. Что же касается понятия «недвижимое имущество», то под ним следует понимать совокупность вещей (недвижимых вещей), прав и обязанностей как отдельного объекта, принадлежащего определенному субъекту гражданских правоотношений. В данном случае категория «недвижимое имущество» является более широкой, включающей в себя категорию «неподвижная вещь». Совокупность недвижимых вещей составляет недвижимое имущество. «Недвижимость», в свою очередь, следует рассматривать как тождественное понятие по отношению к «недвижимому имуществу». Однако, Абрамов В.А. делает вывод о том, что понятие «недвижимость» имеет индивидуальное содержание и потому, должно пониматься не как синоним понятия «недвижимое имущество», а как совокупность объектов природы, которые не могут быть перемещены на земной поверхности в силу своего природного происхождения и размещения на Земле [4].

Исходя из ст. 166 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, «недвижимой вещи» присущи следующие характеристики:

1) Естественное происхождение. Главное место среди всех объектов гражданских прав в определении понятия недвижимой вещи традиционно предоставляется земельному участку, и это не безосновательно. Ведь именно земельный участок лежит в основе конструирования понятие недвижимой вещи. История правового регулирования земельного оборота свидетельствует о том, что понятие недвижимости возникло и развивалось именно через привлечение к гражданскому обороту земельных участков [5, с. 135]. Только земельный участок законодатель признает единственным и абсолютным объектом, который признается недвижимой вещью в силу ее объективной природы. Земля имеет свое природное происхождение, она не зависит от человека и создана без его участия.

2) Физическая фиксированность вещи в пространстве и невозможность перемещения без обесценивания или изменения назначения. Теоретически, движимые и недвижимые вещи различаются по признаку их способности к перемещению без повреждения и без уменьшения своей ценности. Под недвижимостью понимается прежде всего часть земной поверхности и все то, что с ней связано настолько прочно, что данная связь не может быть расторгнута без нарушения вида и цели вещи. Недвижимость объекта понимается как невозможность его перемещения без обесценивания объекта и изменения его назначения. Именно фиксированность земли (неразрывно связанных с ней объектов) в пространстве и невозможность их перемещения являются главным признаком неподвижности. Она служит критерием распределения вещей на движимые и недвижимые.

Рассматривая данный признак, нельзя не уделить внимание вопросу подземных объектов, поскольку Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики в ст. 166 при определении недвижимой вещи указывает только некоторые объекты: «К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество. К недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений, если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством порядке». Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики не раскрывает перечень подземных объектов сполна.

Сегодня широко распространяется строительство подземных многоэтажных магазинов, автомобильных паркингов, подземных пешеходных переходов. Основное их отличие заключается в том, что они являются объектами, физически находящимися под землей. В данном случае, в законодательстве Донецкой Народной Республики должно найти свое отражение правовое регулирование недвижимых подземных объектов.

3) Юридический характер, то есть государственная регистрация прав на неподвижную вещь. Правовую природу объектов, расположенных на земельном участке, можно определить с помощью такой юридической конструкции, как составная часть вещи. Если сравнивать ч. 1 ст. 166 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики и ч. 1 ст. 170 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, то можно увидеть неразрывную взаимозависимость указанных статей. В ч.1 ст. 170 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики говориться о том, что недвижимой вещью, участвующей в обороте как единый объект, может являться единый недвижимый комплекс – совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие), либо расположенных на одном земельном участке, если в государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь. Если указанную норму переложить в дефиницию недвижимой вещи, то под ней будет пониматься вещь, составной частью которой является земельный участок и другие объекты, расположенные на ней, что в своей совокупности образуют один единый недвижимый объект, составные части которого не могут быть отделены от нее без ее повреждения или существенного обесценивания.

Классификация вещей на движимые и недвижимые, а соответственно и дефиниция недвижимой вещи в ст. 166 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики основана исключительно на физических свойствах самих объектов. Признак невозможности перемещения объекта недвижимости без его обесценивания и изменения назначения имеет оценочный характер. Попытка привязать понятие «недвижимая вещь» к физическому пониманию недвижимой является не достаточно оправданным и наносит определенный вред. Поскольку, к сожалению, сегодня критерии, которые указывает законодатель для отграничения недвижимых вещей от других объектов расположенных на земельном участке является недостаточно эффективным и не отражает реальную правовую действительность, а его применение является крайне неоднозначным.

В свое время Д. И. Мейер, который писал о том, что нет необходимости в том, чтобы «юридическое деление имущества на недвижимое и движимое совпадало с физической недвижимостью или движимостью вещей: в области права это деление имущества имеет то значение, что одни определения связываются с имуществом недвижимым, другие – с имуществом движимым; но действительно ли имущество, признаваемое по закону недвижимым, неподвижно по своей природе, или оно движимое – это все равно; и даже если, например, законодатель найдет нужным какое-либо определение, что связано с недвижимым имуществом распространить и на имущество движимое, то определение это будет применяться и к движимому имуществу, и наоборот» [6, с. 96].

Наиболее правильным на пути определении категории «недвижимая вещь» в гражданском праве является ее двойных характер – материально-юридическая природа. В. Б. Исаков отмечал, что определенные категории в праве могут плодотворно изучаться только в том случае, если они понимаются в единстве материального и юридического моментов. Именно в этом находит свое выражение один из важнейших

методологических принципов юридической науки – неразрывная анализ юридической формы и материального содержания общественных отношений [7, с. 7-8].

Под материальным (фактическим) содержанием понятия недвижимой вещи следует понимать, что недвижимой вещью является предмет материального мира, который имеет определенные признаки (габариты, вес, цвет), непосредственно связанный с землей, перемещение которого в пространстве не является свободным и связано с определенными трудностями.

В юридическом понимании неподвижная вещь является объектом, который имеет специальный правовой режим. Е.А. Суханов отмечал, что именно правовым режимом (а не своими физическими свойствами) отличаются друг от друга различные объекты гражданского оборота, и именно эта их сторона имеет значение для гражданского права [8, с. 405-406].

При рассмотрении вопроса юридического содержания понятия недвижимой вещи, следует отметить «юридический характер» недвижимой вещи, что проявляется закреплением в законодательстве специальной системы средств, направленных на регистрацию недвижимости и фиксацию юридического перемещения недвижимых вещей (то есть, государственной регистрации прав на недвижимые вещи). Именно вокруг государственной регистрации прав на недвижимость и возникает основной вопрос: действительно ли можно отнести государственную регистрацию в признак, характеризующий объект как недвижимую вещь?

В литературе по поводу этого сложилось две противоречащие позиции. По мнению одних авторов, таких как Е.А. Суханов [8, с. 403-404], А. М. Козырь, недвижимостью признается не всякое имущество, которое прочно связано с земельным участком, а лишь то, права на которое зарегистрированы. Другой позиции придерживаются такие авторы, как В. В. Ветрянский, Е. Ю. Петров [9, с. 183], С. А. Степанов [10, с. 29], С. Гришаев [11, с. 107]. И, согласно их работам, государственная регистрация прав на недвижимость рассматривается только как следствие объективно принадлежащих объектам свойств, закрепленных законодательством. Государственная регистрация является юридическим фактом закрепления специального правового режима на объект, который физически существует, и потому, сам объект от факта государственной регистрации недвижимым не становится. Этот объект физически остается в действительности недвижимой вещью.

В ст. 166 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики также выделяется два вида объектов, которые относятся к недвижимым вещам:

1) Вещи, которые являются недвижимыми по своей природе – земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

2) Вещи, которые определяются недвижимыми в силу закона – такие объекты, которые по своим свойствам являются недвижимыми и не связанные с земельным участком, но в силу прямого указания закона на них распространяется режим недвижимой вещи (воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания).

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать следующие выводы. Понимание «недвижимой вещи» содержит в себе два аспекта: первый аспект – материальный (по своей природе), второй – юридический аспект (по своей природе).

Выделение первого вида недвижимых вещей (вещи, недвижимые по своей природе) необходимо для установления физических качеств вещей и главного признака, который характеризует недвижимую вещь – непосредственную связь объекта с землей, перемещение которого невозможно без его обесценивания и изменения их назначения. Указанное дает возможность определить, какие виды объектов относятся к

недвижимым вещам. Второй вид (недвижимые в силу закона) по своим физическим свойствам является подвижным (то есть, вещи могут относительно свободно перемещаться в пространстве и не связаны физически с землей), но в силу нормы закона гражданский оборот таких вещей осуществляется по правилам, которые присущи лишь для недвижимых вещей. Сам же объект от факта его государственной регистрации меняет исключительно юридические свойства, но не физические.

В итоге, при рассмотрении категории «недвижимая вещь» в широком понимании с точки зрения предложенной материально-юридической природы, государственная регистрация в качестве правового средства формирования правового режима «недвижимой вещи» является составляющей юридического аспекта понятия «недвижимой вещи». С точки зрения материально-юридической природы, указанные вещи, на которые распространен правовой режим недвижимой вещи, и которые лишены материального содержания, могут рассматриваться как «квазинедвижимость».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский Кодекс ДНР: Закон ДНР №81-IIНС от 13.12.2019 (ред. по сост. на 28.12.2021). Официальный сайт Народная Совета ДНР [Электронный ресурс]-Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/(дата обращения: 25.01.2022).
2. Скворцов, О.Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте [Текст] / О.Ю. Скворцов. – М.: Волтерс Клувер, 2016. – 368 с.
3. Виноградов, П.М. Правовое регулирование природной и рукотворной недвижимости [Текст] : автор. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.03 / Виноградов Павел Николаевич ; Московский государственный университет Правительства Москвы. – М.: [б.в.], 2018. – 27 с.
4. Абрамов В.А. Недвижимость. Обзор практики разрешения споров. – М.: Ось-89, 2018. – 256 с.
5. Скворцов, О.Ю. Понятие недвижимости в гражданском праве [Текст] / О.Ю. Скворцов // Известия Высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. – No 4. – С. 131 -140.
6. Мейер, Д. И. Русское гражданское право [Текст] / Д.И. Мейер. – Монография. – 10-е изд. / Под. ред. Вицын А. – Петроград : Склад изд. В Юрид. книж. Маг. Н.К. Мартынова, 1914. – 640+42 с.
7. Исаков, В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования [Текст] / В.Б. Исаков. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – 128 с.
8. Гражданское право [Текст] : В 4 т. Том I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2017. – 720 с.
9. Петров, Е.Ю. Понятие, признаки и выди недвижимости [Текст] / Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: «Статут». – Екатеринбург: Институт частного права, 2012. – Вып. 2. – С. 179-202.
10. Степанов, С.А. Недвижимое имущество в гражданском праве [Текст] / С.А. Степанов. – М.: Статут, 2004. – 223 с.
11. Гришаев, С. Понятие и виды недвижимого имущества [Текст] / С. Гришаев // Хозяйство и право. – 2006. – №12. – С. 102-108.

TO THE QUESTION OF CONSIDERATION OF THE CATEGORY «IMMOVABLE THING» IN THE CIVIL LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. To date, there are practically no special scientific studies in the field of immovable things, their classification and legal regime. The objective of this article is to consider the issue of understanding the category «immovable thing» in civil law, identifying its nature, by analyzing the current legislation of the Donetsk People's Republic, the theoretical provisions of scientific literature from the standpoint of scientific validity and practical expediency.
Keywords: real estate, real estate, material and immovable aspects of «immovable things», objects of civil legal relations, legal regime of objects of civil turnover.

Solonenko K.
Scientific adviser: Kharzhevskaya T.S., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: Sol-kriis@mail.ru

УДК 343.2

ВИНА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Солоненко К.М.
Научный руководитель: Ушакова К.С., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается вина как одно из базовых понятий уголовного права. Приводится сравнительный анализ характеристик вины в уголовном праве Донецкой Народной Республики и зарубежных стран. Анализу были подвергнуть углового-правовые нормы Общей и Особенной части Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики, а также стран Швейцарии и Франции, в которых изложены общие принципы вины, нормы, устанавливающие формы и виды вины, используемые при квалификации уголовно-наказуемых деяний. Вина является главным и единственным элементом субъективной стороны, в которую уже входят мотив, цель и эмоции, а последние – могут служить смягчающими либо отягчающими обстоятельствами.
Ключевые слова: вина, субъективная сторона преступления, уголовное законодательство, интеллектуальный и волевой элементы, уголовное право.

О преступной вине написано если не все, то, конечно, очень многое. Проблематика вины, казалось бы, до нитки исследована, все мысленные пути давно протоптаны, а поэт-мыслитель предупреждает: «Не ходи по проторенным дорогам, а то поскользнешься». А значит, ещё необходимо искать новые пути. Приведенный выше отрывок о проблеме вины в уголовном праве взят из работы, написанной почти полвека назад. Однако содержащееся в нем утверждение по-прежнему остается актуальным. Проблематика вины по-прежнему является предметом рассмотрения науки уголовного права. В то же время, однако, мы, похоже, не уверены сегодня в том, что такое вина в уголовном праве, как следует излагать ее сущность, какова правильная теория вины. Таким образом, решение проблемы вины на почве уголовного права по-прежнему является научной проблемой.

Лицо виновно, если оно совершило умышленное или по неосторожности противоправное деяние. В уголовном праве проводится различие между двумя формами вины – умыслом и неосторожностью. Для того, чтобы разобраться с формами и принципами вины, необходимо дать определение понятию вины. Понятие вины – это основополагающее понятие уголовного права.

Актуальность данной темы заключается в изучении внутренней сущности преступного деяния (субъективная сторона преступления), тех внутренних процессов, которые происходят в психике вменяемого лица во время совершения им предусмотренного уголовным Законом общественно опасного деяния. В прошлые годы вопросы вины подвергались основательному исследованию, что порождало существование большого количества интересных и ценных мнений, отдельных уголовно-правовых теорий.

В юридической литературе вопросам вины в уголовном праве уделялось внимание в трудах ученых Российской империи, советских ученых и современных ученых Российской Федерации – Л. С. Белогриц-Котляревского [1, с. 145], С. В. Бородина [2, с. 27], А. А. Герцензона [3, с. 267], И. Т. Голякова [4, с. 85], П. С. Дагеля [5, с. 77], Ю. А. Демидова [6, с. 56], М. Д. Дурманова [7, с. 335], Г. А. Злобина [8, с. 257], М. М. Исаева [9, с. 91], В. Е. Квашиса [10, с. 76] и др. Цель данной статьи заключается в раскрытии и исследовании содержания субъективной стороны преступления на современном этапе развития уголовного права Донецкой Народной Республики и зарубежных стран. Объектом исследования служат научные статьи и труды современных отечественных криминалистов.

Субъективная сторона создает психологическое содержание преступления, поэтому является его внутренней, в сопоставлении с объективной, стороной. И хотя, объективная сторона преступления составляет его фактическое содержание и может быть непосредственно воспринята лицами, которые находятся на месте преступления во время его совершения, а последствия преступления могут восприниматься и после его совершения, то субъективная сторона непосредственному восприятию людьми подвергнута быть не может. А значит, субъективная сторона состава преступления – это его психическое отношение к совершенному им общественно опасному деянию и его последствий [11, с. 26].

Значение субъективной стороны состоит в том, что благодаря ее правильному определению: осуществляется надлежащая квалификация деяния и его отграничения от других преступлений; устанавливается степень общественной опасности деяния; осуществляется индивидуализация наказания преступника, решается вопрос об освобождении от уголовной ответственности и наказания. Процессы, происходящие в психике человека, делятся на эмоциональные, интеллектуальные и волевые. На основании указанных процессов психики содержание субъективной стороны состава преступления определяется с помощью юридических признаков, которые ее составляют, – таких, как вина, мотив, цель, эмоциональное состояние. Они представляют различные формы психической активности, но в то же время они взаимозависимы. Это явления с самосуществующим содержанием, в структуре субъективной стороны они не поглощают друг друга, имеют разное, только им присущее, правовое значение.

Согласно закону, вина может проявляться в форме умысла или неосторожности. А умысел подразделяется на прямой и косвенный, неосторожность – на преступное легкомыслие и преступную небрежность. Такие формы и виды вины конструируются в зависимости от содержания и соотношения интеллектуального и волевого элементов и характеризуют психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям. Интеллектуальный элемент определяет факторы, принадлежащие к сознанию лица, а волевой – факторы, принадлежащие воле лица. В зависимости от формы вины преступления делятся на умышленные и неосторожные. В определенных случаях указание на форму вины даётся в Законе (статья 106 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики (далее УК ДНР) – убийство, статья 110 УК ДНР- убийство по неосторожности) [12], но в большинстве случаев форма вины определяется с иных признаков состава преступления, приведенных в тексте диспозиции. Так, очевидно, что преступления, где указан мотив, цель или если они вытекают из формулировки нормы, являются преступлениями умышленными (изнасилование, кража, вымогательство, незаконные действия в случае банкротства).

Ряд преступлений с материальным составом сконструирован таким образом, что отдельные признаки объективной стороны состава преступления характеризуются различными формами вины. Такое сочетание в одном и том же составе преступления различных форм вины (умысла и неосторожности) в теории уголовного права называется смешанной (двойной) формой вины [13, с. 59]. Следовательно, речь идет не о какой-то форме вины, которой законодательство не знает, а о сопряжении существующих форм, ведь умысел и неосторожность между собой не смешиваются, а существуют самостоятельно, хотя и в одном преступлении, характеризуя отношение виновного к различным признакам объективной стороны состава преступления: деянию и его последствиям. Например, со стороны исполнителя наблюдается намерение совершить действия и небрежность в отношении их последствий. Например, две формы вины в одном и том же преступлении, выраженные в причинении тяжких телесных повреждений, и это привело к смерти жертвы. При этом виновный осознавал опасность своих действий, предвидел последствия наступления, но в виде причинения тяжкого

вреда здоровью. Но это не распространяется на умышленное причинение смерти жертве.

Есть две разновидности смешанной формы вины. В первой разновидности сущность смешанной вины заключается в том, что у субъекта преступления присутствует психическое отношение виновного к совершенному им общественно опасному деянию и к его последствиям. Вторая разновидность смешанной формы вины представляет собой разное психическое отношение к двум разнородным и неодинаковым по тяжести последствиям, являющихся результатом одного общественно опасного деяния [14].

УК Швейцарии не содержит понятия вины, но выделяет две ее формы и дает их определение. В ст. 18 указано, что если закон точно не устанавливает иное, то наказывается тот, кто совершает преступление или проступок умышленно. Эта же норма устанавливает: «умышленно совершает преступление или проступок тот, кто совершает преступное деяние с проявлением сознания и воли». Другой формой вины является неосторожность. Она имеет место, «если преступное деяние совершается таким образом, что лицо вследствие противоречащей долгу опрометчивости не учитывает последствия своего преступного поведения и не принимает их во внимание: опрометчивость есть противоречащая долгу, если лицо не соблюдает меры предосторожности, которые оно обязано предпринять в силу обстоятельств или его личных качеств». Аналогичное правило установлено и во французском праве: на наказуемость неосторожных деяний законодатель указывает специально. Если прямого указания нет, то ответственность наступает только за умышленное совершение преступного деяния [15, с. 301].

Действующий Уголовный кодекс Франции также не содержит общего определения вины. В доктринальных источниках по уголовному праву конструкция вины основана на концепции общей вины, которая характеризует любое преступное деяние. Общая вина – это «минимальный» психологический признак, без которого вообще не может быть никакого преступного деяния. Во французском уголовном праве терминологические трудности возникают при определении форм вины, однако можно выделить следующие формы: преднамеренная вина или преступные намерения (la faute intention-tionnelle); непреднамеренная вина или вина по неосторожности или уголовная вина (la faute pop intentional ou faute penale); предполагаемая вина или вина в нарушениях (la faute presume ou faute contractionnelle). Согласно действующему Уголовному кодексу Франции, все преступления являются только умышленными действиями. Большинство преступлений также совершаются умышленно [16, с. 56].

Субъективная сторона состава – преступления-это внутреннее содержание преступления, это те психические процессы, которые проходят в сознании лица, когда оно совершает преступление, это его психическое отношение к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям. В результате проведенного исследования с целью более полного раскрытия содержания вины в уголовном законодательстве Донецкой Народной Республики и отдельных зарубежных стран, устранения противоречий и пробелов в Донецкой Народной Республики, а также учета в его положениях достижений теории уголовного права были сформулированы следующие выводы: в законодательстве Донецкой Народной Республики нет единого понятие вины. Что касается стран Швейцарии и Франции, то в их законодательствах тоже отсутствует понятие вины. В соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики вина проявляется в форме умысла и неосторожности. Во Французском уголовном законодательстве можно выделить следующие формы – намеренную вину, нечаянную вину, презюмируемую вину. Что касается уголовного законодательства Германии, то действующий УК Швейцарии упоминает две формы вины: умысел и неосторожность, однако не раскрывает содержания этих понятий.

Итак, из всего вышеперечисленного можно сделать следующий вывод: на сегодняшний день во многих странах отсутствует определение понятия вины. Вследствие чего, можно дать следующее определение данного понятия: «вина – это психическое отношение лица к совершаемому общественно-опасному деянию и его последствиям, выражающееся в форме умысла или неосторожности». Уголовное законодательство не закрепляет определение умысла, так же как и вины. Оно раскрывается через содержание ее видов. Вследствие чего, можно дать следующую трактовку понятия: «умысел представляет собой осознание лицом характера и степени своих общественной опасности и уголовной противоправности своих действий (бездействий), определяющее положительно-волевое отношение к последствиям».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части Коллекции ЭБ . – Киев: орд. проф. Ун-та св. Владимира Л. С. Белогриц-Котляревского, 1903. – 618 с.
2. Бородин С.В. Преступления против жизни. – Москва: Юридический центр Пресс, 2003. – 33 с.
3. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая: Учебное пособие. – Москва: РИО ВЮА, 1948. – 496 с.
4. Голяков И.Т., Савицкий М.Я., Чхиквадзе В.М., Советское военно-уголовное право. – Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР , 1941. – 284 с.
5. Дагель П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та , 1969. – 78-88 с.
6. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценки в уголовном праве. Москва: Юрид. лит., 1975. – 182 с.
7. Дурманов Н.Д., Герцензон А.А., Исаев М.М. Уголовное право. Общая часть: Учебник. – Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 408 с.
8. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. – Москва: Юрид. лит., 1972. – 264 с.
9. Исаев М.М. Труды Военно-юридической академии Красной Армии. // Москва: Изд-во ВЮА, 1947. – С. 91-124.
10. Квашис В.Е., Побегайло Э.Ф. Теоретические основы установления вины: Учеб. пособие.. – 3-е изд. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 125-126 с.
11. Субъективная сторона преступления / В.Д. Иванов, С.Х. Мазуков. – Ростов н/Д : Булат, 1999. – 31 с.
12. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://d№r-o№li№e.ru/dow№load/ugolov№yj-kodeks-d№r/ – Название с экрана.
13. Назаренко Г.В. Вина в уголовном праве: Монография. Орёл, 1996. 96 с.
14. Куликов А.В. Двойная форма вины: понятие, виды, конструкция составов, квалификация: Автореф. дис. ...канд. наук. Свердловск, 1990.
15. Вступ. ст. Ю. Н. Волкова; Науч. ред., предисл. и пер. с нем. А. В. Серебренниковой. Уголовный кодекс Швейцарии . – СПб: Юрид. центр Пресс, 2002. – 348 с.
16. Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом. Некоторые проблемы ответственности. – М.: Буквовед, 2008. – 320 с.

WINES IN THE CRIMINAL LAW OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation. This work considers guilt as one of the basic concepts of criminal law. The article provides a comparative analysis of the characteristics of guilt in the criminal law of the Donetsk People's Republic and foreign countries. The analysis was made to subject the angular legal norms of the General and Special parts of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic, as well as the countries of Switzerland and France, which set out the general principles of guilt, the norms that establish the forms and types of guilt used in the qualification of criminal offenses. The author of this work argues that guilt is the main and only element of the subjective side, which already includes motive, purpose and emotions, and the latter can serve as mitigating or aggravating circumstances.
Keywords: guilt, subjective side of crime, criminal legislation, intellectual and volitional elements, criminal law.

Solonenko K.
Scientific adviser: Ushakova K.S., assistant
Donetsk National University
E-mail: Sol-kriis@mail.ru

УДК 346.9

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИНЦИПОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Сомов Д.А.
Научный руководитель: Савельева В.А., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам эффективности реализации принципов судебного разбирательства в современном арбитражном процессе. Рассмотрены судебные прецеденты, касающиеся несоблюдения принципов арбитражного процесса.
Ключевые слова: принципы, судебное разбирательство, арбитражный процесс.

Одной из гарантий правового порядка в экономической деятельности в государстве является высокая эффективность работы арбитражных судов. Ключевой составляющей данной эффективности в целом является обеспечение реализации отдельных элементов правосудия, в частности его принципов.

Термин «эффективность» происходит от латинского слова и дословно переводится как результат, следствие каких-либо причин. Эффективный означает дающий эффект, но не любой, а именно тот, который принесет пользу, непосредственно приводящий к положительным результатам. Отсюда следует, что эффективность – это результативность целенаправленного действия.

В науке существует несколько подходов к понятию «эффективности». Согласно мнению одних ученых, эффективность определяется как результативность норм и институтов права, а измерять ее следует только лишь результатом, не учитывая сопутствующие элементы.

Согласно другой точке зрения, в понятие эффективности можно включить иные элементы, например, полезность (так называемая оценка пользы и вреда), экономичность нормы (материальные затраты) и ценность права, которые будут детализировать получение результата.

Под принципами арбитражного процесса выражаются основополагающие положения арбитражного процессуального права, составляющие центральные правовые идеи, на основе которых строятся все арбитражные процессуальные нормы и институты, а также те, которые, в свою очередь, и определяют построение арбитражного процесса, который обеспечивал бы вынесение законных и обоснованных решений.

Именно с точки зрения законодателя на характер и содержание современного судопроизводства по рассмотрению и разрешению арбитражными судами экономических и иных подведомственных им споров находят свое непосредственное отражение в принципах арбитражного процессуального права. Тема эффективности применения принципов судебного разбирательства является актуальной, так как такие понятия как открытость и прозрачность судебной системы прямо связаны с принципами судебного разбирательства в арбитражном процессе. Данные принципы выступают ориентиром для правового государства.

Реализация принципов – это общетеоретическая проблема, позволяющая выявить качество правоприменительной деятельности и уровень правосознания субъектов права. Данной проблеме посвящено достаточно много научных исследований в общей теории права, а именно изучением занимались такие авторы как: Воронов А. Ф. [1], Моисеев С. В. [2], Зиатдинов А. В. [3] и другие. На практике дело обстоит иначе. Если рассматривать количество отмененных судебных актов по мотиву нарушения именно принципов арбитражного процесса, то официальной статистики мы не увидим. Такое

основание может быть указано при отмене акта, но не в качестве основного, а как дополнительное. Это обусловлено тем, что в законодательстве нет четкого закрепления, что в случае нарушения принципов арбитражного процесса судебное решение или постановление подлежит отмене. Однако, на практике существуют такие случаи. Ярким примером служит Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 15.03.2010. В ходе исследования дела от ЗАО «Дорога» к ОАО «Кировский завод» о взыскании убытков в свою пользу в результате совершения взаимосвязанных сделок, в ходе которых действия ответчика были направлены на уменьшения стоимости активов Кировского завода, где истец является акционером. В результате рассмотрения дела судом первой инстанции ОАО «Кировский завод» был освобожден от возмещения убытков перед ЗАО «Дорога» из-за отсутствия предоставленных ответчиком документов. Такое же решение вынесла апелляционная и кассационная инстанции. Однако Высший Арбитражный суд РФ отменил вышеизложенные решения мотивируя это тем, что в ходе расследования были нарушены требования ч.2 ст. 9 АПК РФ, которая закрепляет принцип состязательности процесса, тем самым обязав пересмотреть решения с учетом предоставленных ОАО «Кировский завод» документов, касающихся данного дела. [4]

Несмотря на законодательное закрепление принципов в Арбитражном процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики (далее АПК ДНР), существует проблема их неконкретного характера, дублирования друг друга. Такого мнения придерживаются многие ученые, среди которых Боннер А.Т. [5]. В качестве примера он приводит ст. 162 АПК РФ (163 АПК ДНР) – исследование доказательств в арбитражном процессе, т.е. принцип непосредственности. [6] [7]

Принцип непосредственности состоит в том, что судьи, которые рассматривают и разрешают дело, должны лично и самостоятельно, без какого-либо вмешательства воспринимать собранные доказательства, участвовать в их исследовании путем заслушивания всех сторон участвующих в деле, третьих лиц, свидетелей, экспертов, специалистов, изучения и осмотра письменных и вещественных доказательств и т. п. Решение может быть основано только на тех доказательствах, которые были исследованы арбитражным судом первой инстанции в судебном заседании.

Стоит отметить, что АПК ДНР причисляет к средствам доказывания и иные документы и материалы. АПК ДНР не предъявляет каких-либо требований к форме данных документов и материалов, а лишь устанавливает обязательное наличие связи с содержанием в них сведений, которые имеют значение на разрешения дела. Особое внимание следует отнести к таким средства доказывания, как аудио- и видеозаписи.

Согласно части 2 статьи 163 АПК ДНР аудио- и видеозаписи воспроизводятся непосредственно в ходе судебного разбирательства и закрепляются в протоколе судебного заседания, что представляет принцип непосредственности судебного разбирательства. Данные материалы могут с точностью указать на наличие либо отсутствие события или обстоятельства, на которое ссылается одна из сторон. Поэтому, для проверки их достоверности и подлинности вместе с ними необходимо представлять и доказательства, идентифицирующие соответствующих лиц, их действия.

Судебное решение не должно основываться на доказательствах, которые не были исследованы судом в соответствии с нормами АПК. Однако, в судебной практике встречаются случаи пренебрежения указанным принципом со стренеры арбитражных судов. Можно привести в пример решение Арбитражного суда Саратовской Области. Судья, удовлетворяя исковые требования истца основывался на показаниях третьего лица, которые были отобраны оперуполномоченным Орловым Д.А. Суд апелляционной инстанции отменяя данное решение и отказывая в иске указал, что представленные материалы не могут признаваться надлежащими доказательствами без допроса лица в ходе судебного заседания.

Но существует и позитивная практика. Примером является Резолютивная часть решения от 13 февраля 2020 г. по делу № А71-18685/2019. В данном деле истец, в виде АО «Сеть телевизионных станций» требует взыскать с ИП «Бахтиярова С.В.» компенсацию за использование товарных знаков истца и иное. В ходе разбирательства истец потребовал возместить неполученную прибыль за продажу данных товаров. В качестве доказательства было приложена видеозапись, которую суд не смог воспроизвести в ходе судебного заседания, и не удовлетворил требования истца в данной части. [8]

Еще одна категория принципов, которыми пренебрегают чаще всего – это нравственные принципы. В состав этих принципов входит справедливость, беспристрастность, уважение суда. Данные категории упоминаются, однако, не выделяются в качестве самостоятельных принципов арбитражного процесса. Так, Фурсов Д.А., не считает принцип беспристрастности состоятельным, и утверждает, что это псевдоводорослевой принцип.

Однако, его вывод не соответствует действительности. Существуют примеры как в нормах закона, так и в судебной практике, где данные принцип трактуется именно как беспристрастность. Так, согласно ч. 2 ст. 3 Закона ДНР «О статусе судей» судья, при вынесении решения, должен не давать сомнений в своей объективности, справедливости и беспристрастности. [9]

Для более детального изучения данного вопроса, необходимо обратиться к статистическим данным, которые бы отражали эффективность принципов судебного процесса. В пример можно взять объемный отчет арбитражных судов Российской Федерации за 2009 год, который показывает, что сохраняется тенденция пересмотра решений суда первой инстанции судами апелляционных и касасационых инстанции, проверяющих их законность и обоснованность. Так, обращений для пересмотров дел в апелляционной инстанции в 2009 году возросло на 4% и составило 15 % от общего числа дел, а в кассационной инстанцию поступило на 3% дел больше, что соответствует 12 % от общего числа дел. При этом 3% решений судов первой инстанции было отменено постановлением апелляционных судов, тогда как кассационная инстанция отменила 9% всех принятых апелляционной инстанцией постановлений. В надзорной инстанции было отменено около 0,5% от числа актов, принятых кассационной инстанцией. [10]

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, суды первой инстанции должны при вынесении решений строго придерживаться соблюдения принципов арбитражного процесса. Согласно статистике, существует ряд отмененных решений судов апелляционной или кассационной инстанции, именно по причине нарушений судьями этих инстанций основополагающих судебных принципов.

Во-вторых, необходимо более детально прописать все принципы в законодательных актах. Ведь именно правильное понимание и применение принципов помогает в практике рассмотреть и разрешить экономические споры, что и представляет конечную цель арбитражного процесса.

Таким образом, решая проблему эффективности принципов судебного процесса, можно обеспечить полное, объективное и законное разрешение всех споров в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбитражный процесс: Практикум: Учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / А. Ф. Воронов, С. В. Моисеев, В. М. Шерстюк; под. ред. А. Ф. Воронова. – М.: Статут, 2014. Струнская О. Процесс: изменения необходимы //эж-ЮРИСТ. –2005. –№ 15. – С. 23.
2. Моисеев С. В. Понимание принципа диспозитивности в арбитражном процессе. Москва. 2008.

3. Зиатдинов А. В. Проблемы эффективности принципов судебного разбирательства в арбитражном процессе. Пробелы в российском законодательстве. 2010.
4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 марта 2010 г. N 15800/09. URL: https://base.garant.ru/1794882/ (дата обращения 28.01.2022)
5. Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. 2015.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 24.07.2002 №95-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения 31.01.2022)
7. Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики : Закон Донецкой Народной Республики № 277-IIНС от 30.04.2021 URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/arbitrazhnyj-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения 31.01.2022)
8. Резолютивная часть решения от 13 февраля 2020 г. по делу № А71-18685/2019. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/zxvj89lbXQVn/?page=50&arbitral-judge=&arbitral-court=&arbitral-case_doc=&arbitral-date_from=&arbitral-lawchunkinfo8C&arbitral-date_to=&_=1643608742171&arbitral-region=&snippet_pos=7034#snippet (дата обращения 31.01.20220
9. Закон Донецкой Народной Республике «О статусе судей» № 242-IНС от 31.08.2018. URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-statuse-sudej/ (дата обращения 31.01.2022).
10. Пояснительная записка к статистическому отчету о работе арбитражных судов Российской Федерации в 2009 году // Официальный сайт Высшего Арбитражного Суда РФ. URL: http://www.arbitr.ru/news/totals (дата обращения 31.01.2022)

CHALLENGES TO THE EFFECTIVENESS OF JUDICIAL REVIEW PRINCIPLES IN ARBITRATION

Annotation. This article deals with the problems of effective implementation of the principles of litigation in the modern arbitration process. Judicial precedents regarding non-compliance with principles in arbitration proceedings were considered.
Keywords: principles, litigation, arbitration.

Somov D.
Scientific adviser: Saveleva V.V., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: dionisvds@gmail.com

УДК 343.2

ЗАРУБЕЖНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОДАЖУ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Сомов Д.А.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе анализируется законодательство стран с различными правовыми системами касательно ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. Выявлены схожие положения зарубежного законодательства с законодательством Донецкой Народной Республике в вопросе уголовной ответственности за данное деяние. Предложены способы улучшения отечественного законодательства в соответствии с мировым опытом регулирования запрета продажи несовершеннолетним алкогольной продукции.
Ключевые слова: несовершеннолетние, алкогольная продукция, продажа, уголовная ответственность.

Алкогольная продукция – это медленно действующий яд, который постепенно отравляет организм человека и способствует развитию новых заболеваний. Употребление алкоголя наносит существенный вред здоровью человека, в особенности

несовершеннолетнего. Основываясь на последних исследованиях влияния алкоголя на детский организм было выявлено, что в результате употребления алкоголя могут возникнуть проблемы с вегетативной нервной системой, сердечно-сосудистой системой, возрастает риск возникновения доброкачественных, а также злокачественных новообразований.

Проблема употребления несовершеннолетними алкогольной продукции является социальной проблемой не только в Донецкой Народной Республике, но и в других странах. Большинство государств решают эту проблему путем установления запрета на продажу алкогольной продукции несовершеннолетним.

Многие страны устанавливают уголовную ответственность за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним. Вместе с тем методы защиты прав несовершеннолетних от пагубного воздействия алкоголя зависят от исторических особенностей развития государства, уровня культуры и правосознания его населения, религии, развития правовой системы и ряда других факторов, которые складываются в каждом государстве индивидуально.

Целью работы является изучение законодательства различных государств для рассмотрения способов совершенствования законодательства ДНР в вопросах борьбы с незаконной продажей алкогольной продукции несовершеннолетним.

Для более детального изучения следует рассмотреть законодательства стран с различными правовыми системами.

Наибольший интерес вызывают страны романо-германской правовой семьи, к которой принадлежит законодательство большинства стран Европы, в том числе и Донецкой Народной Республики.

Статья 165 Уголовного кодекса Республики Сан-Марино устанавливает уголовную ответственность за снабжение несовершеннолетних вредными для здоровья веществами. Данная статья содержит норму о том, что лицо, которое снабжает или в любом ином случае предоставляет в распоряжение несовершеннолетнего в возрасте до 16-ти лет крепкие алкогольные напитки или другие вещества, которые по своим качествам или количеству либо по их использованию не соответствуют назначению наносят вред здоровью либо являются опасными для здоровья, подвергается наказанию в виде штрафа либо ареста, либо запрета на торговлю лицу, занимающееся торговлей [1].

Главной особенностью является то, что в структуре Уголовного кодекса Республики Сан-Марино указанная статья расположена в Главе «Преступления против личности», в отличии от Уголовного кодекса ДНР, где она расположена в Главе 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» [2].

В статье 136 Уголовного кодекса Швейцарии 1937 г. прописано, что тот, кто дает ребенку, не достигшему 16-ти лет, алкогольные напитки или другие вещества в количестве, которое может угрожать его здоровью, или наркотические вещества, или предоставляет их в распоряжение для потребления, – наказывается тюремным заключением или штрафом [3].

Стоит отметить, что указанная норма не содержит схожего с законодательством ДНР понятия «продажа», а оперирует иным понятием «выдача», которое включает в себя не только продажу, но и иные тождественные действия. Данный термин расширяет круг лиц, подлежащих уголовной ответственности. Существует довольно много случаев, когда несовершеннолетние получают алкоголь путем не прямой покупки, а при помощи старших по возрасту знакомых лиц либо случайных прохожих, которые приобретают алкогольную продукцию для них по их просьбе, что не подпадает ни под признаки состава статьи 157 УК ДНР (вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий), ни под признаки статьи 158 УК ДНР (розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции).

Сербское законодательство устанавливает уголовную ответственность за отпуск алкогольной продукции несовершеннолетним, которая предусмотрена 132 статьей УК Республики Сербии. Содержание данной норма отражено в Главе «Преступные деяние против здоровья населения и окружающей среды». Данная статья устанавливает, что отпускать алкогольные напитки в магазинах либо иных местах реализации разрешается лицам, достигшим 16-ти летнего возраста.

Особое место в данной правовой системе занимает Норвегия, которая является одной из стран, использующих наиболее строгую политику в вопросах продажи алкогольной продукции. В результате чего по потреблению алкоголя в литрах на одного человека Норвегия, среди европейских стран, занимает последнюю позицию.

Это обусловлено тем, что, во-первых, возраст разрешения продажи алкогольной продукции наступает с 20-ти лет, а во-вторых, для покупки любого вида алкогольной продукции необходима лицензия, которую не так просто получить.

Законодательство Норвегии устанавливает следующею меру ответственности за сбыт несовершеннолетним алкогольной продукции: от штрафов и 6-ти месячного тюремного заключения до лишения свободы на срок до 6-ти лет. Штраф может составлять до 3600 тысяч евро.

Еще одной важной правовой системой является англо-саксонская, представителями которой являются Соединенные Штаты Америки и Канада.

В законодательстве США также установлен запрет на продажу алкогольной продукции несовершеннолетним. Важной особенностью является то, что совершеннолетним в Соединенных штатах Америки признается лицо, достигшее 21-летнего возраста. Как и по многим правовым вопросам, каждый федеральный субъект государства самостоятельно устанавливает виды и формы ответственности за различные правонарушения.

Каждый штат имеет нормативно-правовой акт, регламентирующий почти всю законодательную деятельность. По общему правилу, в большинстве случаев в таких актах имеется самостоятельный раздел, посвященный регламентации деятельности по производству и продаже алкогольных напитков, а также ответственности за нарушения установленных норм.

Так, статья 603 Главы 23 «Алкогольные напитки» Устава штата Айдахо устанавливает, что лицо 18-ти лет и старше, которое продает или предоставляет алкогольные напитки, в случае если будут проданы или предоставлены алкогольные напитки, в том числе крепкий алкоголь, пиво или вино, лицу, не достигшему возраста двадцати одного года, считается виновным в совершении правонарушения, и по приговору может быть наказано штрафом от пятьсот до одной тысячи долларов [4].

Другой представитель данной системы, Канада, так же устанавливает ответственность за продажу алкоголя несовершеннолетним, которая утверждена Законом «о лицензировании и алкогольном контроле» 1996 года. Пункт 33 данного Закона гласит: «Лицо, не должно продавать, дарить или иным способом поставлять алкоголь несовершеннолетнему, иметь алкоголь в распоряжении в целях сбыта, предоставления или иной подачи его несовершеннолетнему, или позволять несовершеннолетним потреблять спиртные напитки в подконтрольном ему месте. Лицо, нарушающее этот запрет, совершает преступление и несет ответственность в случае его осуждения в виде штрафа в размере не менее 500 долларов». Несовершеннолетние, так же, как и в США, понесут наказание в случае покупки или потребления спиртного в лицензированном учреждении, а также в случае нахождения без законной причины в магазине продажи алкогольной продукции или в той части лицензионного учреждения, где пребывание несовершеннолетнего не допускается правилами. Размер штрафа широко варьируется, однако не может быть менее 100 долларов.

Характерной особенностью стран с мусульманской уголовно-правовой системой является то, что источниками права могут выступать религиозные писания, такие как Коран и Сунна. Важной особенностью является то, что в некоторых странах данной правовой системы полностью запрещена не только продажа алкогольной продукции несовершеннолетним, но и употребление, производство и распространение алкогольных напитков. Это обусловлено тем, что мусульманство запрещает употребление алкогольных напитков всем, вне зависимости от их возраста.

Наказание за любые действия, связанные с алкогольной продукцией установлены в религиозных источниках и звучат так, что любой, кто употребляет спиртное, подлежит избиению. Коран запретил употребление спиртного, но не указал размер наказания, а Сунна определила точную меру наказания за него 80 ударов плетью. Мусульманское законодательство некоторых стран напрямую использует положения Корана и Сунны при применении наказаний, другие же закрепили аналогичные нормы в законодательных актах [5].

Так, в развитой стране ближнего востока Саудовской Аравии до сих пор нет единого уголовного кодекса, который бы устанавливал единые нормы уголовной ответственности. В практической деятельности применение норм мусульманского уголовного права предусмотрено рядом отдельных уголовных законов. Так, виновные в употреблении алкоголя подвергаются телесному наказанию в виде 80 ударов плетьми. Данные нормы были принятые ещё в начале 30-х годов XX века.

Уголовные кодексы других мусульманских стран содержат положение о наказуемости мусульман за распитые спиртных напитков, а также отдельные законодательные акты, по которым ответственности подлежат как мусульмане, так и не мусульмане.

Особый законодательный интерес имеет закон об исламских уголовных наказаниях Республики Иран, который содержит целую главу, посвященную наказаниям за различные действия с алкогольной продукцией (сбыт, производства, продажа и иное). В соответствии с 165 статьей Закона употребление алкоголя подлежит нормированному наказанию в размере восьмидесяти ударов кнутом независимо от пола и возраста виновного лица [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что зарубежные страны в вопросе об уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции и вопросе о вреде причиняющих несовершеннолетним от воздействия алкоголя едины во мнении. Однако, уголовная ответственность в Донецкой Народной Республике предусмотрена лишь за одно действие – продажа, что существенно сужает круг субъектов преступления. Поэтому, мы предлагаем внести изменения в ст. 158 УК ДНР и ввести понятие «сбыт», вместо понятия «продажа». Так как понятие «сбыт» включает в себя: выдачу, снабжение, предоставление в распоряжение для потребления, оно может существенно расширить круг субъектов подлежащих уголовной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / Научное редактирование, вступительная статья вице-президента В о сточного – Европейского отделения Международной академии наук Республики Сан-Марино, профессора Московского института МВД РФ, докт. Юрид. Наук С.В. Максимова. Перевод с итальянского В.Г. Максимова. СПб, 2002. – 253 с.

2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/

3. Уголовный кодекс Швейцарии [Текст] / Моек. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; пер. с нем. А. В. Серебрякова. – Москва: Зерцало-М, 2001. – 135 с.

4. Лапин, Е. С. Расследование продажи несовершеннолетним алкогольной продукции [Текст] / Е. С. Лапин. – Саратов : Науч. ки, 2012. – 88 с.

5. Священный Коран [Электронный ресурс]. – Электрон, текстовые дан. – [Б. м.: б. и], 2013. – Режим доступа: http7⁄quran→online.ru (05.01.2022).
6. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран [Текст] / [пер. с перс. М. С. Пелевина]. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2008. – 342 с.

FOREIGN LEGISLATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR THE SALE OF ALCOHOLIC BEVERAGES TO MINORS

Annotation. This work examined the legislation of countries with different legal systems regarding liability for the sale of alcoholic beverages to minors. Similar provisions have been identified with the legislation of the Donetsk People's Republic in the matter of criminal liability for this act. There are proposed ways to improve domestic legislation in accordance with the world experience of regulating the prohibition of the sale of alcoholic beverages to minors.
Keywords: minors, alcohol products, sale, criminal liability.

Somov D.
Scientific adviser: Semykina L.A., PhD, associate professor
Donetsk National University
E-mail: dionisvds@gmail.com

УДК 341.64

ЗАЩИТА ПРАВА НА ЖИЗНЬ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Талпеко А.Д.
Научный руководитель: Соловьёва Ю.А., к.ю.н.
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье дана краткая характеристика деятельности Европейского суда по правам человека как постояннодействующего международного судебного органа, обозначены основные виды процессуальных решений, выносимых по итогу рассмотрения дел; проведен анализ практики Европейского суда по правам человека по рассмотрению жалоб, связанных с нарушением права на жизнь, что дало возможность автору оценить действенность данного механизма защиты.
Ключевые слова: права человека, право на жизнь, Европейский суд по правам человека, международная защита, механизмы защиты.

Право на жизнь является абсолютным, естественным и неотъемлемым правом каждого человека. Актуальность и неоспоримость регламентации такого права обусловлена, прежде всего, ценностью жизни каждого отдельного человека, именно поэтому любое правовое государство и мировое сообщество в целом признает необходимостью не только его закрепление, но и надлежащее исполнение. Так, задачей каждого государства является надлежащее обеспечение охраны и защиты права на жизнь от противоправных посягательств, угроз различного характера, а также создание всех необходимых условий (включая правовые, экономические, социальные, экологические и иные) для создания и поддержания достойного уровня жизни человека. На международном уровне, в свою очередь, закрепляются правовые стандарты во всех сферах прав человека, которые являются базисом для норм национального права. При этом международные стандарты в данной области формируют собой «идеальные» нормы права, которые созданы на добровольной основе, носят договорной характер и действуют между государствами в рамках их взаимодействия.

Научным разработкам в вопросах реализации и защиты права на жизнь посвящены труды А. А. Бахова, Р. Г. Вагизова, К. В. Жеребцовой, В. А. Мулюковой,

И. Г. Сердюковой, П. С. Чиверя и других ученых. Однако, несмотря на это, многие вопросы в настоящий момент остаются дискуссионными и требуют разрешения.

В связи с этим целью данной работы является рассмотрение анализ практики Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд) по рассмотрению жалоб, связанных с нарушением права на жизнь, что даст возможность оценить действенность данного механизма защиты.

Так, Конвенция о защите прав человека и основных свобод [1] выступает общеевропейской гарантией права человека на жизнь и закрепляет, что «право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание».

ЕСПЧ представляет собой постояннодействующий международный судебный орган, юрисдикция которого распространяется на все государства-члены Совета Европы, деятельность которого в том числе направлена на обеспечение соблюдения и исполнения норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция 1950 г.) и Протоколов к ней. Кроме того, в процессе рассмотрения дел, Суд может акцентировать внимание на «несовершенствах» в законодательстве конкретного государства, а также на существующих проблемах правоприменительной практики, что, несомненно, оказывает положительное влияние на «качество» регламентации вопросов защиты прав человека в национальном законодательстве.

Страсбургский суд на основании положений Конвенции 1950 г. полномочен рассматривать индивидуальные и межгосударственные жалобы в рамках своей юрисдикции. Так, индивидуальная жалоба может быть подана физическим лицом, группой лиц или неправительственной организацией, а межгосударственная – государством-членом Совета Европы. Также стоит отметить, что согласно ст. 35 данной Конвенции «Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права». Указанное положение является важным условием приемлемости жалобы.

В своей деятельности ЕСПЧ выносит три основных вида решений:

– решение о неприемлемости жалобы, оформленное в виде письма, адресованного заявителю;

– решение о неприемлемости или приемлемости жалобы в виде отдельного мотивированного документа;

– окончательное решение по делу, в котором Суд может признать нарушение прав человека [2, с. 111].

При этом важно отметить, что ЕСПЧ не может отменить или изменить решение, вынесенное государственным органом власти государства-ответчика; в своей деятельности не может давать прямые указания законодательным органам государства-ответчика; также не может контролировать или вмешиваться в судебную практику государств-ответчиков; не вправе давать органам государства-ответчика распоряжения о принятии мер, имеющих правовые последствия, или возлагать на них какие-либо обязанности [3, с. 278].

Переходя непосредственно к рассмотрению судебной практики ЕСПЧ по делам о нарушении ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, хотелось бы привести пример дела «Олевник-Цеплинска и Олевник против Польши» [4]. В анализируемом деле речь идёт о похищении Кшиштофа Олевника с целью получения выкупа от родственников. Однако спустя два года содержания в неволе и выполнения требований Олевник был убит похитителями.

В отношении государственных служащих, которые расследовали похищение К. Олевника, были возбуждены уголовные дела за превышение должностных

полномочий, халатность и бездействие в ходе расследования. В конечном счете, двое государственных служащих были оправданы, а остальные дела были закрыты. Наряду с этим польский Сейм создал специальную парламентскую комиссию для изучения действий полиции, прокуратуры, органов государственной управления и пенитенциарной службы по данному делу. Комиссия пришла к выводу, что «медлительность, ошибки, безрассудство и отсутствие профессионализма со стороны следователей привели к тому, что не удалось обнаружить виновных в похищении людей». Также комиссией было отмечено, что ошибки должностных лиц, возможно, «были преднамеренны и направлены на то, чтобы скрыть следы и уничтожить улики», поскольку часть из них предположительно оказывала поддержку преступной группе, виновной в похищении и убийстве Олевника.

Олевник-Цеплинска и Олевник (брат и отец жертвы) обратились в Страсбургский суд заявив, что национальные власти не смогли обеспечить сохранность жизни К. Олевника, а также провести эффективное расследование обстоятельств его похищения и убийства. По данному делу ЕСПЧ выделил ряд следующих нарушений со стороны правоохранительных органов: нарушения при сборе материалов для экспертизы, в процессе анализа звонков от похитителей, надлежащим образом не провели расследование сведений из анонимного письма о похищении жертвы, а также не проконтролировали передачу выкупа. Перечисленные нарушения свидетельствуют о ненадлежащем исполнении обязательств со стороны национальных властей, а также о факте нарушения обязательств по смыслу статьи 2 Конвенции 1950 г.

По делу «Олевник-Цеплинска и Олевник против Польши» ЕСПЧ установил, что государство «не создало надлежащей правовой и финансовой структуры для прокуратуры», чтобы эффективно противостоять таким преступлениям, как похищение людей, однако всё же признал усилия сотрудников прокуратуры при проведении внутренней проверки достаточными. Существенным недостатком в расследовании рассматриваемого дела также является и тот факт, что обстоятельства событий похищения не были полностью выяснены в течение 17 лет.

В качестве еще одного примера судебной практики ЕСПЧ по вопросам защиты права человека на жизнь, хотелось бы привести дело «Голубева против Российской Федерации» [5]. По версии сотрудников милиции можно изложить следующую ситуацию. Участковый уполномоченный Т. услышал выстрел и увидел нескольких подростков, которые утверждали, что в них только что стрелял мужчина, и указали на Ш. Последний вел себя агрессивно, в частности, замахивался лопатой на сотрудников милиции. Участковый приказал Ш. сдать оружие, однако тот отрицал наличие какого-либо оружия. После правонарушитель скрылся в своей квартире, запер дверь и отказался впустить сотрудника правоохранительных органов. Участковый не мог добиться открытия двери, в связи с чем решил забраться в квартиру через балкон. На место происшествия прибыл патруль. Ш. пытался помешать сотрудникам правоохранительных органов проникнуть на балкон, угрожал им убийством и размахивал предметом, похожим на оружие. Участковый в очередной раз обратился к Ш. с требованием сложить оружие, а также предупредил его, что будет стрелять и выстрелил в воздух. Ш. ударил участкового по голове тяжелым металлическим предметом, который он держал. Когда Ш. попытался ударить Т. вторично, Т. выстрелил в Ш., смертельно ранив его. Сотрудники милиции оттащили Ш. в спальню и немедленно вызвали медицинскую помощь. Врачи засвидетельствовали смерть Ш. и осмотрели участкового.

В Постановлении ЕСПЧ по делу «Голубева против Российской Федерации» отмечено, что оружия не было найдено в квартире Ш. при обыске, из чего следует, что Ш. не был вооружен. Однако Суд убежден, что на момент, когда сотрудники милиции пытались задержать Ш., они добросовестно полагали, что он был вооружен пистолетом

и агрессивен. Также Суд в этой связи указывает, что применение силы представителями государства для достижения одной из целей, перечисленных в п. 2 ст. 2 Конвенции 1950 г., может быть оправданным с точки зрения этого положения, если оно было основано на добросовестном убеждении, которое воспринимается, при наличии надлежащих оснований, как действительное в момент событий, даже если впоследствии оно оказывается ошибочным. Иная точка зрения возлагала бы нереалистичное бремя на государство и сотрудников его правоохранительных органов при исполнении обязанностей, возможно, в ущерб их жизням и жизням других лиц.

Важно отметить, что по обстоятельствам рассматриваемого дела ЕСПЧ постановил следующее: требования ст. 2 Конвенции в процессуальном аспекте нарушены не были; имело место нарушение ст. 2 Конвенции в материально-правовом аспекте; также Суд признал жалобу приемлемой в части убийства Ш., а в остальной части – неприемлемой.

Примечательно, что в деле «Хуохванайнен против Финляндии» [6] операция по задержанию, проводимая при аналогичных обстоятельствах, была признана совместимой с требованиями ст. 2 Конвенции 1950 г. Данный случай также заслуживает пристального внимания. Так, некий J. совершил вооруженное нападение, однако по материалам дела был установлен в качестве подозреваемого лица. У сотрудников полиции была информация о том, что J. ранее уже участвовал в вооруженной осаде, страдает параноидным расстройством личности, агрессивен, содержался в психиатрической больнице и отличается особо враждебным отношением к полиции. Сотрудники полиции и психолог предприняли несколько попыток связаться с J, однако они были безуспешными. В течение нескольких дней осады J. производил выстрелы в воздух, а позже поджег дом. Выйдя из дома с двумя единицами оружия, был застрелен двумя одновременными выстрелами сотрудниками полиции.

В свою очередь, финские власти утверждали, что смерть J. наступила вследствие трагического стечения обстоятельств, которые были вызваны, главным образом, поведением самого потерпевшего. Государство-ответчик подчеркивало, что сотрудники полиции вынуждены были действовать в условиях быстро меняющейся ситуации против хорошо вооруженного преступника, представлявшего серьезную угрозу для окружающих.

По данному делу ЕСПЧ указал, что использование огнестрельного оружия в данных обстоятельствах, хотя и заслуживает «сожаления» с учетом последовавшего летального исхода, не было несоразмерно и не выходило за пределы абсолютно необходимого для предупреждения непосредственной и действительной опасности, которая, по убеждению сотрудников полиции, угрожала жизням их коллег. В отношении требований ст. 2 Конвенции 1950 г. Суд подчеркнул, что финские власти предприняли все необходимые меры, чтобы установить истину. Таким образом, J. был лишен жизни в результате применения силы, которое не выходило за пределы абсолютно необходимого для защиты жизней сотрудников, находившихся вне бронетранспортера.

В контексте рассматриваемого вопроса, хотелось бы также отметить, что сегодня актуальной является вопрос исполнения решений ЕСПЧ. Дело в том, что проблемами неисполнения решений ЕСПЧ являются несовершенства законодательства и судебной системы, а вовсе не стремления государства защищать свой национальный суверенитет. Также при рассмотрении фактов нарушения права на жизнь, регламентированного Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, сложилась практика отказов от сотрудничества с Судом, которая проявляется в не предоставлении необходимых информации и материалов расследования, а предоставляемые факты носят поверхностных и неполный характер. В качестве примера хочется привести отказ в вызове свидетелей со стороны защиты в деле «Дорохова против Российской

Федерации» [7]. Так, анализируя отказ российского суда в вызове свидетелей со стороны защиты, ЕСПЧ отметил, что ходатайство об их вызове относилось к сути обвинений, однако возможность оправдания заявителя даже после допроса данных свидетелей оставалась «призрачной».

Таким образом, подводя итог можно отметить, что ЕСПЧ представляет собой независимый международный орган, учреждённый во исполнение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней. ЕСПЧ осуществляет контроль за соблюдением государствами-участниками прав и свобод человека, включая контроль за механизмом реализации и защиты основного права человека – права на жизнь. Государства-участники обязуются гарантировать и должным образом соблюдать права человека, а в случае нарушения закрепленных в Конвенции 1950 г. прав и свобод производить все необходимые действия в целях восстановления таких прав и свобод, а также в целях привлечения виновных лиц к ответственности.

Как показывает анализ практики ЕСПЧ, нарушение права на жизнь происходит повсеместно, во всех областях общественной жизни. Анализ, конкретных кейсов деятельности ЕСПЧ даёт понимание того, что бездействие или ненадлежащий уровень организации правоохранительной системы государства является не меньшей угрозой для права человека на жизнь, чем направленная преступная деятельность физического лица. Именно поэтому на сегодняшний день сформирована двухуровневая система защиты неотъемлемых прав человека, состоящая из внутригосударственного и международного права, а также специальных органов национальной и экстерриториальной компетенции. Такая система позволяет обеспечивать более эффективный уровень защиты, как права на жизнь, так и других неотъемлемых прав человека. Однако, как показывает анализ практики, она все ещё не является «идеальной» и нуждается в реформах, в первую очередь касающихся взаимодействия международных судебных органов и внутригосударственных правоохранительных органов. В этой связи государствам необходимо сосредоточить свои усилия на гармонизации внутреннего законодательства с международными стандартами в области защиты прав человека, а также на поиске приемлемых форм взаимодействия с международными органами, включая ЕСПЧ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод г. Рим, 4.XI.1950 г. // Сайт Совета Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols (дата обращения: 03.01.2022).
2. Дмитренко, А. А. Международное правосудие и защита прав человека (на примере деятельности Европейского суда по правам человека) / А. А. Дмитренко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2017. – С. 110-112.
3. Попова, Н. В. Европейский суд по правам человека как гарант соблюдения прав и свобод человека / Н. В. Попова // Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики. – 2015. – С. 277-280.
4. Дело «Олевник-Цеплинска и Олевник против Польши» // Сайт Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echr.ru/news/msg.asp?id_msg=5363 (дата обращения: 03.02.2022 г.).
5. Дело «Голубева против Российской Федерации» // Система «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12177746/ (дата обращения: 03.02.2022 г.).
6. Дело «Хуохванайнен против Финляндии» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://subscribe.ru/archive/law.europeancourt/200709/17090602.html (дата обращения: 03.02.2022 г.).
7. Дело «Дорохова против Российской Федерации» // Система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=94528#bu5AlwS4KPC7KSMz (дата обращения: 03.02.2022 г.).

PROTECTION OF THE RIGHT TO LIFE: ANALYSIS OF THE PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Annotation. The article gives a brief description of the activities of the European Court of Human Rights as a permanent international judicial body, identifies the main types of procedural decisions made as a result of the consideration of cases; the analysis of the practice of the European Court of Human Rights on consideration of complaints related to the violation of the right to life was carried out, which made it possible for the author to assess the effectiveness of this mechanism of protection.
Keywords: human rights, right to life, European Court of Human Rights, international protection, protection mechanisms.

Talpeko A.
Scientific adviser: Solovyova J. A., candidate of law, associate professor
Donetsk National University
E-mail: bfmv5@mail.ru

УДК 343.985.7

КОМПЬЮТЕРНАЯ ФОРЕНЗИКА И ЕЁ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Тимошенко Е.А.
Научный руководитель: Попов Б.И., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Исследуется роль форензики, как науки о расследовании киберпреступлений. Так, рост киберпреступности является ключевой предпосылкой и необходимостью для научных разработок, направленных на совершенствование законодательства в сфере противодействия преступности в сети Интернет, а также для расследования и раскрытия киберпреступлений, что и включает в себя форензика. В настоящей статье исследуется сущность и природа «форензики», возможность выделения новой отрасли, раздела, подраздела в криминалистике.
Ключевые слова: компьютерная криминалистика, форензика, киберприступность, цифровизация, исследование цифровых доказательств.

Ключевым событием способствующим социальному изменению современного цивилизованного общества является прорыв в конце XX века в области информационных технологий, после которого последовала массовая и стремительная компьютеризация и информатизация общества и государства в целом. Современный человек фактически неотделим от комплекса технических устройств, и он либо носит их с собой (мобильные телефоны, смартфоны, планшетные компьютеры и другие гаджеты), либо попадает в сферу их действия (камеры видеонаблюдения, видеорегистраторы, базовые станции мобильной связи), либо регулярно обращается к ним (социальные сети, интернет-ресурсы) [1, с. 18].

В связи с цифровой трансформацией общества и государства, изменения происходят также и в науке, что подтверждается проведением ряда исследований в области той или иной сфере человеческой деятельности, зарождением новых научных направлений, появлением новых разделов, подразделов определенной науки.

К примеру, актуальными направлениями развития современной отечественной криминалистики являются: дальнейшее совершенствование ее методологических основ, разработка и применение технико-криминалистических источников информации (электронные следы, компьютерные системы наблюдения, цифровые носители информации, компьютерные экспертизы и т. п.), создание на этой основе новых

методических рекомендаций по расследованию новых и изменяющихся прежних составов преступлений, их унификация и адаптация к современной практике правоприменения и т.п.[2].

В современных реалиях криминалистика соответствует развитию цифровых технологий, создавая средства и методы для возможности извлечения криминалистической значимой информации из нового вида носителей. Благодаря техническому прогрессу появляется возможность использования цифровых технологий в правоохранительной деятельности, что облегчает ее осуществление, ускоряет этап предварительного расследования и позволяет более полно формировать доказательственную базу по уголовному делу.

Так, следует отметить, что в настоящее время для борьбы с нарастающей проблемой киберпреступности существует такой раздел криминалистики как компьютерная криминалистика. В США компьютерная криминалистика получила название «computerforensics», что дословно переводится как «компьютерная экспертиза». При заимствовании слова из английского языка произошло сужение значения, поэтому в русском языке «форензика» означает не криминалистику в общем, а именно компьютерную криминалистику [3].

Так, форензика занимается сбором, исследованием, оценкой следов преступлений в компьютерной области, а также разрабатывает систему специальных приемов, методов и средств, применяемых в ходе предварительного следствия для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также при рассмотрении уголовных дел в судах. Такой автор как П. С. Пастухов указывает, что: «компьютерная криминалистика своим содержанием включает обнаружение, восстановление данных, собирание электронных доказательств, криминалистический анализ компьютерных средств и данных, направленных на раскрытие и расследование преступлений.

Другими словами, компьютерная криминалистика – это сбор, сохранение, анализ и представление данных, связанных с любыми компьютерными средствами, мобильными сотовыми телефонами, любыми устройствами, фиксирующими информацию в цифровой форме» [4, с. 453].

По мнению такого учёного как Н.Н. Федотова, «форензика – это компьютерная криминалистика, т.е. прикладная наука о раскрытии и расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, связанная с исследованием следообразования цифровых доказательств, а также методов их выявления и различного рода технических средств, используемых в ходе совершения и расследования преступления» [5, с. 11].

Такие авторы, как Н.В. Шувалов и А.Л. Снигирев придерживаются сходной позиции, однако, если придерживаться данного подхода к определению сущности форензики, не представляется возможным выделить место «форензики» в криминалистике, ввиду специфики обозначенных задач.

По мнению К.Е. Домина «криминалистическое исследование электронных носителей информации» относится к разделу «криминалистическая техника» [6, с. 175]. Представляется, что указанная теория может быть включена в качестве структурного элемента крупных теоретических построений, к которым, в частности, можно отнести частную теорию информационно-компьютерного обеспечения расследования, киберкриминалистику или предлагаемую «форензику» [7].

Такой автор, как **Анатолий Земцов** определил форензику как науку об исследованиях цифровых доказательств и методов поиска, получения и закрепления таких доказательств. По мнению эксперта компьютерная криминалистика помогает преобразовать важную для судебного спора информацию в электронном виде в юридически значимые сведения, которые будут признаваться доказательством в суде. Использование данного метода обеспечения электронных доказательств производится при обращении к специалистам в сфере компьютерной криминалистики.

Так, Д.Ю. Русанова представляет рассматриваемое понятие следующим образом: «цифровая криминалистика как отрасль криминалистики, изучающая обнаружение, фиксацию и дальнейшее использование в раскрытии и расследовании преступлений цифровых следов, образовавшихся в ходе преступных процессов, протекающих в «виртуальном мире» [8, с. 143].

Стоит также отметить, что на данный момент Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) содержит три состава преступлений в сфере компьютерной информации, которые содержатся в Главе 28 УК ДНР [9]. Термин же «компьютерные преступления» несколько шире, чем «преступления в сфере компьютерной информации». Он также охватывает те преступления, где компьютерная техника, программы, компьютерная информация и цифровые каналы связи являются орудиями совершения преступления или объектом посягательства. К таким преступлениям относятся: мошенничество с применением банковских карт мошенничество с выманиванием персональных данных, незаконное пользование услугами связи и иной обман в области услуг связи, промышленный и иной шпионаж, когда объектом являются информационные системы, и т.д. [5, с. 23]

Однако стоит отметить и то, что, несмотря на широкое практическое значение, современное законодательство не содержит понятия «электронное доказательство»: имеются лишь отдельные положения о его видах, что является пробелом в уголовно-процессуальном законодательстве. Именно поэтому возникают вопросы относительно их принадлежности к конкретной разновидности доказательственной информации.

Таким образом, исходя из приведённых точек зрения относительно определения сущности форензики и её места в отечественной науке, стоит подчеркнуть, что консенсус по данному вопросу ещё не был достигнут. Так, позиция некоторых учёных-криминалистов и вовсе состоит в отсутствии необходимости формирования нового учения. Сторонники данной позиции выступают против искусственного расширения предмета криминалистики [10]. Однако, по-нашему мнению «форензика» должна быть закреплена как частная теория отечественной криминалистики. Так, компьютерная криминалистика имеет практичесую потребность в борьбе с киберпреступностью, а также способствует получению нового знания. Следует также отметить и тот момент, что форензика обладает рядом специфических черт. Так, отличительной чертой форензики можно выделить тот факт, что в связи с особенностью механизма следообразования в сфере IT-технологий их изучением и выявлением должен заниматься специалист, обладающий особенными познаниями в данной отрасли.

Ученые сходятся во мнении, что виртуальные следы компьютерных преступлений – это любое изменения состояния компьютерной системы, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации. Не представляется возможным характеризовать данные следы преступлений как материальные или же идеальные, так как визуальные следы не выражены физически, например, в виде какого–либо предмета. Да, они содержатся на различных устройствах, однако, при привычном нам осмотре, например, телефона или компьютера как предмета совершения преступления (поиск и обнаружение внешних следов) визуальные следы останутся нами не тронуты [11, с. 127].

Весь огромный поток операций, в том числе и незаконных, проводимых с использованием компьютерных, информационно-телекоммуникационных технологий, средств мобильной связи, неизбежно оставляет «цифровые» следы, в основе которых лежат цифровые коды, алгоритмы, комбинации. Именно поэтому для выявления такого вида следов необходимо привлекать специалиста из сферы IT-технологий. Цифровые доказательства нельзя воспринять непосредственно органами чувств человека, но только через посредство сложных аппаратно-программных средств. Поэтому эти следы

сложно продемонстрировать другим лицам – понятым, прокурору, судье. Не всегда просто обеспечить неизменность следов при их хранении.

Безусловно, следователь, имеющий навыки опытного пользователя персонального компьютера, вправе самостоятельно произвести осмотр персонального компьютера либо его компонентов, периферийных устройств, средств связи, сетевых технических средств, портативных систем видеонаблюдения, съемных носителей компьютерной информации и других объектов компьютерной техники, т.е. без участия специалиста, однако зачастую подозреваемый или обвиняемый, обладающий соответствующей профессиональной или специальной подготовкой, использует средства защиты информации, т.е. знания в области шифрования, парольной защиты, криптографии [12]. В таком случае, без специальных знаний не представляется возможным расследование того или иного преступления. Встречаются и такие носители информации как умная бытовая техника и специальные устройства, используемые в преступной деятельности и являющиеся компьютерной техникой благодаря работе на одноплатном компьютере, выполняющем заранее разработанную программу или команды пользователя [13, с. 227]. Таким образом на компьютерных устройствах может сохранятся множество идеальных следов, которые могут стать цифровыми доказательствами. Исходя из этого, главной целью компьютерной форензики является фиксация данных доказательств.

Таким образом, нам представляется, что специфика криминалистической теории электронной цифровой криминалистики (теории собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и информационно-технологических устройств) отвечает требованием частной теории науки, в связи с этим её положения следует развивать, так как доля компьютеризации и, как следствие, компьютерных преступлений, в ходе развития информационного общества, неуклонно возрастает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстряков, Е. Н., Усанов И. В. Криминалистическая робототехника как новая отрасль криминалистической техники // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. Научный журнал. – 2016. – № 1. – С. 17-21.
2. Кучин, О. С. Электронная криминалистика: миф или реальность // Академическая мысль. 2019. №3 (8). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-kriminalistika-mif-ili-realnost (дата обращения: 02.12.2021).
3. Медведев, И. В. Компьютерная криминалистика «Форензика» и киберпреступность в России // Пролог: журнал о праве. 2013. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-kriminalistika-forenzika-i-kiberprestupnost-v-rossii (дата обращения: 02.12.2021).
4. Пастухов, П. С. О необходимости развития компьютерной криминалистики // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 479-488.
5. Федотов, Н. Н. Форензика – компьютерная криминалистика / Н. Н. Федотов ; Николай Николаевич Федотов. – Москва : Юридический мир, 2007. – 359 с.
6. Домин, К.Е. К вопросу о выделении криминалистического исследования электронных носителей информации как новой отрасли криминалистической техники // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5 (10). – С. 176-177.
7. Лебедков, С. В., Яковлев Д. Е. Сущность и природа «форензики» // Научные междисциплинарные исследования. 2021. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-priroda-forenziki (дата обращения: 02.12.2021).
8. Русанова, Д.Ю. Цифровая криминалистика: возможности и перспективы развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. No 12-4 (39). – С. 142-145.
9. Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики №2. Уголовный кодекс ДНР. – Д.: ООО «Компания «Мегаинвест», 2016. – 200 с.
10. Лебедков, С. В., Яковлев Д. Е. Сущность и природа «форензики» // Научные междисциплинарные исследования. 2021. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-priroda-forenziki (дата обращения: 02.12.2021).
11. Андропова, О.И., Голубев, Г.А. Компьютерная криминалистика: современное состояние и перспективы / О.И. Андропова, Г.А. Голубев // Материалы ежегодного криминалистического форума. Под общей редакцией А. А. Сапожкова. Санкт-Петербург, 2019. – С. 125-131.

12. Лантух, Э. В., Ишигеев, В. С., Грибунов, О. П. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-spetsialnyh-znaniy-pri-rassledovanii-prestupleniy-v-sfere-kompyuternoy-informatsii (дата обращения: 02.12.2021).
13. Чуваткин, Б. Ю. Следы компьютерных преступлений при проведении компьютерно-технических исследований / Б. Ю. Чуваткин // Трансформация права в информационном обществе : Материалы I Всероссийского научно-практического форума молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 21–22 марта 2019 года / Ответственный редактор О.А. Пучков. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2019. – С. 227-234.

COMPUTER FORENSICS AND ITS ROLE IN THE PROCESS OF SOLVING AND INVESTIGATING CRIMES IN THE CONTEXT OF GLOBAL DIGITALIZATION

Annotation. The role of forensics as the science of cybercrime investigation is investigated. Thus, the growth of cybercrime is a key prerequisite and a necessity for scientific developments aimed at improving legislation in the field of combating crime on the Internet, as well as for the investigation and disclosure of cybercrime, which includes forensics. This article examines the essence and nature of "forensics", the possibility of identifying a new branch, section, subsection in criminology.
Keywords: computer forensics, forensics, cybercrime, digitalization, digital evidence research.

Timoshenko E.
Scientific adviser: Popov B.I., Senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: evgeni.timoshenko0404@mail.ru

УДК 369.512

ИНСТИТУТ СТАЖА В ПРАВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Тищенко В.С.
Научный руководитель: Ефремова А. В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается институт стажа как юридический факт, связывающий большую часть правоотношения в праве социального обеспечения. Представлен метод, который усовершенствует законодательство Донецкой Народной Республики в сфере правового регулирования исчисления трудового стажа.
Ключевые слова: трудовой стаж, общий трудовой стаж, специальный трудовой стаж, выслуга лет.

Главным юридическим фактом, связывающим большую часть правоотношений в сфере социального обеспечения, является трудовой стаж. Он влияет на объем прав нетрудоспособных лиц в сфере социального обеспечения.

Актуальность выбранной темы состоит в том, что на текущем этапе развития общества каждое государство, имеющее статус правового, стремится к полному соответствию своего законодательства нормам международного права. Специальное место среди них занимают нормы, регулирующие социальное обеспечение. Каждый член общества имеет право на такой жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и членов его семьи, а также право на обеспечение в случае безработицы, болезни, инвалидности, наступления старости или иных обстоятельств, утраты средств к существованию по не зависящим от него причинам [1].

Любые общественные отношения, которые находятся под влиянием правовых норм, приобретают значение правовых отношений и становятся при этом главным средством выполнения и воплощения в жизнь юридических предписаний.

Общественные отношения в сфере социального обеспечения возникают в результате воздействия соответствующих норм права, следовательно, законодательство о социальном обеспечении является необходимой предпосылкой возникновения их правовой формы. Вне права они существовать не могут, поскольку по своему социально-целевому назначению направлены на создание реальных возможностей для осуществления одного из важнейших прав человека – права на социальную защиту.

Как правило, количество правовых норм недостаточно для динамики правоотношений в сфере социального обеспечения. Она возникает, изменяется или прекращается после того, как участники будущих правовых отношений выполнят определенные действия (зарегистрируются в государственной службе занятости как лица, что ищут работу, обратятся с заявлением о назначении соответствующей пенсионной выплаты и т.п.) [2].

Участники правоотношений в сфере социального обеспечения, как и любых других правоотношений, наделяются субъективными правами и юридическими обязанностями. Государство, при этом, выступает гарантом реализации этих прав и их осуществления [3]. Уполномоченные государством органы осуществляют охрану и защиту прав, применяя законодательство о социальном обеспечении и нормы вторых отраслей права (уголовное, административное, гражданское).

Трудовой стаж – это длительность трудовой или же иной общественно-полезной активной деятельности работника [4]. Считается базой для появления права на пенсионное обеспечение, отпуск, получение пособия по временной нетрудоспособности, а еще в ряде случаев – заработной платы [5]. Главным документом, подтверждающим трудовой стаж считается трудовая книжка [6].

Трудовой стаж занимает особое место в праве социального обеспечения. В одних случаях трудовой стаж определённой длительности и характера играет роль «ключевого» юридического факта в сложном правообразующем юридическом составе, в других является лишь одним из элементов сложного правообразующего фактического состава [7]. С продолжительностью трудового стажа связан и размер большинства видов пенсий и отдельных пособий.

Трудовому стажу присущи следующие функции:

а) считается условием предоставления обеспечения;

б) регулирует величину обеспечения.

Как особенная норма величины трудовой работы трудовой стаж содержит количественную и высококачественную свойства [8]. Количественную характеристику трудового стажа формирует его длительность. Высококачественная сторона трудового стажа отображает характер и обстоятельства, в коих проходит трудовая деятельность. Оба нареченных измерения воздействуют на систематизацию трудового стажа. Трудовой стаж разделяется на виды: страховой стаж, общий трудовой стаж, специальный трудовой стаж [9].

Общий трудовой стаж – это учитываемая в целях оценки пенсионных прав застрахованных лиц суммарная длительность трудовой и другой общественно полезной работы [10]. Юридическим смыслом считается то, что с учетом данного стажа выполняется конвертация пенсионных прав людей, что воздействует на величину страховой части трудовой пенсии. Еще с общим трудовым стажем связаны правовые результаты в системе муниципального пенсионного обеспечения.

В общий трудовой стаж включаются периоды получения образования в училищах, школах и на курсах по подготовке работников повышения квалификации и переквалификации, учебы в средних и высших учебных заведениях, аспирантуре, докторантуре, медицинской ординатуре [11].

К общественно полезной работе, включающейся в общий трудовой стаж, относятся еще периоды временной нетрудоспособности, начавшейся в этап работы;

ухода за инвалидом I группы, ребенком-инвалидом до 16 лет, пожилым, который нуждается в непрерывном уходе на основании мед заключения; время ухода неработающей матери за своим ребенком в возрасте до трех лет и 70 дней до его рождения, но не больше 9 лет в общей сложности время; присутствия в местах заключения сверх срока, назначенного при пересмотре уголовного дела; этап выплаты пособия по безработице и иные периоды [12].

Специальный трудовой стаж – суммарная длительность трудовой или же другой общественно полезной деятельности, по конкретной должности или же профессии, или длительность работы, которая осуществлялась в особенных условиях труда, или на конкретной территории [13]. Главным различием специального трудового стажа от других типов стажа это его льготное исчисление.

Выслуга лет – это тип специального страхового стажа отдельных категорий людей, который учитывает льготное пенсионное обеспечение по причине потери профессиональной трудоспособности и выходом на пенсию до пришествия возраста, который предусматривает право на пенсию по возрасту [14].

Выслуга лет, как норма, – льгота, используется к определенному ограниченному кругу лиц:

а) военных и сотрудников органов внутренних дел;

б) муниципальных служащих;

в) судей и прокурорских работников, сотрудников таможенных органов;

г) отдельных категорий специалистов народного хозяйства.

Выслуга сроков службы военным и сотрудникам органов внутренних дел Донецкой Народной Республики устанавливается для:

а) лиц офицерского состава, прапорщиков, военных, выполняющих сверхсрочную службу и военную службу по договору, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел;

б) лиц офицерского состава, прапорщиков, военных, выполняющих сверхсрочную службу и военную службу по договору, а также лиц среднего, старшего и высшего начальствующего состава органов внутренних дел, лишенных работы со службы по возрасту, по заболеванию или же уменьшению штатов, ко дню освобождения достигли 45-летнего возраста и имеют общий трудовой стаж 25 календарных лет и больше, из коих не наименее 12 лет и 6 месяцев является военная служба или же служба в органах внутренних дел [15].

Согласно Закону Донецкой Народной Республики «Об основах общеобязательного социального страхования», вступившего в силу с 30.04.2015 года, определяется понятие страхового стажа. Страховой стаж – период (срок), в процессе которого гражданин подлежит общеобязательному муниципальному пенсионному страхованию и за который каждый месяц уплачены страховые взносы в сумме не наименее минимального страхового взноса [16].

Общий страховой стаж содержит юридический смысл для определения права на трудовую пенсию по старости, которая назначается или на общих причинах, или в связи с особенными условиями труда, или отдельным категориям людей в связи с социально важными жизненными обстоятельствами. Для предназначения трудовой пенсии по старости законодательством установлена требуемая длительность общего страхового стажа. Страховой стаж нужен еще для предназначения трудовой пенсии по инвалидности и трудовой пенсии по случаю потери кормильца. Но в данных случаях право на трудовую пенсию не связывается с определенной длительностью общего страхового стажа.

Граждане Донецкой Народной Республики, которые занимаются общественно полезной деятельностью за пределами территории Донецкой Народной Республики и не застрахованы в системе общественного страхования государства, в которой они

присутствуют, имеют право на обеспечение по общеобязательному социальному страхованию в Донецкой Народной Республике при условии уплаты страховых взносов, в случае если другое не учтено международными договорами Донецкой Народной Республики, согласие на обязательность которых предоставлена Народным Советом Донецкой Народной Республики.

Специальный трудовой стаж – это суммарная длительность общественно полезной работы (независимо от количества и длительности перерывов в ней) в конкретных отраслях экономики народного хозяйства, в конкретных профессиях, должностях и на конкретных территориях, а еще определенные типы общественно-полезной работы [17].

Специальный стаж – суммарная длительность общественно полезной работы (государственной службы), но выделенная из общего стажа или по содержанию, или по условиям труда, в том числе по занимаемой должности, профессии [18].

Специальный трудовой стаж считается одним из видов трудового стажа в одном ряду со страховым и непрерывным стажем.

Специальный трудовой стаж предусматривается для предназначения преждевременной трудовой или же государственной пенсии раньше принятого пенсионного возраста для определенных категорий людей, работавших в особенных критериях, профессиях и территориях [19]. Порядок внесения периодов работы в специальный трудовой стаж определяется нормативными документами, которые предусматривают порядок исчисления выслуги лет тем или иным категориям работников.

Специальный трудовой стаж предусматривается при установлении:

1) пенсии по старости на льготных причинах в связи с особенными критериями труда;

2) пенсии за выслугу лет.

Преждевременная пенсия по старости в связи с определенными условиями труда назначается, как правило, при условии, в случае если выполняемая работа (профессия, должность) учтена особыми списками, утверждаемыми в порядке, определяемом правительством по согласованию с Пенсионным фондом.

В случае если сотрудник на протяжении всей собственной общественно полезной работы трудился на местах с разными особенными условиями труда, допускается суммирование этих дел для определения права на пенсионные льготы, но лишь только в случае, если критерии такового суммирования прямо учтены пенсионным законодательством.

При установлении пенсии по старости в специальный трудовой стаж вносятся не только лишь время инвалидности вследствие увечья, связанного с производством, но и болезни на профессиональной основе, приобретенной на работе с особенными условиями труда.

Определенный порядок определения специального трудового стажа для преждевременного предназначения пенсии по старости в связи особенными условиями труда сохранен для лиц, трудившихся:

1) на подземных работах, работах с вредоносными условиями труда и в горячих цехах. При выработке на перечисленных работах не наименее пятидесяти процентов установленного специального стажа и при наличии требуемой длительности страхового стажа трудовая пенсия по старости назначается с сокращением принятого пенсионного возраста на один год за любой календарный год подобный работы;

2) на работах с нелегкими условиями труда. При выработке на перечисленных работах не наименее пятидесяти процентов специального стажа и при наличии требуемой длительности страхового стажа принятый пенсионный возраст понижается на один год для мужчин – за любые 2 года и 6 месяцев подобный работы, а для женщин – за любые 2 года.

В трудовом стаже определяются периоды общественно полезной работы лица, а также другой работы, которые выделяют ему право на получение общественных льгот и гарантий, иначе говоря – официального трудоустройства. Именно таким образом происходит исчисление трудового стажа.

За последние годы государством принимались и принимаются меры, нацеленные на улучшение пенсионной системы, которые предоставили возможность установить неработающим людям пенсионного возраста возможность пенсионного обеспечения не ниже регионального прожиточного минимума, увеличить уровень пенсионного обеспечения с учетом трудового стажа, полученного в советское время, приблизить отечественные нормы пенсионного права к международным стандартам, увеличить среднюю величину страховых и социальных пенсий.

Преобразование законодателем уже установленных условий должно осуществляться так, чтобы поддерживался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение соответствующей стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных новшеств в современную систему норм, а также – в случае необходимости – предоставление гражданам допустимости (в частности, посредством установления временного регулирования) в течение определенного переходного этапа приспособиться к вносимым преобразованиям. С этим связаны законные ожидания граждан, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властью и будет выполнено.

В качестве усовершенствования законодательства Донецкой Народной Республики в сфере правового регулирования исчисления трудового стажа можно взять пример из законодательства Российской Федерации. С 1 января 2020 года в России ввелись в действие электронные трудовые книжки. Электронная книжка обеспечит постоянный и удобный доступ работников к информации о своей трудовой деятельности, а работодателям откроет новые возможности кадрового учета. Однако переход к новому формату трудовой книжки добровольный и позволяет сохранить бумажную книжку столько, сколько это необходимо. В качестве преимуществ электронной трудовой книжки можно выделить:

– удобный и быстрый доступ работников к информации о трудовой деятельности;

– минимизация ошибочных, неточных и недостоверных сведений о трудовой деятельности;

– дополнительные возможности дистанционного трудоустройства;

– снижение издержек работодателей на приобретение, ведение и хранение бумажных трудовых книжек;

– дистанционное оформление пенсий по данным лицевого счета без дополнительного документального подтверждения;

– использование данных электронной трудовой книжки для получения государственных услуг;

– новые возможности аналитической обработки данных о трудовой деятельности для работодателей и госорганов;

– высокий уровень безопасности и сохранности данных.

В качестве минусов электронной трудовой книжки можно выделить:

– отсутствие доступа к Интернету, либо неумение им пользоваться – до сих пор не у всех людей есть возможность постоянного выхода в Интернет, также есть люди, которые не умеют ориентироваться в нем достаточно хорошо;

– возможные большие затраты на разработку либо доработку программы кадрового учета, или покупку новой программы, в связи с вводом электронных трудовых книжек, а также ее технической поддержки;

– риск утечки информации в результате взлома цифровой системы, либо компьютерного сбоя;

– боязнь работников старшего поколения остаться «без бумажки» только с виртуальными данными – люди не доверяют электронным носителям, бумажный экземпляр для них привычнее;

– ошибочный перенос данных от работодателя в Пенсионный Фонд.

Таким образом, трудовое законодательство Донецкой Народной Республики находится на начальном этапе своего формирования и в нём отсутствует эффективное обеспечение ряда ключевых трудовых прав, что ставит вопрос о ряде возможных усовершенствований и внесений изменений в трудовое законодательство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронов В. И. Трудовое право: учебник / В. И. Миронов. – Москва: «РИОР», 2009. – 864 с.
2. Анисимов А. Л. Трудовые отношения и трудовые споры: учебное пособие / А. Л. Анисимов, Л. Л. Кругликов и др. – Москва: Проспект, 2012. – 564 с.
3. Гусов К. Н. Право социального обеспечения: учебник / К. Н. Гусов. – – Москва: Издательский дом «Проспект», 2001. – 328 с.
4. Исаев М. А. История российского государства и права: учебник / М. А. Исаев. – Москва: Юрид. лит., 2012. – 922 с.
5. Лагутин И. Б. Право социального обеспечения: учебное пособие / И. Б. Лагутин. – Москва: Издательский дом «Юриспруденция», 2015. – 156 с.
6. Масловская Т. С. Трудоустройство и трудовая деятельность инвалидов: учебник / Т. С. Масловская. – Москва: Издательский дом «Спутник», 2017. – 121 с.
7. Адриановская Т.Л. Трудовое право: учебное пособие/ Т.Л. Адриановская. – Москва: Издательский дом «Спутник», 2017. – 367 с.
8. Галаганов В. П. Право социального обеспечения: учебник / В. П. Галаганов. – Москва: Юрид. лит., 2014. – 361 с.
9. Гейхман В. Л. Трудовое право: учебник для прикладного бакалавриата / В. Л. Гейхман, В. И. Динека. – Москва: Юрид. лит., 2015. – 207 с.
10. Гладков Н. Г. Реализация и защита трудовых прав, свобод и законных интересов работников: учебник / Н. Г. Гладков. – – Москва: Издательский дом «Проспект», 2015. – 928 с.
11. Сулейманова Г. В. Проблемы гражданского, предпринимательского и трудового права: учебное пособие / Г. В. Сулейманова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт, 2014. – 155 с.
12. Тарусина Н. Н. Социальные договоры в праве: учебное пособие/ Н. Н. Тарусина. – Москва: Издательский дом «РИОР», 2018. –479 с.
13. Тыщенко А. И. Правовое обеспечения профессиональной деятельности: учебное пособие / А. И. Тыщенко. – Москва: Издательский дом «Проспект», 2019. – 204 с.
14. Шайхатдинова В.Ш. Право социального обеспечения: учебное пособие / В.Ш. Шайхатдинова. – Москва: Проспект, 2015. – 301 с.
15. Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения: учебник / Е. Е. Мачульская. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт, 2015. – 441 с.
16. Об основах общеобязательного социального страхования: Закон ДНР от 30 апреля 2015 г. № 37-IНС // Принят Постановлением Народного Совета от 30 апреля 2015 г.
17.Орловский Ю. П. Трудовое право России: учебное пособие / Ю. П. Орловский. – Москва: Издательский дом «Кнорус», 2008. – 608 с.
18. Пашкова Г. Г. Трудовые отношения и трудовые споры: учебное пособие / Г. Г. Пашкова. – Москва: Издательский дом «Юриспруденция», 2018. – 109 с.
19. Певцова Е.А. Трудовое право: учебник / Е.А. Певцова. – – Москва: Издательский дом «Кнорус», 2019. – 196 с.

INSTITUTE OF TRAINING IN THE LAW OF SOCIAL SECURITY

Annotation. In this paper, the institute of experience is considered as a legal fact that connects most of the legal relationship in the law of social security. A method is presented that will improve the legislation of the Donetsk People's Republic in the field of legal regulation of the calculation of seniority.
Keywords: work experience, general work experience, special work experience, length of service.

Tishchenko V.
Scientific adviser: Efremova A.V. Ph.D., associate professor
Donetsk National University
E-mail: vladimirtishchenko0@gmail.com

УДК 343.621

ИСКУССТВЕННОЕ ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ: ПРАВО ИЛИ ПРАВОНАРУШЕНИЕ

Филин М.В.
Научный руководитель: Гулина С.Н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. в данной статье рассматривается факт искусственного прерывания беременности, отношения к нему в различных государства, как на социально-бытовом, так и на нормативно-правовом уровне, а также влияние «голоса» мужчин на данное решение и отношение к данной деятельности различных социальных культур. Также, для более углубленного анализа данного вопроса, были собраны статистические данные по различным государствам.
Ключевые слова: аборт, эмбрион, женщина, мужчина, здравоохранение.

Искусственное прерывание беременности – право или правонарушение? Этот вопрос беспокоит многих людей, различные социальные культуры, международные объединения и государство в целом. Существует несколько факторов, обсуждаемых людьми при общении на данную тему:

– здоровье родителей и вероятность наличия опасных заболеваний у плода\детей;

– наличия у родителей финансовой возможности обеспечивать детей;

– условия, благодаря которым произошла беременность – желанная и запланированная беременность или нежеланная и случайная беременность, в том числе в результате изнасилования;

– общий уровень рождаемости в государстве и наличие возможности у государства предоставить будущему гражданину место проживания, трудоустройства, а также всех необходимых ресурсов.

Это основные вопросы, создающие множество дискуссий на тему того, стоит ли давать или же отбирать у женщин право на принятие решения об аборте и может кто-либо еще влиять на это решение. Кроме того, также актуальным вопросом остается факт причастности к такому решению биологического отца, не рожденного ребенка и его возможности влияния на разный исход событий.

В международном формате отсутствуют какие-либо нормативно-правовые акты, регулирующие вопрос искусственного прерывания беременности. Решение данного вопроса лежит исключительно на главах государства, однако на международном уровне различные правительственные и неправительственные объединения, а также социальные культуры систематически призывают к тем или иным действиям, связанным с искусственным прерыванием беременности.

В частности, правозащитники ООН систематически призывают к урегулированию данного вопроса на законодательном уровне и предоставления женщинам возможности самостоятельно принимать решения о том, делать аборт или нет, так как, по собранным данным, в мире, из-за наличия в отдельных государствах полного запрета на аборт осуществляется около 25 миллионов «незаконных» операций, связанных с абортом в небезопасных для жизни и здоровья условиях в результате чего ежегодно погибают около 22 тысяч женщин и приблизительно 7 миллионов получают травмы, в том числе ведущие к бесплодию.

Если обратится к законодательству ДНР, то в соответствии со ст. 49 «Искусственное прерывание беременности» Закона «О Здравоохранении» Донецкой Народной Республики «Каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии добровольного согласия» [1, с. 48].

Аналогичная статья имеется и в законодательстве РФ (ст. 56 «Искусственное прерывание беременности» Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), однако в целях исключения полномасштабного экскурса по законодательствам других государств, автором предоставлена таблица № 1, в которой содержится информация о том, какие из следующих оснований являются законными для искусственного прерывания беременности в странах-членах Организации Экономического сотрудничества и развития:

1. Спасение.
2. Обеспечение охраны здоровья.
3. Обеспечение психического здоровья.
4. Изнасилование или совершенный инцест.
5. Аномальное развитие плода.
6. Социальные, бытовые и экономические причины.
7. По собственным мотивам [3].

Страна	**Основания, по которым разрешено искусственное прерывание беременности**
Австралия	1,2,3,4,5,6,7
Австрия	1,2,3,4,5,6,7
Бельгия	1,2,3,4,5,6,7
Великобритания	1,2,3,5,6
Венгрия	1,2,3,4,5,6,7
Германия	1,2,3,4,5,6,7
Греция	1,2,3,4,5,6,7
Дания	1,2,3,4,5,6,7
Израиль	1,2,3,4,5
Ирландия	1
Исландия	1,2,3,4,5,6
Испания	1,2,3,4,5,6,7
Италия	1,2,3,4,5,6,7
Канада	1,2,3,4,5,6,7
Люксембург	1,2,3,4,5,6
Мексика	1,2,3,4,5,6,7*
Нидерланды	1,2,3,4,5,6,7
Новая Зеландия	1,2,3,4,5
Норвегия	1,2,3,4,5,6,7
Польша	1,2,3,4,5
Португалия	1,2,3,4,5,6,7
Россия	1,2,3,4,5,6,7
Словакия	1,2,3,4,5,6,7
Словения	1,2,3,4,5,6,7
США	1,2,3,4,5,6,7
Турция	1,2,3,4,5,6,7
Финляндия	1,2,3,4,5,6
Франция	1,2,3,4,5,6,7
Чехия	1,2,3,4,5,6,7
Чили	запрещен
Швейцария	1,2,3,4,5,6,7
Швеция	1,2,3,4,5,6,7
Эстония	1,2,3,4,5,6,7
Южная Корея	1,2,3,4,5
Япония	1,2,4,6

При всем при этом, стран, в которых запрещены аборты немало, из них: Мадагаскар. Сальвадор, Никарагуа, Мальта, Ватикан, Сан-Марино, Доминиканская Республика, Ангола, Мавритания, Гондурас, Гаити, Пуэрто-Рико, Суринам, Ирак, Сенегал, Гамбия, Сьерра- Леоне, Конго, Египет, Тайвань, Андорра и Польша, Филиппины, Ямайка.

В западных государствах ситуация немного иная, нежели в странах СНГ, но это по большей части связано с тем, что там сформированы полноценные национальные международные организации, имеющие влияние на государственные структуры. Одной из таких организаций является «National Abortion Federation» (Национальная Федерация Абортов).

Данная организация предоставляет помощь женщинам, желающим сделать аборт, даёт им консультацию, а также обязательные несколько дней на раздумья и в случае согласия на искусственное прерывание беременности, они предоставляют свои услуги или услуги компаний, с которыми они активно взаимодействуют

Кроме того, данная компания и ей похожие также предоставляют адвокатские услуги на случаи, если государство запрещает делать аборт по тем или иным причинам.

Помимо вышесказанного, проведенным исследованием международной неправительственной организацией Amnesty International установлено, что к факту криминализации абортов подходят крайне большое количество стран, в связи с чем, участниками данной НПО был осуществлен призыв к полной декриминализации абортов и всеобщему доступу к аборту, уходу после аборта и основанной на фактах, беспристрастной информации об абортах без применения силы, принуждения, насилия и дискриминации [4].

Кроме того, анализом различных источников установлено, что биологический отец ребенка не имеет никакого влияния на женщин, желающих сделать искусственное прерывание беременности их ребенка, что автор считает неправильным и при чем не только он.

Изучением зарубежного законодательства получена информация о том, что на территории Швеции одна из молодежных социальных культур выступила с инициативой разработки на законодательном уровне формулировки «Юридический аборт», которая дает право мужчины на аборт, право выбора, стать отцом или нет после зачатия ребёнка.

Указанное обусловлено тем, что права мужчин и женщин должны быть обеспечены на равном уровне и мужчины также имели возможность принимать решение об искусственном прерывании беременности.

Реализовать такую процедуру с правовой точки зрения предлагается так: в срок до 4 месяцев беременности, мужчина в письменном виде выражает свою позицию, относительно зачатого плода и рождения ребенка. В случае нежелания стать отцом, в дальнейшем никаких правовых последствий у мужчины не возникнет. Женщина в свою очередь будет заранее понимать, что все обязанности по воспитанию и содержанию ребёнка лягут на неё [5].

Для определения целесообразности введения данной возможности был проведен международный опрос, по результатам которого определилось, что большая часть опрошенных против введения «юридического аборта».

Опрошенные сообщают, что выбор должен оставаться исключительно за женщиной, так как при нежелательной беременности мужчины смогут избегать какой-либо ответственности касательно оплодотворенной женщины и будущего ребенка.

Помимо вышесказанного, существуют также мнения о том, что мужчина не имеет никакой власти над эмбрионом, так как ребенок находится внутри женщины и пересадить его куда-либо нет возможности в связи с чем, биологический отец ни чем не рискует в отличие от матери.

И в дополнение, хотелось бы осветить основные причины абортов у женщин. Исходя из выступлений специалистов, занимающихся доабортным консультированием, а также докладов победителей конкурса Всероссийской программы «Святость материнства», среди целого комплекса причин и мотивов, побуждающих женщину к аборту, наиболее распространенными выступают следующие:

– 45% – несходство целей в жизненных планах («не вовремя», «нежеланная беременность» и т.п.);

– 20% – неудовлетворительное финансовое состояние;

– 13% – неудовлетворительные социально-бытовые условия;

– 10% – нестабильные отношения с отцом ребенка;

– 7% – страхи, связанные с личным здоровьем или здоровьем, не рожденного ребенка (другие страхи);

– 5% – давление со стороны родственных и близких связей.

Анализ причин позволяет сделать вывод о том, что психологические и аксиологические факторы являются ведущими при принятии женщиной решения об аборте [2].

Таким образом, изучив множество различных источников, а также проведя анализ высказываний и исследования различных организаций и социальных культур, автор считает необходимым предпринять следующие действия:

Во-первых, разработать на международном законодательном уровне Закон, регламентирующий возможности осуществления аборта женщинами по всему миру с учетом следующих факторов:

– здоровье родителей и вероятность наличия опасных заболеваний у плода\детей;

– наличия у родителей финансовой возможности обеспечивать детей;

– условия, благодаря которым произошла беременность – желанная и запланированная беременность или нежеланная и случайная беременность, в том числе в результате изнасилования;

– общий уровень рождаемости в государстве и наличие возможности у государства предоставить будущему гражданину место проживания, трудоустройства, а также всех необходимых ресурсов.

Возложить контроль соблюдения законности искусственного прерывания плода на международные организации здравоохранения и обеспечить к ним доступ с любой точки мира.

Во-вторых, урегулировать на законодательном уровне условия, при которых биологический отец плода будет иметь возможность произвести «юридический аборт», а именно:

– при изнасиловании мужчины (такие случаи имеют место быть);

– отсутствие у биологического отца финансовой составляющей (к примеру, из-за проблем со здоровьем отсутствует возможность заработка), позволяющей на должном уровне обеспечить ребенка;

– наличие у отца или матери психических отклонений или склонность к преступной деятельности.

При проведении «юридического аборта» автор считает целесообразным привлечения к данной деятельности суд, который и будет рассматривать целесообразность принятия такого решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Донецкой Народной Республики «О здравоохранении» №42-IНС от 24.04.2015 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zdravohranenii/ – Дата посещения: 12.01.2021.

2. Письмо Министерства здравоохранения РФ от 17 июля 2017 г. N 15-4/10/2-4792 О направлении методического письма «Психологическое консультирование женщин, планирующих

искусственное прерывание беременности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/ prime/doc/71637910/ – Дата посещения: 12.01.2022.
3. Интернет-ресурс «Демоскоп» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/ weekly/2016/0687/tema02.php – Дата посещения: 12.01.2022.
4. Сайт «AMNESTY INTERNATIONAL». Статья «AMNESTY INTERNATIONAL'S POLICY ON ABORTION, AI INDEX» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.amnesty.org/en/documents/ pol30/2846/2020/en/ – Дата посещения: 12.01.2022.
5. Интернет-ресурс «Планета Закона» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.planeta-zakona.ru/blog/yuridicheskiy-abort-ili-pravo-muzhchiny-na-abort.html/ – Дата посещения: 12.01.2022.

DEVELOPMENT STRATEGY OF CRIMINAL PROCEDURAL LAW IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

Annotation: This article discusses the fact of artificial termination of pregnancy, attitudes towards it in various states, both at the social and domestic and regulatory levels, as well as the influence of the "voice" of men on this decision and the attitude of various social cultures to this activity. Also, for a more in-depth analysis of this issue, statistical data on various states were collected.
Keywords: artificial termination of pregnancy, abortion, fetus, human life, healthcare.

Filin M.
Scientific adviser: Gulina S.N., senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: marta.filin777@gmail.com

УДК 343.3/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСТАВЛЕНИЯ В ОПАСНОСТИ

Филиппова А.Е.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе раскрыта уголовно-правовая сущность оставления в опасности – преступления, признаки которого предусмотрены ст. 126 УК ДНР. Проведён анализ признаков состава преступления. Приведены основные направления судебной практики по вопросу применения данной нормы. Разработаны предложения по усовершенствованию уголовного законодательства.
Ключевые слова: оставление в опасности, умышленное преступление, опасное для жизни и здоровья состояние, малолетство, тяжкие последствия.

Оставление в опасности – это преступление, признаки которого закреплены в ст. 126 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) и представляет собой заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние [1]. Данное деяние относится к категории преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье и относится к категории преступлений против личности.

На наш взгляд, данное определение нуждается в законодательном дополнении как с точки зрения толкования отдельных дефиниций (старость, малолетство), так и в плане установления более строгой ответственности за возникшие последствия (смерть потерпевшего, причинение ему тяжкого вреда здоровью).

Цель работы – провести уголовно-правовую характеристику оставления в опасности, изучить состав преступления, выделить основные проблемы и предложить пути их решения.

Актуальность работы обусловлена необходимостью устранения законодательных пробелов в ст. 126 УК ДНР и устранением дискуссионных вопросов при её применении на практике.

Постановление Пленума Верховного Суда Донецкой Республики №9 «О судебной практике по делам о преступлениях против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также преступлениях, связанных с неправомерным завладением транспортными средствами без цели хищения» (далее – ППВС №9) гласит, что при рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях против безопасности дорожного движения и транспортных средств ст. 126 УК ДНР должна применяться в случае, если водитель, который является виновником дорожно-транспортного происшествия, поставил потерпевшего в опасное для жизни или здоровья состояние и не оказал ему необходимую помощь вопреки имеющейся у него возможности. Здесь же частично раскрываются определения, составляющие диспозицию статьи. Законодатель установил, что «под заведомым оставлением без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии, следует понимать случаи, когда водитель транспортного средства осознавал опасность для жизни или здоровья потерпевшего, который был лишен возможности самостоятельно обратиться за медицинской помощью вследствие малолетства, старости, болезни или беспомощного состояния, и желал поступить таким образом (например, в случаях, когда водитель скрылся с места происшествия, не вызвал скорую медицинскую помощь, не доставил пострадавшего в ближайшее лечебное учреждение и т.п.)» [2].

Однако в разрезе применения данной статьи законодательно не закреплены дефиниции «опасное для жизни и здоровья состояние», «старость», которые имеют непосредственное значение для определения наличия состава преступления в действиях подозреваемого. Возникает вопрос по поводу включения состояния алкогольного или иного опьянения в термин «беспомощность». Также можно оспорить применение понятия «малолетство» и предложить замену его на «недостижение возраста 18 лет».

Под опасным для жизни и здоровья состоянием Л.В. Иногамова-Хегай понимает наличие реальной угрозы жизни или причинения вреда здоровью (тяжкого или средней тяжести) [3]. Реальность угрозы определяется конкретными обстоятельствами происходящего, а внедрение примечания 1 к ст. 126 УК ДНР, содержащее в себе текст данной формулировки позволило бы подчеркнуть, что важна именно реальная опасность, а не абстрактная [4].

Рассмотрим понятие «старость». Как утверждает С.Е. Яковлева по данному вопросу: «согласно международной возрастной периодизации с 60 лет у мужчин и с 55 лет у женщин только начинается, так называемый, период старения (геронтогенеза), который классифицируется по трем группам – пожилой, старческий и долгожители». Всемирная организация здравоохранения устанавливает возраст наступления периода «старости» с 75 лет [5]. Однако в силу индивидуальных физиологических особенностей, лицо и ранее установленного данной периодизацией возраста может быть лишено в связи с пожилым возрастом возможности к самосохранению, а те же физиологические особенности могут позволить лицу и в 75-80 лет предотвратить грозящую его жизни и здоровью опасность. На наш взгляд, во избежание дискуссии по данному вопросу, в примечании к статье законодателю следует установить точный возраст наступления старости – 75 лет, для более правильного толкования данной нормы.

Может вызвать дискуссию и понятие «беспомощность». Оно введено законодателем как для выделения отдельных состояний, когда лицо вследствие

отсутствия каких-либо навыков не в состоянии принять меры по самосохранению (к примеру, не умеет плавать, если оказалось в потоке реки), а также для разграничения болезни от опасного физиологического состояния. Это обусловлено тем, что не каждая болезнь лишает лицо способности к самосохранению, но и не каждое опасное состояние, в ходе которого лицо не может оказать себе помощь, является болезнью. Как решать вопрос, если потерпевший находится в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, но не признан страдающим от соответствующей формы зависимости? Данный вопрос является спорным в уголовно-правовой науке, но мы считаем, что данный признак также должен быть признан в качестве криминообразующего, а подтверждением ему может быть проведённое медицинское освидетельствование и экспертиза, которая позволит установить, насколько влияет та или иная степень обвинения на возможность лица принять меры по самосохранению.

Что касается понятия «малолетство», то, согласно ст. 31 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, малолетним признаётся лицо в возрасте до 14 лет [6], исходя из этого, в толковании данная дефиниция не нуждается. Однако лицо в 15 и даже в 17 лет в соответствии со своими физическими или психическими индивидуальными особенностями может не иметь возможности принять меры к самосохранению. На наш взгляд, такие лица также должны быть отнесены к субъектам законодательной охраны, перечисленным в ст.126 УК ДНР, поэтому мы предлагаем заменить формулировку «по малолетству» фразой «вследствие недостижения возраста 18 лет».

Уголовно-правовой науке известно, что субъективная сторона данного преступления характеризуется исключительно прямым умыслом. Но возможно ли наличие неосторожности в действиях виновного? Отвечая на данный вопрос, можно представить следующую ситуацию, которая позволит более подробно раскрыть возможные сценарии её применения. К примеру, лицо стало виновником дорожно-транспортного происшествия и причинило вред транспортному средству потерпевшего. В ходе аварии пострадало лишь транспортное средство, но вследствие нанесённых повреждений, оно было лишено технической возможности к перемещению. Потерпевший сообщил виновнику аварии, что он страдает от бронхиальной астмы и стресс по поводу аварии может вызвать у него приступ заболевания. Также он сообщает виновнику, что в ходе аварии его ингалятор пострадал и воспользоваться им он не сможет. Проигнорировав этот факт, виновник аварии уезжает с места ДТП, хотя оно имеет возможность съездить в аптеку и привезти ингалятор либо отвезти пострадавшего в больницу. После этого у пострадавшего начинается приступ, в ходе которого он не имеет физической возможности вызвать «скорую» помощь, что в конечном итоге повлекло за собой смерть потерпевшего. В этом случае нельзя говорить, что у виновного был прямой умысел на причинение смерти потерпевшему, однако, он сам поставил его в опасное для здоровья положение, хоть и сделал это косвенно. В то же время, когда он уезжал с места происшествия, пострадавший не выказывал никаких признаков нездоровья, а проверить достоверность его слов не представлялось возможным. Хоть подобные ситуации и происходят редко, но, тем не менее, они также нуждаются в правовом регулировании, которое можно обеспечить посредством расширения сферы законодательного применения нормы ст. 126 УК ДНР.

Применение ст.126 УК ДНР невозможно, если этому деянию предшествовало умышленное причинение вреда потерпевшему, которое и привело к возникновению опасной для жизни и здоровья ситуации. В то же время, если предшествующее деяние совершено по неосторожности, то виновный понесет ответственность в соответствии со ст. 69 УК ДНР по совокупности преступлений. Анализируя судебную практику по ст.125 УК РФ, мы обнаружили заслуживающее внимания судебное решение. В

соответствии с приговором Киквидзенского районного суда №1-7/2020 от 14.02.2020, подсудимый Якушов в ходе ссоры со своей супругой в результате внезапно возникшего умысла причинил ей лёгкий вред здоровью. Далее он, с её же согласия, отвёз ее на отдельный участок местности под предлогом сбора семян подсолнуха, где и оставил без помощи. В ходе этого потерпевшей был причинен средний вред здоровью, поскольку она не имела возможности обратиться за медицинской помощью. Согласно приговору, Якушин был осуждён не только по ст.112 УК РФ, но и по ст.125 УК РФ [7]. Но на наш взгляд, в этом случае применение судом ст.125 УК РФ (ст. 126 УК ДНР) – довольно спорный вопрос, ведь причинение вреда здоровью было умышленным, а соответственно, нецелесообразно говорить об оставлении в опасности. Поскольку к Якушеву и так применяется ст.112 УК РФ, то есть, ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью, который возник вследствие совокупности ранее причиненного лёгкого вреда здоровью и нахождения потерпевшей на отдельном участке местности, что не позволило ей обратиться за медицинской помощью.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что большинство преступлений совершаются путём оставления в опасности потерпевшего в условиях дорожно-транспортного происшествия, спровоцированного виновным. В этом случае наказание подсудимому назначается по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ (ст. 309 УК ДНР) и ст. 125 УК РФ (ст. 126 УК ДНР).

Соответствует ли принципу справедливости то, что вне зависимости от наступления последствий, а в особенности, тяжких, виновный будет нести ответственность в пределах одной и той же санкции? Диспозиция ст.126 УК ДНР предполагает нахождение в опасном для жизни и здоровья состоянии, но и оно тоже может быть разным, а дифференциацию ответственности в зависимости от тяжести наступивших последствий законодатель не закрепляет. Лицо может как избежать опасности вовсе, так и столкнуться с серьезными последствиями – тяжким вредом здоровью либо смертью. Кроме того, непосредственно в сам момент оставления в опасности виновный может различать, угрожает ли потерпевшему опасность причинения среднего вреда здоровью, либо создаётся прямая угроза его жизни. Именно поэтому мы считаем, что ст. 126 УК ДНР стоит дополнить ч.2, которая регламентировала бы более строгую ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти потерпевшему. Это позволит повлиять на психику лица, совершающего преступление и избежать безразличного отношения к уровня угрозы и возможности наступления тяжких последствий.

В ходе проведенного нами исследования были сделаны следующие выводы:

1. С целью устранения двоякого толкования уголовного законодательства, предлагается дополнить ст.126 УК ДНР примечаниями и изложить их в следующей редакции: «1. Опасное для жизни и здоровья состояние – это наличие реальной угрозы жизни или причинения вреда здоровью» (тем самым он подчеркнёт важность реальности угрозы), а также закрепить возраст наступления старости: «Под старостью в содержании статьи понимается достижение лицом 75-летнего возраста».

2. Формулировку «по малолетству» в ст. 126 УК ДНР предлагается заменить термином «вследствие недостижения 18-летнего возраста». Данная замена направлена на расширение круга охраняемых субъектов и включение в него не только лиц, не достигших 14 лет, но и лиц в возрасте от 14 до 18 лет, которые в силу своих индивидуальных физических и психических особенностей не смогут применить меры по самосохранению в случае наличия опасности для жизни и здоровья.

3. На практике могут встречаться ситуации, когда причинение вреда здоровью и жизни потерпевшего является не прямым, а косвенным последствием деяния виновного. Для правового регулирования подобных ситуаций предлагается первую часть диспозиции ст. 126 УК ДНР изложить в следующей редакции: «заведомое

оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии, которое может быть вызвано как прямыми, так и косвенными последствиями деяния виновного, и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности…».

4. Равные санкции за оставление опасности как за ненаступившую, но лишь угрожавшую лицу опасность, так и за наступившие тяжкие последствия идёт вразрез с принципом справедливости. Это даёт нам основание предложить дополнить ст. 126 УК ДНР частью 2, которая предусматривает более строгую ответственность для виновного в случае наступления тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего и изложить её в следующей редакции: «То же деяние, если оно повлекло причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть потерпевшего».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokum. – (дата обращения: 26.01.2022).
2. Постановление Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики №9 «О судебной практике по делам о преступлениях против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также преступлениях, связанных с неправомерным завладением транспортными средствами без цели хищения» от 29.04.2016
3. Л.В. Иногамова-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаев. Уголовное право. Особенная часть: учебник. Москва: 2008. – 795 с.
4. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Сундурова Ф.Р., Талан М.В // М., 2012. – 944 с.
5. Яковлева С.А. Система криминообразующих признаков, характеризующих потерпевшего при оставлении его в опасности / С.А. Яковлева // Евразийский союз ученых. – 2015. – №4-9 (13). – С.139-142.
6. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС от 13.12.2019/ Официальный сайт Народного Совета ДНР. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/priny.. (дата обращения 27.01.2022)
7. Приговор № 1-7/2020 от 14 февраля 2020 г. по делу № 1-7/2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/AlnUcYdGkldE/

CRIMINAL LEGAL DESCRIPTION OF LEAVING IN DANGER

Annotation. The work reveals the criminal-legal essence of leaving in danger – a crime enshrined in Art. 126 of the Criminal Code of the DPR. The terms that make up the disposition of the article are analyzed. The main directions of judicial practice on the application of this norm are given. Proposals are made to improve the criminal legislation and expand Art. 126 of the Criminal Code of the DPR.
Keywords: leaving in danger, intentional crime, life-threatening and health-threatening condition, infancy, grave consequences.

Filippova A.
Scientific adviser: Semykina L.A., candidate of juridical sciences, associate professor
Donetsk National University
E-mail: nastasiia.filippova.2002@mail.ru

УДК 347.9

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПРЕЮДИЦИАЛЬНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Филипченкова И.А.
Научный руководитель: Дербишева О.А., ст. преподаватель
ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского»

Аннотация. В работе рассматриваются объективные пределы преюдиции в гражданском судопроизводстве. Предложены основания и условия применения преюдициальных фактов по гражданским делам.
Ключевые слова. Преюдицальность, пределы преюдициальности, гражданское судопроизводство.

Современное состояние правосудия не основано на всех предусмотренных законом принципах его осуществления. Истинность и справедливость вступают в конфликт с существующими положениями, среди которых преюдиция – одно из важных правовых явлений, неоднозначно отражающее сущность гражданского судопроизводства.

Многогранность феномена процессуальной преюдиции обусловлен свойственными ему формальностью, публично-правовым характером, в основе которой лежат легитимность и авторитет судебной практики. Дискуссии в научных кругах не сводятся к единому мнению по поводу спорных вопросов, наличие которых обусловлено ее существованием. Как следствие, состояние законодательства и практики правоприменения на сегодняшний день, как и прежде, далеки от идеала.

Понятие преюдициальности прямо не установлено в действующем законодательстве Донецкой Народной Республики. Однако, в соответствии со статьей 62 Гражданско-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГПК ДНР) отмечено, что обстоятельства, признанные судом общеизвестными, не нуждаются в доказывании. Те обстоятельства, которые установлены вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда, они не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица [1].

Данная формулировка позволяет утверждать, что суд признает указанные обстоятельства фактами, не подлежащими доказыванию. Однако в какой степени данные факты были подвергнуты правовой оценке суда – презюмируется. Оправданность в применении норм ст. 62 объясняется стремлением суда освободиться от излишней процессуальной деятельности. По этой причине суды потеряли ориентиры в границах применения преюдиции, возвеличивая данное правовое явление.

Единое определение исследуемого понятия в научной литературе отсутствует, поэтому обратимся за толкованием в Большой юридический словарь, в котором под преюдициальностью понимается в процессуальном праве обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принимать без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением или приговором [2]. Основу преюдиции составляют только достоверно установленные факты в рамках как уже разрешенного, так и требующего разрешения юридического вопроса.

Также следует различать понятие «преюдиция», под которым понимается комплекс правил гражданско-процессуального института доказывания. В то время как преюдициальность означает признак или свойство фактов, принятых в обязательном порядке судом без проверки и доказывания ввиду ранее установленного факта или судебного решения. Нормативные основы преюдиции следует относить к субинституту гражданского судопроизводства, который является составной частью самостоятельного института доказывания.

Особенным объектом обсуждения является действительность и предметность положений преюдициальности: каковы пределы ее применения, чем они обусловлены, правила их толкования и т.д.

По мнению Черкашиной А. В., объективными пределами преюдиции называют обстоятельства, которые были установлены в уже вступившем в законную силу судебном решении [3, 169-170]. Данная дефиниция не раскрывает сущности понятия «объективные пределы преюдиции», а лишь определяет, что есть преюдиция, и поэтому, по мнению автора, ее необходимо пересмотреть, поскольку «объективные пределы» означает те или иные действительные и обусловленные определенными причинами границы применения правил преюдициальности.

По мнению автора, данные пределы могут ограничиваться обстоятельствами, не подлежащими доказыванию в силу их преюдициальности, как в соответствии с законом, так и по усмотрению суда (не в противоречие закону, а конкретизация его положений). Роль законодателя – обозначить рамки и условия применения правил преюдициальности к конкретным категориям дел. Сущность проблемы заключается в том, где необходимо провести границу между судебным познанием и правоприменением.

На данный момент полностью разграничивается доказательственная деятельность лиц, участвующих в деле, и правоприменительная деятельность суда. Фактические обстоятельства подлежат доказыванию лицами, участвующими в деле, а юридическая квалификация этих обстоятельств и разрешение дела по существу относится к компетенции суда. Соответственно, участвующие субъекты лишь представляют относящуюся к делу информацию, которую суд оценивает (или подтверждает) и в дальнейшем придает ей статус фактических обстоятельств.

Характер доказательственной деятельности суда свидетельствует о спорности данной оценки. По причине единой взаимосвязи подлинных факторов, какие следует обосновать лицам, участвующим в процессе, предполагается возможным сделать заключение о допустимости преюдиции юридических фактов в их правовой оценке при функционировании принципа состязательности. Бремя доказывания возложено на стороны по гражданскому делу, роль суда заключается в определении отношения предоставленных доказательств к делу, а также в осмотре и исследовании данных обстоятельств, предании им силы юридического факта (путем заверения предоставленных документов судом на основании подлинников).

В целях устранения трудностей при исполнении обязанности доказывания закон ставит ту или иную сторону в привилегированное положение, это проявляется во влиянии презумпций на распределение обязанностей доказывания, что существенно упрощает процесс доказывания [4, с. 3]. Заключительное решение все же остается за судом, выраженное в том или ином процессуальном акте.

В Определении ВС от 19 марта 2020 г. № 305-ЭС19-24795 по делу № А40-195946/2016 отражена следующая правовая позиция: признание судебного решения преюдициальным направлено на обеспечение обязательного принятия и учета этого решения, а также исключение предполагаемых конфликтов судебных актов. Обстоятельства, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если имеют значение для его разрешении [5]. Так, разъясняется, что преюдиция будет закреплена за определенным фактом или судебным решением лишь до тех пор, пока оно не будет оспорено и пока отсутствует иное решение. Однако при данном толковании сущность догматичности преюдициального факта утрачивается. Как из этого следует – появляется неизбежность установления системы пересмотра судебных решений или, напротив, предоставить суду некоторое право принимать такое решение вопреки преюдициально значимому факту или судебному решению.

Неоднозначность установленной в законе абсолютности преюдиции напротив, может повлечь за собой последствия в виде конфликта гражданско-правовых интересов и поставить в положение сомнения истинности судебного решения. Детерминация преюдиции во многом связана со сферой гражданско-процессуального регулирования. Так, например, правоотношение отцовства является юридическим фактом-основанием возникновения алиментного правоотношения, однако данное утверждение не будет являться абсолютным. С одной стороны, предусмотрена необязательность установления биологических связей путем экспертизы в ходе гражданского процесса по любому семейно-правовому спору. С другой стороны, имеется лишь вероятность суждения, выраженного в записи актов гражданского состояния. Поэтому, преюдициальным будет считаться только тот факт происхождения ребенка от конкретного лица, который установлен судом соответствующим образом (проведение экспертизы), что может свидетельствовать об истинности заключения.

Как считает автор, в ГПК ДНР следует предусмотреть конкретные условия и границы освобождения от доказывания в виде отдельной статьи. Установить, что преюдициальные факты будут иметь место лишь тогда, когда они были отражены в резолютивном решении судебного органа и при наличии следующих оснований:

– экспертного заключения;

– документов, истребованных в ходе гражданского процесса у государственных органов и органов местной власти (и подтверждённых ими);

– иных документов, заключений и т.п., подтвержденных уполномоченным органом или лицом (врачебное заключение о состоянии здоровья и др.).

Кроме этого, суд, рассматривая и анализируя текст судебного решения на наличие в нем тех обстоятельств, которые могут быть признаны преюдициальными, не осуществляет их проверку и оценку. Его обязанность – подтвердить или опровергнуть факт их установления в соответствующем порядке судом.

В случае возникновения ситуации, при которой у суда имеются неустранимые сомнения в отношении того, можно ли признавать преюдициальными обстоятельства, описанные в содержании иного судебного решения, суд должен предложить сторонам осуществлять доказывание данных обстоятельств на общих основаниях, так как факт преюдициальности выявленных обстоятельств не может быть установлен судом ввиду отсутствия необходимых инструментов подтверждения.

Таким образом, объективные пределы преюдициальности охватывают юридические факты, их правовую оценку, а также выводы суда о существовании или отсутствии правоотношения, установленные вступившим в законную силу судебным актом по другому делу.

Кроме вышеуказанного, законодателю следует принять во внимание при установлении конкретизирующей нормы к статье 62 следующее:

– преюдициальными могут быть признаны фактические обстоятельства как подвергнутые правовой оценке суда, так и без таковой;

– правоотношения могут признаваться преюдициально установленными, если в последующем они будут считаться основанием возникновения другого преюдициального обстоятельства;

– «пассивное признание», то есть неотрицание обстоятельств, на которые ссылается другая сторона, без ссылки на иные доказательства не должно допускаться в качестве преюдиции.

Содержание правил преюдиции не в полной мере отвечает требованиям существующего гражданского судопроизводства. Категоричный отказ от преюдиции не усматривается в связи с соблюдением принципа процессуальной экономии, т. е. оперативности судебного разбирательства, которая достигается в том числе благодаря уже установленным фактам, не подлежащим повторному доказыванию.

Законодательно должен быть предусмотрен механизм признания и применения преюдициальных фактов (вышеуказанные условия, основания и т.д.) с целю преодоления конфликта интересов норм гражданского производства, сторон в гражданском процессе, а также конфликта суда и сторон по делу.

Цель преюдиции – обеспечить стабильность правосудия, поддерживать и повышать авторитет судебных органов и социальную значимость их решений, оптимизировать прооцесс доказывания по рассматриваемым делам. Как из этого следует, процессуальное законодательство должно быть комплексно регламентировано относительно положений преюдициальности.

Требуется точное определение и понимание объективных пределов преюдиции, а именно распространяется ли она на обстоятельства, не входившие в предмет доказывания по делу, и все ли обстоятельства, закрепленные в мотивировочной части судебного акта, будут преюдициальны. Если описанные пробелы не будут устранены путем нормативного приведения в конкретный законный механизм, то в дальнейшем такая ситуация может создать значимые предпосылки к полному отказу от преюдиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 278-IIНС от 30.04.2021, действующая редакция по состоянию на 01.07.2021 // Народный Совет Донецкой Народной Республики URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 12.02.2022).
2. Додонов В. Н. Большой юридический словарь. 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://courts.spb.ru/spravka/glossary/yuridicheskij-slovar/preyudiczialnost/, свободный. – (дата обращения: 12.02.2022).
3. Черкашина А. В. Объективные пределы преюдиции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – №3. – С. 169-174.
4. Нахова,Е.А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию: специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс»: автореферат диссертации на соискание ученой степеникандидата юридических наук/ Елена Александровна Нахова. –Саратов, 2004. – 22 с.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2020 N 305-ЭС19-24795 по делу N А40-195946/2016 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19032020-n-305-es19-24795-po-delu-n-a40-1959462016/ (дата обращения: 12.02.2022).

OBJECTIVE LIMITS OF PREJUDICE IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. The paper examines the objective limits of prejudice in civil proceedings. The grounds and conditions for the application of prejudicial facts in civil cases are proposed.
Keywords: prejudice, prejudice, limits of prejudice, civil proceedings.

Filipchenkova I.
Scientific adviser: Derbisheva O.A., Senior Lecturer
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the DPR named after. F.E. Dzrzhinsky
E-mail: filip4enckova@mail.ru

УДК 331.212

ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Халматова И.Д.
Научный руководитель: Пашков С.Н., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной статье рассмотрен зарубежный и отечественный опыт развития исполнительного производства; разработаны предложения относительно дальнейшего развития законодательства Донецкой Народной Республики, регламентирующего исполнительное производство.
Ключевые слова: исполнительное производство, зарубежный опыт, совершенствование законодательства ДНР.

В каждой стране существуют свои процедуры исполнительного производства. Рассмотрение особенностей развития исполнительного производства за рубежом и в Донецкой Народной Республике позволит выявить положительные моменты в регулировании исполнительного производства в зарубежных странах, которые могут быть заимствованы для внедрения в Донецкой Народной Республике.

Цель научной статьи – рассмотреть зарубежный и отечественный опыт развития исполнительного производства, разработать предложения относительно дальнейшего развития законодательства Донецкой Народной Республики, регламентирующего исполнительное производство.

Процедура исполнения судебных решений зависит, прежде всего, от ходатайства победившей стороны о приведении в исполнение решения, и только затем начинается процесс исполнения решения. Законодательством Евросоюза лицо, отвечающее за осуществление исполнения в гражданских или коммерческих делах, определяется в рекомендации Комитета министров Совета Европы как лицо, уполномоченное государством осуществлять процесс исполнения. Эти лица могут быть государственными служащими и/или частными агентами. Действительно, существуют европейские страны, где есть судебные приставы, работающие только в государственных учреждениях, в некоторых странах – это частная профессия, и, наконец, есть государства, где разрешена деятельность и государственных, и частных исполнителей. Согласно отчету Европейской Комиссии по Эффективности Правосудия (CEPEJ, 2014), во Франции, Бельгии и Голландии исполнители имеют частный статус, в то время как в Италии и Австрии они имеют публичный статус, а в Германии, Великобритании и Португалии сосуществуют государственные и частные исполнители. В совокупности 15 европейских государств практикуют частное исполнение судебных решений, 15 государств – государственное, и 17 государств – государственно-частное исполнение судебных решений. Однако, согласно исследованию CEPEJ, происходит эволюция в сторону частного статуса судебных исполнителей.

В испанской судебной системе нет конкретных сотрудников, отвечающих за исполнение судебных решений. Согласно отчету Европейской Комиссии по Эффективности Правосудия (CEPEJ, 2014) это особенность Испании, где нет агентов для выполнения данной задачи, но где Конституция устанавливает обязанность судьи обеспечить выполнение всех решений. Согласно докладу Европейской комиссии за 2006 год (CEPEJ, № 1, 2006) только в исключительных случаях испанские прокуроры подключаются к исполнению решений [1].

Во Франции исторически сложилась система частного исполнения, когда исполнение судебных решений осуществляется не государственными служащими, а лицами, которые получили лицензию от государства на данную деятельность и

осуществляют ее самостоятельно. Профессия судебного исполнителя регламентировалась различными королевскими ордонансами, принимавшимися в 1556 г., 1667 г. и в 1813 г. при императоре Наполеоне. В настоящее время правовое положение судебного исполнителя определяется Ордонансом от 2 ноября 1945 г. Определенные изменения в системе исполнительного производства Франции произошли в 1992 г.

Судебный исполнитель во Франции также является помощником правосудия, который выполняет функцию уведомления об актах, обладает монополией на публичные торги движимым имуществом, производит добровольное или принудительное взыскание долгов, выполняет действия по закреплению доказательств по требованию физических лиц, которые могут представлять стороны в определенных судах. Исполнитель также участвует в судебных слушаниях, обеспечивая внутренний порядок в зале под руководством судьи. Чтобы стать судебным исполнителем, кандидату необходимо иметь юридическое образование, пройти двухлетнюю стажировку в офисе судебного исполнителя, сдать государственный квалификационный экзамен [2, с. 102].

О.Р. Авдеева справедливо подчеркивает, что современное исполнительное производство Донецкой Народной Республики нуждается в совершенствовании, поскольку, представляет собой заключительную стадию судебного производства и имеет большое значение для формирования общественного мнения относительно качества правосудия в государстве, т.к. главной целью обращения физических и юридических лиц в суд является непосредственно защита и восстановление их прав и свобод, а также реальное, действительное исполнение судебных актов [3, с. 9].

Как отмечает В.И. Шитикова, опыт исполнительного производства показывает, что эффективность исполнительного производства несравнимо выше в тех странах, где орган, который их исполняет, оснащен элементом принудительного исполнения [16, с. 213]. Как, например, в Германии наблюдаются эффективные конструкции реализации контроля за исполнением вынесенных судебных решений. Принудительное производство ФРГ представляет собой гармоничное и тесное взаимодействие суда, и судебных исполнителей, их функции переплетаются, а сами органы принудительного исполнения делятся между собой по различным категориям дел [17, с. 192].

В США на федеральном уровне исполнительные процедуры регулируются федеральными правилами гражданского судопроизводства. Исполнительное производство штатов регулируется гражданско-процессуальными нормами и законами каждого штата. В Соединенных Штатах функции по исполнению федеральных судебных решений возложены на один из старейших институтов федерального уровня – Службу маршалов США. Служба маршалов выполняет те же функции, что и судебные приставы в Донецкой Народной Республике, но у них гораздо больше полномочий.

Помимо исполнения судебных решений, Служба маршалов США оказывает помощь военно-воздушным силам и Министерству обороны США при транспортировке боеприпасов, а также обеспечивает безопасность судебных учреждений и участников судебного процесса. Для американского народа маршал представляет власть федерального правительства в их общинах. Маршал – фактически контактное лицо в конфликтах между национальным правительством и местными общинами [18, с.73].

Стоит отметить, что Служба маршалов США (USMS) является первым и наиболее универсальным федеральным правоохранительным органом страны, участвующим практически во всех федеральных правоохранительных инициативах. Специалисты USMS защищают федеральную судебную систему, задерживают федеральных преступников, скрывающихся от правосудия, перевозят и содержат заключенных,

находят и возвращают пропавших детей, обеспечивают соблюдение требований к сексуальным преступникам, управляют Программой безопасности свидетелей, а также управляют либо продают конфискованные активы, приобретенные преступниками в результате незаконной деятельности.

Заместители маршалов США (DUSMS) защищают семьи судей, вручают федеральные повестки и ордера, а также разыскивают и задерживают федеральных преступников. Служба маршалов в том числе обеспечивает руководство судебными округами, занимается розыском пропавших детей и расследованием преступлений на сексуальной почве. USMS занимает центральное место в системе Министерства юстиции (DOJ) по возмещению ущерба жертвам преступлений путем выявления и изъятия активов, полученных в результате преступной деятельности.

Штаб-квартира агентства расположена в Арлингтоне (штат Вирджиния), и оказывает поддержку 94 окружным отделениям и множеству дополнительных подразделений по всей стране, в том числе четырем зарубежным отделениям на местах. Административный и оперативный персонал USMS выполняет различные важные функции, координируя усилия с другими федеральными, государственными и местными правоохранительными органами. Однако, следует признать, что заимствование американского опыта в Донецкой Народной Республике невозможно, так как Служба маршалов выполняет множество функций, которые в ДНР выполняют иные правоохранительные органы, в частности, полиция, не стоит возлагать их все на Департамент судебных приставов Министерства юстиции Донецкой Народной Республики и отделы судебных приставов городских, районных, горрайонных управлений юстиции Министерства юстиции Донецкой Народной Республики.

Донецкая Народная Республика стремится к гармонизации законодательства с законодательством Российской Федерации, где также практикуется принудительный характер исполнения решений. Осуществление исполнительного производства в Российской Федерации урегулировано Федеральным законом Российской Федерации от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗ РФ «Об исполнительном производстве» [20]. В соответствии с ч. 1 ст. 6.1 ФЗ РФ «Об исполнительном производстве» «федеральная служба судебных приставов создает и ведет, в том числе в электронном виде, банк данных, содержащий сведения, необходимые для осуществления задач по принудительному исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц (далее – банк данных)» [20].

При этом часть сведений являются общедоступными согласно ч. 3 ст. 6.1 ФЗ РФ «Об исполнительном производстве»: 1) дата принятия судебного акта, акта другого органа или должностного лица; 2) вид исполнительного документа, его номер, наименование органа, выдавшего исполнительный документ; 3) дата возбуждения исполнительного производства; 4) номер исполнительного производства; 5) наименование должника; 6) требование, содержащееся в исполнительном документе, за исключением требования, содержащегося в исполнительном документе, выданном на основании судебного акта, текст которого в соответствии с законодательством Российской Федерации не подлежит размещению в сети «Интернет», и данных о взыскателе; 6.1) сумма непогашенной задолженности по исполнительному документу; 7) наименование и адрес подразделения судебных приставов, в котором возбуждено (ведется) исполнительное производство; 8) данные об объявлении розыска должника, его имущества или розыска ребенка; 9) сведения о возвращении исполнительного документа взыскателю или об окончании исполнительного производства [20].

В Донецкой Народной Республике согласно ст. 4 Временного порядка об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики, утв. Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 31.05.2016 № 7-37 [21], функционирует Государственный реестр исполнительных производств, однако никакие

данные в нем не являются публичными, что является препятствием для эффективности исполнительного производства.

В Донецкой Народной Республике основные институты исполнительного производства только формируются. Безусловно, зарубежный, в частности, европейский опыт исполнения судебных решений, очень ценен и актуален, но необходимость гармонизации отечественного законодательства с законодательством Российской Федерации требует скорейшего принятия полноценного закона «Об исполнительном производстве» по российскому образцу. Это, наконец, позволит судебным приставам ДНР действовать в стабильном законодательном поле, предъявлять должникам законные требования по выполнению судебных решений, чувствовать свою правовую защищенность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

13. Экономические последствия системы исполнения судебных решений и предложения по совершенствованию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cambrabcn.org/documents/20182/51408/EJECUCIONES_SENTENCIAS_GENER+2018.pdf/32f6039e-f225-4ff9-92c9-74026d0f57fe (дата обращения: 08.01.2022). – Загл. с экрана.
14. Гаджиагаев В.Г. Исполнительное производство в зарубежных странах // Инновационная наука в современном мире: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. – Нефтекамск, 2021. – С. 98-104.
15. Авдеева О.Р. Участники исполнительного производства по законодательству Донецкой Народной Республики // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный університет». – 2021. – Т. 4. – № 13. – С. 5-10.
16. Шитикова В.И. Особенности исполнительного производства в зарубежных странах // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: Сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции. В 2-х томах. – Курск, 2021. – С. 211-214.
17. Стебенькова Н.Е. Неисполнимость судебных решений: недоработки законодателя или ошибки судей? // Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России» (к 370-летию со времени принятия Соборного Уложения (1649 года): сборник трудов XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно- практическая конференция. – Кострома, 2020. – С. 190-194.
18. Князева С.В. Сравнительный анализ исполнительного производства в россии и зарубежных странах // International Innovation Research: сборник статей XII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. – 2018. – С. 71-75.
19. Годовой отчет Службы маршалов Соединенных Штатов за 2020 финансовый год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.usmarshals.gov/foia/annual-report-2020.pdf (дата обращения: 08.01.2022). – Загл. с экрана.
20. Об исполнительном производстве: Федеральный закон Российской Федерации от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
21. Об утверждении Временного порядка об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики в новой редакции: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 31.05.2016 № 7-37 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-7-37-20160531/ (дата обращения: 08.01.2022). – Загл. с экрана.

FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS

Annotation. In this paper, the foreign and domestic experience of the development of enforcement proceedings is considered. Proposals have been developed regarding the further development of the legislation of the Donetsk People's Republic regulating enforcement proceedings.
Keywords: enforcement proceedings, foreign experience, improvement of the legislation of the DPR.

Khalmatova I. D.
Scientific adviser: Pashkov S. N., Ph. D., associate professor
Donetsk National University
E-mail: xalmatova@mail.ua

УДК 343.2/.7.

ЭВТАНАЗИЯ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Холоша А.Д.
Научный руководитель: Семыкина Л. А., к.ю.н, доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе проанализированы проблемные вопросы, связанные с эвтаназией и ответственностью за ее совершение, разработаны предложения, направленные на установление уголовной ответственности за эвтаназию как привилегированный вид убийства.
Ключевые слова: эвтаназия, медицинский работник, тяжелобольное лицо, мотив сострадания, привилегированное убийство.

С древнейших времен проблема жизни и смерти была предметом как философского, так и правового осмысления. Античные философы были первыми, кто пытался постичь данную проблему, видя в ней главнейший вопрос существования человека.

Актуальность выбора данной темы обусловлена тем, что в современном, стремительно изменяющемся и развивающимся мире, вопрос об эвтаназии встал наиболее остро, в связи с чем все чаще стали встречаться различного рода рассуждения и размышления по данному поводу. Несмотря на большое количество научных трудов, в том числе публикаций монографического и диссертационного характера, проблема эвтаназии до сих пор является предметом нескончаемых дискуссий.

Обсуждения легализации эвтаназии ведутся на протяжении долгого периода времени во многих странах мира. Но после многолетней общественной дискуссии данную процедуру узаконили всего лишь несколько стран (Нидерланды, Бельгия, Швейцария и др.). Уголовное законодательство Донецкой Народной Республики предусматривает уголовную ответственность за убийство (как простое, так и квалифицированное, привилегированное), однако норм, устанавливающих ответственность за совершение медицинским работником акта эвтаназии в отношении неизлечимо больного лица, не предусмотрено. Данные нормы отсутствуют в действующем Уголовном кодексе Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР), в связи с чем, многие вопросы правоприменительной практики в сфере уголовно–правовой охраны безопасности жизни и здоровья человека остаются неопределенными. Приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что исследование вопросов квалификации преступлений против жизни и здоровья приобретает более фундаментальное значение.

Целью данной работы является анализ проблемных вопросов, связанных с эвтаназией и ответственностью за ее совершение, разработка предложений, направленных на установление уголовной ответственности за эвтаназию как привилегированный вид убийства.

Термин «эвтаназия» был введен в науку английским философом Ф.Бэкономом в XVI веке. Он указывал, что «обязанность врача состоит не только в том, чтобы восстановить здоровье, но и в том, чтобы облегчить страдания и мучение, причиняемые болезнью, и не только тогда, когда такое облегчение боли как опасного симптома может привести к выздоровлению, но и в том случае, если уже нет ни единой надежды на спасение и можно лишь сделать саму смерть более легкой и спокойной, так как эта эвтаназия уже сама по себе есть немалое счастье» [7, с.221].

На сегодняшний день в науке уголовного права нет единого мнения по поводу определения понятия эвтаназии. Поэтому, по нашему мнению, целесообразно

трактовать данный термин как умышленное деяние (действие или бездействие) медицинского работника, осуществляемое в связи с озвученной недвусмысленно трактуемой просьбой больного находящегося в безнадежном для жизни состоянии, осознающего характер заболевания, отдающего отчет в своих действиях о причинении ему смерти, а в случае объективной невозможности такого больного озвучить данную просьбу – его законного представителя с целью прекращения физических страданий такого больного, в результате которого наступает его смерть.

Основными критериями разграничения видов эвтаназии являются роль доктора в процедуре досрочного прекращения жизни больного и наличие прямого волеизъявления пациента. Разграничение указанных понятий важно для юридической науки, так как помогает выделить те или иные особенности добровольного досрочного прекращения жизни больного.

Так, в зависимости от характера совершенного врачом деяния принято выделять активную и пассивную эвтаназии. Акт активной эвтаназии производится путем активных медико-социальных действий врача (к примеру, врачом создаются неблагоприятные условия для выживания пациента, в частности передвижение спального места больного к сквозняку и т.п.). Пассивная эвтаназия характеризуется отказом медицинского работника от проведения медико-социальных мероприятий, направленных на спасение жизни пациента, или их прекращением (например, отключение больного лица от аппарата искусственного поддержания жизни).

В зависимости от волеизъявления пациента применительно к эвтаназии она может быть классифицирована на добровольную и принудительную. Добровольная эвтаназия основана на свободно озвученном желании дееспособного и вменяемого пациента. Обязательным признаком добровольной эвтаназии является полное осознание пациентом последствий такой процедуры, осуществляемой на основании его просьбы. Принудительная эвтаназия характеризуется воздействием на волю пациента со стороны врача, родственников, близких пациента или же третьих лиц (например, путем угроз, шантажа, уговоров, воздействия на родственные чувства и т.д.). О принудительной эвтаназии может идти речь в ситуациях, когда врач действует исключительно на основании просьбы доверенных или близких лиц больного (к примеру, когда пациент находится в бессознательном состоянии или же по причине крайне тяжелого состояния не способен выразить свою волю устно, письменно или же с помощью жестов и т.п.) [5, с. 134].

Существует целый ряд преступлений, посягающих на жизнь и здоровье человека и гражданина. Однако в рамках изучения поставленной темы мы рассмотрим отграничивающие признаки убийства без квалифицирующих признаков (простого убийства) и эвтаназии. Противоправность убийства прямо закреплена в УК ДНР. В свою же очередь, 36 статья Закона ДНР «О здравоохранении» устанавливает запрет на проведение медицинскими работниками эвтаназии тяжелобольным лицам, что делает данное деяние незаконным [10]. Однако на сегодняшний день в УК ДНР не предусмотрена ответственность за эвтаназию.

Жизнь человека является высшей общественной ценностью, а естественное и неотъемлемое право на нее закреплено нормами Конституции ДНР. И эвтаназия, и простое убийство посягают на данное право, но несмотря на значительное сходство этих двух деяний, между ними существует ряд принципиальных различий.

Общественная опасность преступления и его характер определяются объектом посягательства, в значительной степени устанавливающим конструкцию конкретного состава преступления и помогающим отграничить смежные составы преступлений. Родовой объект эвтаназии совпадает с родовым объектом простого убийства, так как оба эти деяния посягают на общественные отношения, которые направлены на обеспечение прав и свобод личности, ее безопасности.

К видовому объекту и убийства, и эвтаназии относятся общественные отношения, которые направлены на охрану жизни и здоровья. Следует, однако, отметить, что несмотря на кажущуюся внешнюю схожесть видовых объектов этих деяний, эвтаназия как вид привилегированного убийства является общественно опасным, противоправным и умышленным деянием, связанным с причинением смерти неизлечимо больному лицу, смерть которого по существу неизбежна, с целью прекращения его невыносимых физических и душевных страданий.

Непосредственным объектом убийства являются жизнь и здоровье человека. Непосредственным объектом эвтаназии, как привилегированного убийства, также выступают общественные отношения, которые напрямую связаны с жизнью лица, но исключительно неизлечимо больного, в отличие от убийства.

Объективная сторона убийства заключается в умышленном причинении смерти человеку согласно ч. 1 ст. 106 УК ДНР [9]. Существуют следующие виды воздействия на организм при посягательстве на человеческую жизнь:

–Механическое воздействие;

–Физическое воздействие, к которому можно отнести действие высоких и низких температур, электричества и лучистой энергии;

–Химическое воздействие, заключающееся во введении в организм человека извне веществ, вызывающих при определенных условиях химическое либо физико-химическое отравление, приводящее к смерти;

–Психологическое воздействие с целью вызвать испуг или иное острое переживание у человека, страдающего тяжким заболеванием, с целью вызвать смерть (например, инфаркт, инсульт, остановку сердца) в результате реакции организма

–И другие [6, с.98].

В свою очередь, объективная сторона эвтаназии может выражаться как в действии (чаще всего, как правило, путем химического воздействия, а именно введение в организм человека веществ, вызывающих смерть, извне), так и в бездействии медицинского работника. Бездействие применительно к эвтаназии может рассматриваться в случае, когда неизлечимо больному лицу не был заблаговременно сделан укол, необходимый для продления срока его жизни (что в ряде случаев может рассматриваться как разновидность пассивной эвтаназии при наличии просьбы) [4, с. 95].

На основании вышеуказанного нами делается вывод, что объективная сторона эвтаназии не совпадает с объективной стороной простого убийства. Схожесть эвтаназии с убийством прослеживается исключительно в необходимом последствии совершенного преступного деяния виновного лица – смерти потерпевшего. Основным отличительным признаком является то, что объективная сторона эвтаназии характеризуется деянием, носящим исключительно гуманный характер, направленным на причинение смерти именно неизлечимо больному человеку согласно его настойчивой просьбе [1, с. 96].

Однако главнейшее отличие эвтаназии от состава простого убийства заключается в субъективной стороне данных деяний. Субъективная сторона убийства характеризуется как прямым, так и косвенным умыслом, направленным на лишение жизни другого человека. При этом виновный осознает общественную опасность совершаемого деяния, а также предвидит возможность или неизбежность наступления смерти и желает либо сознательно допускает или безразлично относится к возможной смерти потерпевшего.

Характерной чертой субъективной стороны эвтаназии является наличие у виновного исключительно прямого умысла, который направлен на причинение смерти неизлечимо больному лицу ввиду озвученной им недвусмысленно трактуемой просьбы. В данном случае лицо также осознает общественную опасность своего деяния,

предвидит возможность или неизбежность наступления смерти потерпевшего и желает этого. Однако применительно к эвтаназии необходимо учитывать, что если бы потерпевший не озвучил просьбу о причинении ему смерти, то у виновного лица не возникло бы умысла на совершение такого деяния. К тому же, при совершении акта эвтаназии при наличии прямого умысла, деяния субъекта обязательно должны быть целенаправленными и осознанными, несмотря на наличие провокации со стороны потерпевшего [3, с. 63].

Весомые отличия признаков простого убийства и эвтаназии прослеживаются и при установлении основного мотива поведения виновного лица. В отличие от простого убийства, во время совершения акта эвтаназии превалирующим мотивом субъекта выступает сострадание к неизлечимо больному лицу, т.е. жалость, горечь, сочувствие, вызванное несчастьем другого человека. Обычно это чувство должно носить длительный характер, в том числе и у медицинского работника. Однако продолжительность чувства жалости, сострадания необходимо оценивать с точки зрения длительности самой болезни, длительности периода, когда лицо осознает наличие у него неизлечимой болезни, и степени прогрессирования болезни. Неожиданно появившееся чувство сострадания к неизлечимо больному лицу может вызвать сомнения касательно его правдивости, и в таком случае потребуются дополнительные подтверждения его подлинности [8, с. 20].

Целью эвтаназии является прекращение страданий неизлечимо больного лица путем умышленного причинения ему смерти, что непосредственно связано с мотивом сострадания. При совершении убийства виновным лицом, как правило, движут корыстные или низменные цели.

Последним элементом рассматриваемых противоправных деяний является субъект преступления. Субъектом убийства является лицо, достигшее возраста четырнадцати лет согласно ч. 2 ст. 19 УК ДНР [9]. Субъектом эвтаназии, в свою очередь, может быть исключительно медицинский работник. К субъектам данного деяния также может быть социальный работник, родственник или знакомое лицо, осведомленное о степени тяжести и неизлечимости болезни, а также о страданиях, которые лицо испытывает в связи с ней [2, с. 23].

Таким образом, несмотря на то, что признаки убийства без квалифицирующих признаков и эвтаназии на первый взгляд являются схожими, существует ряд принципиальных различий данных преступных деяний. Убийство представляет собой преступление, которое вызывает однозначное общественное осуждение и порицание. Причинами совершения убийства являются корыстные мотивы, негативные побуждения, попрание естественных прав потерпевшего и его желания жить. Эвтаназии, в свою очередь, присущи признаки, формально технически схожие с убийством, однако отличающиеся по мотивам, целям и обстоятельствам совершения такого деяния. При этом, как указывалось ранее, непосредственным объектом эвтаназии является жизнь неизлечимо больного лица, испытывающего страдания и невыносимые муки, чье наступление смерти неизбежно. Вместе с этим само лишение жизни согласуется с волей потерпевшего, это – его просьба и пожелание. В качестве мотива и определенного обстоятельства эвтаназии может выступать возникающая у врача или законных представителей больного жалость, сострадание к близкому им человеку в связи с его мучительными страданиями, которые он вынужден испытывать из-за неизлечимой болезни. По содержанию непосредственный объект эвтаназии существенно отличается от объекта простого убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 106 УК ДНР. Аналогом убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 106 УК ДНР, по нашему мнению, следует считать только принудительную эвтаназию, совершаемую против воли больного человека.

Применительно к международному праву актуальность проблемы эвтаназии на сегодняшний день связана с ее распространенностью и усилением интереса к данной

проблеме в правовой доктрине и уголовной практике многих государств. На сегодняшний день в подавляющем большинстве европейских странах превалирует философия незыблемости конституционных прав и основных свобод человека, а также неприкосновенности его жизни. Однако, детально изучив современные философские взгляды на корреляцию жизни и смерти, озвученные в существующей современной литературе, мы приходим к выводу, что конечная и единообразная позиция относительно акта эвтаназии еще не сформулирована, что, в свою очередь, ярко свидетельствует нерешенности проблемы эвтаназии.

Анализ действующего национального законодательства, а также международно-правовых документов, показывает, что их нормы, как правило, содержат запрет на осуществление акта эвтаназии, главным образом, ее активных форм. Аналогичные запреты также содержатся и в международных медицинских документах, носящих этический характер. Однако в некоторых государствах существует устойчивая тенденция к легализации эвтаназии и закреплению ее в праве. В связи с этим важное значение приобретает вопрос, насколько такое законодательное решение согласуется с общепризнанным правом человека на жизнь. По нашему мнению, данное право не должно рассматриваться излишне широко, в частности, оно не может включать в себя право на смерть, представляющее собой, по мнению многих исследователей, юридический нонсенс.

Мы полагаем, что эвтаназия как юридический факт представляет собой не реализацию права на жизнь, а преступление. Очевидно, что по ряду признаков эвтаназия схожа с убийством (в качестве объекта эвтаназии выступает жизнь неизлечимо больного лица; объективная сторона выражается в деянии; субъективная сторона эвтаназии характеризуется наличием у лица прямого умысла, направленного на причинение смерти потерпевшему по мотиву сострадания). Однако некоторые характерные особенности эвтаназии не позволяют полностью отождествить данное деяние с убийством, предусмотренным ст. 106 УК ДНР. По нашему мнению, квалификация эвтаназии по ч. 1 ст. 106 УК ДНР нарушит один из фундаментальных принципов уголовного права, а именно принцип справедливости, который требует, чтобы наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к виновному лицу, совершившему преступное деяние, соответствовали характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Мы полагаем, что во всех случаях просьба потерпевшего должна вести к смягчению уголовно-правовой ответственности за причинение смерти, однако применительно к эвтаназии для этого должен быть соблюден ряд следующих условий:

–Больной должен испытывать непрекращающиеся, непереносимые страдания, вызванные неизлечимой болезнью, подтвержденные медицинскими показаниями;

–Больной должен настойчиво и несколько раз выразить свое желание уйти из жизни, либо если он не в состоянии явно выразить свою волю, то просьба должна исходить от его законных представителей. Важным является факт полного осознания лицом, высказывающим такую просьбу, последствий совершения эвтаназии;

–Просьба о причинении смерти должна быть высказана свободно. Если она была высказана вследствие обмана, введения в заблуждение (например, о течении болезни) или в результате принуждения, то совершенное деяние не может быть признано эвтаназией и должно влечь ответственность по ст. 106 УК ДНР;

–Мотив и цель выступают обязательными признаками субъективной стороны эвтаназии: она совершается с целью прекращения страданий больного по мотиву сострадания;

–Субъект эвтаназии является специальным: совершить акт эвтаназии может только медицинский работник.

На основании изложенного, нам представляется целесообразным дополнить раздел VII УК ДНР нормой, предусматривающей уголовную ответственность за совершение эвтаназии, и ее диспозицию изложить в следующей редакции: «Эвтаназия, то есть умышленное деяние медицинского работника, направленное на причинение смерти неизлечимо больному человеку, испытывающему мучительные физические страдания, совершенное по мотиву сострадания с целью прекращения его мучений, по просьбе такого лица, а в случае объективной невозможности лица озвучить данную просьбу – его законного представителя, путем инъекции, отключения от аппарата искусственного поддержания жизни или иным гуманным способом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гюлишанова И.А. Понятие и виды эвтаназии /И.А. Гюлишанова // Юристъ – Правоведъ. –2017. – №7. – С.62-64.
2. Евсеева Я.В. Эвтаназия: история и современные дебаты (Обзор) / Я.В. Евсеева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. – 2021. – №3. – С12-25.
3. Лапко Г. К. Особенности квалификации эвтаназии / Г.К. Лапко // Юридическая наука. – 2018. – №5. – С. 61-63.
4. Летов О.В. Актуальные вопросы биоэтики / О.В. Летов //Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Философия: Реферативный журнал. – 2020. – №13. – С.92.
5. Павлова М.А., Мхитарян Л.Ю. Эвтаназия. Проблемы правового регулирования / М.А. Павлова, Л.Ю.Михтарян // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2016. – №8. – С.133-137.
6. Стефанчук Р.А. Правовые аспекты эвтаназии / Р.А. Стефанчук // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2016. – №3(23). – С.67-76.
7. Уткин И.Е. К вопросу о понятии эвтаназии / И.Е. Уткин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – №18. – С.221-223.
8. Четав С. Е. Философско-правовые аспекты проблемы эвтаназия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – № 1. – С. 16-23.
9. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: от 19 августа 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 31.01.2022).
10. Закон ДНР «О здравоохранении» № 42-IНС от 24.04.2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zdravohranenii/(дата обращения: 31.01.2022).

EUTHANASIA: GENERAL THEORETICAL AND CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS

Annotation. The work analyzes the problematic issues associated with euthanasia and responsibility for its commission, developed proposals aimed at establishing criminal liability for euthanasia as a privileged type of murder.
Keywords: euthanasia, medical worker, seriously ill person, motive of compassion, privileged murder.

Kholosha A.
Scientific adviser: Semikina L.A. PhD, associate professor
Donetsk National University
E-mail: alexandra.kholoshaa@gmail.com

УДК 347

ЛИЧНОЕ СТРАХОВАНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Чаус К.А.
Научный руководитель: Хоруженко К.А., к.и.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная статья посвящена теоретико-методологическому анализу личного страхования в гражданском законодательстве Донецкой Народной Республики. Изучено понятие «договор личного страхования». Определены объекты личного страхования и страховые риски. Выделены и проанализированы три подотрасли личного страхования: страхование от несчастных случаев; медицинское страхование; страхование жизни. Установлены особенности обязательного и добровольного личного страхования. Сформирован вывод о целесообразности разработки проекта (концепции) внедрения института личного страхования в правовое поле Донецкой Народной Республики.
Ключевые слова: личное страхование, страховые риски.

В современных условиях личное страхование является одной из основных составляющих социальной системы страны, которая помогает решить достаточно много проблем, возникающие в обществе в аспекте сохранения здоровья, благосостояния и защиты экономических интересов. К сожалению, жизненный уровень в Донецкой Народной Республике занимает последние позиции в мировых рейтингах. Вопрос преодоления бедности можно решить путем введения совершенной и доступной каждому системы личного страхования, в состав которой входит страхование жизни, медицинское страхование и страхование от несчастных случаев. В связи с этим, возникает необходимость в исследовании особенностей развития личного страхования и его структурных элементов.

Целью статьи является проведение теоретико-методологического анализа личного страхования в гражданском законодательстве Донецкой Народной Республики.

Прежде всего, необходимо изучить теоретический и законодательный базис Донецкой Народной Республики, который регламентирует категориально-терминологический аппарат и сущность личного страхования.

В соответствии с ч. 1 ст. 1064 ГК ДНР, по договору личного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию), уплачиваемую другой стороной (страхователем), выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму (страховую сумму) в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого указанного в договоре физического лица (застрахованного лица), достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая) [1].

Также следует отметить, что, согласно ч. 2 ст. 1064 ГК ДНР, договор личного страхования в пользу лица, не являющегося застрахованным лицом, в том числе в пользу не являющегося застрахованным лицом страхователя, может быть заключен лишь с письменного согласия застрахованного лица. При отсутствии такого согласия договор может быть признан недействительным по иску застрахованного лица, а в случае смерти этого лица по иску его наследников [1].

Следовательно, общими объектами личного страхования являются имущественные интересы, связанные с жизнью, здоровьем, трудоспособностью и дополнительной пенсией застрахованного лица. Конкретными объектами личного страхования являются жизнь и здоровье человека, а также определенные события его жизни: совершеннолетие, брак, рождение ребенка и тому подобное.

Необходимо уточнить, что страховые риски составляют следующий перечень: смерть человека (естественная или от несчастного случая); дожитие застрахованного лица до окончания действия договора страхования или определенного возраста, который установлен договором; заболевание личности и предоставление ей медицинских услуг; установление инвалидности, лечение последствий травмы и ряд других.

В свою очередь, к отрасли личного страхования относятся три подотрасли:

– страхование от несчастных случаев;

– медицинское страхование;

– страхование жизни.

Первые две подотрасли относятся к общему (рисковому) страхованию, а третья – к отдельной подотрасли с таким же названием.

По форме проведения личное страхование может быть классифицированным на добровольное и обязательное. На сегодняшний день в отечественных реалиях обязательны следующие разновидности личного страхования:

– медицинское страхование;

– личное страхование медицинских и фармацевтических работников (кроме тех, которые работают в учреждениях и организациях, финансируемых из государственного бюджета) на случай инфицирования вирусом иммунодефицита человека во время выполнения ими служебных обязанностей;

– личное страхование работников ведомственной (кроме тех, которые работают в учреждениях и организациях, финансируемых из государственного бюджета) и сельской пожарной охраны и членов добровольных народных дружин (команд);

– страхование спортсменов высших категорий;

– страхование жизни и здоровья специалистов ветеринарной медицины;

– личное страхование от несчастных случаев на транспорте;

– страхование работников (кроме тех, которые работают в учреждениях и организациях, финансируемых из государственного бюджета), принимающих участие в предоставлении психиатрической помощи, в том числе осуществляющими уход за лицами, которые страдают психическими расстройствами;

– страхование жизни и здоровья временного администратора, ликвидатора финансового учреждения и работников центрального органа исполнительной власти, реализующего государственную финансовую политику, определенные решения вопросов относительно участия государства в капитализации банка;

– страхование медицинских и других работников государственных и коммунальных учреждений здравоохранения и государственных научных учреждений (кроме тех, которые работают в учреждениях и организациях, финансируемых из государственного бюджета) на случай заболевания инфекционными болезнями, связанное с выполнением ими профессиональных обязанностей в условиях повышенного риска заражения возбудителями инфекционных болезней [2, с. 324-325].

В свою очередь, добровольные виды личного страхования предусматривают: страхование жизни; страхование от несчастных случаев; медицинское страхование (непрерывное страхование здоровья); страхование здоровья на случай болезни; страхование медицинских расходов, а также страхование жизни и здоровья волонтеров на период оказания ими волонтерской помощи.

Итак, теперь целесообразно проанализировать отдельные ключевые разновидности личного страхования. Важно понимать, что на сегодняшний день в Донецкой Народной Республике не разработано специальное законодательство, регулирующее вопросы заключения договоров о личном страховании, в связи с чем следует руководствоваться нормативными предписаниями Украины до 2014 года на основании Постановления Совета Министров ДНР от 02 июня 2014 года № 9-1 «О применении законов на территории ДНР в переходной период» [3].

1. Страхование от несчастных случаев – вид личного страхования, традиционно осуществляемый для оказания помощи застрахованным лицам в случае временной или постоянной потери трудоспособности вследствие воздействия внезапной, кратковременной, непредсказуемой и независимо от воли застрахованного лица события.

Страхование от несчастных случаев в отличие от страхования жизни является рисковым видом страхования. Во-первых, это означает, что наступление страхового случая можно предсказать с определенной степенью вероятности, а, во-вторых, если вероятное событие наступает, то застрахованный получает страховую сумму, если нет, то выплаты не осуществляют. Страхование от несчастных случаев дополняет, но не заменяет социального страхования, основой которого является Закон Донецкой Народной Республики «Об основах общеобязательного социального страхования» [4].

Важнейшим критерием отбора риска и установления страховых тарифов является профессия. Если лицо работает по нескольким специальностям, то степень их рискованности берут немного выше, чем указано в тарифе.

В правилах страхования от несчастных случаев страховые компании обычно выделяют четыре группы риска профессий:

– 1-я группа – офисные работники и персонал, не вовлеченный до промышленное производство;

– 2-я группа – лица, занятые в процессе производства (машиностроительной, деревообрабатывающей, легкой промышленностях), строители, работники железнодорожного, речного транспорта, водители;

– 3-я группа – работники металлургической, нефтяной и газовой промышленности, морского и океанского транспорта, мотоциклисты;

– 4-я группа – рабочие отраслей с повышенной степенью опасности (взрывники, работники химического производства, водолазы, электрики высоковольтных линий, пожарные и др.) [5].

Следствием несчастных случаев может быть: временная нетрудоспособность; инвалидность; смерть.

Под нетрудоспособностью понимают невозможность продолжать профессиональную деятельность или выполнять привычные обязанности в течение определенного промежутка времени. Экспертизу временной нетрудоспособности осуществляют в лечебно-профилактических учреждениях и удостоверяют больничным листом или соответствующей справкой. Если срок пребывания на больничном по нетрудоспособности превышает 4 месяца, пострадавший проходит медико-социальную экспертную комиссию (МСЭК), которая может признать стойкую потерю нетрудоспособности и установить определенную группу инвалидности.

Инвалидность может быть установлена на срок от 1 до 3 лет или бессрочно. Бессрочная инвалидность означает постоянную инвалидность, под которой понимают физические или функциональные потери, причинившие застрахованному непоправимый вред. Постоянная инвалидность может быть двух видов – общей и частичной. К первому относится неизлечимая умственная неполноценность, полная слепота, полный паралич, потеря или невозможность действия обеими руками, обеими ногами, любое другое повреждение, что обуславливает полную неспособность к любому виду работ. Если инвалидность не соответствует предыдущему определению, ее классифицируют как частичную.

Степень потери здоровья влияет на величину страховой суммы, выплачиваемую застрахованному лицу по результатам несчастного случая. Максимальную страховую сумму выплачивают в случае смерти страхователя.

2. Медицинское страхование – это страхование на случай потери здоровья по любой причине, включая болезнь и несчастный случай.

Страховыми рисками медицинского страхования являются:

– болезнь застрахованного лица;

– повреждение здоровья вследствие несчастного случая;

– смерть застрахованного лица вследствие болезни во время пребывания в медицинском учреждении.

Наиболее типичным страховым риском в медицинском страховании является заболевание застрахованного, а страховым случаем (событием) – обращение застрахованного в медицинское учреждение и оказания ему лечебных услуг. В отличие от страхования от несчастных случаев риск смерти как самостоятельный или отдельный риск в таком случае не предусмотрен.

Важно понимать, что обязательное медицинское страхование имеет существенное преимущество – оно обеспечивает регулярность поступления денежных средств, создавая благодаря ней возможность планирования медицинской помощи.

Субъектами добровольного медицинского страхования являются:

– страховые компании, имеющие соответствующую лицензию;

– страхователи: физические и юридические лица;

– медицинские учреждения независимо от формы собственности.

Отношения между субъектами добровольного медицинского страхования базируются на двух договорах: договоре страхования, заключенном между страховщиком и страхователем, и договоре на оказание лечебно-профилактической помощи, заключенном между страховщиком и лечебно-профилактическим учреждением. Договор добровольного медицинского страхования заключают на основании соответствующей программы добровольного медицинского страхования.

Страховым случаем является обращение страхователя (застрахованного) во время действия договора страхования в медицинское учреждение с жалобами на здоровье при условии, что симптомы заболевания соответствуют перечисленным в договоре случаям, которые считают страховыми. Страховая сумма, в пределах которой страховщик несет ответственность по выплатам, обусловлена стоимостью выбранной страхователем программы добровольного медицинского страхования.

Программа является неотъемлемой частью договора страхования. Страховщики могут предлагать программы, отличающиеся обстоятельствами, при которых страхователь будет получать медицинскую помощь: амбулаторно, в стационаре, путем вызова медицинской помощи или врача на дом. Кроме того, программы могут быть направленными только на оказание помощи детям или взрослым, отличаться перечнем медицинских учреждений, привлеченных к реализации услуг по медицинскому страхованию. И, наконец, программы отличаются стоимостью, на которую влияют все вышеупомянутые условия.

Следовательно, страховщик является посредником между страхователем и медицинским учреждением. Он берет на себя обязательство не только оплатить, но и организовать застрахованному получение гарантированной договором медицинской помощи.

Законом Украины «О страховании» предусмотрено осуществление добровольного медицинского страхования (ДМС) в трех разновидностях:

– медицинское страхование (непрерывного страхования здоровья);

– страхование здоровья на случай болезни;

– страхование медицинских расходов («медицинского ассистанса») [6].

Перед заключением договора ДМС лицо, которое будет застрахованным, должно пройти медицинское освидетельствование. На его основании определяют наличие определенной болезни (болезней) или склонность к ним. Далее этому лицу предлагают программу медицинских услуг, после выбора которой устанавливают страховую сумму, страховой тариф и определяют страховые платежи.

После вступления в действие договора страхования застрахованное лицо может обратиться в медицинское учреждение за оказанием медицинской услуги. Медицинское учреждение проверяет соответствие страхового события, предусмотренному в договоре страхования, и после этого предоставляет застрахованному медицинскую услугу. После завершения лечения медицинское учреждение направляет страховой компании счет для оплаты стоимости оказанных услуг.

Страхование здоровья на случай болезни имеет определенные отличия от непрерывного страхования здоровья. В первую очередь, это касается страховых рисков, программ медицинских услуг, способа выплаты страховых сумм и организационных схем. Основным риском является болезнь, предусмотренная программой медицинских услуг, дополнительными – установление инвалидности или смерть застрахованного лица в результате болезни, предусмотренной для лечения договором страхования.

Особенностью этого вида страхования, что влияет и на его организационную схему, является выплата страховых сумм не медицинским учреждениям, а напрямую застрахованным лицам.

Обязательное медицинское страхование находится под контролем государства и характеризуется бесприбыльностью, а также имеет черты социального страхования. По обязательному медицинскому страхованию страховые суммы, размер взносов, порядок их уплаты и процедура выплаты страховых сумм установлены законодательством. Страхователем является работодатель (предприниматель, предприятие, учреждение или организация) и потому страхование преимущественно охватывает занятое население, а для медицинского страхования детей, школьников, неработающей молодежи, инвалидов и пенсионеров применяют дополнительные программы или добровольное медицинское страхование.

Страхование жизни – вид личного страхования, предусматривающий обязанность страховщика осуществить страховую выплату в случае смерти застрахованного лица в течение действия договора страхования или его дожития до окончания срока действия договора и (или) достижения застрахованным лицом определенного договором возраста. Условия договора страхования жизни могут также предусматривать обязанность страховщика осуществить страховую выплату в случае несчастного случая и (или) болезни застрахованного лица.

Страхование жизни является универсальным инструментом для решения многих социальных задач. Прежде всего, это материальное обеспечение лица после достижения пенсионного возраста или в случае потери дееспособности из-за несчастного случая. В современных условиях страхование жизни является обязанностью страховщика осуществить страховые выплаты в случаях: 1) дожития до оговоренного в договоре срока; 2) обеспечения человека в старости или после потери трудоспособности; 3) смерти; 4) обеспечения кредита, прежде всего, ипотечного; 5) накопления средств для оплаты образования детей или предоставления им финансовой поддержки по достижении ими совершеннолетия.

Страховой риск за страхование жизни – продолжительность человеческой жизни.

Риском является не сама смерть, а время ее наступления, потому что страховой риск имеет два аспекта: умереть в молодом возрасте или ранее средней продолжительности жизни; жить в старости, имея большую продолжительность жизни, что требует получения регулярных доходов без продолжения трудовой деятельности.

В отличие от рискового страхования за страхование жизни вместо термина «страховое возмещение» применяют термин «страховая сумма». Под ней понимают денежную сумму, в пределах которой страховщик согласно условиям договора, должен осуществить выплату в случае наступления страхового случая. Выплату страховой суммы могут осуществлять единовременно в размере страховой суммы или ее части и выплачивать последовательно.

Таким образом, личное страхование представляет собой отрасль страхования, обеспечивающую защиту имущественных интересов граждан, связанных с вероятностью наступления смерти, потери здоровья, а также со стремлением граждан иметь сбережения.

На сегодняшний день в гражданском законодательстве Донецкой Народной Республики закреплены основополагающие предписания касаемо осуществления личного страхования в отечественных реалиях, но, тем не менее, в отличие от ранее действующего законодательства Украины, вовсе не сформировано специальный нормативный базис, регламентирующий страхование от несчастных случаев, медицинское страхование, страхование жизни. Следовательно, целесообразно разработать соответствующий проект (концепцию) внедрения института личного страхования в правовое поле Донецкой Народной Республики ввиду того, что особенностью личного страхования является сочетание в его рамках всех видов страховых услуг, обеспечивающих страховую защиту жизни, здоровья физического лица и дают возможность накопить дополнительную пенсию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики от 13 декабря 2019 года № 81-IIНС / Официальный сайт Народного совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 25.01.2022) – Загл. с экрана.
2. Степанова, М.Н. Личное страхование, устанавливаемое через обязывания и гарантии, как элемент страховой системы / М.Н. Степанова // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – №2. – С. 323-327.
3. О применении законов на территории ДНР в переходной период: Постановление Совета Министров ДНР от 02 июня 2014 года № 9-1 / Официальный сайт Народного совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/postanovlenie-soveta-ministrov-doneckoy-narodnoy-respubliki-o-primenenii-zakonov-na (дата обращения: 25.01.2022) – Загл. с экрана.
4. Об основах общеобязательного социального страхования: Закон Донецкой Народной Республики от 30 апреля 2015 года № 37-IНС / Официальный сайт Народного совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-37-ihc-20150430/ (дата обращения: 25.01.2022) – Загл. с экрана.
5. Гаманкова О., Шимкив С. Финансовое обеспечение страхования от несчастных случаев в Украине / О. Гаманкова, С. Шимкив // Вестник Киевского национального университета. Серия: Экономика. – 2016. – №3. – С. 18-25.
6. О страховании: Закон Украины от 7 марта 1996 года № 85/96-ВР (в ред. до 2014 года) // Вестник Верховной Рады Украины. – 1996. – №18. – ст. 78.

PERSONAL INSURANCE IN THE CIVIL LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. This article is devoted to the theoretical and methodological analysis of personal insurance in the civil legislation of the Donetsk People's Republic. The concept of «personal insurance contract» has been studied. The objects of personal insurance and insurance risks have been identified. Three sub-sectors of personal insurance are identified and analyzed: accident insurance; medical insurance; life insurance. The features of compulsory and voluntary personal insurance are established. The conclusion is formed about the expediency of developing a project (concept) for the introduction of the institute of personal insurance in the legal field of the Donetsk People's Republic.
Keywords: personal insurance, insurance risks.

Chaus K.
Scientific adviser: Khoruzhenko K.A., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: kchaus22@gmail.com

УДК 340

ПОНЯТИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Чернилевский Б.С.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются понятия и отличительные признаки гражданско-правовой ответственности. Выделены понятия «ответственность», «проблематика ответственности», «ретроспективная ответственность» и «проспективная ответственность». Названы отличительные признаки гражданско-правовой ответственности и ее функции.
Ключевые слова: ответственность, ретроспективная ответственность, проспективная ответственность, гражданско-правовая ответственность, функции гражданско-правовой ответственности, меры гражданско-правовой ответственности.

Ответственность – одна из основных юридических категорий, широко используемая в правоприменительной деятельности. Однако сам термин «ответственность» многозначен и употребляется в различных аспектах. Можно различать социальную, моральную, политическую, юридическую ответственность [1].

Социальная ответственность – обобщающее понятие, включающее все виды ответственности в обществе. С этой точки зрения моральная и юридическая ответственность – разновидности (формы) социальной ответственности.

Проблематика ответственности – одна из наиболее сложных в теоретическом плане. Некоторые ученые ссылаются, что значительный интерес представляет проблема так называемой двух аспектной юридической ответственности, где в ее основе является понимание юридической ответственности, уводящее последнюю от делинквентной избыточности и возвращающее, по сути, к социальным истокам. Однако при этом сами авторы утверждают, преимущественно принято под юридической ответственностью понимать ответственность за правонарушение, далее они указывают, что об ответственности можно вести речь не только в случае и в связи с правонарушением, но и до него, не в связи с ним. С точки зрения такого подхода ответственность за правонарушение в юридической литературе получила свое признание как ретроспективная (негативная) ответственность же, не связанная с правонарушением и имеющая место до его совершения, – как проспективная (позитивная).

По своей сути проспективная ответственность – это осознание лицом общественной значимости своих действий, стремление к их наилучшему исполнению (иными словами – чувство ответственности). Эта ответственность может характеризовать отношение субъекта к своему будущему поведению. В правовой сфере позитивная (проспективная) ответственность связана с социально-правовой активностью, проявлением инициативы при реализации правовых предписаний, но она не является юридической ответственностью.

Ретроспективная ответственность как реакция государства и потерпевшей стороны на совершенное правонарушение выражается в применении к правонарушителю мер воздействия. Одна из особенностей ретроспективной ответственности состоит в том, что она включается в механизм регулирования общественных отношений в связи с уже состоявшимися фактами нарушения установленных правил поведения, в том числе охраняемых законом, т.е. это ответственность за прошлое поведение [2].

Основанием наступления ретроспективной ответственности является совершение противоправного действия или бездействие.

В этом смысле юридическая и ретроспективная ответственность совпадают по моменту возникновения, что также свидетельствует о проявлении юридической ответственности только в ретроспективном плане. Необходимо отметить, что в целом ответственность в ретроспективном аспекте – более широкое по объему понятие, чем юридическая ответственность. Ответственность моральная, политическая, если она наступает как реакция на проступок, тоже относится к такому роду ответственности. Иными словами, ответственность в ретроспективном аспекте проявляется не только в юридической, но и в других видах социальной ответственности [3].

Юридическая ответственность устанавливает последствия ненадлежащего (неправомерного) поведения, нарушающего права и интересы других лиц. Следовательно, ее применение становится одним из способов защиты нарушенных прав и интересов.

Важнейшая особенность этого способа состоит в применении мер ответственности с помощью государственного, в том числе судебного, принуждения, т.е. с помощью публичной власти (уполномоченных на то государственных органов или должностных лиц). Это отличает его от самозащиты и других мер воздействия, применяемых к правонарушителям непосредственно управомоченными (потерпевшими) лицами. В некоторых случаях меры ответственности могут использоваться и добровольно, а не с помощью публичной власти (например, правонарушитель добровольно уплачивает неустойку (пеню или штраф)). Это обстоятельство не меняет их природы как государственно-принудительных мер, содержание и порядок применения которых установлены законом. Поэтому юридическую ответственность нередко рассматривают как государственно-принудительное применение к правонарушителю любых неблагоприятных для него мер.

Таким образом, юридическая ответственность представляет собой одну из форм государственно-принудительного воздействия на нарушителей норм права, заключающуюся в применении к ним предусмотренных законом санкций – мер ответственности, влекущих для них дополнительные неблагоприятные последствия.

Как разновидность юридической ответственности ответственность в гражданском праве обладает всеми указанными выше признаками, однако имеет и особенности, обусловленные спецификой самого гражданского права [4].

Гражданско-правовая ответственность состоит в претерпевании субъектом неблагоприятных имущественных последствий в связи с допущенным неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, нарушением прав и законных интересов другого лица.

Обязательным признаком юридической ответственности является возможность опоры на механизм государственного принуждения при ее применении. Противоправность допущенного нарушения субъективного гражданского права (неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства) относится к числу необходимых условий гражданско-правовой ответственности.

Основной, главной функцией гражданско-правовой ответственности является ее компенсаторно-восстановительная функция. Она отражает соразмерность применяемых мер ответственности и вызванных правонарушителем убытков, а также направленность взыскания на компенсацию имущественных потерь потерпевшего от правонарушителя. Наряду с этим гражданско-правовая ответственность выполняет также стимулирующую (организационную) функцию, поскольку побуждает участников гражданских правоотношений к надлежащему поведению. Способствуя предотвращению возможных в будущем правонарушений, гражданская ответственность выполняет и предупредительно-воспитательную (превентивную) функцию. Разумеется, она, как и всякая юридическая ответственность, осуществляет штрафную (наказательную) функцию в отношении правонарушителей [5].

Мерами гражданско-правовой ответственности являются гражданско-правовые санкции – предусмотренные законодательством Донецкой Народной Республики имущественные меры государственно-принудительного характера, применяемые судом к правонарушителю с целью компенсации имущественных потерь потерпевшего и возлагающие на правонарушителя неблагоприятные имущественные последствия правонарушения.

О.С. Иоффе отмечает, что гражданско-правовая ответственность характеризуется следующими свойствами:

1) она является санкцией за нарушение законов в сфере гражданского права, обеспеченной убеждением и государственным принуждением или его возможностью;

2) в ее основе лежит общественное осуждение поведения правонарушителя и стимулирование его к определенной деятельности в интересах общества при отсутствии оснований для осуждения поведения ответственного лица;

3) она выражается в форме восстановления нарушенных отношений и в форме установления отрицательных последствий для правонарушителя в целях обеспечения условий нормального развития гражданско-правовых отношений.

Таким образом, основанием применения к нарушителю мер гражданско-правовой ответственности традиционно рассматривается как совершение этим лицом гражданско-правового нарушения, а совокупность всех необходимых условий для применения гражданско-правовой ответственности составляет состав правонарушения. Многообразие видов гражданско-правовых правонарушений определяет и многообразие форм гражданско-правовой ответственности [6].

Несмотря на различия в определении понятия гражданско-правовой ответственности, традиционно выделяются общие условия ее наступления, которыми являются:

1) противоправное поведение лица, нарушившего право;

2) причинение вреда, который может быть выражен как в материальной, так и нематериальной форме (моральный вред);

3) причинная связь между противоправным поведением и наступившим вредом;

4) виновное поведение правонарушителя.

Гражданско-правовая ответственность, в первую очередь, наступает с момента невыполнения или ненадлежащего выполнения обязательств. В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и тому подобное, либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности [7].

Следует заметить, что, выделяя в качестве общего условия гражданско-правовой ответственности наличие убытков или вреда, точнее указывать на имущественные потери, неблагоприятные последствия, поскольку факт наличия убытков определяется судом (юрисдикционным органом) при разрешении спора, и только после такого признания они могут быть взысканы с неисправной стороны в принудительном порядке (или определены под угрозой принудительного взыскания), т.е. будут рассматриваться как мера гражданско-правовой ответственности [8].

Итак, юридическая ответственность устанавливает последствия ненадлежащего (неправомерного) поведения, нарушающего права и интересы других лиц. Следовательно, ее применение становится одним из способов защиты нарушенных прав и интересов. Как разновидность юридической ответственности, ответственность в гражданском праве состоит в претерпевании субъектом неблагоприятных имущественных последствий в связи с допущенным неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, нарушением прав и законных интересов другого лица.

Таким образом, противоправность допущенного нарушения субъективного гражданского права (неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства) относится к числу необходимых условий гражданско-правовой ответственности. Исходя из анализа норм ГК ДНР, автором предлагается ввести в его содержание понятие гражданско-правовой ответственности, а именно: «Гражданско-правовая ответственность – это одна из форм государственного принуждения, состоящая во взыскании судом имущественных санкций, которые заключаются в возмещении ущерба, причиненного в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, или возмещении морального вреда причиненного вследствие нарушения прав человека».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев, В. В. Понятие гражданско-правового института как структурного элемента системы гражданского права / В. В. Васильев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 1. – С. 312.
2. Вольман И.С., Марков Н.Э. Гражданское право. – М., Статут. 2013. – С. 229.
3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2001. – С. 298.
4. Канев, Д.Р. Понятие гражданско-правовой ответственности в науке и законодательстве / Д.Р. Канев // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 4. – С. 278.
5. Кирсанов,А.Ю. О понятии «гражданско-правовой ответственности» /А.Ю.Кирсанов // Закон и право. – 2006. – №11. – С. 123.
6. Муравский В.Ф. Становление и развитие в России института гражданско-правовой ответственности за причиненный вред] // Юридический мир. – 2006. – №4. – С. 224.
7. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС от 13.12.2019, действующая редакция по состоянию на 25.05.2021/ https://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/
8. Самощенко, И.С. Ответственность по советскому законодательству. – М. : Юрид. лит., 2010. – С. 335.

THE CONCEPT AND DISTINCTIVE FEATURES OF CIVIL LIABILITY

Annotation. This paper discusses the concepts and distinctive features of civil liability. The concepts of «responsibility», «problems of responsibility», «retrospective responsibility» and «prospective responsibility» are highlighted. The distinctive features of civil liability and its functions are named.
Keywords: liability, retrospective liability, prospective liability, civil liability, functions of civil liability, measures of civil liability.

Chernilevsky B.
Scientific supervisor: Efremova A.V., candidate of law, associate professor
Donetsk National University
E-mail: bogdan.chernilevsky@gmail.com

УДК 347.736

ПРОБЛЕМЫ БАНКРОТСТВА ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шарофост Н.А.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе исследуются некоторые проблемные аспекты, которые связаны с процедурой банкротства супругов. Были подробно проанализированы достоинства и недостатки института совместного банкротства супругов. Подчеркнуто, что на законодательном уровне совместное банкротство супругов не предусмотрено. Отдельное внимание уделено допустимости объединения дел,

что является правом суда, а не его обязанностью. Автор считает, что институт банкротства супругов необходимо закрепить на законодательном уровне.
Ключевые слова: супруг, должник, кредитор, конкурсная масса, банкротство.

Возможность процедуры банкротства для физических лиц была введена более пяти лет назад путем внесения изменений в ФЗ «О несостоятельности банкротстве» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон).

В последнее время споры о признании физического лица банкротом становятся более актуальными. Так как на сегодняшний день обстановка в государстве остается напряженной, и это связано с пандемией COVID-19, которая привела к нестабильной экономической ситуации в России, что в результате привело к количеству граждан имеющих задолженности перед кредиторами. Они оказались в тяжелой жизненной ситуации. Это проявилось в первую очередь в отсутствии у россиян денежных средств для погашения кредитов, что является предпосылкой многочисленных займов у друзей для исполнения обязательств перед банком.

Обратившись к статистике Многофункционального центра Российской Федерации, мы можем увидеть, что во втором квартале 2021 года произошло возрастание числа граждан, которые были признаны банкротами, и это составило 81,5% по сравнению со вторым кварталом 2020 года, их количество составило 40 569 человек [1].

Для начала обратимся к ст. 2 Закона и отметим, что под банкротством физического лица следует понимать признанную арбитражным судом или наступившую в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [2]. Т.е. другими словами, банкротство – это возможность законно списать долги через суд либо их реструктуризировать.

Для начала осуществления процедуры банкротства физическое лицо должно отвечать следующим двум условиям: наличие задолженности в 500 000 рублей и просрочка исполнения долговых обязательств более 3-х месяцев. Данные условия являются своего рода определенной социальной гарантией, служащей обязательным поводом для кредитора, чтобы подать заявление о признании гражданина банкротом.

Данной процедурой занимается финансовый управляющий, у которого возникает немало сложностей при включении имущества должника в конкурсную массу. Это связано с тем, что большая часть граждан на момент объявления себя банкротами состоят в брачных отношениях, из этого следует, что они имеют совместно нажитое имущество, которое также реализуется в счет погашения долгов перед кредиторами.

Статья 34 Семейного кодекса Российской Федерации описывает перечень объектов гражданского права, которые считаются совместной собственностью супругов [3].

Под общим имуществом супругов следует понимать имущество, которое был приобретено супругами во время брака, а также добрачное имущество, в которое были произведены вложения, значительно увеличивающие его стоимость (в данном случае статус общего имущества присваивается судом).

По общему правилу, если иное не предусмотрено брачным договором, имущество, которое было нажито во время брака, будет считаться совместной собственностью.

Но следует отметить, что институт общей собственности супругов не дает полной уверенности в том, что на такую собственность не может быть обращено взыскание по обязательствам одного из супругов.

В связи с тем, что законодательство о банкротстве напрямую не предусматривает совместного банкротства супругов, на практике арбитражных судов были вызваны разногласия при разрешении данного вопроса.

Так, например, М. Шувалова отмечала, что во многих случаях суды, учитывая, что заявители имеют общие обязательства перед кредиторами (к таким относились ипотека, потребительский кредит), объединяли дела о банкротстве каждого из супругов в одно общее производство, а в других случаях суды принимали абсолютно противоположное решение, которое заключалось в невозможности совместного банкротства супругов [4].

Подход к данной проблеме был решен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан», в котором было сказано, что суды в целях экономии имеют право объединить два дела о банкротстве супругов в одно [5].

Однако некоторые суды так и продолжают отказывать в принятии заявлений о проведении совместного банкротства супругов, ссылаясь на отсутствие соответствующей нормы законы. Так, например, Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда было отказано в удовлетворении жалобы об объединении двух дел о банкротстве супругов, указывая на то, что это является правом суда, а не его обязанностью, и наличие статуса супругов и связи дел не дает безусловного основания объединять производства [6].

Рассмотрим мнение Ю.А. Зайцевой, к которому мы присоединяемся. Она отмечала, что предоставленная возможность банкротства супругов в таком виде, будет способствовать сохранению баланса интересов должников и кредиторов, тем самым должники сэкономят свои денежные средства и время, а кредиторы не будут находиться в режиме ожидания, так как вопрос намного раньше, а в арбитражных судах сократится количество рассматриваемых дел [7, с. 108].

Таким образом, мы видим, что Верховный суд Российской Федерации фактически узаконил совместное банкротство супругов в условиях отсутствия специальной нормы в законодательстве, связанным с несостоятельностью. Однако, несмотря на закрепление в Постановлении Пленума возможности совместного банкротства супругов, данное положение, по сути, остается формальным, так как его применение зависит от усмотрения судьи, являющегося субъективным. Из этого следует, что решение данного вопроса необходимо решить на законодательном уровне.

Остановимся подробнее на условиях введения процедуры совместного банкротства супругов. Первым из них является то, что брак между должниками должен быть зарегистрирован.

Вторым условием служит наличие введенных процедур банкротства в отношении обоих супругов.

Следующее условие заключается в наличии общего имущества, подлежащего включению в конкурсную массу. Т.С. Капранова подчеркивает следующее, для того, чтобы обязательства были признаны совместным долгом супругов, необходимо, чтобы в материалах дела содержались документарные доказательства, которые подтвердят использование заемных денежных средств на нужды семьи, для этого супругам необходимо конкретизировать, какое именно имущество куплено за счет кредитного обязательства [8, с. 128].

Рассматривая институт совместного банкротства, можно выделить его как достоинства, так и недостатки.

К достоинствам можно отнести следующее:

- уменьшение времени и затрат при осуществлении процедуры банкротства, что в первую очередь выражено в назначении только одного финансового управляющего вместо двух;
- сокращение числа мнимых и притворных сделок с целью уменьшения и сокрытия имущества должника при банкротстве;

- удовлетворение требований кредиторов наилучшим образом путем увеличения конкурсной массы, возможность получения целой вещи взамен доли в праве.

Что же касается недостатков, то к ним можно отнести следующие моменты:

- наличие ситуации, когда у одного из супругов есть иные кредиторы, которые не связаны с другим супругом;
- наличие у супруга собственного имущества, которое может привести к сложностям с определением состава имущества супругов на практике;
- проблема определения долгов, так как не ясно, та сумма, которая установлена в Законе в размере 500 000 рублей, распространяется на обоих супругов или на каждого из них;
- недобросовестный супруг может привлечь другого супруга к ответственности перед кредитором, который тоже приобретает право обращения в суд с заявлением о признании супругов банкротами.

Следует отметить, что Проектом Государственной Думы от 14 ноября 2019 года предусмотрено введение института совместного банкротства супругов, в котором признана возможность, заключающаяся в указании в заявлении требования о непризнании другого супруга должником, если совместное банкротство является результатом деятельности одного из супругов [9]. Из этого мы видим, что в данном случае целесообразнее было бы банкротство одного супруга, без привлечения второго.

Также в данном проекте предусмотрена возможность раздельного банкротства супругов. В нем прописано, что возможность реализации имущества супруга может быть осуществима только после полного проведенного раздела общей собственности.

Подводя итог вышесказанному, считаем необходимым на законодательном уровне закрепить условия и порядок совместного банкротства физических лиц, которые являются супругами, где должно быть прописаны:

1. основания, условия и порядок подачи совместного заявления;
2. процедура объединения дел о банкротстве супругов, если процедуры банкротства уже введены в отношении одного или обоих супругов;
3. основания и порядок разделения дел при прекращении брачных отношений и погашение при этом общих обязательств;
4. меры ответственности при злоупотреблении одного из супругов в признании другого супруга несостоятельным, которое влечет за собой необоснованное распределение долговых обязательств в рамках дела о банкротстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве [Электронный ресурс] // Федресурс URL: https://bankrot.fedresurs.ru/ (дата обращения: 01.02.2022).
2. Федеральный Закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс надежная правовая поддержка. URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 01.02.2022).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс надежная правовая поддержка. URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 01.02.2022).
4. Шувалова М. Совместное банкротство супругов: отсутствие четкого правового регулирования и неоднозначность судебной практики [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. URL: https://www.garant (дата обращения: 01.02.2022).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс надежная правовая поддержка. URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 01.02.2022).
6. Решение Арбитражного суда Новосибирской обл. от 09.112.2015 г. по делу № А45-20897/2015 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 01.02.2022).
7. Зайцева Ю.А. Совместное банкротство супругов: миф или реальность // Вестник СГЮА. 2019. № 1 (126). С. 105-108.

8. Капранова Т.С. Реализация совместно нажитого имущества супругов в процедуре банкротства гражданина // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 3 (49). – С. 125-135.
9. Проект федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс надежная правовая поддержка. URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 01.02.2022).

PROBLEMS OF BANKRUPTCY OF THE COMMON PROPERTY OF SPOUSES

Annotation. This paper explores some of the problematic aspects that are associated with the bankruptcy procedure of spouses. The advantages and disadvantages of the institution of joint bankruptcy of spouses were analyzed in detail. It is emphasized that joint bankruptcy of spouses is not provided for at the legislative level. Special attention is paid to the admissibility of joining cases, which is the right of the court, and not its duty. The author believes that the institution of bankruptcy of spouses must be enshrined at the legislative level.
Keywords: spouse, debtor, creditor, bankruptcy estate, bankruptcy.

Sharofost N.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: sharofost.natali@mail.ru

УДК 347.64

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Шастова Д.М.
Научный руководитель: Олейникова А.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе проанализирован зарубежный и отечественный опыт регулирования гражданско-правового института опеки и попечительства. Разработаны на основании зарубежного опыта предложения по совершенствованию опеки и попечительства как института гражданского права в Донецкой Народной Республике.
Ключевые слова: опека, попечительство, зарубежный опыт.

Лица, которые не могут удовлетворить свои интересы самостоятельно, защищены благодаря гражданско-правовому институту опеки и попечительства. Однако в целях усовершенствования данного гражданско-правового института в Донецкой Народной Республике, целесообразно рассмотреть зарубежный опыт в данном вопросе в рамках поиска наиболее оптимальных путей развития отечественного законодательства и защиты лиц, нуждающихся в дополнительном сопровождении.

Цель исследования – проанализировать зарубежный и отечественный опыт регулирования гражданско-правового института опеки и попечительства, разработать на его основании предложения по совершенствованию опеки и попечительства как института гражданского права в Донецкой Народной Республике.

Исследователь В.А. Цветков отмечает многоаспектность понятия опеки и попечительства как вида социальной заботы, системы правоотношений, института законодательства, способа восполнения дееспособности и защиты прав и интересов несовершеннолетних граждан и недееспособных лиц, формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, соответствующие органы местного самоуправления [1]. В контексте исследования следует рассматривать опеку и попечительство как способ восполнения дееспособности и защиты прав и интересов лиц, нуждающихся в дополнительном сопровождении.

Л.В. Прохорова отмечает, что законодательство европейских стран на протяжении веков устанавливало два принципа возникновения правовых отношений в области опеки и попечительства: возможность установления этих отношений добровольно или даже возможность лица подать заявку на назначение опекуна и недопустимость отклонения предложения семьи, сообщества или государственного органа, отвечающего за назначение опекуна, отсутствие выбора и выполнение этой функции независимо от желания. Однако мировое сообщество постепенно отходит от модели обязательного соблюдения этого обязательства. В то же время предпочтительны договорные основания для возникновения опеки и попечительства. В настоящее время центральное место в законодательстве и преподавании стран континентальной правовой семьи занимал и остается принцип добровольности при назначении граждан опекунами (попечителями) [2]. Данное наблюдение также актуально для Донецкой Народной Республики, с тем утонением, что отношения опеки и попечительства носят не договорной характер, а публично-правовой с элементами добровольности, опекуны и попечители назначаются с их согласия или по собственному заявлению в соответствии с ч. 2 ст. 12 Закона ДНР «Об опеке и попечительстве» [3].

В соответствии с § 1773 Германского гражданского уложения несовершеннолетний получает опекуна, если он не находится под опекой родителей или если родители не имеют права представлять несовершеннолетнего ни в вопросах, касающихся лица, ни в делах, связанных с имуществом. Несовершеннолетний получает опекуна, даже если его семейное положение не определено [4].

Раньше также существовала опека над взрослыми, когда они были лишены прав. Вместо этого сегодня суд назначает законного опекуна, если совершеннолетний человек больше не может самостоятельно решать свои дела из-за болезни или инвалидности.

Опекун тогда является законным представителем несовершеннолетнего ребенка. Опекуном может быть один совершеннолетний человек, но также и несколько человек, как в случае с родителями. Бюро по делам несовершеннолетних также может назначить сотрудника опекуном. Если ребенок постоянно проживает в приемной семье, приемные родители могут взять на себя опеку. У одного лица также может быть несколько опекунов [5].

В свою очередь, статья 34 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) устанавливает, что «опека и попечительство устанавливаются для защиты прав и интересов недееспособных или не полностью дееспособных физических лиц. Опека и попечительство над несовершеннолетними устанавливаются также в целях их воспитания» [6].

В соответствии с ч. 1 ст. 32 ГК ДНР физическое лицо, которое вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий и (или) руководить ими, может быть признано судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается опека.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 2 Закона ДНР «Об опеке и попечительстве» не полностью дееспособное физическое лицо является несовершеннолетним физическим лицом (за исключением лиц, приобретших гражданскую дееспособность в полном объеме до достижения ими совершеннолетия в случаях, установленных статьями 24 и 30 ГК ДНР) или физическое лицо, ограниченное судом в дееспособности по основаниям, предусмотренным статьей 33 ГК ДНР.

Исходя из содержания статьи 31 ГК ДНР над несовершеннолетними, не достигшими 14-ти лет (малолетними) может устанавливаться опека, а содержание статьи 29 ГК ДНР предполагает, что над несовершеннолетними в возрасте от 14-ти до 18-ти лет устанавливается попечительство.

Согласно ч. 1 ст. 33 ГК ДНР «физическое лицо, которое вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничено судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство» [6]. Для ограничения в дееспособности лица судом должен присутствовать комплекс обстоятельств: 1) пристрастие к азартным играм лица, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами лица как действие; 2) причинно-следственная связь; 3) следствие – оставление семьи в тяжелом материальном положении.

Следовательно, опека и попечительство в Донецкой Народной Республики могут быть установлены в отношении довольно узкого круга лица: недееспособных, ограниченно дееспособных, несовершеннолетние. Однако данные не только несовершеннолетние лица и лица с ограниченной степенью дееспособности, недееспособностью, к таким лицам можно отнести людей, испытывающих физические затруднения при реализации своих прав по медицинским показаниям.

В Испании опека заключается в уходе за несовершеннолетним, который не может заботиться о себе лично или имуществе. Опекунские функции являются обязанностью, осуществляются в интересах опекуна и находятся под защитой судебного органа.

В соответствии со ст. 200 Гражданского кодекса Испании опекун назначается судебным органом, он может быть предварительно предложен по завещанию или публичному документу родителями.

После вступления в силу Закона Испании 8/2021 опека над инвалидами и эмансипированными несовершеннолетними прекращается. Данный гражданско-правовой институт заменяется институтом попечительства, который будет соразмерно дополнять юридические возможности тех, кто в этом нуждается. Лицами, находящимися под опекой являются: не эмансипированные дети, находящиеся в беспомощном положении, не эмансипированные несовершеннолетние, не подпадающие под родительские права [7].

Во Франции опека и попечительство являются двумя судебными мерами для защиты человека и его имущества. Человеку, которому назначен попечитель, остается автономным в простых жизненных действиях, но должен сопровождаться в важных делах. С другой стороны, опекунство касается лиц, потерявших автономию и нуждающихся в участии в действиях гражданской жизни. Разница между попечительством и опекой заключается в степени принуждения, налагаемого этими мерами. Опека распространяется на лиц, которые больше не в состоянии осуществлять действия гражданской жизни и заботиться о своих собственных интересах. Затем судья по опеке назначает опекуна, который будет представлять защищаемое лицо и возьмет на себя определенные конкретные действия, определенные законом.

Попечительство, более гибкое, чем опекунство, относится к лицам, которые остаются самостоятельными, но нуждаются в консультировании или поддержке в определенных действиях в гражданской жизни. Существует три типа попечителей, которые различаются в зависимости от степени автономии, предоставляемой защищаемому лицу: простое, усиленное или оборудованное попечительство. Срок действия опеки определяется судьей по опеке. Она может распространяться на 5 лет или 10 лет, если состояние защищаемого лица, по всей видимости, не может улучшиться. Срок действия попечительства определяется судьей по опеке. Срок его действия может быть продлен не более чем на 5 лет. Если состояние защищаемого лица, похоже, не может улучшиться, судья по опеке может решить продлить опекунство или попечительство на более длительный срок, который не должен превышать 20 лет [8].

Особым случаем является опека над несовершеннолетними. В соответствии со ст. 425 Французского гражданского кодекса (далее – ФГК) к мерам защитам

несовершеннолетних относится установление опеки. В соответствии со ст. 425 ФГК любое лицо, которое не может в одиночку удовлетворить свои интересы из-за нарушения, выявленного с медицинской точки зрения, либо его умственных способностей, либо его физических способностей, которые могут препятствовать волеизъявлению, может воспользоваться мерой правовой защиты, предусмотренной в главе II (статьи 425–494-12) [9]. Полагаем, что выявление нарушения, выявленного с медицинской точки зрения, препятствующего удовлетворению своих интересов, должно стать основанием для установления опеки и попечительства над лицами вне зависимости от возраста в целях защиты интересов подопечных без признания лица недееспособным либо ограниченно дееспособным. В зависимости от стойкости нарушения здоровья (не психического, а именно физического), стоит определять установить над лицом опеку либо попечительство, а при выздоровлении лица изменении медицинских показателей опека должна быть заменена на попечительство, либо опека прекращена.

Таким образом, проанализировано, что гражданско-правовые институты опеки и попечительства должны учитывать интересы не только опекунов и попечителей на принципе добровольности установления опеки и попечительства, но и защищать интересы широкого круга лиц, которые не могут обеспечить свою защиту самостоятельно.

Предложено расширить круг лиц, над которыми может быть установлена опека и попечительство за счет лиц, которые не могут реализовать и защитить свои законные права и интересы по медицинским показаниям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цветков В.А. Многоаспектность понятия опеки и попечительства // Сибирское юридическое обозрение. – 2012. – №1(18) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoaspektnost-ponyatiya-opeki-i-popechitelstva (дата обращения: 12.12.2021). – Загл. с экрана.
2. Прохорова Л.В. Основные этапы развития правового регулирования опеки и попечительства над несовершеннолетними в России и за рубежом // ЮП. – 2012. – №6 (55). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-razvitiya-pravovogo-regulirovaniya-opeki-i-popechitelstva-nad-nesovershennoletnimi-v-rossii-i-za-rubezhom (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.
3. Закон Донецкой Народной Республики «Об опеке и попечительстве» № 173-IIНС от 17.07.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-opeke-i-popechitelstve/ (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.
4. Bürgerliches Gesetzbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.
5. Rechte und Pflichten des Vormundes und Informationen zur rechtlichen Situation eines Mündels / Von Claudia Rappold [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.paradisi.de/familie/vormundschaft/ (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.
6. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС от 13.12.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.
7. Tutela. Derecho Civil [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.conceptosjuridicos.com/tutela/ (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.
8. La tutelle et la curatelle. Mesures de protection des majeurs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.justice.fr/themes/tutelle-curatelle (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.
9. Code civil / République Française [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070721/LEGISCTA000006150531/#LEGISCTA000006150531 (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.

LEGAL REGULATION INSTITUTE OF GUARDIANSHIP AND PATRONAGE IN FOREIGN COUNTRIES AND THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. In this paper, the foreign and domestic experience of regulating the civil law institution of guardianship and patronage is analyzed. Based on foreign experience, proposals have been developed to improve guardianship and patronage as an institution of civil law in the Donetsk People's Republic.

Keywords: guardianship, patronage, foreign experience.

Shastova D.
Scientific supervisor: Oleynikova A.V., Senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: dasha_shastova@mail.ru

УДК 347.921

К ВОПРОСУ О РАЗУМНЫХ ПРЕДЕЛАХ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Шкребтиенко В.А.
Научный руководитель: Хоруженко К.А., к.и.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассмотрены подходы различных ученых-процессуалистов к определению понятия судебных расходов и их места среди принципов гражданского судопроизводства. Кроме того, изучен опыт и нормативно-правовая база Российской Федерации при определении разумности судебных расходов, а также правовые позиции и прецедентная практика Европейского суда по правам человека в аспекте рассматриваемого вопроса.
Ключевые слова: принцип доступности правосудия, судебные расходы, разумность, представитель.

Согласно статье 3 Конституции Донецкой Народной Республики человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц.

В данном контексте особое значение приобретает статья 39 Конституции Донецкой Народной Республики, нормативными положениями которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [1].

Право на судебную защиту является одним из фундаментальных конституционных прав, поскольку представляет собой гарантию иных прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечивает правовую защиту индивида, ценность которой заключается не только в предоставлении ему широкого спектра прав и свобод, но и непосредственно в наличии объективной возможности их эффективной правовой защиты [2, с. 80].

Следовательно, судебная защита является одним из наиболее приоритетных и эффективных способов защиты в современном правовом государстве, где уровень такой защиты выступает в качестве ключевого показателя развития демократии в обществе.

Гражданское судопроизводство, в данном аспекте, как и другие виды судебного производства, основывается на системе принципов, среди которых, традиционно, выделяют независимость, законность, равенство всех участников судебного процесса перед законом и судом, состязательность сторон и свобода в предоставлении ими суду своих доказательств и в доказывании перед судом их убедительности, гласность судебного процесса, обязательность решений суда [3, с. 296].

Менее распространенным среди мнений ученых-процессуалистов, но не менее значимым с практической точки зрения является принцип доступности. Так, судебная практика Российской Федерации свидетельствует об актуальности проблемы нарушения принципа доступности правосудия, в частности, в рамках гражданского процесса, которая достаточно часто выступает в качестве основания для отмены вышестоящими судами решений нижестоящих.

В общем смысле, право на доступ к правосудию или принцип доступности правосудия – это наличие, правовая регламентация и непосредственное функционирование предоставляемых законом гарантий, позволяющих каждому беспрепятственно реализовывать свое право на судебную защиту и восстановление нарушенного права [4, с.92].

Отдельные ученые-процессуалисты в контексте доступности правосудия выделяют следующие его принципы:

– законодательная регламентация права на обращение в суд, без возможности неоднозначного или двойного толкования соответствующих норм права (обеспечение права на обращение в суд);

– удобство территориального расположения зданий суда и их оборудование с учетом потребностей людей с ограниченными возможностями;

– умеренные судебные расходы и предоставление льгот для отдельных категорий населения (право на получение бесплатной юридической помощи отдельными категориями лиц, рассрочка уплаты государственной пошлины или судебного сбора и т.п.);

– разумные сроки рассмотрения дела с учетом уровня нагрузки судов, ясность процесса рассмотрения дела [5, с.442].

Особый интерес, в рамках настоящей статьи, представляет вопрос судебных расходов и разумности их пределов. Так, в условиях рыночной экономики проблема обеспечения реальной доступности правосудия приобретает новый аспект в силу сложности организации судебного процесса для обычных граждан и социально незащищенных групп населения, для которых нередко стоимость представительских услуг является непозволительно высокой, а система юридической помощи для населения различными общественными институтами является недостаточно развитой, что противоречит принципу доступности правосудия, предполагающему систему гарантий, обеспечивающих доступ к правосудию вне зависимости от материального положения и социального статуса [6, с.34].

При этом, необходимо отметить, что действующее законодательство Донецкой Народной Республики не предусматривает аутентичного определения судебных расходов, закрепленного на законодательном уровне. Статья 89 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики регламентирует состав судебных расходов, который включает в себя судебный сбор и издержки, связанные с рассмотрением дела [7].

В свою очередь, научной литературе известны различные определения понятия судебных расходов, среди которых можно выделить следующие.

Судебные расходы – затраты, в установленных законом случаях возлагаемые на стороны судебного разбирательства, федеральный бюджет и бюджеты субъектов Российской Федерации по поводу и в связи с рассмотрением дела (К.С. Шмотин).

Судебные расходы – это связанные с осуществлением прямо предусмотренных законом действий материальные затраты суда; лиц, участвующих в деле, и иных участников процесса, содействующих осуществлению правосудия, порядок определения, внесения и распределения которых между сторонами установлен процессуальным законодательством (Е.В. Васьковский, А.Г. Столяров).

Судебные расходы – институт гражданского процессуального права, определяющий затраты, которые несут лица, участвующие в деле, в связи с рассмотрением и разрешением судом гражданских дел (И.В. Решетникова, И. В. Курганникова)

Судебные расходы – это денежные средства в виде сбора в доход государства, уплаченные сторонами за совершении в отношении них судом юридически значимых действий в порядке, предусмотренном действующим законодательством, а также

денежные средства, уплаченные участниками гражданского судопроизводства в связи с их участием в рассмотрении дела, исполнении решения суда либо получении доказательств по делу, возмещаемые за счет средств участников процесса либо государства в порядке и размере, предусмотренных гражданским процессуальным законодательством (Ю.Ф. Беспалов, А.Ю. Беспалов) [8, с.40-41].

Таким образом, резюмируя предложенные определения, следует, что судебные расходы в общем виде представляют денежные суммы за совершение судом определенных процессуальных действий.

Следует также отметить системообразующую роль, в контексте определения понятия «судебные расходы», Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (далее – Постановление от 21.01.2016 № 1), согласно пункту 1 которого судебные расходы – это денежные затраты (потери), распределяемые в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации [9].

При этом, важнейшим институтом, посредством которого обеспечивается восстановление нарушенных прав и свобод, а также стимулирование сторон к досудебному урегулированию споров, что, в свою очередь, способствует снижению нагрузки на аппарат суда и повышению качества правосудия, является институт возмещения судебных расходов, определение разумных пределов которого возложено на усмотрение суда.

Практическая деятельность судов, а также исследователей и практикующих юристов, в аспекте данного вопроса, свидетельствует о наличии множества споров, поскольку само по себе определение разумности того или иного явления представляет собой субъективный и оценочный характер. Российская Федерация, со своей стороны, предприняла попытку урегулировать возникающие разногласия посредством упоминаемого ранее Постановления от 21.01.2016 № 1, согласно пункту 13 которого, разумными следует считать такие расходы на оплату услуг представителя, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги. Кроме того, при определении разумности могут учитываться объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку им процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства.

Таким образом, очевидно, что неисчерпывающий перечень указанных обстоятельств в Российской Федерации, а в Донецкой Народной Республике и вовсе отсутствие такого перечня создает почву для произвольного и необоснованного уменьшения размера взыскиваемых сумм судебных расходов на оплату услуг представителей, о чем непосредственно и свидетельствует российская судебная практика.

Сложившаяся ситуация также противоречит одному из основных принципов гражданского судопроизводства – принципу состязательности сторон. Так, нежелание суда удовлетворить требование о взыскании расходов на оплату услуг представителя в значительных размерах вынуждает сторон представлять документальные доказательства самого факта и непосредственно объема оказанных услуг, а также представлять суду доказательства, опровергающие чрезмерность понесенных расходов, независимо от действий другой стороны [10, с.225].

Учитывая изложенное, с целью недопущения нарушения важнейших конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также основополагающих начал отечественного гражданского судопроизводства, судебная система Донецкой

Народной Республики нуждается в выработке единой государственной политики в сфере определения разумных пределов судебных расходов.

Основываясь на принципе гармонизации законодательства Донецкой Народной Республики с законодательством Российской Федерации в рамках интеграционных процессов, согласно Концепции внешней политики Донецкой Народной Республики, утвержденной Указом Главы Донецкой Народной Республики от 01.03.2019 № 56, представляется целесообразным изложить основные принципы определения разумных пределов судебных расходов в соответствующем нормативном правовом акте Верховного Суда Донецкой Народной Республики, положения которого имели бы обязательный характер для всех участников судебного процесса. Разработка и принятие такого документа, с учетом правоприменительной практики Российской Федерации, позволит усовершенствовать деятельность судов по осуществлению правосудия в государстве, обеспечить реализацию права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, а также эффективное использование такого процессуального института, как судебные расходы.

При этом, представляется целесообразным учитывать также правовую позицию и прецедентную практику Европейского суда по правам человека в аспекте рассматриваемого вопроса.

Так, в качестве критериев разумности судебных расходов Европейский суд по правам человека выделяет следующие:

1) сложность дела и характера спора (учитываются сложность поднимаемых вопросов, продолжительность судебного разбирательства, значимость дела, наличие нескольких заявителей в рамках одной жалобы, рассмотрение заявленной претензии на национальном уровне, наличие значительной и единообразной судебной практики по аналогичным делам (однотипность дела), количество судебных заседаний и инстанций, количество и обоснованность представленных доказательств);

2) соразмерность расходов на оплату услуг представителя (учитываются соотношение размера возмещаемых затрат с объектом защищаемого права, а также со сложностью дела);

3) объем работы, проведенной представителем (учитываются объем подготовленных документов, длительности процедур судебного разбирательства, наличие по делу устных слушаний, работа представителя по мирному урегулированию спора, при оценивании которых используются аудиозаписи судебных заседаний, с помощью анализа которых представляется возможным установить попытки представителя по затягиванию процесса, а следовательно и повышению стоимости их услуг, вследствие их ненадлежащей подготовки к судебному заседанию, непредставление тех или иных доказательств, неявка в судебное заседание и т.д.) [11, с. 78-79].

В связи с этим, следует, что при определении разумных пределов судебных расходов необходимо выполнение следующих требований:

– действительность и документальное подтверждение понесенных расходов;

– обоснованность и необходимость в деле понесенных расходов;

– разумность понесенных расходов в качественном и количественном соотношении и т.п. [12, с. 116].

Таким образом, при определении разумности пределов судебных расходов, в практической деятельности судов возникает множество проблем и противоречий в силу неизбежного преобладания субъективного характера при оценивании тех или иных факторов, подтверждающих обоснованность, действительность и прочие необходимые характеристики разумности рассматриваемого института гражданского судопроизводства.

Учитывая изложенное, первым шагом на пути к решению указанных проблем в отечественной судебной системе, представляется издание Верховным Судом Донецкой

Народной Республики единого систематизированного нормативного правового акта, содержащего в себе общие начала определения разумности судебных расходов, и который играл бы роль своего рода схемы или алгоритма для отечественных судов при определении разумности пределов судебных расходов в гражданском судопроизводстве.

Издание такого нормативного правового акта, устанавливающего круг доказываемых обстоятельств при определении разумности судебных расходов, позволит устранить проблему безосновательного снижения или завышения размера возмещаемых расходов, нивелирующую результативность судебных решений, а также повысить эффективность судебной системы в государстве и обеспечить соблюдение конституционных прав человека и гражданина в Донецкой Народной Республике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr
2. Цырульникова С.А. Право на судебную защиту и его реализация в гражданском процессе / С.А. Цырульникова // Вестник Пензенского государственного университета. – Пенза, 2015. – С.80-86
3. Загорулько М.О., Мустафин Р.Ф. Принципы гражданского судопроизводства и их отражение на стадии судебного разбирательства / М.О. Загорулько, Р.Ф. Мустафин // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. – Краснодар, 2019. – С.295-299
4. Айрапетян Ю.В. Принцип доступности правосудия как конституционный принцип гражданского процесса Республики Армения / Ю.В. Айрапетян // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – Санкт-Петербург, 2013. – С.90-95
5. Дмитриевская Е.В. Доступность как принцип осуществления правосудия / Е.В. Дмитриевская // Аллея науки. – Томск, 2019. – С.440-443
6. Воронин С.А. Доступность правосудия как конституционный принцип осуществления судебной деятельности / С.А. Воронин // Успехи современной науки. – Белгород, 2016. – С.34-38
7. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 30.04.2021 № 278-IIНС // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/
8. Шмотин К.С. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве: дис. на соиск. учен. степ. канд. юр. наук: 12.00.15 / Шмотин Кирилл Сергеевич; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – Москва, 2018. – 216 с.
9. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_194054/
10. Семиколенова О.С., Шубина О.А. Взыскание судебных расходов в гражданском и арбитражном процессах / О.С. Семиколенова, О.А. Шубина // Современные тенденции и инновации в науке и производстве. – Уфа, 2019. – С.222-226
11. Наливайченко М.С. Каковы разумные пределы возмещения судебных расходов / М.С. Наливайченко // Налоговая политика и практика. – Москва, 2012. – С.76-79
12. Троицкий С.В. Разумные пределы судебных расходов в письме практики Европейского суда по правам человека / С.В. Троицкий // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – Барнаул, 2016. – С.115-119

ON THE ISSUE OF REASONABLE LIMITS OF COURT COSTS IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. The article examines the approaches of various process scientists to the definition of the concept of court costs and their place among the principles of civil proceedings. In addition, the experience and regulatory framework of the Russian Federation in determining the reasonableness of court costs, as well as the legal positions and case law of the European Court of Human Rights in the aspect of the issue under consideration were studied.
Keywords: the principle of accessibility of justice, court costs, reasonableness, representative.

Shkrebtienko V.
Scintific adviser: Khoruzhenko K.A., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail vitaliy.shkrebtienko@mail.ru

УДК 347.9

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Шпакова К.С.
Научный руководитель: Савельева В.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассмотрены подходы различных ученых-процессуалистов к определению понятия «представительство» и особенностей правового статуса представителя в гражданском процессе, а также обосновывается целесообразность введения образовательного ценза для представителей.
Ключевые слова: представительство, представитель, квалифицированная юридическая помощь, правосудие, юридический интерес.

На сегодняшний день, одним из основных конституционных прав, гарантированных частью 2 статьи 38 Конституции Донецкой Народной Республики, является право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [1].

Наиболее популярным способом защиты прав, традиционно, остается судебная защита, гарантируемая каждому частью 1 статьи 39 Конституции Донецкой Народной Республики.

Более того, на международном уровне, право на судебную защиту является одной из главных институциональных гарантий правового статуса личности в современных демократических государствах, то есть доминирующей составляющей конституционно-правового и международно-правового статуса личности, имеющей ключевое значение в обеспечении реализации иных прав, свобод и законных интересов, закрепленных за ней как на национальном уровне, так и актами международного права, ратифицированными в том или ином государстве [2, С.35].

При этом, одной из важнейших гарантий конституционного права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, провозглашенного конституциями всех современных государств, а также Всеобщей декларацией прав человека 1948 года, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 года, выступает возможность физического лица вести свои дела в суде лично или через представителей, предусмотренная частью первой статьи 49 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики [3].

Представительству принадлежит особое место среди процессуальных институтов, применяемых при реализации права на судебную защиту.

Необходимо отметить, что представительство в гражданском процессе является уникальным институтом в силу присущих ему характерных признаков, определяющих его сущность. Так, участвующие в деле лица вправе осуществлять свои права и обязанности через действия других участников гражданского процесса в лице представителей, которые совершают те или иные процессуальные действия от имени представляемых лиц, оказывая тем самым юридическую помощь, в частности в гражданском процессе. Следовательно, в общем виде уникальность института представительства заключается в возможности лица осуществлять свои права и обязанности в гражданском процессе посредством юридически значимых действий представителя без физического присутствия самого представляемого. При этом, правовые последствия, являющиеся результатом осуществления тех или иных действий представителя в рамках дела, возникают непосредственного у представляемого лица.

В Донецкой Народной Республике правовую основу регулирования представительства в суде составляет, прежде всего, Глава 5 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики, нормативными положениями которой также установлены требования к лицам, которые могут быть представителями в суде; случаи назначения представителей судом; круг лиц, которые не могут быть представителями в суде; основания и порядок участия в деле законных представителей; порядок оформления и подтверждения полномочий представителя, а также непосредственно полномочия представителя.

Вместе с тем, несмотря на значимость, широкое распространение и длительную историю становления и развития института представительства, правовой статус представителя, как и в целом понятие представительства, не имеет надлежащего законодательного регулирования, что вызывает множество дискуссий в процессуальной доктрине и проблем в правоприменительной практике.

Отсутствие единого понятийно-категориального аппарата, традиционно, влечет за собой множество правовых коллизий и спорных вопросов на практике, что в свою очередь предопределяет множественные дискуссии среди ученых.

В частности, понятие представительства остается, на сегодняшний день, одним из дискуссионных вопросов среди ученых-процессуалистов, мнения которых разделились на два лагеря: правоведы, рассматривающие представительство в гражданском процессе сквозь призму деятельности судебного представителя, и исследователей, которые характеризуют институт представительства как процессуальное правоотношение.

Сторонники первой точки зрения определяют представительство, как деятельность представителя в гражданском процессе, осуществляемая им с целью принятия судом наиболее благоприятного для представляемого лица решения, а также оказания последнему правовой помощи в осуществлении им своих прав, а также оказания содействия суду в отправлении правосудия по гражданским делам (М. К. Треушников).

Представительство представляет собой деятельность лица, участвующего в процессуальных правоотношениях в целях оказания юридической помощи представляемому участнику процесса, защиты его прав, свобод и законных интересов в пределах полномочий, установленных законом или иным документом, определяющим правовой статус представителя (Е.Г. Тарло).

Представительство – это форма оказания юридической помощи одним лицом (представителем) другому лицу (представляемому) в форме совершения представителем определенных процессуальных действий от имени и в интересах представляемого лица в рамках предоставленных ему полномочий в связи с рассмотрением гражданского дела в суде (С.А. Халатов).

Сторонники определения представительства как процессуального правоотношения подразумевают под представительством процессуальное правоотношение, в рамках которого одно лицо, наделенное определенными полномочиями, от имени и в интересах другого лица совершает определенные, предусмотренные законом процессуальные действия, направленные на защиту его прав, свобод и законных интересов в рамках рассмотрения конкретного гражданского дела, исполнения решений судов, а также оказания иной правовой помощи в целях содействия правосудию [4, с.9-10].

Кроме того, следует отметить, что первоначально представительство в гражданском процессе отождествлялось с гражданско-правовым представительством, что также, в свою очередь, стало причиной многочисленных дискуссий среди процессуалистов. Так, противники указанного подхода опровергали его через призму следующих отличительных особенностей.

Представительство в гражданском праве (общегражданское представительство) осуществляется в сфере материальных правоотношений (имущественных и личных неимущественных), с целью приобретения и реализации гражданских прав и обязанностей у представляемого лица, и регулируется нормами гражданского материального права.

Процессуальное представительство возникает в сфере процессуальных правоотношений, возникающих при рассмотрении гражданских дел в суде, с целью оказания помощи физическим и юридическим лицам в защите ими своих прав в гражданском судопроизводстве, и регулируется соответствующими нормами гражданского процессуального законодательства [5, с.606].

Отсутствие в гражданском процессуальном законодательстве понятия «процессуальное представительство», а также приведенные выше дискуссии в процессуальной доктрине, предопределили, в свою очередь, возникновение споров относительно правового статуса представителя в гражданском процессе.

Так, исследователи относят представителя к категории лиц, участвующих в деле (И.М. Ильинская, А.А. Мельников, В.В. Ярков и др.) или к лицам, содействующим осуществлению правосудия (С.Ф. Афанасьев, М.А. Викут, И.В. Решетникова и др.). Причем, в судебной практике данный вопрос решается однозначно, путем отнесения представителей и третьих лиц к категории лиц, содействующим правосудию.

В рамках данного вопроса, следует обратить внимание на характерные черты правового статуса представителя с обеих точек зрения.

В контексте исследования правового статуса представителя как лица, участвующего в деле, следует отметить следующие отличительные особенности, присущие представителю и указанной категории лиц:

– юридический интерес (представитель стремится достичь наиболее благоприятного результата для представляемого, то есть его заинтересованность в деле имеет исключительно юридический характер, поскольку исходит из договорных отношений или нормативных положений закона);

– возможность осуществления тех или иных процессуальных действий от своего имени (согласно части 1 статьи 55 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия);

– наличие права на волеизъявление (представитель в данном праве ограничен в силу нормативных положений вышеуказанной статьи, согласно которой право представителя на подписание искового заявления, предъявление его в суд, предъявление встречного иска, полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшение их размера, признание иска, изменение предмета или основания иска, заключение мирового соглашения, передачу полномочий другому лицу (передоверие), обжалование судебного решения, предъявление исполнительного документа к взысканию, получение присужденного имущества или денег должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом);

– наступление правовых последствий для лиц, участвующих в деле, после вступления решения суда в законную силу [6, с.44].

В противовес мнению, согласно которым представитель относится к лицам, участвующим в деле, стоит отметить позицию законодателя, согласно которой лицами, участвующими в деле, являются стороны, третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в дело в целях дачи заключений по основаниям, предусмотренным статьями 4, 46 и 47 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства. Следовательно, процессуальное законодательство не относит представителей в гражданском процессе к лицам, участвующим в деле.

Что касается правового статуса представителя как лица, содействующего осуществлению правосудия, отличительными особенностями данной категории лиц являются:

– основная цель участия в деле заключается в содействии по установлению фактов, имеющих юридическое значение, представлении доказательств, обеспечению доступности языка судопроизводства, выполнению иных обязанностей;

– отсутствие материальной и процессуальной заинтересованности в исходе дела;

– строго определенные функции (перевод, дача показаний, предоставление заключений и т.п.), для выполнения которых лица, содействующие правосудию, наделяются соответствующими правами и обязанностями, неисполнение которых является основанием для привлечения к ответственности (к примеру, уголовная ответственность свидетеля за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний);

– привлечение к участию в процессе по инициативе суда или лиц, участвующих в деле [7, с.183].

Однако, необходимо обратить внимание на то, что законодатель также не относит судебных представителей к лицам, содействующим правосудию, поместив нормы данного процессуального института в отдельную Главу 5 гражданского процессуального законодательства Донецкой Народной Республики.

Учитывая изложенное, следует вывод о невозможности отнесения представителя ни к лицам, участвующим в деле, ни к лицам, содействующим осуществлению правосудия. В связи с этим, представляется целесообразным рассматривать судебного представителя в качестве самостоятельного субъекта гражданского судопроизводства, правовому статусу которого следующие особенности:

– основной целью судебного представительства выступает защита прав, свобод и законных интересов представляемого лица, тем самым содействуя осуществлению правосудия в рамках конкретного дела;

– отсутствие самостоятельной юридической заинтересованности в исходе дела;

– привлечение к участию в процессе по инициативе суда или лица, участвующего в деле;

– возникновение соответствующих полномочий по представительству на основании закона или договора;

– привлечение к процессуальной ответственности за неисполнение возложенных на представителя обязанностей [8, с.97].

Кроме того, одной из существенных проблем определения правового статуса представителя является отсутствие в действующем законодательстве квалификационных требований к представителю. Часть 1 статьи 50 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики предъявляет формальное требование лишь к наличию у представителя дееспособности и надлежащим образом оформленного документа, подтверждающего полномочия представителя на ведение дел в суде.

При этом, в контексте конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, следует, что этимология слова «квалифицированная помощь» свидетельствует о наличии определенной квалификации, продолжительного опыта и достаточного уровня подготовки для оказания такой помощи. Квалифицированная юридическая помощь определяет характеристику представителя, которая подтверждается соответствующим документом об образовании и опытом работы.

Необходимо отметить, что опыт наиболее развитых зарубежных стран, в частности Франции и Германии, в рассматриваемом вопросе свидетельствует о приоритете адвокатской монополии. В Казахстане, наряду с профессиональной моделью представительства в гражданском процессе, предусмотрена возможность оказания такой помощи отдельным категориям лиц на безвозмездной основе.

На сегодняшний день, институт представительства в гражданском процессе все больше отдаляется от квалифицированной юридической помощи, что неизбежно влечет за собой необходимость установления особого процессуального регулирования в целях надлежащего обеспечения конституционных прав граждан.

На основании проведенного исследования и изложенной проблематики, представляется необходимым внесение изменений в статью 50 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики в части установления образовательного ценза для представителей в гражданском процессе, что позволит усовершенствовать институт представительства в гражданском процессе, конкретизировать правовой статус судебного представителя как самостоятельного субъекта гражданского судопроизводства, повысить эффективность защиты прав физических и юридических лиц, улучшить качество правосудия в целом и оптимизировать судебную нагрузку.

Таким образом, на сегодняшний день, институт представительства является одним из основополагающих институтов гражданского общества, в рамках которого проблемы отсутствия единого понятийно-категориального аппарата, а также конкретной правовой позиции законодателя относительно правового статуса представителя, являются наиболее актуальными в современных правовых реалиях. Учитывая изложенное, представляется целесообразным рассматривать судебного представителя в качестве самостоятельного участника гражданского судопроизводства в силу отличительных особенностей рассматриваемого процессуального института. При этом, профессионализация судебного представительства в гражданском процессе позволит сделать шаг на пути к построению гражданского общества и правового государства путем предопределения исхода судебного разбирательства с позиций профессионализма и компетентности представителей в области права, а также содействия установлению истины по делу и оперативному рассмотрению дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr
2. Артагалиева А.Г. Гарантии судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в странах СНГ / А.Г. Артагалиева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – Москва, 2015. – С.35-38
3. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 30.04.2021 № 278-IIНС // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/
4. Д.Е. Зайков Судебное представительство в цивилистическом процессе: учебник / Д.Е. Зайков. – Москва, Юридический институт РУТ (МИИТ), 2021. – 156 с.
5. Ивакин В.Н. Представительство как институт гражданского и арбитражного процессуального права / В.Н. Ивакин // Lex Russica (Русский закон). – Москва, 2008. – С.605-632
6. Гелиева И.Н., Гриценко Д.В. Проблемы правового статуса судебного представителя в гражданском процессе / И.Н. Гелиева, Д.В. Гриценко // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: юридический сетевой электронный научный журнал. – Краснодар, 2021. – С.41-49
7. Городнова О.Н., Макарушкова А.А. Правовой статус судебного представителя в гражданском процессе в свете современной судебной реформы / О.Н. Городнова, А.А. Макарушкова // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. – Тамбов, 2020. – С.182-185
8. Ласкина Н.В. Судебные представители – лица, участвующие в деле, или лица, содействующие правосудию? / Н.В. Ласкина // Современное право. – Москва, 2010. – С.94-98

REPRESENTATION AND LEGAL STATUS OF A REPRESENTATIVE IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. The article discusses the approaches of various processologists to the definition of the concept of "representation" and the features of the legal status of a representative in civil proceedings, and also substantiates the expediency of introducing an educational qualification for representatives.

Keywords: representation, representative, qualified legal assistance, justice, legal interest.

Shpakova K.S.
Scientific adviser: Savelyeva V.V., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: shpakova.karina@inbox.ru

УДК 343.135

ПРОБЛЕМЫ НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СЛЕДОВАТЕЛЕМ НА ЭТАПЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ОБ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Юшин А.Р.
Научный руководитель: Левендаренко О.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данном исследовании приводится характеристика процессуальной деятельности следователя на этапе окончания предварительного следствия. Дана общая характеристика проблем, которые возникают в производстве процессуальных действий следователя по уголовному делу на этапе окончания предварительного расследования, представлены выделяемые основные типы совершаемых нарушений.
Ключевые слова: окончание предварительного следствия, следователь, уголовно-процессуальное законодательство, итоговый процессуальный акт, обвинительное заключение.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республике окончание предварительного следствия урегулировано нормами главы 20. В доктрине науки уголовного процесса его понятие и сущность раскрываются различным образом.

Так, по мнению П.С. Ефимичева и С.П. Ефимичева, окончание предварительного следствия представляет собой совокупность процессуальных действий (и соответствующих правоотношений), направленных на проверку полноты, всесторонности, объективности собранных по делу доказательств, на восполнение пробелов проведенного следствия, окончательное оформление следственного производства [1, с.83].

В то же время Э.Н. Алимамедов формулирует понятие этапа окончания предварительного следствия как «промежуток времени, начинающийся с момента вынесения постановления следователя об окончании предварительного следствия и до направления уголовного дела прокурором в суд с утвержденным обвинительным заключением, в ходе которого подлежат разрешению 'Технические" задачи, задачи, направленные на обеспечение прав и свобод участников уголовного процесса, а также контрольные и надзорные задачи»[2, с.4].

Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения обладает свойством системности и как совокупность процессуальных действий нуждается в периодизации.

Считаем необходимым выделить ряд этапов порядка окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения: 1) систематизацию материалов уголовного дела (включая действия технического характера по приведению их в подшитый и пронумерованный вид); 2) уведомление об окончании предварительного следствия тех участников уголовного судопроизводства, ознакомление с материалами дела которых осуществляется по их ходатайству; 3) уведомление об окончании

следствия обвиняемого, его защитника, законного представителя и ознакомление их с материалами уголовного дела; 4) составление следователем обвинительного заключения; направление уголовного дела прокурору; 5) решение прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением

В теории уголовного процесса справедливо подмечается, что процедура окончания предварительного следствия является одним из важнейших механизмов обеспечения законности предварительного следствия [3, с.148].

Следовательно, аналогичную важность приобретает и устранение возможных нарушений на данном завершающем этапе досудебного производства. Для раскрытия проблематики нарушений уголовно-процессуального законодательства следователем и путей их устранения на этапе окончания предварительного расследования следует охарактеризовать в общем виде процессуальную деятельность следователя. Необходимо выделить основные его составляющие, особенности процедуры.

Обращаясь к истории, отдельный этап окончания предварительного расследования в истории отечественного уголовного процесса принято выделять с XVII века, позднее соответствующие нормы вошли в состав Устава уголовного судопроизводства и все последующие Уголовно-процессуальные кодексы [4, с. 143].

В научной литературе более детально раскрывается процессуальная деятельность следователя на этапе окончания предварительного расследования, которую можно представить следующим образом:

1. Уведомительный – уведомление участников уголовного судопроизводства об окончании следственных действий (ч. 1 ст. 234 УПК ДНР);

2. Оценочно-технический – оценка, систематизация и оформление материалов дела (ч. 1 ст. 236 УПК ДНР);

3. Ознакомительный – ознакомление участников уголовного процесса с материалами уголовного дела (ст. 233 УПК ДНР, ст. 237-238 УПК ДНР);

4. Проверочный – разрешение ходатайств, заявленных участниками производства по уголовному делу (ст. 237 УПК ДНР);

5. Заключительный – составление итогового обвинительного документа и согласование вопроса о направлении уголовного дела прокурору (ст. 239 УПК ДНР);

6. Надзорный – утверждение обвинительного заключения прокурором и направление уголовного дела в суд либо принятие иного решения (гл. 21 УПК ДНР) [5, с. 92].

Важность ознакомительного подэтапа можно проиллюстрировать следующим историческим примером. Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. не предусматривалось обязательное ознакомление обвиняемого, а только по просьбе, которая, в свою очередь, заявлялась крайне редко, превращая норму об ознакомления, по словам В.С. Малченко, в простую и бесцельную формальность.

Обращение к уголовно-процессуальному законодательству второй половины XIX сохраняет актуальность и сегодня, ведь тогда же и впервые выделяется на данный стадии итоговый процессуальный акт, в содержании которого отмечают частичное совпадение с существующем в современном праве обвинительном заключении [6, с.71].

Первым типичным нарушением является несвоевременный переход к этапу окончания предварительного расследования. При всем многообразии точек зрения относительно начала данного этапа большая часть авторов связывает его с окончанием сбора доказательств, их достаточностью. Необходимо строгое соблюдение процессуальных сроков при окончании расследовании и переход к данному этапу лишь при объективной невозможности и нецелесообразности дальнейшего проведения следственных действий.

Многочисленные нарушения могут возникать при уведомлении участников уголовного судопроизводства об окончании следственных действий. В соответствии со

ст.ст. 234, 236 УПК ДНР, необходимо уведомление обвиняемого с разъяснением ему права на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, о чем составляется протокол [7, с.168].

Высказывается точка зрения, что в целях устранения возможных нарушений, связанных с уведомлением об окончании предварительного следствия, необходимо закрепить обязанность заблаговременно составлять соответствующий протокол, в котором фиксировать содержание прав заинтересованных и их желание (нежелание) реализовать эти права, а так же дополнительно разъяснять право изменить свою позицию в случае отказа от ознакомления с материалами дела[8, с.15].

Э.Н. Алимамедовым на основе анализа практики, выявлено типичное нарушение, что к моменту ознакомления с материалами дела они все должны быть представлены в виде общей системы сгруппированных документов, является нарушением ознакомление по мере систематизации материалов. Нарушением является и представление разного общего объема материалов разным обвиняемым, даже в случае, если разница возникла из-за ознакомления с протоколом ознакомления ранее ознакомившегося обвиняемого[9,с.241].

Считаем, что будет целесообразным более детально указать в тексте уголовно-процессуального закона требования, выдвигаемые к оформлению материала дела и порядку ознакомления с материалами дела нескольких обвиняемых.

Путем устранений приведенных нарушений должна являться не только правильная организация работы самого следователя, но и прокурорский надзор и ведомственный контроль за субъектом расследования. В то же время, целесообразным является совершенствование уголовно -процессуального законодательства, регулирующего окончание предварительного расследования.

Также необходимо отметить, что в устранении нарушений активность должны проявлять и сами заинтересованные лица, своевременно обжалуя незаконные действия (бездействия) следователя, так как нарушения чаще всего затрагивают их права и законные интересы.

В.П. Климчук, отмечая частые нарушения в связи с псевдомотивированным отказом в удовлетворении ходатайств, предлагает закрепить в УПК ДНР обязанность следователя удовлетворять ходатайство, когда оно указывает на ошибки, допущенные в ходе предварительного следствия.

Таким образом, наиболее типичной ошибкой при окончании предварительного следствия являются неверные указания данных о потерпевшем, гражданском истце (в том числе и технические ошибки в фамилии, имени, отчестве, наименовании и т. п.), как в тексте обвинения, так и в обвинительном заключении, а также отсутствие в обвинительном заключении раздела о данных потерпевшего. Также имеют место нарушения в виде неправильного указания размера причиненного вреда потерпевшему либо отсутствия указания на размер причиненного ущерба.

Для решения вышеперечисленных проблем необходимо проводить руководству постоянные семинары, на которых указывать на допущенные ошибки и давать рекомендации по совершенствованию своих навыков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефимичев С.П., Ефимичев П. С. Окончание предварительного расследования с составлением обвинительного заключения // Уголовное право. 2006. № 1. 94 с.

2. Алимамедов Э.Н. Понятие этапа окончания предварительного следствия с обвинительным заключением //Рос. следователь. 2010. № 11. 67 с.

3. Россинский С. Б.. Обвинительное заключение как правоприменительный акт, завершающий предварительное следствие по уголовному делу // Вест. Ун-та им. О.Е. Кутафина. 2018. №2. 155 с.

4. Голова С. И. Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения: понятие, сущность, историческая ретроспектива // Общество и право. 2013. № 4. 202 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 240-IНС от 24.08.2018 Электронный ресурс] URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 17.01.2021).
6. Кузовенкова Ю. А. Исторический аспект вынесения итоговых обвинительных решений в отечественном уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2017. №1. 126 с.
7. Климчук В. П. Ошибки при окончании предварительного следствия и уголовно-процессуальные способы их устранения: дис. ... канд. юрид. наук. -М., 2003. 204 с.
8. Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следст вия: учебно-практическое пособие / [А. С. Есина и др.] – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. 157 с.
9. Галкин О. В. Проблемы правовой регламентации изготовления и использования копий документов в уголовном судопроизводстве // Молодая наука – 2021 : Сборник статей VIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Москва, 24 апреля 2021 года. – М.: МФЮА, 2021. 241-247 с.

PROBLEMS OF VIOLATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION BY THE INVESTIGATOR AT THE STAGE OF MAKING A DECISION ON THE END OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION.

Annotation. This study provides a description of the procedural activity of the investigator at the end of the preliminary investigation. The general characteristics of the problems that arise in the production of procedural actions of the investigator in a criminal case at the stage of completion of the preliminary investigation are given, the main types of violations committed are highlighted.
Keywords: end of the preliminary investigation, investigator, criminal procedure legislation, final procedural act, indictment.

Yushin A.
Scientific supervisor: Levendarenko O.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: alex.yushin2017@gmail.com

УДК 340.142

ПОЗИТИВИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА ДЖОНА ОСТИНА

Якубенко Б.А.
Научный руководитель: Камарали А.В., к.ф.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация: В данной работе рассматривается позитивистская концепция судебного правотворчества Джона Остина, а также теория позитивизма в целом. Очерчены пределы применения судебного прецедента с позиции позитивизма. Охарактеризована позиция судебного правотворчества в государства в понимании Джона Остина и его концепции позитивизма. Сделан вывод о применимости судебного прецедента как источника права, в том числе в романо-германской правовой системе.
Ключевые слова: судебное правотворчество, позитивизм, Джон Остин, судебный прецедент.

Та часть права каждой страны,
которая создана судьями, гораздо лучше
сформулирована по сравнению с частью права,
представленной законодательством
Джон Остин, «Лекции о юриспруденции: философия позитивизма»

Неуклонно возрастает роль судебной власти, растет авторитет суда. Несмотря на то, что активно внедряются альтернативные способы разрешения споров, судебное решение по-прежнему заслуживает наибольшего доверия со стороны населения,

организаций, органов местного самоуправления, государственных органов и других субъектов правоотношений. Исходя из этого, актуализируется изучение судебного прецедента и становится значимым его осмысление позитивистской школой, в частности его рассмотрение в рамках позитивистской концепции судебного правотворчества Джона Остина. В разрезе данного вопроса мы также затронем общую теорию позитивизма, для выявления взаимосвязей государства и суда в модели Джона Остина, а также вопросы, связанные с определением места судебного прецедента в романо-германской правовой системе как практический результат данной работы.

Итак, в самом широком понимании юридический позитивизм – это направление философии права, которое базируется на идеях признания лишь официального права, представляющего собой систему юридических норм, имеющих свое внешнее выражение в официально признанных источниках права, в которых находит свое закрепление воля суверена. Юридический позитивизм в классическом понимании рассматривает право вне зависимости от морали и исторических традиций. Юридический позитивизм является одной из основных теорий правопонимания. Главными оппонентами представителей концепции юридического позитивизма можно назвать приверженцев доктрины естественного права. Научные исследования данных теорий правопонимания не утрачивают актуальности с течением времени.

Тысячелетиями многие специалисты как правовых, так и других гуманитарных наук, объектом изучения которых также является право, пытаются познать сущность права, выявить и проанализировать закономерности существования права. В ходе исторического процесса общество развивается и возникают новые факторы, которые в той или иной степени влияют как на правопонимание в целом, так и на правовой позитивизм, в частности. Юридический позитивизм как явление, относящееся к правопониманию, также требует постоянного исследования.

Идеи, выработанные в философии позитивизма, получили свое развитие в юриспруденции. Основателем теории юридического позитивизма считается английский правовед Джон Остин. Но стоит отметить, что основные тезисы юридического позитивизма были определены английским философом-правоведом И. Бентамом, а затем уже систематизированы в работах Дж.Остина.

В своей работе И. Бентам указывает, что важнейшим принципом права является принцип полезности. Под принципом полезности автор понимает принцип, одобряющий или не одобряющий такое деяние, которое имеет непосредственное отношение к интересу стороны рассматриваемого дела. А отношение выражено в «уменьшении или увеличении счастья» стороны, чей интерес затронут. Осуществлять управление человеком возможно, воздействуя на его мышление через эмоции. Главными «верховными властителями» являются удовольствия и страдания. В современном мире такой метод широко распространен и эффективно применяется во многих сферах общественной жизни. И. Бентам пишет, что «с точки зрения внешнего выражения право может существовать либо в форме статута (закона), либо в форме обычного права» [1, с. 237].

Согласно взглядам Дж. Остина, право – это веление суверена подчиненным. Право – это правила, закрепленные в официальном государственном документе, которые носят общеобязательный характер и выполняются под страхом применения санкции в случае неповиновения. По мнению Дж. Остина, все права человек обретает по воле суверена. А «правила», которые устанавливаются обществом, «законы чести» – все это обозначалось правоведом как «позитивная мораль», которая находится за пределами предмета юриспруденции. Кроме того, он также признавал судебный прецедент как форму права. «При незначительных поправках 1737 существенное отличие позитивного права (или отличие, которое отделяет его от права, которое не является позитивным правом) может заключаться в следующем: в способе. Каждый

позитивный закон … устанавливается суверенным индивидом или суверенной совокупностью индивидов лицу или лицам, находящимся в состоянии подчинения создателю закона» [2, с. 415].

Концепция юридического позитивизма подразумевает, что право имеет место лишь там, где есть государство, от которого оно и происходит. Право рассматривается как данная действительность в данную временную эпоху без придания значения тому, насколько отвечает позитивное право принципам справедливости и равенства субъектов права. Несмотря на единую «основу», юридический позитивизм имеет множество юридически-позитивистских трактовок, среди которых можно выделить легизм, нормативизм и социологический позитивизм.

Легистский позитивизм сопоставляет право с законом. В данном случае закон понимается как нормативно-правовой акт, в котором закрепляются правовые нормы. Государство выступает единственным творцом права, потому конфликтов между государством и правом не бывает. При этом зачастую право выступает инструментом власти для сотворения произвола. Интересы власти могут оказываться превыше интересов народа. Соблюдение норм права обеспечивается исключительно средствами принудительного воздействия» [3, с. 165].

Среди иных достоинств необходимо отметить следующие: наличие четких критериев отграничения права от других социальных регуляторов; возможность создания единой иерархической системы взаимосвязанных между собой правовых норм; возможность обеспечить единство правоприменения, единообразную интерпретацию права и единство законности; гарантированность права существованием возможности применения мер государственного принуждения; возможность обеспечения согласованности и непротиворечивости правовых норм; логически завершенный характер системы права; удобство использования и поиска необходимой правовой информации; строго определенный, формальный характер права; обеспечение действенности права наличием особого механизма правового регулирования; возможность четкого разграничения различных видов юридической деятельности: правотворчества, систематизации, реализации и применения права.

Кроме того, правовой позитивизм ввел правовое мышление в рамки эмпирических методов и приемов исследования, связанных с анализом многочисленных норм законодательства и их истолкования органами государственной власти, обладающими правотворческими либо судебными полномочиями. Поскольку юридический анализ изначально был ориентирован на формально-логическое истолкование правовой нормы, реальность права как социального феномена приобретала эмпирический и нормативный характер. Этим обусловлена интерпретация права как совокупности правовых норм, предусмотренных действующим законодательством и содержащих властные предписания, исполнение которых обеспечивается мерами государственного принуждения. Так как задачей правоведа становилось описание содержания нормативно-правовых актов, теоретическое осмысление реального процесса толкования и оценки правовых норм предполагало установление «догмы права», т. е. подлинного содержания властного предписания. Поэтому позитивистский метод анализа правовых источников под влиянием философии позитивизма и с учетом специфики положений законодательства стали именовать формально-догматическим методом. Этот метод является основным для классического правового позитивизма, и к началу XX в. он «конкурирует» с попытками применения социологических методов к анализу реальных правовых отношений и функционированию правовых институтов [4, с. 53].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что идеи юридического позитивизма позволяют государству осуществлять эффективное управление обществом, обеспечивать стабильность правовой системы. Кроме того, надо упомянуть о том, что

большая часть юридических понятий, правовых категорий, принципов права разработана именно в рамках теории юридического позитивизма, который, в свою очередь, не стоит на месте: с течением времени концепция претерпевает некоторые изменения и адаптируется под современные правовые реалии.

Нас интересуетглавная идея концепции Дж. Остина в разрезе судебного правотворчества, заключающаяся в том, что право – это дело исторических решений людей, занимающих должности, наделяющие их политической властью [5, с. 144]. В самом широком смысле эту идею можно трактовать как следующую конструкцию: судья, вынося соответствующее решение по конкретному делу, опирается либо на законы, принятые суверенном, либо на их толкование (в том числе на толкование предоставленное судьями в других решениях). Следовательно, осуществляя свою судебную функцию и создавая новую норму права, судья не вступает в противоречие с суверенном, а напротив, опосредованно выражает его волю как относительно независимый субъект властных полномочий. Дж. Остин признает существование такого источника, как судебный прецедент, поскольку решения британских судей наделяются силой источника права с некого «Taediumvitae» правителя. Данная концепция и сегодня сохраняет свое влияние в юриспруденции, в особенности в странах англосаксонской правовой системы.

Кроме того, Дж. Остин. считает судебный прецедент естественным источником права, поскольку: «Мало знаний любого человека приобретается путем собственного исследования. Главным образом они состоят из результатов, добытых исследованиями других». Следовательно, отказываясь от судебного прецедента как источника права, мы сознательно и искусственно ограничиваем пути приобретения и применения юридического знания.

В эпиграфе к данной работе мы привели цитату Остина о том, что судебное право всегда является лучше сформулированным, чем право «парламентское». В данной цитате Джон Остин исходит из тех рассуждений, что законодатель, в общей своей массе, является субъектом не обладающим должными профессиональными качествами юриста и ученого, в силу того, что для выживания на политической арене законодатель скорее есть этакий «всеядный зверь»: экономист, социолог, оратор, демагог, но, как правило, не юрист [6, с. 216]. В отличие от судей, представляющих собой квинтэссенцию применения и толкования права, чем и мотивируется их пригодность, и даже предопределенность, к созданию норм права.

При этом Остин также считал судебный прецедент крайне полезным инструментом по борьбе с пробелами в праве. Лучшим видом источников права Дж. Остин считал кодексы, а прецедент видел необходимым к применению в той части правовой системы, где кодификация невозможна, вредна или на данный момент еще не осуществлена по естественным (экономическим и политическим) причинам. Справедливо отметить, что в то время как в правовых системах континентального права судебная практика восполняет пробелы в законодательстве, то в английском праве, скорее, наоборот, – законодательство восполняет пробелы прецедентного права [7, с. 14].

Английская доктрина прецедента составляет золотую середину между чрезмерной гибкостью и чрезмерной жестокостью, дабы сохранить устойчивую совокупность принципов, а гибкость – дабы приспособиться к нуждам общества. В самом деле, прецедентное право в состоянии компенсировать естественное отставание норм права от динамики общественных отношений, могут устранять противоречия между относительным «консерватизмом» права и изменчивостью общественной жизни. Это связано с тем, что правоприменители непосредственно сталкиваются с правовой действительностью в обществе, и соответственно, как никто лучше чувствуют все недостатки правовой системы. Имеющиеся пробелы и коллизии в праве посредством правового прецедента быстрее и мобильнее устраняются, нежели законодателем.

В случае отсутствия закона прецедент используется как инструмент для преодоления пробелов в праве. Учитывая, что право всегда хоть минимально, но отстает от общества и его развития, прецедент является эффективным способом совершенствования действующего законодательства. В случае же существования соответствующего закона, прецедент берет на себя функции толкования права, расширяя или сужая нормы права. Более того, прецеденты устанавливаются не всеми судами, а только высшими судебными инстанциями. Это способствует уменьшению злоупотреблений, рационализации применения прецедента и объективной оценке необходимости его правового возникновения.

Судебный прецедент в классической теории государства и права не является характерной особенностью романо-германской правовой системы, однако мы можем обнаружить в ней определенные элементы прецедента, которые, в свою очередь, выполняют функцию заполнения пробелов в праве и защиты прав и свобод граждан. Иными словами – судебный прецедент в романо-германской правовой системе существует там, где закон не может обеспечить всю полноту правового регулирования. Кроме того, в силу того, что Верховный Суд выступает судом высшей инстанции, нижестоящие суды должны учитывать руководящие постановления пленумов Верховного Суда, так как в случае обжалования решения в Верховный Суд, он будет руководствоваться постановлениями своих же пленумов, в том числе для единообразия правоприменения и судебной практики, что служит дополнительной гарантией защиты прав и свобод граждан. Это особенно актуально для судебной системы ДНР, в которой апелляционной инстанцией выступает Апелляционная палата при Верховном Суде ДНР. Разумеется, что Апелляционная палата, как структурный элемент Верховного Суда ДНР, будет руководствоваться постановлениями пленума ВС ДНР, в том числе потому, что судьи, осуществляющие правосудии в апелляционном производстве, являются теми же судьями, что входят в пленум ВС ДНР и составляют обзоры и обобщения судебной практики, а равно толкования законодательных норм. Это также имеет значение для судей первой инстанции, которые вынуждены прислушиваться к постановлениям пленума ВС ДНР, если хотят, чтобы их решение не было отменено в апелляции или кассации.

Таким образом, несмотря на однозначный подход научной концепции к праву как исключительно позитивному своду норм, исходящему от суверена, вне всякой связи с моральными и нравственными установками, Джон Остин признавал существование судейского права, за которым сохранялась вспомогательная роль. Оно дополняло не всегда идеальный закон, устраняло пробелы в праве, способствовало формированию единообразной практики применения законодательных норм. Выбор законодателем законотворческого стиля с абстрактными нормами подчеркнул неизбежность существования судебной практики. Юридический позитивизм не игнорировал значение судебного прецедента как источника права, хотя приоритет и был отдан закону, посредством которого устанавливались общие правила, признанные удовлетворять одновременно как общественные, так и частные интересы. Научной концепцией позитивизма устанавливалось, что закон есть воля суверена, а суд – глас закона и его основной субъект толкования. Дилемма была разрешена при помощи системы делегирования, т. е. судья, вынося соответствующее решение по конкретному делу, опирается либо на законы, принятые суверенном, либо на их толкование (в том числе на толкование предоставленное судьями в других решениях). Следовательно, осуществляя свою судебную функцию и создавая новую норму права, судья не вступает в противоречие с суверенном, а напротив, опосредованно выражает его волю как относительно независимый субъект властных полномочий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. –М: Росспэн., 1998. –416 с.

2. Остин Дж. Определение области юриспруденции // Антология мировой правовой мысли. –М., 1999. – Т. 3.– 516 с.
3. Дробышевский С. А. История политических учений / под ред. О. В. Мартышина. –М., 2002. –299 с.
4. Колосов И.В. Юридический позитивизм Джона Остина и утилитаризм Иеремия Бентама: диалектика соотношения // Вопросы российского и международного права, 2017. –Том 7. –№ 3А. –С. 51-59.
5. Конт О. Дух позитивной философии // Пер. с франц. ШапироИ.А.–Ростов-на-Дону.–Феникс, 2003. – 256 с.
6. Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. –Vol. 1. 5. Ed. rev. –London: Murray, 1885. –507 p.
7. Тарасов Н.Н. Юридический позитивизм и позитивистская юриспруденция (Апология догмы права) // Российский юридический журнал. –2016. –№ 6. –С. 9-18.

JOHN AUSTIN'S POSITIVIST CONCEPT OF JUDICIAL LAWMAKING

Annotation: This paper examines the positivist concept of judicial lawmaking by John Austin, as well as the theory of positivism in general. The limits of the application of judicial precedent from the positivist perspective are outlined. The position of judicial lawmaking in the state in the understanding of John Austin and his concept of positivism is characterized. The conclusion is made about the applicability of judicial precedent as a source of law, including in the Romano-Germanic legal system.
Keywords: judicial lawmaking, positivism, John Austin, judicial precedent.

Yakubenko B.
Scientific supervisor: Kamarali A.V. Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
Email: borya.yakubenko@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «ДОННУ» 2022. – Вып. 14

Том 2 Юриспруденция Часть 2

Оригинал-макет подготовлен *А. К. Ярошенко*

Подписано в печать 31.03.2022 г.
Формат 60×84/8. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 28,53

Издательство ГОУ ВПО «ДОННУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.